№ 3 / 2024

ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ
(РПА МИНЮСТА РОССИИ)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

К.А. Чуйченко, Министр юстиции Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент, проректор по науке и инновациям Международного университета Кыргызской Республики (Киргизия);

Д.С. Жуйков, заместитель Министра юстиции Российской Федерации (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сыюань, кандидат филологических наук, доцент, начальник секретариата Центра обмена и сотрудничества при Комиссии по юридическим услугам для ШОС (Шанхайского политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор, первый заместитель директора, курирующий научно-методическую и образовательную деятельность Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

В.В. Ярков, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Б.В. Яцеленко, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Председатель редакционной коллегии: доктор юридических наук, профессор, председатель Следственного комитета РФ, генерал юстиции РФ, Заслуженный юрист РФ
А.И. Бастрыкин (г. Москва)

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой административного, финансового и информационного права ВГУЮ (РПА Минюста России) **З.М. Казачкова** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);
М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (г. Москва);
А.С. Автономов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
В.Н. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);
Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);
А.Я. Кодинцев, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);
Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);
А.Н. Лёвушкин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
В.Ю. Панченко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саранск);
А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);
З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);
Е.В. Фоменко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук (г. Москва)

№ 3 / 2024

HERALD
OF THE RUSSIAN LAW ACADEMY

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL
OF THE ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY
OF JUSTICE (RLA OF THE MINISTRY
OF JUSTICE OF RUSSIA)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

K.A. Chuichenko, Minister of Justice of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology, Vice-Rector for Science and Innovations of International University of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Head of the Secretariat of the Center for Exchange and Cooperation under the Commission on Legal Services for the SCO (Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, First Deputy Director in Charge of Scientific, Methodological and Educational Activities of the Russian Federal Center for Forensic Science Under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (Moscow);

V.V. Yarkov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure of V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

D.S. Zhuikov, Deputy Minister of Justice of the Russian Federation (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board: Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation **A.I. Bastrykin** (Moscow)

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative, Financial and Information Law of All-Russian State University of Justice **Z.M. Kazachkova** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);
M.B. Averin, PhD in Law, PhD in History (Moscow);
A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);
V.N. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);
N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);
E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);
S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);
K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);
E.V. Fomenko, Doctor of Law (Moscow);
O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);
A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg);
E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);
V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);
A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);
S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);
B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);
V.Yu. Panchenko, Doctor of Law (Moscow);
N.A. Podolny, Doctor of Law (Saransk);
A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);
B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor (Moscow);
A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);
Z.B. Soktoev, Doctor of Law, Professor (Moscow);
Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);
E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);
N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);
I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2024

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», 5.1.4 «Уголовно-правовые», 5.1.5 «Международно-правовые науки».

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

Касевич Е. В.

Семья как субъект налоговых правоотношений 11

Потапова Л. А.

Социокультурная экспертиза современных игровых практик (по итогам реализации проекта «ПатриотКрафт») 18

Решетняк С. Р.

Формирование новой модели российской государственности путем включения традиционных ценностей российского общества в политическую сферу и правовую систему России 29

Черкасов К. В.

К вопросу о совершенствовании федерального законодательства в контексте сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей 43

Чумакова О. В.

Декриминализация побоев в контексте семейно-бытового насилия: правильное решение или ошибка? 52

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Красиков В. И.

Мировоззренческие и функциональные дифференциации в молодежных онлайн-сообществах с радикальной политической риторикой в социальной сети «ВКонтакте» 59

Паршина Н. В.

Дореформенное военное судоустройство и судопроизводство на Кубани в XIX в. (на примере обвинительного приговора полевого аудиториата Кавказской армии в отношении урядника Л. Шатеева) 82

Родин А. В.

Правовые вопросы территориального планирования объектов обороны и безопасности внутренних войск в 1980–2000 гг. 93

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Свириденко О. М.

Контроль иностранных агентов – новый институт российского права 106

Лютаревич-Гефтер Ю. А.

Проблемы привлечения в Российскую Федерацию высококвалифицированных иностранных специалистов 120

Мохов А. А.

«Мировой порядок» и задачи юридической науки 129

Сагандыков М. С.

Реализация конституционного принципа свободы труда в деятельности преподавателей вузов: проблемы и перспективы 141

Слепухин Ю. А.

Оценка соизмеримости наказания и дифференциации санкций к субъекту административного правонарушения правил дорожного движения 155

Филатова А. О., Сапельченко Н. Е.

Общие обязанности организаций по обеспечению безопасности сотрудников от воздействия опасных биологических факторов 166

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Гурьева С. Р.

Некоторые вопросы заключения государственного (муниципального) контракта путем закупки у единственного поставщика 179

Летова Н. В.

Медиация как способ урегулирования семейных споров 189

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Баранов В. В., Пашин В. М.

Кибертерроризм как угроза информационно-психологической безопасности личности, общества и государства 200

Шишкин С. С.

Юридическое лицо как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве 213

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Свирин Ю. А.

Третейское разбирательство в Российской Федерации: современные реалии и перспективы развития 223

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Адамян К. М.

Правовые проблемы охраноспособности объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта 232

Муталипов Р. Б.

Концепция развития города: теоретико-правовые вопросы и проблемы реализации 246

Тарасов И. А.

Развитие института антимонопольного комплаенса хозяйствующих субъектов в связи с исполнением предписаний антимонопольного органа о необходимости проведения мероприятий по предупреждению и устранению нарушений антимонопольного законодательства 256

Шахназарян Э. Ф.

Разумность применительно к сроку для добровольного исполнения в рамках исполнительного производства 264

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Аверин А. В., Денисенко В. В., Зырянов А. В., Краснов А. В., Логинов А. В., Прокопович Г. А., Романовский Г. Б., Самородов В. Ю., Скоробогатов А. В., Трофимов В. В., Худойкина Т. В.

Всероссийский научно-практический круглый стол «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы»: обзор пленарного заседания (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 18 января 2024 г.). Часть 1 272

Альбов А. П., Макарчук И. Ю., Панченко В. Ю.

Менахем Элон «Еврейское право» (обзор исследования по истории еврейского права) 290

CONTENT

TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Ekaterina V. Kasevich
The Family as a Subject of Tax Relations 11

Lyudmila A. Potapova
Socio-Cultural Expertise of Modern Gaming Practices
(Based on the Results of the PatriotCraft Project) 19

Sergey R. Reshetnyak
Formation of a New Model of Russian Statehood by Incorporating
the Traditional Values of Russian Society into the Political Sphere
and the Legal System of Russia 30

Konstantin V. Cherkasov
On Improving Federal Legislation in the Context of Preserving
and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values 44

Olga V. Chumakova
Decriminalization of Beatings in the Context of Domestic Violence:
The Right Decision or a Mistake? 53

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Vladimir I. Krasikov
World-View and Functional Differentiation in Youth Online Communities
with Radical Political Rhetoric on the Social Network *Vkontakte* 60

Natalya V. Parshina
Pre-Reform Military Judicial System and Judicial Proceedings in the Kuban
in the 19th Century (on the Example of the Guilty Verdict of the Field Audience
of the Caucasian Army Against the Sergeant L. Shateev) 83

Andrey V. Rodin
Legal Issues of Territorial Planning of Defense and Security Facilities
of the Internal Troops in 1980–2000 94

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Oleg M. Sviridenko
Control of Foreign Agents – New Institute of Russian Law 107

Yulia A. Lyutarevich-Gefter
Problems of Attracting Highly Qualified Foreign Specialists to the Russian Federation 121

Alexander A. Mokhov
The "World Order" and the Tasks of Legal Science 130

Mikhail S. Sagandykov
Implementation of the Constitutional Principle of Freedom of Labor in the Activities of University Teachers: Problems and Prospects 142

Yuri A. Slepukhin
Assessment of the Commensurability of Punishment and Differentiation of Sanctions Against the Subject of an Administrative Offense of Traffic Rules 156

Anastasia O. Filatova, Natalia E. Sapelchenko
General Responsibilities of Organizations to Ensure the Safety of Employees from Exposure Hazardous Biological Factors 167

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Sofya R. Gurieva
Some Issues of Concluding a State (Municipal) Contract by Purchasing from a Single Supplier 180

Natalia V. Letova
Mediation as a Way to Resolving Family Disputes 190

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Vladimir V. Baranov, Vadim M. Pashin
Cyberterrorism as a Threat to the Information and Psychological Security of the Individual, Society and the State 201

Sergey S. Shishkin
A Legal Entity as a Subject of Evidence in Criminal Proceedings 214

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Yury A. Svirin
Arbitration Proceedings in the Russian Federation: Current Realities and Development Prospects 224

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Karina M. Adamyan
Legal Problems of Protectability of Objects Generated with the Use of Artificial Intelligence Technologies 233

Rakhmon B. Mutalipov
City Development Concept: Theoretical and Legal Issues and Implementation Problems 247

Ivan A. Tarasov
Development of the Institute of Antimonopoly Compliance of Economic Entities in Connection with the Execution of the Antimonopoly Authority's Instructions on the Need to Take Measures to Prevent and Eliminate Violations of Antimonopoly Legislation 257

Eduard A. Shahnazaryan
Reasonableness in Relation to the Time Limit for Voluntary Execution in the Framework of Enforcement Proceedings 265

REVIEWS, PERSONALITIES

Alexander V. Averin, Vladislav V. Denisenko, Alexey V. Zyryanov, Alexander V. Krasnov, Alexander V. Loginov, Galina A. Prokopovich, Georgy B. Romanovsky, Vladimir Yu. Samorodov, Andrey V. Skorobogatov, Vasily V. Trofimov, Tatyana V. Khudoikina
All-Russian Scientific and Practical Round Table "Legal Conflictology: Problems and Prospects": Review of the Plenary Session (All-Russian State University of Justice, 18 January 2024). Part 1 274

Alexey P. Albov, Ivan Yu. Makarchuk, Vladislav Yu. Panchenko
Menachem Elon "Jewish Law" (Review of Research on the History of Jewish Law) 291

Научная статья
УДК 347.6; 336.22
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-11-17

СЕМЬЯ КАК СУБЪЕКТ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Екатерина Викторовна Касевич

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

ket19732007@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы налогообложения, связанные с необходимостью придания семье статуса самостоятельного налогоплательщика. Выделяются особенности реализации семейного статуса в подоходном и поимущественном налогообложении в российской налоговой системе.

Ключевые слова: семья; семейное налогообложение; налоговые льготы; консолидированная группа налогоплательщиков.

Для цитирования: *Касевич Е. В.* Семья как субъект налоговых правоотношений // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 11–17. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-11-17

Research Article

THE FAMILY AS A SUBJECT OF TAX RELATIONS

Ekaterina V. Kasevich

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

ket19732007@yandex.ru

Abstract

The article discusses problematic issues of taxation related to the need to give the family the status of an independent taxpayer. The peculiarities of the implementation of family status in income and property taxation in the Russian tax system are highlighted.

Keywords: family; family taxation; tax benefits; consolidated group of taxpayers.

For citation: *Kasevich E. V.* The Family as a Subject of Tax Relations. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 11–17. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-11-17

Введение

В последние годы вопросы усиления роли семьи не только на бытовом, но и в целом социальном уровне играют существенную роль и отражаются в законодательстве и теоретических концепциях. Семья безусловно оказывает прямое и активное воздействие на формирование культуры и мировоззрения человека, его адаптацию в социуме, уровень восприятия традиционных ценностей. Хочется обратить внимание на важность семьи и для налоговой политики, необходимость расширения спектра включенности семьи в налоговые правоотношения.

Вопросы семейного налогообложения, учитывая многолетнюю практику зарубежных стран, не являются новыми для научных исследований. Однако в НК РФ до сих пор отсутствуют нормы, на основании которых семья могла бы быть признана консолидированным налогоплательщиком. Понятие консолидированной группы налогоплательщиков распространяется только на организации при уплате налога на прибыль организаций. Вместе с тем «семейное» налогообложение как раз должно способствовать балансу экономической эффективности и социальной справедливости при налогообложении доходов и имущества физических лиц.

1. Правовое понимание термина «семья»

Базовое определение понятия «семья» в праве отсутствует, где также не раскрываются в полной мере структура, признаки, функции семьи [1]. В международных источниках, например во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. в ст. 16, провозглашается, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» [2]. В ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах также указывается на необходимость предоставления семье широкой охраны и помощи, и выделяются признаки семьи [3]. Юридическое закрепление свойств семьи и примерно их аналогичное содержание имеют место в ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах [4].

Российское законодательство, несмотря на повышенный интерес к семейным ценностям, не содержит понятия семьи ни в Конституции РФ (несмотря на внесенные в нее поправки), ни в Семейном кодексе РФ. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года также дает только понятие брака [5].

В Российской Федерации единственным правовым актом, в котором дано определение семьи, является Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». В ст. 1 указанного Закона она определяется как лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство. С юридической точки зрения это определение несостоятельно, поскольку факт совместного проживания не является юридическим основанием сохранения семьи. И наоборот, фактически супруги могут не проживать вместе, но юридически их права и обязанности сохраняются.

В судебной практике семья понимается как круг лиц, которые связаны личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из заключения брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание (постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 мая 2021 г. № Ф07-3988/21 по делу № А56-43527/2019, Третьего арбитражного апелляционного суда от 21 июля 2017 г. № 03АП-3277/17 и др.) По нашему мнению, такое понимание семьи с правовой точки зрения более обосновано. Однако для целей налогообложения понятие «семья» может иметь особенности, связанные с необходимостью введения «семьи» в орбиту регулирования видов налогоплательщиков с особым статусом.

2. Семейный статус физического лица в налоговом законодательстве РФ

В теоретико-правовых исследованиях вопрос о правосубъектности семьи является дискуссионным [6]. Большинство авторов приходят к выводу, что семья не обладает ни правоспособностью, ни дееспособностью, являясь правовой фикцией, но члены семьи, обладая семейно-правовым статусом, могут рассчитывать на господдержку, налоговые льготы и др. [7].

Например, статус многодетной семьи устанавливается бессрочно, ей признается семья, имеющая трех и более детей. Указом Президента РФ от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» определено, что предоставление многодетным семьям мер социальной поддержки осуществляется до достижения старшим ребенком возраста 18 лет или возраста 23 лет при условии его обучения в организации, осуществляющей образовательную деятельность, по очной форме обучения. Интересно, что статус многодетной семьи присваивается именно семье, но субъективные права реализовывает мать или отец.

В Налоговом кодексе РФ (НК РФ) учитывается семейный статус физических лиц, но именно физические лица – налогоплательщики выступают субъектом налоговых правоотношений, а не семья в целом. Рассмотрим положения НК РФ, которые затрагивают семейный статус физических лиц. В большей части, это статус именно многодетной семьи.

Многодетные семьи имеют право на налоговый вычет:

– по земельному налогу в размере величины кадастровой стоимости 6 соток в отношении одного земельного участка по выбору налогоплательщика;

– по налогу на имущество физических лиц в отношении жилых объектов в размере кадастровой стоимости 5 кв. м общей площади квартиры и 7 кв. м общей площади жилого дома в расчете на каждого несовершеннолетнего ребенка. Налого-

вый вычет предоставляется в отношении одного объекта каждого вида (квартира, часть квартиры, комната, жилой дом, часть жилого дома). Местные органы власти (органы власти городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, представительный орган федеральной территории «Сириус») наделены полномочиями по увеличению размеров данных налоговых вычетов. Данные нормы действуют с 1 января 2018 г.

В письме ФНС России от 8 августа 2022 г. № БС-4-11/10309@ [9] отмечается, что у ФНС России нет на сегодняшний день предложений по формированию дополнительных мер, направленных на повышение рождаемости и поддержку семей с детьми. Вместе с тем налоговый орган отмечает, что в НК РФ уже действуют определенные преференции и льготы для отдельных категорий налогоплательщиков. Например, по НДФЛ социальный налоговый вычет предоставляется налогоплательщику в отношении расходов, направленных им: на свое обучение (по любой форме обучения), обучение по очной форме своих детей, подопечных (в том числе бывших), брата (сестры); на прохождение независимой оценки своей квалификации; на оплату медицинских услуг, оказанных самому налогоплательщику, его детям (в том числе усыновленным), подопечным (в том числе бывшим). То есть мы можем проследить отдельные элементы семейного статуса при предоставлении налогоплательщику социального налогового вычета.

Налоговым законодательством кроме налоговых вычетов предусматривается освобождение от налогообложения НДФЛ по отдельным видам доходов. Для семей с двумя и более детьми установлены льготы по НДФЛ при продаже жилья. С 2021 г. доходы, полученные такими семьями от продажи жилья, а с 2023 г. также земельных участков под ними и хозпостроек, расположенных на этих участках, освобождаются от налогообложения независимо от срока нахождения такого имущества в собственности налогоплательщика (п. 2 ст. 217 НК РФ). Льгота предоставляется при соблюдении определенных условий: 1) если детям налогоплательщика не исполнилось 18 лет (или 24 года, если они обучаются очно); 2) кадастровая стоимость проданного жилья не должна превышать 50 млн руб., а общая площадь приобретенного жилого помещения должна быть больше по площади (или по кадастровой стоимости) проданного; 3) у налогоплательщика и его членов семьи на дату отчуждения проданного жилья не должно быть в совокупности более 50% в праве собственности на иное жилое помещение с общей площадью, превышающей общую площадь купленного взамен старого жилого помещения; 4) в 2021 г. либо до 30 апреля 2022 г. налогоплательщик или члены его семьи должны купить в собственность другое жилье. При приобретении жилья по договору долевого строительства должна быть оплачена полная стоимость приобретаемого жилого помещения.

В части налоговых льгот для многодетных семей по транспортному налогу на федеральном уровне такие налоговые льготы не предусмотрены. Законами субъектов РФ для многодетных семей могут быть установлены и налоговые льготы по транспортному налогу. Так, законодательством г. Москвы закреплено освобождение от уплаты транспортного налога одного из родителей (усыновителей) в многодетной семье – за одно зарегистрированное на них транспортное средство.

3. Семья как налогоплательщик: возможные пути решения проблемы

Из анализа положений НК РФ можно четко вывести две проблемы. Первая связана с семейным налогообложением имущественными налогами, вторая – с семейным налогообложением по НДФЛ. И вот здесь как раз можно увидеть существенную разницу в подходах законодателя. Так, при имущественном налогообложении, что, в частности, отмечают А. А. Копина и Е. В. Рябова, как это ни парадоксально, превалирует именно «коллективный» подход, и авторы указывают, что было бы правильно предоставить налогоплательщику вариативную модель, т.е. можно вводить индивидуальную (раздельную) модель налогообложения имущества супругов [8, с. 503]. Позволим себе не оценивать данные предложения, поскольку мы как раз должны разобраться со второй проблемой, т.е. приданием семье статуса налогоплательщика по подоходному налогообложению.

Вопрос семейного налогообложения налогом на доходы физических лиц достаточно успешно разработан в налоговом законодательстве отдельных зарубежных стран (Франция, США, Германия) и применяется на практике ни одно десятилетие. Так, например, во Франции устанавливается семейный коэффициент исходя из статуса: холостяк, семья с взрослыми детьми, семья с маленькими детьми (зависит от количества детей), один родитель с детьми (зависит от количества детей). Обложению подлежит фискальная единица. Подоходный налог рассчитывается исходя и совокупного дохода (ставка прогрессивная) с учетом семейного коэффициента. Соответственно, если семейная пара не имеет детей, она платит подоходный налог в большем размере, чем семья, имеющая детей при одинаковом уровне совокупного дохода.

Конечно, налоговые системы везде разные, и некоторые отмечают, что нормы, работающие в вопросах налогообложения в зарубежных странах, возможно, не будут так эффективны в РФ, поскольку у нас, например, отсутствует контроль налоговых органов за доходами физических лиц, и соответственно скрыть получаемый доход от налогообложения намного легче. Тем самым эффективность семейного налогообложения они ставят под сомнение.

Вместе с тем, как представляется, важно разработать правильный механизм налогообложения семьи, учесть возможные проблемы, предоставить выбор налогоплательщикам, хотя бы в виде эксперимента. Возможный вариант, который применим по НДФЛ – это признание семьи как консолидированной группы налогоплательщиков. Консолидированная группа регулируется НК РФ в отношении организаций при уплате налога на прибыль организаций (гл. 3.1 НК РФ), но по другим налогам и применительно к физическим лицам создание консолидированного налогоплательщика НК РФ не предусмотрено. Разработка новых понятий довольно сложный вопрос, тем более учитывая необходимость экономического обоснования большинства изменений, вносимых в материальные налоговые нормы. Представляется, что необходимо помнить и о социальной функции налога, который должен быть не только фискальным платежом, но и стимулирующим, обеспечивающим возможность предоставления налогоплательщику определенного перечня общественных благ.

В понятие семьи как консолидированной группы налогоплательщиков следует включать родителей и детей до 18 лет, не имеющих собственного дохода до 21 года, обучающихся на очной форме обучения до 25 лет. Статус фискальной единицы мож-

но получить в заявительном порядке, подать заявление в налоговый орган о признании семьи консолидированной группой через личный кабинет налогоплательщика, непосредственно в налоговый орган, по телекоммуникационным каналам связи и др. Физические лица, находящиеся в незарегистрированном браке, но желающие платить НДФЛ совместно, могут подавать в налоговый орган договор о создании консолидированной группы (по месту регистрации ответственного участника). Платить налог на доходы за семью будет ответственный участник консолидированной группы (указывается в заявлении или договоре). Декларироваться семейный доход будет путем подачи налоговой декларации по окончании налогового периода. Возможно применение пониженных ставок для налогообложения совокупного дохода семьи, либо применение семейных коэффициентов. Варианты в данном случае, учитывая уже имеющийся опыт отдельных зарубежных стран, есть.

Заключение

Таким образом, считаем необходимым на современном этапе развития налоговой системы РФ ввести в НК РФ понятие семьи для целей налогообложения. Дополнить норму п. 1 ст. 207 НК РФ введением семьи как консолидированной группы налогоплательщиков по НДФЛ. Ввести п. 1.1 ст. 207 НК РФ следующего содержания: «Физические лица, являющиеся ответственными участниками консолидированной группы налогоплательщиков – семьи, признаются налогоплательщиками в отношении налога на доходы по этой консолидированной группе налогоплательщиков». Уточнить порядок исчисления налоговой базы по НДФЛ, включив в абз. 2 п. 1 ст. 210 НК РФ правило: «При определении налоговой базы консолидированной группы налогоплательщиков – семьи учитывается совокупный налогооблагаемый доход семьи».

Пристатейный библиографический список

1. *Конева Е. М., Конев Ф. Ф., Шишенина И. В.* Определение понятия «семья» в международном и национальном праве // Современные научные исследования и инновации. 2021. № 4.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // СПС «Гарант».

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // СПС «Гарант».

4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // СПС «Гарант».

5. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

6. *Романовская О. В.* О правосубъектности семьи // Гражданин и право. 2015. № 1.

7. *Королев Ю. А.* Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10.

8. *Копина А. А., Рябова Е. В.* Имущество супругов как объект налогообложения: российские реалии и зарубежные практики // Финансовое право. 2022. № 6.

9. Письмо Федеральной налоговой службы от 8 августа 2022 г. № БС-4-11/10309@ «О направлении информации» // Бюллетень «Официальные документы в образовании». 2022. № 25.

References

1. *Koneva E. M., Konev F. F., Shishenina I. V.* Definition of the Concept of "Family" in International and National Law. *Modern Scientific Research and Innovations*, 2021, no. 4. (In Russ.)

2. Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) of 10 December 1948) (SPS "Garant"). (In Russ.)

3. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (New York, 19 December 1966) (SPS "Garant"). (In Russ.)

4. International Covenant on Civil and Political Rights (New York, 16 December 1966) (SPS "Garant"). (In Russ.)

5. Decree of the Government of the Russian Federation of 25 August 2014 no. 1618-r "On approval of the Concept of State family policy in the Russian Federation for the period up to 2025". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 35, art. 4811. (In Russ.)

6. *Romanovskaia O. V.* On the Legal Personality of the Family. *Citizen and Law*, 2015, no. 1. (In Russ.)

7. *Korolev Iu. A.* Family as a Subject of Law. *Journal of Russian Law*, 2000, no. 10. (In Russ.)

8. *Kopina A. A., Riabova E. V.* Marital Property as an Object of Taxation: Russian Realities and Foreign Practices. *Financial Law*, 2022, no. 6. (In Russ.)

9. Letter of the Federal Tax Service of 8 August 2022 № BS-4-11/10309@ "On Sending Information". *Bulletin "Official Documents in Education"*, 2022, no. 25. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Е. В. Касевич – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author:
E. V. Kasevich – PhD in History, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.07.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 08.07.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 378
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-18-28

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА СОВРЕМЕННЫХ ИГРОВЫХ ПРАКТИК (ПО ИТОГАМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ПАТРИОТКРАФТ»)*

Людмила Александровна Потапова

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

lap-law@ya.ru

Аннотация

Проблема, определяющая научную актуальность настоящего исследования, состоит в оценке воздействия игры на формирование модели поведения молодого человека в контексте отсутствия мониторинга и контроля контента в видеоиграх на соответствие безопасности духовно-нравственному состоянию и сохранению традиционных российских ценностей. Целью работы является определение параметров диагностики игры при проведении специально-культурного исследования для диагностики проблемы и обоснованной оценки ее влияния на формирование и сохранение духовно-нравственных традиций российского общества. Для составления перечня идентификационных параметров была применена смешанная методика (*MMR*). Сочетание проблемно-тематического и сравнительно-правового анализа и синтеза, а также контекстуальности и прогнозирования, позволили установить необходимость обязательности проверки игрового контента на соответствие действующему законодательству в области традиционных духовно-нравственных ценностей. Новизна исследования состоит в эмпирическом и теоретическом анализе виртуального игрового контента. По результатам проведенного исследования определены специфические критерии оценивания игрового контента и рекомендованы изменения в правовые акты по исключению случаев

* Исследование выполнено по проекту № Р13-23-1-000015 Фонда президентских грантов (https://мордовия.гранты.рф/public/application/item?id=668fad1d-e89c-4fd3-ad5e-7a5c0c45e4c5).

попадания на российский рынок деструктивных игровых практик. Сделанные в материалах статьи предложения, могут найти развитие, как в научных, так и прикладных исследованиях, направленных на предупреждение деструктивного разрушения духовно-нравственного потенциала в молодежи.

Ключевые слова: игровой контент; духовно-нравственное развитие; патриотизм; семейные ценности; социокультурная экспертиза; деструктивные факторы.

Для цитирования: *Потапова Л. А.* Социокультурная экспертиза современных игровых практик (по итогам реализации проекта «ПатриотКрафт») // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 18–28. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-18-28

Research Article

SOCIO-CULTURAL EXPERTISE OF MODERN GAMING PRACTICES (BASED ON THE RESULTS OF THE PATRIOTCRAFT PROJECT)*

Lyudmila A. Potapova

Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia

Abstract

The problem that determines the scientific relevance of this study is to assess the impact of the game on the formation of a young person's behavior model in the context of the lack of monitoring and control of content in video games for safety compliance with the spiritual and moral state and preservation of traditional Russian values. The purpose of the work is to determine the parameters of game identification when conducting a special cultural study to diagnose the problem and make a reasonable assessment of its impact on the formation and preservation of spiritual and moral traditions of Russian society. A mixed methodology (MMR) was used to compile a list of identification parameters. The combination of problem-thematic and comparative-legal analysis and synthesis, as well as contextuality and forecasting, allowed us to establish the necessity of mandatory checking of game content for compliance with the current legislation in the field of traditional spiritual and moral values. The novelty of

* The study was carried out according to project No. P13-23-1-000015 of the Presidential Grants Fund (https://мордовия.гранты.рф/public/application/item?id=668fad1d-e89c-4fd3-ad5e-7a5c0c45e4c5).

the research consists in the empirical and theoretical analysis of virtual game content. Based on the results of the study, specific criteria for evaluating game content are defined and changes in legal acts are recommended to exclude cases of destructive game practices entering the Russian market. The proposals made in the materials of the article can find development both in scientific and applied research aimed at preventing the destructive destruction of spiritual and moral potential in young people.

Keywords: game content; spiritual and moral development; patriotism; family values; socio-cultural expertise; destructive factors.

For citation: *Potapova L. A.* Socio-Cultural Expertise of Modern Gaming Practices (Based on the Results of the PatriotCraft Project). *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 18–28. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-18-28

Введение

Ежегодный указ Президента России об определении ключевой темы года, как правило, поднимает самые важные вопросы в развитии общества, так же и случилось в 2024 г., который был объявлен Годом семьи. Значимость идеи защита семьи в контексте сохранение традиционных ценностей заставляет обратить внимание на самые эффективные способы формирования модели поведения подрастающего поколения, среди которых лидирующее положение занимает – игра. Являясь достаточно популярным способом осваивания социальной роли и формирования поведенческой модели личности в любом возрасте, игра закладывает базовые характеристики личности. В. В. Путин назвал целью видеоигр помощь в развитии и воспитании человека в рамках общечеловеческих ценностей и патриотизма.

Исследования *GMNG*, проведенные в 2023 г., показали, что большинство молодых россиян (80%), увлекающихся компьютерными играми, считают, что навыки, полученные в играх, помогают в реальной жизни. Например, благодаря гейминг-у они приобрели навыки быстрого принятия решений (74%), развили логическое мышление (56%) и улучшили память (54%). Кроме того, с помощью ПК-игр пользователи смогли лучше изучить английский (45%), узнать про другие культуры (16%), а также развили навык критического мышления (42%) [1]. В современных условиях интернет-игра как самая популярная культурно-досуговая деятельность молодежи, стала еще и частью образовательного процесса, наполняя его не только техническими характеристиками телекоммуникационных возможностей, но и содержательными элементами, а также закономерностями усвоения знаний, умений, навыков и формирования убеждений. Целые компании занимаются разработкой и изданием видеоигр, среди них *VK*, *Owlcat Games*, *Mundfish*; встречается информация даже о выделении их в отдельную индустрию. При этом повсеместно отмечается позитивное образовательное воздействие сетевых многопользовательских онлайн-игр, их дидактические возможности в процессе образования человека. Другие исследования показывают, что игровая индустрия имеет и другие характеристики, связанные с участившимися случаями навязывания западными разработчиками игровых

сценариев с экстремистским и террористическим подтекстом, фальсификацией исторических событий и роли в них России, искажением в игровых сценариях норм международного права вооруженных конфликтов, фактами деструктивного психологического замещения и идентификации себя с игровыми героями среди молодежи. В игровой форме достаточно легко попираются ценности семьи, как, собственно, и другие духовно-нравственные ценности, с трансляцией в массы различные формы деструктивности. Например, оригинальная версия игры *The Sims* открыто противоречит традиционным российским духовно-нравственным ценностям, так как активно пропагандирует ЛГБТ. В конце 2023 г. заместитель председателя думского комитета по просвещению Я. Лантратова обнародовала список видеоигр, где главными игровыми героями выступают «геи», «лесбиянки», «трансгендеры», «бисексуалы». Например, в этот список попали игры: *Assassin's Creed*, *The Last of Us*, *Fallout*, а также *The Sims 3*. Представлен также список зарубежных игровых ресурсов, где в игровой форме пропагандируется насилие, порнография, мат, экстремистская и террористическая деятельность, а также недостоверная информация. Председатель патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства Д. Смирнов неоднократно заявлял, что компьютерные игры, например мобильная *Pokemon Go*, составляют для семьи прямую угрозу, так как неблагоприятно влияют как на детскую психику, так и становятся причиной разводов у взрослых. Комиссия Совета законодателей по информационной политике выступила с инициативой организации специального исследования игрового контента и по факту выявленных угроз – внесение их в реестр запрещенных компьютерных игр по аналогии со списком экстремистских материалов [2]. Целью исследования стало – определение параметров идентификации игры при проведении специально-культурного исследования для диагностики проблемы и обоснованной оценки ее влияния на формирование и сохранение духовно-нравственных традиций российского общества.

1. Обзор литературы

В отечественных исследованиях по обозначенной теме учеными подчеркивается важность сохранения российских духовно-нравственных ценностей, что на фоне растущей международной неприязни и увеличения напряженности между государствами только еще актуализирует значимость психологической защиты молодежи. Эти положения также согласуются и с Концепцией информационной безопасности детей в Российской Федерации от 28 апреля 2023 г., где отмечается приоритетность задачи по защите российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия [3]. Как пишут в своих исследованиях А. С. Колбнева, Н. В. Сацук, А. А. Чалкина, Д. В. Кузина и др., «игра должна транслировать ценности семьи, как и все иные ценности, которые закрепляются в молодежной среде посредством социализационного влияния» [4, с. 23]. А. Г. Рубцов в своем исследовании отмечает, что акценты в игровых практиках часто делаются на прагматизме и озабоченности материальными ценностями, личной свободе и отказе от создания семьи в угоду комфортному одиночеству [5, с. 258].

В последнее время появились интересные исследования из области геймификации экстремизма и терроризма от зарубежных ученых. Так, английские ученые

А. Ньюхаус и Р. Коверт пишут о том, что вербовка в террористические и экстремистские организации наиболее успешно осуществляются в игровом пространстве, что объясняется доступностью цифровой среды и состоянием азарта в игре [6, с. 72]. М. Принц, как и его коллеги, говорит об игровой практике выбора, кем ты будешь – мужчиной или женщиной, с явным гендерным подтекстом и «благодатной почвой распространения ненависти и угнетения» [7, с. 57]. Представитель Калифорнийского университета в Ирвине Г. Уэллс пишет в своем исследовании, что, по данным Ассоциации программного обеспечения развлечений, за 2021 г. «около 227 миллионов американцев играют в видеоигры, среди которых: две трети (67%) взрослых и три четверти (76%) – молодежь. Чаще всего в играх приходится сталкиваться с разжиганием ненависти и домогательства, а каждый десятый игрок (10% подростков, 8% взрослых) сталкивается с идеологией превосходства белой расы, включая утверждения о превосходстве белой расы и отрицании Холокоста» [8, с. 157].

В сложившихся условиях актуальности и злободневности вопроса безопасности игр, практически отсутствуют исследования необходимости прогнозирования возможных отрицательных последствий игры для психической и физической безопасности для подростков.

2. Материалы и методы

Каждое поколение исследователей привносит в правовую доктрину собственное видение, отражающее не только изменчивость общественных отношений, но и развитие самой научной мысли. Для составления перечня идентификационных параметров социокультурной экспертизы была применена смешанная методика (*MMR*). Сочетание проблемно-тематического и сравнительно-правового анализа и синтеза, а также контекстуальности и прогнозирования, позволили установить необходимость обязательности проверки игрового контента на соответствие действующему законодательству в области традиционных духовно-нравственных ценностей. В результате применения смешанной методики рассмотрены определяющие для социокультурной экспертизы факторы: человеко-ориентированности игрового ресурса, социальной ориентации на сохранение духовно-нравственных ценностей, позитивности влияния игрового ресурса на психическое здоровье молодого игрока, этичности отдельных элементов игры. Используемые параметры диагностики составляют линейку механизма распознавания и обозначения проблемы в игровом контенте с помощью использования специальной лексики и принятой терминологии. Полученное в результате подобной диагностики заключение представляет собой совокупность утверждений, сделанных на основе выводов в результате анализа и оценки игрового контента. Убедиться в надежности и достоверности использования *MMR* в научных исследованиях можно на примере отдельных исследовательских работ [9, с. 153].

3. Результаты. Обсуждение

Анализ современного игрового пространства был проведен в 2023–2024 гг. командой специалистов проекта #ПатриотКрафт в Республике Мордовия. За этот период были проанализированы самые популярные игровые платформы. В качес-

тве примера приведем анализ мобильной многопользовательской онлайн-игры *Standoff 2* в жанре шутера от первого лица, которая была разработана российской *IT*-компанией *Axlebolt* в г. Казани. В ней игрокам был предложен сюжет *Frosty Chaos. New Year 2024*, в котором «героем Нового года станет тот, кто совершит убийства из всех праздничных оружий!». Выявленные проблемы игрового пространства согласуются с исследованиями ученых и практиков за последние годы. Специалистами *Center for Technology and Society* в 2022 г. было установлено, что подростки в возрасте 10–12 лет почти в 70% случаев подвергаются плохому отношению в онлайн-играх по тем или иным причинам. Чаще всего молодые люди чувствуют на себе вражду и ненависть от других игроков, по тем или иным признакам, в играх *Valorant*, *Dota 2*, *Fortnite*. Отдельного исследования заслуживают экстремистские высказывания в отношении групп лиц в игре *MMORPG* с правилами *role-play enforced*: там «нормой» игрового поведения в виртуальных пространствах стали призывы уничтожения орков, эльфов и прочих неформальных молодежных групп [10, с. 278]. Сцены с массовыми убийствами и с оценкой их количественных показателей содержат в себе, кроме всего прочего искажения исторических фактов направлены в целом на подрыв общества и склонение к экстремизму и терроризму. В Докладе Генерального прокурора РФ о состоянии законности в 2023 г. отмечается, что в условиях специальной военной операции на Украине постоянно делаются попытки вовлечь российских подростков в террористические организации посредством сети Интернет. По данным МВД РФ, за шесть месяцев 2023 г. в России зафиксировано 1193 преступления террористического характера с участием несовершеннолетних [11]. На заседании Национального антитеррористического комитета отмечено, что украинские спецслужбы при помощи Запада вербуют российских граждан, включая молодежь, для осуществления диверсий и терактов. С февраля 2022 г. в России было предотвращено 118 преступлений, исполнителями которых были молодые люди и подростки, в том числе несовершеннолетние. Серьезной угрозой признано террористическое движение «Колумбайн» и террористическая организация «Маньяки. Культ убийств», подготавливающие вооруженные нападения на школы. Директор ФСБ России А. Бортников в одном из своих выступлений указал, что «в условиях специальной военной операции «украинские спецслужбы и их западные кураторы развернули агрессивную идеологическую и вербовочную обработку наших граждан, прежде всего молодого поколения, по вовлечению в диверсионно-террористическую и экстремистскую деятельность». Все это происходит на фоне отсутствия в криминологической науке единого подхода в общей стратегии совершенствования правовых механизмов противодействия вовлечению несовершеннолетних путем сетевых игровых технологий в преступления экстремистской и террористической направленности. Психологическая характеристика роли, предлагаемой в сценариях компьютерных и спортивных командных военно-тактических игр, оказывает деструктивное воздействие на поведенческие реакции: стимулирует различные формы делинквентных действий, экстремизм, скулшутинг, наркоманию, суицидальную активность и прочие особенности. Во все времена мировой истории молодые люди были главными исполнителями террористических актов, а одним из главных фак-

торов, способствующих распространению идеологии терроризма в молодежной среде, был романтический интерес к сильным и ярким чувствам и всепоглощающим страстям. В России, как и в подавляющем большинстве других стран, в соответствии с Семейном кодексом РФ несовершеннолетний – это лицо, не достигшее 18 лет. Однако в некоторых государствах эта «возрастная планка» более высокая: Швейцария – 20 лет, США в зависимости от штата – 18–21. Минимальный же возраст совершеннолетия установлен на Фарерских островах – 14 лет. В настоящее время население России составляет 146,4 млн человек, из которых 30,2 млн человек – несовершеннолетние (20,6 % населения), из них 27 млн человек (89,4%) являются активными пользователями сети Интернет [12]. В этот возрастной период психика подростков характеризуется, как нестабильная, их социально-экономическое положение и общественно-политические взгляды находятся на этапе становления. В условиях современных как российских, так и мировых реалий цифровое поколение все больше и больше проводит время с гаджетами, активно осваивая виртуальное игровое пространство, превращая его в универсальную форму своей досуговой деятельности. При этом основная масса компьютерных игр содержит контент, наполненный агрессивными поведенческими реакциями [13, с. 39]. Имитационные игры, операционные игры и игры по исполнению ролей, как правило, указывают на вероятную корреляцию между потребляемым несовершеннолетними игровым контентом и их агрессивными поведенческими реакциями в реальном мире. Решая задачу по вербовке сторонников, радикальные движения научились маскировать свои воззрения под шутки, развлечения и игры, чему способствуют новые информационные технологии. Психологи из Мельбурнского королевского технологического института провели ряд исследований и определили жанр видеоигр, вызывающий агрессию. Было определено, что это не совсем не «стрелялки», а соревновательные игры. Отдельно отмечены *Battlefiled* и *Call of Duty*: *Modern Warfare*, а по уровню враждебности первое место отвели *Minecraft*. Уделяя изучению агрессии, вызываемой видеоиграми, российские психологи отмечают, что психодиагностический, развивающий и психокоррекционный потенциал видеоигр является, несомненно, перспективным, но это требует соответствующих психологических исследований и правовой регламентации [14, с. 169]. Дополнительную опасность в сети Интернет создает ситуация медиафокусирования на деталях планирования, организации и совершение вооруженного нападения на образовательные организации одним или несколькими учащимися с целью массового убийства. С этим фактом психологи связывают такие события, как «Колумбайн-эффект», схожий с описанным еще в 1970-х гг. синдромом Вертера, так называемой массовой волной подражающих самоубийств, возникшей после их подробного освещения их в средствах массовой информации.

Проанализированные данные Организации Объединенных Наций показали, что начиная с 2019 г. они подняли тревогу, отразив в своем докладе небывалый рост числа преступлений на почве ксенофобии и антисемитизма во всем мире. По вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости в докладе было отмечено, что виной тому видеоигры, которые используют экстремисты для радикализации молодежи. Видеоигры, а также

связанные с играми форумы, чаты и сайты, где можно общаться в реальном времени, а также каналы прямого вещания, в частности «Ютуб», названы в докладе самыми популярными средствами вербовки и радикализации молодежи [15]. Исследуемые в этом плане личностные факторы характеризуются делинквентностью и подверженностью психическим отклонениям, с низким уровнем моральных и нравственных установок и криминальным подражательством; факторы микросреды, в которой развивался несовершеннолетний со сниженным контролем со стороны родителей и связанностью несовершеннолетнего с уличным пространством и деструктивно (националистически или радикально) настроенными взрослыми членами террористических группировок; информационные факторы (факторы макросреды), создающие деструктивное виртуальное пространство, так называемый *Darknet* (рус. – «темная сеть») в рамках которого происходит деидеологизация духовной сферы, облегчающая вербовку несовершеннолетних в террористические организации; экономические факторы, предоставляющие пути легкого заработка и выхода из трудного материального положения; факторы подмены реальности путем распространения в подростковой среде наркомании, токсикомании, алкоголизма; территориальные факторы, создающие группы риска из несовершеннолетних, проживающих в приграничных территориях «недружественных стран» [16, с. 61].

Заключение

Регулирование всех общественных отношений, возникающих в виртуальном игровом пространстве, требует конкретизации и законодательного закрепления в отдельном правовом акте, регулирующем все вопросы от создания «правильной игры», запуска ее в сеть и до формулирования и внедрения правил «киберспортивного права». Необходимо конкретизировать уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступления экстремистской и террористической направленности, дополнив гл. 20 Уголовного кодекса РФ новой ст. 150.1, конкретизирующей уголовно-правовую защиту от вовлечения несовершеннолетних в преступления экстремистской и террористической направленности.

Для всего игрового пространства требуется организовать экспертный мониторинг и специальный контроль контента в видеоиграх на соответствие законам об информации, информационных технологиях и защите информации. Как вариант подобного мониторинга может выступать социокультурная экспертиза современных игровых практик [17, с. 45], представляющая собой специальное исследование и оценка игровой программы на соответствие параметрам духовно-нравственной безопасности, таким как: человеко-ориентированность игрового ресурса, социальная ориентация на сохранение духовно-нравственных ценностей, позитивность влияния игрового ресурса на психическое здоровье игрока, этичность отдельных элементов игры.

Для предотвращения вовлечения несовершеннолетних в различные игровые деструкции требуется изменить подход к формированию государственной образовательной и воспитательной политики, формирующей в молодом человеке ценностные ориентации. В условиях реализации проекта «Фестиваль-конкурс сценариев командных военно-тактических игр #ПатриотКрафт», поддержанного Фондом

президентских грантов в Республике Мордовия, игровому бизнес-сообществу была предложена альтернатива в виде разработанных участниками целевой группы от 14 до 23 лет сценариев командных военно-тактических игр, основанных на реальных исторических событиях. Оказалось, что это не только интересно, но и сохраняет историческую память и, формирует патриотизм. Ощущая острую проблему отсутствия в России единой государственной идеологии и упущенное время по воспитанию российской молодежи, вспоминается древняя китайская мудрость: «Если хочешь окончательно победить своего врага – воспитай его детей». В целом настрой на формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей сопряжен не только с контролем игрового пространства посредством специальных социокультурных исследований игровой индустрии и жесткого правового регулирования игрового пространства. В первую очередь он должен стать определяющим вектором формирования семейного иммунитета от воздействия деструктивных атак со стороны игровых разработчиков, так называемым воспитанием семейного вкуса к качественным и безопасным новшествам игровой индустрии, как новейшая традиция современной семьи, как семейная мода на безопасный ресурс.

Пристатейный библиографический список

1. Российские геймеры рассказали, какие игры помогают им развивать полезные навыки // Газета.ru : сайт. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/28/21378901.shtml (дата обращения: 29.09.2023).

2. Депутаты предложили вице-премьеру создать The Sims с российскими ценностями // Дзен : сайт. URL: https://dzen.ru/a/ZRRZB6mhrF-PSwIS (дата обращения: 29.03.2024).

3. Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1105-р «Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

4. *Кузина Д. В.* Кризис представлений о семейных ценностях у современной молодежи // Universum: психология и образование. 2020. № 7 (73).

5. *Рубцов А. Г.* Трансформация ценностных ориентаций современной молодежи // Право и практика. 2023. № 3.

6. *Newhouse A., Kowert R.* Digital Games as a Means of Extremist Recruitment and Mobilization // Tech Against Terrorism. 2024.

7. *Prince M.* Extremist Games and Modifications // Tech Against Terrorism. 2024.

8. *Wells G.* Right-Wing Extremism in Mainstream Games: A Review of the Literature // Games and Culture. 2003. Vol. 19. No. 4.

9. *Åkerblad L.* Integrative Strategies in Mixed Methods Research // Journal of Mixed Methods Research. 2021. Vol. 15. No. 2.

10. *Шерстобитов А. А.* Тенденции правового регулирования индустрии многопользовательских онлайн-игр в Российской Федерации // Право и управление. 2023. № 4.

11. Генпрокуратура зафиксировала попытки вовлечь подростков в терроризм // РИА Новости : сайт. URL: https://ria.ru/20220530/terrorizm-1791773465.html (дата обращения: 28.09.2023).

12. ООН: для радикализации молодежи экстремисты используют компьютерные игры // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://news.un.org/ru/story/2019/06/1357371 (дата обращения: 28.09.2023).

13. *Сафин Ф. Ю.* Деструктивное влияние игрового компьютерного контента на криминализацию несовершеннолетних // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 1.

14. *Пономарева Е. С.* Видеоигры и агрессия: основные тенденции зарубежных исследований // Вестник Московского университета. Серия «Психология». 2022. № 3.

15. *Мартыненко А. В., Потапова Л. А.* Профилактика экстремизма в молодежной среде : учебное пособие для вузов. М. : Юрист, 2024.

16. *Милешина Н. А., Потапова Л. А.* Экспертная оценка эпизодов (вариантов) использования нацистской атрибутики или символики в сети Интернет // Обзор. НЦПТИ. 2021. № 2 (25).

17. Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2006.

References

1. Russian Gamers Told What Games Help Them to Develop Useful Skills. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/28/21378901.shtml (date of reference: 29.09.2023). (In Russ.)

2. Deputies Offered the Deputy Prime Minister to Create *The Sims* with Russian Values. URL: https://dzen.ru/a/ZRRZB6mhrF-PSwIS (date of address: 29.03.2024). (In Russ.)

3. Order of the Government of the Russian Federation of 28 April 2023 No. 1105-r "The Concept of Information Security of Children in the Russian Federation" (SPS "Garant"). (In Russ.)

4. *Kuzina D. V.* Crisis of Representations About Family Values in Modern Youth. *Universum: Psychology and Education*, 2020, no. 7 (73). (In Russ.)

5. *Rubtsov A. G.* Transformation of Value Orientations of Modern Youth. *Law and Practice*, 2023, no. 3. (In Russ.)

6. *Newhouse A., Kowert R.* Digital Games as a Means of Extremist Recruitment and Mobilization. In Tech Against Terrorism. 2024.

7. *Prince M.* Extremist Games and Modifications. In Tech Against Terrorism. 2024.

8. *Wells G.* Right-Wing Extremism in Mainstream Games: A Review of the Literature. *Games and Culture*, 2003, vol. 19, no. 4.

9. *Åkerblad L.* Integrative Strategies in Mixed Methods Research. *Journal of Mixed Methods Research*, 2021, vol. 15, no. 2. (In Russ.)

10. *Sherstobitov A. A.* Trends of Legal Regulation of the Industry of Multiplayer Online Games in the Russian Federation. *Law and Management*, 2023, no. 4. (In Russ.)

11. The Prosecutor General's Office Recorded Attempts to Involve Teenagers in Terrorism. URL: https://ria.ru/20220530/terrorizm-1791773465.html (date of the application: 28.09.2023). (In Russ.)

12. UN: Extremists Use Computer Games to Radicalize Youth. URL: https://news.un.org/ru/story/2019/06/1357371 (date of the application: 28.09.2023). (In Russ.)

13. *Safin F. Iu.* Destructive Influence of Computer Game Content on the Criminalization of Minors. *All-Russian Criminological Journal*, 2022, no. 1. (In Russ.)

14. *Ponomareva E. S.* Video Games and Aggression: The Main Trends of Foreign Research. *Bulletin of Moscow University. Series Psychology*, 2022, no. 3. (In Russ.)

15. *Martynenko A. V., Potapova L. A. (eds.).* Prevention of Extremism in the Youth Environment: Textbook for Universities. Moscow: Iurist, 2024. (In Russ.)

16. *Mileshina N. A., Potapova L. A.* Expert Evaluation of Episodes (Variants) of the Use of Nazi Attributes or Symbols in the Internet. *Review.NCPTI*, 2021, no. 2 (25). (In Russ.)

17. *Ivanchenko G. V., Leontiev D. A. (eds.).* Expertise in the Modern World: From Knowledge to Activity. Moscow: Sysl, 2006. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Л. А. Потапова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:
L. A. Potapova – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 22.04.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 342.41
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-29-42

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПУТЕМ ВКЛЮЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКУЮ СФЕРУ И ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

Сергей Романович Решетняк

Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 357502, Россия, г. Пятигорск, ул. Дунаевского, д. 5

sergey.reshetnyak.85@mail.ru

Аннотация

Рассматриваются основные предпосылки происходящих в нашей стране преобразований правовой системы, связанные с включением в правовую сферу духовно-нравственных традиционных ценностей, дается анализ современного подхода к категории традиционных ценностей и причины их трансформации, а также оценивается использование доктринальных документов и Конституции РФ, как средств для закрепления традиционных ценностей, как системообразующей категории развития российского общества и государства. Целью исследования является выявление истинных причин происходящих преобразований и формирование доктринального подхода к их оценке. Методологию исследования составили сравнительно-правовой и исторический метод, а также аналитический метод. Статья предлагает новый взгляд на происходящие в российском обществе процессы, поскольку в ней оцениваются не только правовые реалии, но и происходит их сопоставление с политическими и геополитическими процессами, происходящими в России и мире. Полученные выводы позволяют более широко взглянуть на причины включения духовно-нравственных традиционных ценностей в правовую систему, как ее непосредственной правовой категории, и закладывают основу для выстраивания доктринального и практического подхода, к формированию обновленной правовой системы России.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности; традиционные ценности; либеральные ценности; трансформация паровой системы; Конституция РФ; моральное лидерство.

Для цитирования: *Решетняк С. Р.* Формирование новой модели российской государственности путем включения традиционных ценностей российского общества в политическую сферу и правовую систему России // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 29–42. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-29-42

Research Article

FORMATION OF A NEW MODEL OF RUSSIAN STATEHOOD BY INCORPORATING THE TRADITIONAL VALUES OF RUSSIAN SOCIETY INTO THE POLITICAL SPHERE AND THE LEGAL SYSTEM OF RUSSIA

Sergey R. Reshetnyak

North Caucasus Institute – a Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
5 Dunaevsky St., Pyatigorsk, 357502, Russia

sergey.reshetnyak.85@mail.ru

Abstract

The article examines the main prerequisites for the transformations of the legal system taking place in our country, related to the inclusion of spiritual and moral traditional values in the legal sphere, analyzes the modern approach to the category of traditional values and the reasons for their transformation, and also evaluates the use of doctrinal documents and the Constitution of the Russian Federation as means to consolidate traditional values, as a system-forming category of development of Russian society and the state. The purpose of the study is to identify the true causes of the ongoing transformations and to form a doctrinal approach to their assessment. The research methodology was based on the comparative legal and historical method, as well as the analytical method. The article offers a new look at the processes taking place in Russian society, since it evaluates not only legal realities, but also compares them with political and geopolitical processes taking place in Russia and the world. The findings allow us to take a broader look at the reasons for the inclusion of spiritual and moral

traditional values in the legal system, as its direct legal category, and lay the foundation for building a doctrinal and practical approach to the formation of an updated legal system in Russia.

Keywords: spiritual and moral values; traditional values; liberal values; transformation of the steam system; Constitution of the Russian Federation; moral leadership.

For citation: *Reshetnyak S. R.* Formation of a New Model of Russian Statehood by Incorporating the Traditional Values of Russian Society into the Political Sphere and the Legal System of Russia. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 29–42. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-29-42

Введение

Современный мир впервые после Второй мировой войны проходит через фундаментальную трансформацию всей системы координат, на которых базировались основы государственности всех стран мира и основополагающие принципы права пости всех современных правовых систем.

Либеральные ценности, которые были положены во главу угла, в определенной степени оказались дискредитированными, за счет опрометчивых действий руководителей тех стран, которые всегда выступали своего рода примером соблюдения данных ценностей. Западноевропейские государства и Соединенные Штаты Америки долгие десятилетия рассказывали другим странам мира, как они должны выстраивать систему управления, и какие основы должны закладывать в национальную правовую систему. Но сами же моментально отказались от системообразующих вещей, наподобие принципов равенства и справедливости, отказа от коллективной ответственности, неприкосновенности частной собственности и прав граждан, и множества других ценностных установок, как только они не стали отвечать их конъюнктурным интересам. А столь долго создававшееся в качестве основы взаимодействия народов мира международное право, было заменено никем не принимаемыми «Правилами» «Мира, основанного на Правилах».

Фактически стало понятно, что вся существующая мировая правовая архитектура была призвана служить закреплению доминирующего положения Коллективного Запада, во многом выступая инструментом сдерживания других стран мира, которые имели отличные от западных стран правовые традиции. Что требовало от них отказа от системообразующих начал их государственности, и обращения к странам Запада за содействием в выстраивании «правильной» демократии, в обмен на свои ресурсы. Ведь только так они могли получить признание как добросовестные партнеры, и допускались до участия в международных отношениях, прежде всего речь о внешнеэкономических отношениях.

Не стала исключением и Российская Федерация, которая после восстановления национального суверенитета вследствие выхода из состава Советского Союза, также стала выстраивать новую государственность, основанную на системе либеральных ценностей.

Однако, даже имея однозначные успехи в этом процессе, в нас так и не стали видеть равноправного партнера, продолжая относиться как зависимому, не самодостаточному государству. Параллельно проявляя откровенный страх перед нашей страной, вытекающий в постоянные попытки сдерживания как темпов экономического развития, так и интеграции в глобальные экономические процессы.

Начало Специальной военной операции и последовавшая вслед за этим необъявленная санкционная война наглядно показали, что Россия во многом должна искать для себя новую систему координат, и выстраивать как подходы к управлению, так и правовую систему, с помощью которой данное управление должно осуществляться, ориентируюсь на те ценности, которые по-настоящему являются ценностями для российского народа. Те ценности, которые изначально были свойственны российскому обществу, никуда не ушли из общественного сознания, даже когда их пытались подменить либеральными.

Таким образом, сложилась достаточно уникальная ситуация, при которой обществу необходимо напомнить о традиционных для него ценностях. Для этого достаточно эффективным инструментом может стать национальное право, которое установит новую систему ценностных координат и закрепит защиту данных ценностей, а также передачу их будущему поколению российских граждан, за счет чего произойдет формирование нового самосознания общества. Но в то же самое время само право сейчас нуждается в своего рода переоценке на предмет актуальности его аксиологических основ, что не может происходить без непосредственно участия общества.

И тут надо понимать, что сама по себе категория «традиционные ценности», несмотря на видимость своей неизменности, все же претерпевает со временем переосмысление, поскольку каждое новое поколение людей, может вкладывать в него совершенно разное значение, некоторые из ценностей закрепляя в качестве таковых, другие же напротив убирая из числа значимых, поскольку меняется само самосознание людей.

Как верно отмечает О. Н. Рудакова, «в стремительно меняющемся мире важную роль играет национальное самосознание, в основе которого лежат традиционные ценности, с одной стороны, сохраняющиеся на протяжении всей человеческой истории, а с другой – претерпевающие изменения под воздействием веяний эпох» [1, с. 97].

Но подобного рода изменения не происходят без причин. Любые преобразования в системе традиционных ценностей связаны с периодами исторического «перелома» для государства, когда страна переживает сложные времена, либо напротив, достигает пика своего существования в соответствующей модели цивилизационного развития, что приводит к существенным преобразованиям и общественных отношений, и самого общества, как следствие.

Причина сегодняшнего кризиса кроется в своего рода кризисе Западной цивилизации, где культ индивида привел к разрушению традиционных основ западного общества, и отказу от устоявшихся представлений о семье, обществе как таковом и всех существующих демократических ценностей, поскольку интересы отдельных привилегированных социальных групп стали иметь большее значение, чем интересы большинства. Утрачивается и представление о том, кто такой человек. Начи-

ная с размывания его гендера, и заканчивая теми правами, которыми он обладал ранее, и которые являлись незыблемыми в силу их естественной природы. Все это приводит к утрате идеологической основы общества, отказу от всех проявлений самоидентичности различных народов и общей социальной дестабилизации во многих странах мира, прежде всего именно на Западе.

Описанные процессы приводят и к утрате позиций самих стран, в которых к власти приходят достаточно слабые политики, которые начинают принимать конъюнктурные законы, призванные не закрепить устоявшиеся принципы взаимоотношений между членами общества, а лишь получить поддержку от отдельных социальных групп, либо спонсоров, которые нередко также заигрывают с теми или иными социальными группами, с целью увеличения прибыли, путем привлечения представителей данных групп в качестве «благодарных» клиентов.

Это приводит к утрате позиций самих государств и тех правовых систем и общих принципов права, которые свойственны или поддерживаются такими странами. И, напротив, возрастает влияние государств, которые сохраняют приверженность традиционным для человеческого общества (вне зависимости от национального и религиозного факторов) ценностям. Такие страны приобретают то самое пресловутое «моральное» лидерство, которое позволяет устанавливать глобальные правила игры, и создавать глобальные принципы правового регулирования.

Падение авторитета стран Запада сопровождается возрастанием авторитета России, которая и обретает сегодня то самое «моральное лидерство» на международной арене. И важное для этого значение имеет возврат к традиционным ценностям, о чем может свидетельствовать опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в соответствии с которым «для восьми из десяти россиян важно видеть Россию будущего страной, сохранившей традиционные моральные, национальные и религиозные ценности (81%)» [2].

1. Правовые аспекты закрепления традиционных ценностей в России

К вопросу о восстановлении значения традиционных ценностей как правовой категории в России вернулись в 2022 г., после принятия Указа Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который дал легальное закрепление понятию «традиционные ценности». Под ними понимаются «ценности, формирующие мировоззрение граждан Российской Федерации, нравственные ориентиры, передаваемые от поколения к поколению, которые лежат в основе российской идентичности и культурного пространства страны» [3].

Также в Указе обозначены те традиционные ценности, которые уже приняты современным российским обществом и рассматриваются как бесспорные. Среди них выделяют: «жизнь, достоинство, права и свободы человека; патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы, крепкая семья; созидательный труд, приоритет духовного над материальным; гуманизм, милосердие, справедливость; коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [3].

Важно отметить, что перечень традиционных ценностей не является закрытым. Здесь нет ошибки. Причина кроется именно в том, что каждое поколение граждан переосмысливает значение тех или иных ценностей, и усиливает их значение для общества, либо напротив происходит их обесценивание и утрата аксиологического статуса. Это коррелируется с представлением А. Б. Гофмана, который утверждал, что каждое поколение в процессе усвоения ценностных установок, всегда по-своему их интерпретирует, что может придавать им новые смыслы [4]. Что может приводить к переоценке значения ценностей. Но тут важно сохранить некую идеологическую целостность смыслов. Иначе можно прийти к обесцениванию всей системы ценностей.

В качестве примера можно взять процессы, происходившие и происходящие сегодня в американском обществе. Системообразующей ценностью американской нации является американская конституция. Однако некоторые ее положения были переосмыслены в настоящем в силу изменившихся реалий.

Например, Вторая поправка Конституции США гласит, что «поскольку хорошо организованная милиция (ополчение) необходимо для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться» [5]. Данная поправка была важна для молодого американского государства, которое не имело профессиональной армии, и нуждалось в каждом гражданине, способном стать на защиту страны. В свою очередь, предоставляя ему право защищать себя и свою страну, своим оружием, давая ему право на хранение и ношение оружия.

Современная Америка не нуждается в ополчении, обладая одной из самых многочисленных профессиональных армий мира. Однако право на ношение оружия никто у американцев отбирать не стал. Таким образом, ценность «защиты с оружием в руках своего государства» была заменена на спорную ценность «ношения оружия». Но данная ценность сохранила свое содержательное значение, пусть и изменив смысловое.

Но есть и ценности, смысл которых не просто изменился, но исказился до совершенно противоположного значения. Так, первая Поправка Конституции США гласит: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное ее исповедание, либо ограничивающего свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб» [5].

Эта американская ценность все еще актуальна де-юре, но совершенно обесценена де-факто, после запрета вещания российских СМИ, которым было отказано в представлении альтернативной американскому правительству точки зрения. То же самое произошло со всеми, кто поддерживал Д. Трампа в СМИ, после выборов президента США в 2020 г. В первом случае на российских журналистов навесили ярлык пропагандистов, во втором – уже на американских – их едва ли не назвали террористами и экстремистами, в обоих случаях прикрываясь защитой самой главной американской ценности – демократии.

То же самое происходило, когда под давлением движения *Black Lives Matter* (*BLM*) запрещались книги, и вводилась жесткая расовая цензура в отношении тех авторов, которые не поддерживали движение, или же в произведениях которых хоть

как-то напоминали о рабовладельческом прошлом Америки. Но уже под прикрытием защиты равенства и восстановления исторической справедливости.

Это как раз и привело к коллапсу американского общества, которое стало утрачивать ценностные ориентиры, не понимая, что хорошо, а что плохо. А американский Закон, который должен был этому помешать, лишь содействовал еще большему обесцениванию аксиологической основы американского общества.

Как раз на этом примере можно наблюдать, почему традиционные ценности приобретают значение правовой категории. Включая их в тело правовой системы, закон фактически формализует их и обеспечивает их сохранность и единообразие толкования. Для корректировки смыслового значения, потребуется корректировка самого закона. Что как раз и обеспечивает необходимую стабильность и незыблемость в течение длительного исторического периода. И лишь в случае кардинального изменения общественного сознания, скорректируется и закон, который придаст закрепленной ценности новое смысловое значение.

На формирование современного представления о ценностях, определенное влияние оказывают различные политические, экономические, социальные, культурные и духовно-нравственные факторы.

Именно влияние данных факторов приводит к трансформации традиционных ценностей. Степень этого влияния различна, в зависимости от существующего исторического периода, типа государства и уровня развития общества. Существует немало исследований, посвященных анализу соответствующих факторов, из которых можно выделить работу Т. А. Рассадиной [6].

Одним из ключевых факторов при этом стоит признать морально-этические нормы, которые не только оказывают влияние на формирование аксиологической основы общества, но и закладывающие базис для правового регулирования общественных отношений, поскольку нормы морали нередко становятся основой для правовых норм. Взаимосвязи правовых и моральных норм также уделено внимание во многих научных работах, среди которых моно выделить исследования Г. В. Мальцева [7], О. И. Цыбулевской [8]. Причем исследования данной тематики актуальны и до настоящего момента времени. В качестве примера можно привести работы В. М. Артемова [9], Д. Г. Трифоновой [10], О. С. Ладейновой [11], А. Г. Чернявского [12] и Р. В. Енгибаряна [13].

Морально-этическая составляющая общественного сознания и общественных отношений обычно остается вне сферы правовой регламентации. Однако время от времени попытки установить правовое регулирование данной сферы предпринимаются. Нечто подобное мы можем наблюдать в настоящий момент. Прежде всего это является следствием агрессивного воздействия на общественную нравственность со стороны стран Запада, который попытался внедрить в российскую действительность свои видоизмененные «либеральные ценности», пытаясь ассимилировать наше культурное и духовное пространство, а также используя данные модифицированные «западные ценности» как инструмент воздействия, призванный разрушить духовные основы российского общества, и тем самым открыть путь к разложению нашего общества, и последующему разрушению российской государственности, которая как раз и базируется на системе традиционных ценнос-

тей. Чтобы не допустить данные деструктивные действия, Российское государство и пошло по пути установления правовой регламентации морально-этической составляющей общественных отношений, прежде всего путем введения правовой защиты для традиционных ценностей и возможности применения мер правовой ответственности за посягательства на данные ценности.

Для этого в разработанной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. впервые делается попытка введения в правовую сферу морально этической составляющей. Так, ст. 24 Стратегии говорит о необходимости сохранения не только физического здоровья граждан, но и морального, а в ст. 19 поднимается ранее затронутый вопрос создания привлекательно модели будущего мироустройства, которое закрепит моральное лидерство нашей страны на «фоне кризиса западной либеральной модели», и предпринимаемых западными государствами попыток «целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов» [14].

Фактически и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г., и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей 2022 г. являются правовыми актами, устанавливающими новое направление развития государственной политики в области безопасности и сохранения нашей национальной самобытности и самостоятельности, а также определяющие приоритетность задач, направленных на сохранение государством духовно-нравственных ценностей российского общества.

Можно сказать, что тем самым предпринимается попытка ассимиляции или интеграции правовой системы и духовно-нравственной в единую конструкцию, которая и станет основой для будущего законодательства. В какой-то степени это попытка сформировать консолидированную морально-правовую систему регулирования общественных отношений, в рамках единого комплексного института социального регулирования. При этом, задействовав инструменты правовой защиты традиционных ценностей для их сохранения и последующей передачи в неизменном виде будущим поколениям, государство идет по пути их формализации и институционализации, фактически выводя их из плоскости общественного сознания в плоскость государственно-правового регулирования.

Это могло бы рассматриваться как вторжение со стороны государства в сферу общественной жизни, однако благодаря формированию института публичной власти процесс создания которой был запущен поправками в Конституцию РФ 2020 г., происходит и интеграция общества в лице его институтов гражданского общества и государства в лице органов государственной власти, которые совместно должны обеспечить процесс управления общественными отношениями.

Уже сейчас, как правильно отмечает С. Т. Адамянц, такие понятия, как «ответственность за судьбу Отечества», «крепкая семья», «созидательный труд», «приоритет духовного над материальным», «историческая память и преемственность поколений», приобретают не только этическое, но и правовое значение [15, с. 64].

Сама по себе такая потребность возникла вследствие того, что предыдущий формат взаимодействия права и морали, выраженный в существовании не правового регулирования, но правового воздействия на морально-этическую сферу общественных отношений, к сожалению, оказался недостаточно эффективным и не смог должным образом обеспечить защиту традиционных для российского общества ценностей.

Но при этом право не замещает собой морально-этическое регулирование в целом, а скорее лишь усиливает его. Поэтому на общественные институты гражданского общества все также возлагается задача обеспечения принятия данных ценностей обществом, не как требование закона, но как идеологическую константу российского общества. Кроме того, только традиционные подходы к передачи духовно-нравственных ценностей от одного поколения к другому, являются более эффективными, поскольку заключаются не в выработке страха неисполнения установок, за что последует правовое наказание, но принятие их смыслов и введение в категорию личных ценностей для каждого отдельно взятого гражданина.

2. Конституция России как основа нравственно-правового государства

Резюмируя все вышесказанное, можно сказать, что вопросы сохранения традиционных ценностей становятся системообразующей задачей для государства, и ключевым элементом системы государственного стратегического планирования, поскольку в своей совокупности, традиционные духовно-нравственные ценности приобретают фундаментальное значение для сохранения национальной самобытности на общегосударственном уровне и самоидентичности на уровне народов Российской Федерации.

Поэтому вся стратегическая политика государства сегодня имеет своей целью за счет культурной и национальной политики обеспечить сохранность и дальнейшее всеобъемлющее распространение традиционных духовно-нравственных ценностей. Этот вектор национальной политики можно наблюдать во всех стратегических документах, таких как Стратегия национальной безопасности [14], Стратегия государственной культурной политики [16], Стратегии развития воспитания [17], Стратегия государственной антинаркотической политики [18] и т.д.

Данный подход во многом связан с позицией действующего главы государства В. В. Путина, который планомерно выстраивает концепцию национальной идеи патриотизма, как системообразующей российской ценности, в определенной степени приобретающей черты национальной идеологии, которая направлена на обеспечение подлинного государственного суверенитета и формирование здорового общества, основанного на культурном многообразии, но не отвергающего традиционные духовно-нравственные ценности, которые и становятся скрепой всего многокультурного, многоэтнического и многоконфессионального российского народа.

Выстраивание новой политической системы координат невозможно было осуществить без интеграции нового подхода в текст Основного закона. Что и было сделано в 2020 г. В итоге категория традиционных ценностей приобрела значение одной из системообразующих категорий конституционализма, взяв на себя функцию

аксиологического ядра. Факт приобретения традиционными ценностями критерия ключевого аксиологического понятия российского конституционализма, приводит также к логической необходимости придания им нормативно-правового характера и последующего формального юридического закрепления.

Но цель не в том, чтобы просто включить категорию традиционных ценностей в правовое пространство, а в формировании нового политико-правового пространства нравственно-правового народно-исторического государства [19, с. 32].

Тут важно отметить, что речь идет не столько о создании чего-то нового, а скорее о возврате утраченного, поскольку синтез духовно-нравственных и правовых начал всегда был свойственен российской государственности вплоть до советской эпохи. Наша страна исконно носила в себе культурно-правовые черты, которые всегда выступали в качестве ее ценностной основы, и идеологической базы для партнерства общества и власти в вопросе сохранения государственности [20, с. 37].

И тут можно согласиться с позицией Г. Д. Садовниковой, которая отмечает, что после принятия в 2020 г. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» содержание в Конституции традиционно-ценностной компоненты усилилось [21, с. 48].

Также обозначилась и еще одна грань данного процесса. Включение категории традиционных ценностей в текст Конституции можно рассматривать как инструмент установления социальной стабильности в обществе, поскольку общество, выполняющее положения закона не из страха, но из осознания их ценностного характера, выстраивает более эффективное взаимодействие с государством, и сплачивается на почве единых аксиологических начал. Это в свою очередь становится фактором общественного развития, поскольку общество не тратит время и ресурсы на внутреннюю конфронтацию.

Заключение

Таким образом, выстраивается некая завершенная логическая связь всех процессов, происходящих сегодня в России.

Осознав тупиковость выстраивания всей модели построения общества и правовой системы на основе либеральных ценностей, начался поиск альтернативы либеральной модели. При этом данная альтернатива изначально призвана стать одной из скреп российского общества. То есть должна максимально соответствовать запросу всех нардов, проживающих в нашей стране. Таким консолидирующим фактором и стали традиционные ценности, которые, несмотря на исторические события и череду социальных кризисов, смогли сохраниться в общественном сознании и всегда опосредованно оказывали воздействие на отечественную правовую систему и принимаемые в ее рамках законы.

Но важно было заложить и эволюционный фактор развития общества, поэтому для традиционных ценностей также было предусмотрена возможность их трансформации в соответствии с изменчивостью общественных отношений и общества в целом.

Правовой основой данных процессов первоначально стали стратегические документы, определяющие вектор развития государственной внутренней политики.

Параллельно была дана оценка возможности принятия новой парадигмы обществом. Оно, в свою очередь, положительно восприняло новые целеполагательные смыслы, что стало базисом для последующего включения категории традиционных ценностей в текст Основного закона страны. И заложило основу для последующего изменения всего российского законодательства под новое целеполагание. Это потребовало определенной формализации ценностных установок и их прямого включения в правовую систему и действующие законодательные акты уже как полноценной правовой категории.

Все это в совокупности стало основой для новой модели мироустройства, в которой России отводится роль мирового морального лидера. Под эту, уже более глобальную цель сформирована правовая и политическая основа выстраивания нового политико-правового пространства нравственно-правового народно-исторического государства.

В итоге мы наблюдаем не просто процесс точечной корректировки курса политического и правового развития государства, но глобальный разворот и выстраивание новой модели государственности, с правовой системой, основанной на новых принципах ее формирования, которая должна стать неким идейно-правовым и нравственным ориентиров для других стран мира.

Это достаточно амбициозный проект, но реализуемый для нашей страны. Ведь чем сложнее задача, тем более ответственно российский народ подходит к ее решению. Это позволяет надеяться на положительный итог такого глобального разворота.

Пристатейный библиографический список

1. *Рудакова О. Н.* Правовое обеспечение традиционных ценностей как основы конституционных ценностей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220).

2. Традиционные ценности, современные цели // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi. (дата обращения: 29.04.2024).

3. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

4. *Гофман А. Б.* О традиционности, идентичности и легитимности. Социологические аспекты взаимосвязи // Россия реформирующаяся. 2018. № 16.

5. U.S. Constitution // Congress.gov : сайт. URL: https://constitution.congress.gov/constitution/ (дата обращения: 29.04.2024).

6. *Рассадина Т. А.* Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. М. : Прометей ; МПГУ, 2004.

7. *Мальцев Г. В.* Нравственные основания права. М. : Изд-во СГУ, 2008.

8. *Цыбулевская О. И.* Нравственные основания современного российского права. Саратов : СГАП, 2004.

9. *Артемов В. М.* Нравственность и право: реальность и перспективы взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8 (93).

10. *Трифонова Д. Г.* Категория нравственности при построении правовой аргументации органами конституционной юстиции (на примере решений Конституционного Суда РФ, Европейского суда по правам человека) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10.

11. *Ладейнова О. С.* Нравственно-философская экспертиза как инструмент эволюции права (на примере программно-стратегических документов) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7.

12. *Чернявский А. Г.* Право как минимум нравственности // Образование и право. 2020. № 3.

13. *Енгибарян Р. В.* Нравственность и политика: совместимы ли они в России // Право и управление. XXI век. 2020. Т. 16. № 2 (55).

14. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5351.

15. *Адамянц С. Т.* Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150).

16. Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (с изм. на 30 марта 2018 г.) // СЗ РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.

17. Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ, 2025. № 23. Ст. 3357.

18. Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» (с изм. на 29 марта 2023 г.) // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.

19. *Посадский А. В.* Дискурс традиционных ценностей в пространстве российского конституционализма // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44).

20. *Рудаков А. Б.* Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте проблематики российской общегражданской идентичности // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44).

21. *Садовникова Г. Д.* 30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 10 (155).

References

1. *Rudakova O. N.* Legal Support of Traditional Values as the Basis of Constitutional Values. *Law and the State: Theory and Practice*, 2023, no. 4 (220). (In Russ.)

2. Traditional Values, Modern Goals. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi (date of the application: 29.04.2024). (In Russ.)

3. Decree of the President of the Russian Federation of 9 November 2022 No. 809 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 46, art. 7977. (In Russ.)

4. *Hoffman A. B.* On Traditionalism, Identity and Legitimacy. Sociological Aspects of the Relationship. *Russia Is Reforming*, 2018, no. 16. (In Russ.)

5. U.S. Constitution. URL: https://constitution.congress.gov/constitution/ (date of the application: 29.04.2024).

6. *Rassadina T. A.* Transformations of Traditional Russian Values in the Moral Orientations of Russians. Moscow: Prometheus; MPSU, 2004. (In Russ.)

7. *Maltsev G. V.* The Moral Foundations of Law. Moscow: SSU Publishing House, 2008. (In Russ.)

8. *Tsybulevskaia O. I.* The Moral Foundations of Modern Russian Law. Saratov: Saratov State Academy of Law, 2004. (In Russ.)

9. *Artemov V. M.* Morality and Law: Reality and Prospects of Interaction. *Current Problems of Russian Law*, 2018, no. 8 (93). (In Russ.)

10. *Trifonova D. G.* The Category of Morality in the Construction of Legal Argumentation by Constitutional Justice Bodies (on the Example of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the European Court of Human Rights). *Constitutional and Municipal Law*, 2019, no. 10. (In Russ.)

11. *Ladeinova O. S.* Moral and Philosophical Expertise as a Tool for the Evolution of Law (on the Example of Program and Strategic Documents). *Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 7. (In Russ.)

12. *Cherniavskii A. G.* The Law of at Least Morality. *Education and Law*, 2020, no. 3. (In Russ.)

13. *Engibarian R. V.* Morality and Politics: Are They Compatible in Russia. *Law and Management. The* 21*st Century*, 2020, vol. 16, no. 2 (55). (In Russ.)

14. Decree of the President of the Russian Federation of 2 July 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part 1), art. 5351. (In Russ.)

15. *Adamiants S. T.* Spiritual and Moral Values of Russian Society as an Object of Legal Support. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2023, no. 1 (150). (In Russ.)

16. Decree of the Government of the Russian Federation of 29 February 2016 No. 326-r "On Approval of the Strategy of the State Cultural Policy for the Period up to 2030" (as amended on 30 March 2018). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2016, no. 11, art. 1552. (In Russ.)

17. Decree of the Government of the Russian Federation of 29 May 2015 No. 996-r "On Approval of the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the Period up to 2025". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 23, 06/08/2015, art. 3357. (In Russ.)

18. Decree of the President of the Russian Federation of 23 November 2020 No. 733 "On Approval of the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the Period up to 2030" (as amended on 29 March 2023). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 48, art. 7710. (In Russ.)

19. *Posadskii A. V.* The Discourse of Traditional Values in the Space of Russian Constitutionalism. *Culturological Journal*, 2021, no. 2 (44). (In Russ.)

20. *Rudakov A. B.* Traditional Russian Spiritual and Moral Values in the Context of the Problems of Russian Civil Identity. *Culturological Journal*, 2021, no. 2 (44). (In Russ.)

21. *Sadovnikova G. D.* 30 Years of the Constitution of the Russian Federation: Traditional Values and New Priorities. *Actual Problems of Russian Law*, 2023, vol. 18, no. 10 (155). (In Russ.)

Сведения об авторе:
С. Р. Решетняк – старший преподаватель.

Information about the author:
S. R. Reshetnyak – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 13.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 342.7
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-43-51

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Константин Валерьевич Черкасов

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

CherkasovKV1978@yandex.ru

Аннотация

Актуальность настоящей статьи заключается в разработке в ней вопросов совершенствования федерального законодательства с учетом потребности сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Цель работы состоит в обосновании и формулировании конкретных рекомендаций по оптимизации действующего законодательства в этом направлении, а также в предложении механизма, позволяющего обеспечить в перспективе в принимаемых правовых документах требования о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Методологическую основу исследования составили методы общенаучного и частнонаучного познания: анализ, синтез, диалектический, логический, формально-юридический, системно-структурный, метод правового прогнозирования. Применение указанных методов позволило всесторонне проанализировать предмет исследования, сформулировать научные выводы, предложения и рекомендации. Основное содержание статьи включает анализ представления исследуемой проблематики в научной литературе, а также авторские предложения по пяти направлениям совершенствования существующих нормативных правовых и концептуальных актов: первое направление – оптимизация законодательства о национальной безопасности; второе направление – модернизация стратегических установлений (статутов) по отдельным аспектам национальной безопасности; третье направление – дополнение

и детализация полномочий публичных органов; четвертое направление – уточнение иного текущего законодательства, непосредственно связанного с вопросами обеспечения национальной безопасности в рассматриваемой сфере; пятое направление – создание механизма, препятствующего в будущем принятию и действию нормативных правовых актов, не учитывающих аспекты сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Научная новизна проведенного исследования раскрыта в конкретных предложениях и рекомендациях по совершенствованию федерального законодательства, а равно в обобщающих выводах по проблематике работы. В заключении делается вывод, что игнорирование или принижение значимости сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей является для российского общества и Российского государства экзистенциальной угрозой. Одни лишь доктринальные и стратегические документы не способны в полной мере решить указанную задачу. В этой связи необходимость совершенствования действующего законодательства, а также потребность создания механизма обеспечения учета в принимаемых нормативных правовых актах, в соответствующей правоприменительной практике требования сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей не вызывает сомнений.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности; традиционные ценности; национальная безопасность; государственная политика; стратегические документы; полномочия публичных органов; деструктивная идеология; гражданская идентичность; миграция; экзистенциальная угроза.

Для цитирования: *Черкасов К. В.* К вопросу о совершенствовании федерального законодательства в контексте сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 43–51. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-43-51

Research Article

ON IMPROVING FEDERAL LEGISLATION IN THE CONTEXT OF PRESERVING AND STRENGTHENING TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Konstantin V. Cherkasov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

CherkasovKV1978@yandex.ru

Abstract

The relevance of this article lies in the development of issues of improving federal legislation in it, taking into account the need to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values. The purpose of the work is to substantiate and formulate specific recommendations for optimizing the current legislation in this direction, as well as to propose a mechanism that allows in the future to ensure in the adopted legal documents the requirements for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values. The methodological basis of the research is based on the methods of general scientific and private scientific cognition: analysis, synthesis, dialectical, logical, formal-legal, systemic-structural, method of legal forecasting. The use of these methods made it possible to comprehensively analyze the subject of the study, formulate scientific conclusions, suggestions and recommendations. The main content of the article includes an analysis of the presentation of the studied issues in the scientific literature, as well as the author's proposals on five areas of improvement of existing normative legal and conceptual acts: the first direction is the optimization of legislation on national security; the second direction is the modernization of strategic regulations (statutes) on certain aspects of national security; the third direction is the addition and detailing of the powers of public authorities; the fourth direction is the clarification of other existing laws directly related to issues of ensuring national security in the area under consideration; the fifth direction is to create a mechanism that prevents the adoption and operation of regulatory legal acts in the future that do not take into account aspects of preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values. The scientific novelty of the conducted research is revealed in specific proposals and recommendations for improving federal legislation, as well as in generalizing conclusions on the problems of the work. In conclusion, it is concluded that ignoring or belittling the importance of preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values is an existential threat to Russian society and the Russian state. Doctrinal and strategic documents alone are not capable of fully solving this task. In this regard, the need to improve the current legislation, as well as the need to create a mechanism to ensure that the requirements of preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values are taken into account in the adopted normative legal acts, in appropriate law enforcement practice, is beyond doubt.

Keywords: spiritual and moral values; traditional values; national security; public policy; strategic documents; powers of public authorities; destructive ideology; civic identity; migration; existential threat.

For citation: *Cherkasov K. V.* On Improving Federal Legislation in the Context of Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 43–51. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-43-51

Введение

Вопросы духовно-нравственных и традиционных ценностей вообще и российского общества в частности ранее неоднократно освещались и обсуждались на страницах политико-правовой, философско-религиозной, социологической и педагогической литературы, в том числе монографического уровня. В данных трудах особо подчеркивались роль и значение этих ценностей для сохранения и развития Российского государства. С принятием указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и в значительной степени детализирующего его отдельные положения указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» традиционные российские духовно-нравственные ценности вновь привлекли внимание современных правоведов [1, с. 61–68; 2, с. 138–151; 3, с. 294–306, 4, с. 32–40; 5, с. 7–14].

В большинстве своем представители юридической науки акцентировали научный интерес на исторических и теоретических аспектах ценностей, содержании, осознании и восприятии в праве, влиянии на развитие отраслей юриспруденции. При этом многие моменты их закрепления и развития в текущем законодательстве остались за рамками исследований, в результате чего данные позиции в полной мере оказались пока не раскрытыми. Вместе с тем следует признать и весьма успешные попытки отдельных авторов, причем как юристов, так и политологов определить нормативные акты, подлежащие корректировке и содержательным изменениям [6, с. 10–14; 7, с. 33–41; 8, с. 35–42; 9, с. 100–105; 10, с. 36–43]. Но законодательство обширно, а потому учесть все в одной и даже нескольких работах не представляется возможным. Ситуация осложнена еще и в силу того, что указанное направление имеет не только серьезное теоретическое, но и практическое значение. Успешная реализация стратегических установлений всегда связана с известными трудностями для правоприменителей и вряд ли достижима без исчерпывающего нормативного обеспечения (регулирования). При этом и сами эти основополагающие установки должны в полной мере соответствовать друг другу и дополнять одна другую.

Восполняя в определенной мере данный пробел, в целях согласования федерального законодательства и доктринальных документов в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей представляется целесообразной реализация следующих предложений по направлениям совершенствования существующих нормативных правовых и концептуальных актов.

1. Общие вопросы национальной безопасности

Первое направление – оптимизация законодательства о национальной безопасности. Необходимым является внесение дополнения в ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» в части включения в перечень принципов обеспечения национальной безопасности принципа «сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Рекомендуемая корректировка базового нормативного акта в области безопасности, по нашему мнению, позволит обеспечить детализацию и реализацию данного принципа во всех иных нормативных и программных документах в области безопасности.

2. Концептуальные и стратегические документы

Второе направление – модернизация стратегических установлений (статутов) по отдельным аспектам национальной безопасности. Имеется потребность дополнить п. 17 Концепции внешней политики Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229, задачей для достижения стратегических целей внешней политики России «разъяснение и продвижение традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; п. 11 Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы, утв. указом Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505, приоритетом государственной политики России в отношении российского казачества «привлечение российского казачества к участию в мероприятиях, направленных на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; подп. «в» п. 32 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утв. указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344, основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму в области государственной национальной политики «реализация мер, направленных на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; п. 20 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утв. указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622, одним из основных принципов миграционной политики «сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; разд. IV Основ государственной культурной политики, утв. указом Президента РФ 24 декабря 2014 г. № 808, целью государственной культурной политики «сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; п. 5 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, приоритетом государственной национальной политики России «сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Документы стратегического характера в обязательном порядке должны коррелировать друг другу. Только в этом случае будет можно достигнуть необходимого их синергетического эффекта. При этом нельзя не обратить внимания, что многие указанные акты имеют ограниченный временной период действия и в скором будущем должны будут утратить силу или быть продлены. В этой связи востребованность в своевременном совершенствовании их предписаний возрастает.

3. Органы публичной власти и управления

Третье направление – дополнение и детализация полномочий публичных органов, в рамках которых логичным видится следующее:

1) на федеральном уровне – дополнить ст. 21 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» относительно полномочий Правительства России, зафиксировав «обеспечивает сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; дополнить п. 2 ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» уточнением функции Совета Безопасности России «анализ информации о реализации основных направлений государственной политики в области обеспече-

ния безопасности, о социально-политической и об экономической ситуации в стране, о соблюдении прав и свобод человека и гражданина» позицией «о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей»;

2) на региональном уровне – дополнить п. 4 ст. 33 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» применительно к полномочиям высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации положением «осуществляет меры по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»;

3) на муниципальном уровне – дополнить п. 7.2 ст. 14, п. 6.2 ст. 15, п. 7.2 ст. 16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», расширив перечень полномочий местного значения городского поселения, муниципального района, муниципального, городского округа, используя формулировку «создание условий для реализации мер, направленных на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Кроме того, предлагается также отнести данное правомочие к вопросам местного значения внутригородского района, прописав в ч. 1 ст. 16.2 подп. 15 в редакции «создание условий для осуществления мер по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Реализация данных положений, на наш взгляд, не только позволит конкретизировать полномочия соответствующих государственных и муниципальных органов, но и будет способствовать последовательному проведению единой государственной политики в области сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей на всех трех уровнях публичного управления (властвования).

4. Миграционная политика и миграционное законодательство

Четвертое направление – уточнение иного текущего законодательства, непосредственно связанного с вопросами обеспечения национальной безопасности в рассматриваемой сфере. В этом плане нуждаются в корректировке ст. 15 и 21 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» соответственно в том, что принимаемый в гражданство России также должен отвечать требованию «знает и придерживается традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а в текст присяги лица, принимаемого в гражданство России, необходимо включить обязательство «чтить традиционные российские духовно-нравственные ценности». Не лишено смысла дополнить п. 39 указа Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 889 «Вопросы гражданства Российской Федерации» требованием о предоставлении принимаемым в гражданство России сертификата, подтверждающего «знание традиционных российских духовно-нравственных ценностей», что фактически будет означать возложение обязанности на иностранного гражданина или лица без гражданства сдать соответствующий экзамен.

Необходимо отметить, что существующее миграционное законодательство требует серьезного переосмысления на предмет его соответствия сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. На сегодняшний день правовое регулирование в этой сфере и основанное на нем

правоприменение не только не способствуют обеспечению стабильности и развитию одного из важнейших элементов национальной безопасности страны – традиционных российских духовно-нравственных ценностей, но и потворствует внедрению деструктивной идеологии, расколу российского общества и в целом угрожает разрушению (потери) общероссийской гражданской идентичности, под которой понимается осознание гражданами России их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества.

5. Нормотворчество и правоприменение

Пятое направление – создание механизма, препятствующего в будущем принятию и действию нормативных правовых актов, не учитывающих аспекты сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В соответствии с Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 13 января 2023 г. № 10 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации», одной из основных задач Минюста России выступает осуществление деятельности, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В этой связи важным является изменение п. 11 постановления Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» и закрепление в нем требования, согласно которому государственная регистрация нормативного правового акта включает в себя в том числе проверку (экспертизу) на предмет сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Дополнительно следует конкретизировать п. 2 Положения о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657, подп. «ж» о том, что мониторинг осуществляется в отношении нормативных правовых актов Российской Федерации – в целях реализации политики сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Данная инициатива будет способствовать обеспечению единства правового пространства страны по исследуемой проблеме.

Заключение

В заключение подчеркнем, что сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, несомненно, является крайне важным для обеспечения национальной безопасности страны и сбережения как российского общества, так и государственности. По сути, игнорирование или, того хуже, принижение значимости указанных ценностей есть угроза для нас экзистенциальная. Как показывает жизнь, одни лишь доктринально-стратегические документы, невзирая на их чрезвычайную существенность, все же не способны в полной мере решить указанную задачу. В данном контексте и с учетом обозначенных аспектов имеется насущная потребность в оптимизации уже действующего федерального законодательства, а также в создании надежного организационно-правового механизма обеспечения учета в принимаемых нормативных правовых актах, в пра-

вопримененительной практике требования сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Пристатейный библиографический список

1. *Адамянц С. Т.* Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения: вопросы теории и практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150).
2. *Галяшина Е. И., Богатырев К. М.* Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 10 (191).
3. *Кропачев Н. М., Архипов В. В.* Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 2.
4. *Хужина О. Н., Плешаков Е. А.* О юридическом приоритете традиционных духовно-нравственных ценностей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65).
5. *Шатковская Т. В.* Правовая экспертиза законодательства об охране традиционных духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации // Духовно-нравственные и социокультурные основания национального единения и согласия в праве : сборник научных статей по результатам работы III Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2023.
6. *Горлова И. И.* Традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации: состояние и пути совершенствования // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44).
7. *Ережипалиев Д. И.* Совершенствование законодательства, направленного на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54).
8. *Овчинников А. И.* Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1.
9. *Смелова С. В.* Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей: нормативно-правовое обеспечение // Социально-гуманитарные исследования: векторы развития науки и образования : материалы VIII научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году педагога и наставника. М. : МПГУ, 2023.
10. *Шихер Н. Д.* Идеологические тенденции современного российского законодательства // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23. № 1.

References

1. *Adamiants S. T.* Spiritual and Moral Values of Russian Society as an Object of Legal Support: Questions of Theory and Practice. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2023, no. 1 (150). (In Russ.)

2. *Galiashina E. I., Bogatyrev K. M.* The Concept of "Traditional Russian Spiritual and Moral Values" in the Context of Ensuring Media Security in the Internet Environment. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 10 (191). (In Russ.)

3. *Kropachev N. M., Arkhipov V. V.* Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of the Digital Transformation of Society: Theoretical and Legal Aspects. *Bulletin of St. Petersburg University. Law*, 2023, vol. 14, no. 2. (In Russ.)

4. *Khuzhina O. N., Pleshakov E. A.* On the Legal Priority of Traditional Spiritual and Moral Values. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65). (In Russ.)

5. *Shatkovskaia T. V.* Legal Examination of Legislation on the Protection of Traditional Spiritual and Moral Values in the Russian Federation. In Spiritual, Moral and Sociocultural Foundations of National Unity and Harmony in Law. Collection of Scientific Articles Based on the Results of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2023. (In Russ.)

6. *Gorlova I. I.* Traditional Spiritual and Moral Values in Legal Documents of the Russian Federation: State and Ways of Improvement. *Culturological Journal*, 2021, no. 2 (44). (In Russ.)

7. *Erezhipaliev D. I.* Improving Legislation Aimed at Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values. *Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, vol. 14, no. 4 (54). (In Russ.)

8. *Ovchinnikov A. I.* National Security and Traditional Spiritual and Moral Values: Issues of Legislative Support. *Bulletin of the Faculty of Law of Southern Federal University*, 2022, vol. 9, no. 1. (In Russ.)

9. *Smelova S. V.* Protection of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Legal Support. In Social and Humanitarian Research: Vectors of Development of Science and Education: Materials of the VIII Scientific and Practical Conference with International Participation, Dedicated to the Year of the Teacher and Mentor. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2023. (In Russ.)

10. *Shikher N. D.* Ideological Trends in Modern Russian Legislation. *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*, 2023, vol. 23, no. 1. (In Russ.)

Сведения об авторе:

К. В. Черкасов – доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:

K. V. Cherkasov – Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 13.05.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 316.75
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-52-58

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПОБОЕВ В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ: ПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ИЛИ ОШИБКА?

Ольга Владимировна Чумакова[1,2,3]

[1] Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

[2] Филиал Российского государственного гуманитарного университета в г. Домодедово, 142000, Россия, г. Домодедово, Каширское шоссе, д. 4, корп. 2

[3] Московский городской университет управления Правительства Москвы, 107045, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, д. 28

Chumakova-ov@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются последствия декриминализации побоев в контексте семейно-бытового насилия. Определены аргументы за и против административной преюдиции побоев в отношении близких лиц. Делается вывод о негативном влиянии декриминализации побоев в сфере профилактики домашнего насилия.

Ключевые слова: декриминализация побоев; административная преюдиция; семейно-бытовое насилие; права человека.

Для цитирования: *Чумакова О. В.* Декриминализация побоев в контексте семейно-бытового насилия: правильное решение или ошибка? // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 52–58. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-52-58

Research Article

DECRIMINALIZATION OF BEATINGS IN THE CONTEXT OF DOMESTIC VIOLENCE: THE RIGHT DECISION OR A MISTAKE?

Olga V. Chumakova[1,2,3]

[1] All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

[2] Branch of Russian State University for the Humanities in Domodedovo, 2, Bldg. 4 Kashirskoe Ave., Domodedovo, 142000, Russia

[3] Moscow City University of Management of the Government of Moscow, 28 Sretenka St., Moscow, 107045, Russia

Chumakova-ov@yandex.ru

Abstract

The article discusses the consequences of the battery decriminalization within the context of domestic violence. It identifies the arguments "for" and "against" concerning an administrative *res judicata* of the battery. It is concluded that the battery decriminalization has negative influence on prevention of domestic violence.

Keywords: battery decriminalization; administrative *res judicata*; domestic violence; human rights.

For citation: *Chumakova O. V.* Decriminalization of Beatings in the Context of Domestic Violence: The Right Decision or a Mistake? *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 52–58. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-52-58

Более семи лет прошло со дня вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 8-ФЗ). Закон исключил понятие домашнего насилия из российского законодательства, вследствие чего нанесение побоев близкому лицу стало преследоваться по ст. 6.1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях [2] (далее – КоАП РФ) наравне с побоями по отношению к постороннему лицу. Нанесение побоев без отягчающих обстоятельств стало регулироваться по принципу административной преюдиции: к лицам, привлекавшимся к ответственности по этой статье в течение года, начали применяться санкции ст. 116.1 Уголовного кодекса РФ [3] (далее – УК РФ).

Семилетний срок более чем достаточен для того, чтобы сделать вывод о результатах реформы в исследуемой сфере. Домашнее насилие в большинстве случаев совершается в форме побоев, и, как показывает статистика, за 2023 г. в России было рассмотрено 146 702 дела (170 608 в 2022 г.). Подвергнуто наказанию в 2023 г. 91 964 человека (доля наказанных 63%), а в 2022 г. – 108 420, оправдано в 2023 г. 13 065 (доля оправданных 9%), а в 2022 г. 15 379 человек, наказание штрафом применялось 94 469 раз в 2022 г., а в 2023 г. – 81 956, размер штрафов – в 2023 г. 446 367 000 руб. против 511 105 000 руб. в 2022 г. Административный арест был назначен в качестве наказания в 2023 г. в 4190 случаях и 5452 раза в 2022 г. [4].

По ст. 116.1 УК РФ осуждено в 2022 г. 1919 человек, оправдано девять, ограничение свободы – один раз, наказание в виде штрафа получили 367 человек, к исправительным работам были осуждены 620 человек, обязательные работы были назначены 839 раз, принудительные меры к невменяемым применялись 12 раз. В 2023 г. осуждено 1612 человека, оправдано 15, наказание в виде штрафа получили 404 человека, к исправительным работам были осуждены 412 человек, обязательные работы назначены 724 гражданам, принудительные меры к невменяемым применялись 12 раз. И это только официальные данные. А сколько жертв домашнего насилия не обращаются за помощью к правоохранительным органам, предпочитая не выносить «ссор из избы»? А есть и те, кто обращается за помощью, но халатное отношение ряда представителей правоохранительных органов не дает им реализовать свое право на защиту.

Когда законопроект о декриминализации побоев только находится на стадии обсуждения, его авторы аргументировали необходимость его принятия тем, что он ограждает семью от чрезмерного вмешательства государства. Подобной позиции придерживались Елена Мизулина, один из авторов законопроекта, и Русская православная церковь. Вторым аргументом было, по мнению законодателей, нежелание жертв обращаться в органы МВД из-за нежелания наступления уголовной ответственности, судимости для близких лиц и невозможности прекращения дела в результате примирения сторон. Проведенная реформа заменила уголовную ответственность административной, а частно-публичное обвинение – частным (позволяющим прекратить дело в связи с примирением сторон) [5].

Еще одним плюсом посчитали снижение нагрузки на сотрудников правоохранительных органов, которым приходилось принимать заявления о домашнем насилии, которые впоследствии часто отзывались.

Дополнительным приятным бонусом декриминализации побоев стала экономическая выгода для бюджета страны, так как по ст. 6.1.1 КоАП РФ в качестве наказания чаще всего применяется штраф.

Со своей стороны правозащитники еще в период обсуждения законопроекта начали выражать опасение, что он может значительно ухудшить положение жертв домашнего насилия.

Конечно, статистически, количество преступлений в сфере семейно-бытового насилия сокращается, но это происходит только из-за того, что первичные побои не учитывают, так как они стали правонарушением. А МВД ведет учет количества возбужденных уголовных дел. К сожалению, истинная причина снижения

семейно-бытовых преступлений состоит исключительно в смене порядка фиксации и подсчетов семейных драм. За I квартал 2024 г. за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, зарегистрировано 3790 дел, из них выявлено сотрудниками ОВД 3737 [6].

Реформа исключила домашнее насилие как юридическое понятие, соответственно, перестала существовать правовая база для сбора соответствующих данных [5, с. 74–76]. Правозащитные организации стараются получить адекватную информацию о последствиях декриминализации семейно-бытового насилия, однако получить реальные статистические данные практически не представляется возможным. Довольно обстоятельный анализ был представлен в докладе «Я могу тебя убить, и никто меня не остановит: проблема домашнего насилия в России и реакция государства» [7] в 2018 г. Вердикт доклада неутешителен: декриминализация домашнего насилия привела к исключительно негативным последствиям. По мнению автора доклада, причинами ухудшения положения жертв семейно-бытового насилия стали несколько факторов. Первый из них, исключение МВД такого основания для ведения статистики как семейно-бытовое насилие, следовательно, в настоящее время учитываются обращения, дошедшие до уголовного производства. В результате этого отсутствует осознание реального масштаба проблемы. Вторым фактором автор посчитал, что перенесение побоев из категории преступления в правонарушение многими правонарушителями психологически воспринимается как разрешение к насилию.

И, конечно, нельзя не согласиться с авторами исследования, которые справедливо отмечают, что применение санкции в виде штрафа несоразмерно рукоприкладству по отношению к близкому человеку и не отвечает правовому принципу справедливости [5]. За 2023 г. размер штрафа в среднем составлял 5000 руб. [4], а в 2022 г. и того меньше – 4000 руб. Штраф за рукоприкладство по отношению к близкому человеку выплачивается из семейного бюджета, т.е. санкция ложится и на обидчика, и на жертву. Также потерпевший никак не защищен дальнейших нападок обидчика за обращение в полицию, так как в большинстве случаев проживает совместно с ним и зачастую финансового зависит от него. Кроме перечисленных, мы можем выявить несколько проблем процессуального характера. В частности, отказывая в возбуждении дела по ст. 6.1.1 КоАП РФ, сотрудники МВД могут не выдать определение об отказе, а обжалование этого решения предусмотрено Кодексом административного судопроизводства РФ [8] лишь при наличии определения, в то время как Уголовно-процессуальный кодекс РФ позволяет обжаловать как действия, так и бездействие сотрудников государственной власти [9].

Отнесение производства по ст. 116.1 УК РФ к частному обвинению, возложило на жертву все судебные расходы и бремя доказывания, а у большинства пострадавших зачастую отсутствуют правовые знания, нет свободных денежных средств и психологических ресурсов. Наличие подобных процессуальных препятствий дают информации о побоях со стороны близкого человека дойти до суда – только в 3% [7]. Эту проблему отметил и Верховный Суд РФ, выступив с законодательной инициативой об отнесении ст. 116.1 УК РФ к частно-публичному обвинению [10]. В постановлении от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки

Л. Ф. Саковой», в которой говорилось, что оспариваемые нормы нарушают право потерпевшей на государственную защиту ее прав, не позволяют в должной мере учесть систематический характер насилия в семье и искусственно снижают общественную опасность таких повторяющихся деяний, Конституционный Суд удовлетворил жалобу, признав ст. 116.1 УК РФ несоответствующей Конституции РФ.

В ст. 116.1 УК РФ, по сравнению со ст. 116 УК РФ, следует отметить отсутствие таких мотивов, как хулиганские побуждения, а также политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы. По этой статье теперь осуждаются лица, совершившие побои по мотивам личной неприязни, ненависти, мести, ревности, из-за семейного конфликта и т.п., в случае совершения преступления в течение года с момента исполнения административного наказания [11].

Статья 116.1 УК РФ явилась результатом частичной декриминализации побоев, что вызвало достаточно много возражений специалистов [12, с. 40–49; 13, с. 43–46; 14, с. 328–331]. В научной литературе часто высказываются сомнения в отсутствии общественной опасности побоев со ссылкой на насильственный характер преступления, наличие уголовно-правового запрета побоев в истории российского законодательства и многих зарубежных стран. Нельзя не согласиться с мнением авторов, которые считают, что отсутствие в административном праве институтов соучастия, неоконченного преступления, поможет избежать ответственности организаторам, подстрекателям и пособникам побоев, лицам, чье посягательство было пресечено на стадии покушения [11]. Исключение возможности проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий породит безнаказанность не пойманного на месте совершения побоев виновного.

По мнению некоторых авторов, для эффективной профилактики домашнего насилия необходимо принять целый ряд мер (признание проблемы на государственном уровне, принятие специального федерального закона, просвещение населения и т.д.), однако в первую очередь должен быть возвращен криминализованный состав семейно-бытовых побоев [5]. По результатам проведенного исследования можно прийти к выводу, что семилетний срок с момента декриминализации побоев позволил выявить негативные последствия: количество случаев домашнего насилия возросло. Перевод состава статьи из УК РФ в КоАП РФ значительно ухудшил положение граждан и породил некоторую иллюзию безнаказанности у «домашних боксеров».

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 октября 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям // Судебная статистика РФ : сайт. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1 (дата обращения: 10.08.2024).

5. *Яушева А. Д.* Последствия декриминализации побоев в контексте семейно-бытового насилия // Административное право и процесс. 2021. № 12.

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–март 2024 года // МВД России : сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/49477631/ (дата обращения: 10.08.2024).

7. *Горбунова Ю. П.* Я могу тебя убить, и никто меня не остановит: проблема домашнего насилия в России и реакция государства. Human Rights Watch, 2018.

8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 22 апреля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 3 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: http://www.supcourt.ru/documents/own/29852/ (дата обращения: 10.08.2024).

11. *Казакова В. А.* Проблемы квалификации преступлений против здоровья : монография // СПС «КонсультантПлюс».

12. *Дмитренко А. П., Сарницкий С. Н.* О социальной обусловленности частичной декриминализации побоев // Кубанское агентство судебной информации PRO-Sud-123.ru. 2017. № 2.

13. *Косьяненко Е. В.* Опасность декриминализации деяний, предусмотренных ст. 116 и 119 УК РФ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2016. № 1 (43).

14. *Рубцова А. С.* Декриминализация побоев: к вопросу о защите телесной неприкосновенности личности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIV Международной научно-практической конференции (26–27 января 2017 г.). М. : МГЮА, 2017.

References

1. Federal Law of 7 February 2017 No. 8-FZ "On Amendments to Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30 December 2001 No. 195-FZ (as amended on 1 July 2021) (with amendments and additions, effective from 1 October 2021) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

3. Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ (as amended on 1 July 2021) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

4. Administrative Offences. Indicators for Individual Offences. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1 (date of the application: 10.08.2024). (In Russ.)

5. *Iausheva A. D.* Consequences of Decriminalization of Beatings in the Context of Family and Domestic Violence. *Administrative Law and Procedure*, 2021, no. 12. (In Russ.)

6. Brief Description of the State of Crime in the Russian Federation for January–March 2024. URL: https://мвд.рф/reports/item/49477631/ (date of the application: 10.08.2024). (In Russ.)

7. *Gorbunova Iu. P.* I Can Kill You, and No One Will Stop Me: The Problem of Domestic Violence in Russia and the Reaction of the State. Human Rights Watch, 2018. (In Russ.)

8. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 8 March 2015 No. 21-FZ (as amended on 6 April 2024) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

9. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ (as amended on 22 April 2024) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 6 April 2021 No. 3 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (Regarding Changes in the Type of Criminal Prosecution in Relation to Crimes Provided for in Part One of Article 115, Article 116.1 and Part one of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)". URL: http://www.supcourt.ru/documents/own/29852/ (date of the application: 10.08.2024). (In Russ.)

11. *Kazakova V. A.* Problems of Qualification of Crimes Against Health: Monograph (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

12. *Dmitrenko A. P., Sarnitskii S. N.* On the Social Conditionality of Partial Decriminalization of Beatings. *Kuban Judicial Information Agency PRO-Sud*-123.*ru*, 2017, no. 2. (In Russ.)

13. *Kosianenko E. V.* The Danger of Decriminalization of Acts Provided for in Articles 116 and 119 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2016, no. 1 (43). (In Russ.)

14. *Rubtsova A. S.* Decriminalization of Beatings: On the Issue of Protecting the Bodily Integrity of the Individual. In Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century: Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference (26–27 January 2017). Moscow: Moscow State Law University, 2017. (In Russ.)

Сведения об авторе:
О. В. Чумакова – доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:
O. V. Chumakova – Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 13.05.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 316.776.3; 316.35
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-59-81

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В МОЛОДЕЖНЫХ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВАХ С РАДИКАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКОЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»*

Владимир Иванович Красиков

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

KrasVladIv@gmail.com

Аннотация

В этой статье мы рассматриваем политизированные онлайн-сообщества «левых», «правых», «радикальных либералов» и «сексистов» (радикальных феминисток и маскулистов) в социальной сети «ВКонтакте» – в виде отдельных кластеров (модулей) – на предмет их мировоззренческих и функциональных внутренних дифференциаций. Их выборка проводилась в первой половине 2024 г. – через ручной поиск с одновременным формированием соответствующей методологии, использующей специфику структурирования пабликов, принятой в социальной сети «ВК». Речь идет о системе самоидентификационных меток, предлагаемых к заполнению при создании типового паблика, предоставляемого социальной сетью «ВКонтакте». Для структурирования выявленных констелляций политизированных онлайн-сообществ, мы адаптировали к нашим задачам модель «ядро-периферия» Дж. Фридмана. Структуры левого радикального кластера, праворадикальной констелляции, несистемной либеральной оппозиции и сексистского дискурса были представлены через «ядро» – онлайн-сообщества, дальше других прошедших по пути радикализации. Это наиболее резкие, непримиримые, эмоциональные и популистские паблики, создающие «брэнд», «легенду» направления, у них четкие однозначные неизменные взгляды (догмы), доходящие до состояния иррациональной веры.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00080 (https://rscf.ru/project/23-28-00080/).

«Ядро» окружаемо «периферией» – онлайн-сообществами с более размытой, нечеткой идентичностью, их взгляды – микс разных оттенков их соответствующего политического спектра, эклектика того или иного масштаба. Структуры представлены в ряде суммирующих таблиц, на основе которых в завершение предложены шкала радикализации и сведения о годовой динамике притока-оттока в рассмотренных онлайн-сообществах социальной сети «ВК».

Ключевые слова: левый радикализм; правый радикализм; радикальные либералы; сексисты; онлайн-сообщества в социальной сети «ВКонтакте»; «ядро»; «периферия».

Для цитирования: *Красиков В. И.* Мировоззренческие и функциональные дифференциации в молодежных онлайн-сообществах с радикальной политической риторикой в социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 59–81. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-59-81

Research Article

WORLD-VIEW AND FUNCTIONAL DIFFERENTIATION IN YOUTH ONLINE COMMUNITIES WITH RADICAL POLITICAL RHETORIC ON THE SOCIAL NETWORK *VKONTAKTE*[*]

Vladimir I. Krasikov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

KrasVladIv@gmail.com

Abstract

In this article we look at the politicized online communities of "left", "right", "radical liberals" and "sexists" (radical feminists and masculists) on the social network "VKontakte". We define them in the form of separate clusters with their own ideological and functional internal differentiations. We identified them through a manual search while simultaneously developing an appropriate methodology using the specifics of public structuring adopted in the VK social network. We are talking about a system of self-identification tags proposed for filling out when creating a standard public page provided by the social network "VKontakte". To structure the identified constellations of politicized online communities, we adapted J. Friedman's "core-periphery" model to our tasks. We

[*] The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00080 (https://rscf.ru/project/23-28-00080/).

designated the online communities that have gone further along the path of radicalization than others as the "core". These are the harshest, irreconcilable, emotional and populist online communities that create a "brand", a "legend" of a movement that has unambiguous, unchanging views, reaching the state of irrational faith. The "peripheries" are online communities with more diffuse, fuzzy identities, and their views are a mixture of different shades of their respective political spectrum. We presented the structures in a series of summarizing tables, on the basis of which we finally proposed a scale of radicalization and information about the annual dynamics of inflow and outflow in the considered online communities of the social network "VK".

Keywords: left radicalism; right radicalism; radical liberals; sexists; online communities in the social network "VKontakte"; "core"; "periphery".

For citation: *Krasikov V. I.* World-View and Functional Differentiation in Youth Online Communities with Radical Political Rhetoric on the Social Network *Vkontakte*. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 59–81. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-59-81

Введение

Не секрет, что в массовых социальных сетях, в том числе и в наиболее крупной из них «ВКонтакте», существуют множество онлайн-сообществ, имеющих отчетливо радикальный профиль, т.е. прямо либо же косвенно ориентированных на политическое участие. Ранее мы выяснили, что в виртуальном пространстве «ВКонтакте» имеют место быть несколько подобных крупных сообществ, суммарно включающих в себя порядка пяти сотен онлайн-сообществ с примерно семью миллионами пользователей [1].

Каждое из них представляет собой некое отдельное от других смысловое мировоззренческое пространство, объединенное общей повесткой и «родовыми» признаками, позволяющими маркировать их именно как «левых», «правых», «радикальных либералов» и «политизированные сексисты». Коммуникация осуществляется как внутри, так и через противостояние с явными оппонентами. Конечно, это своего рода большие «эхо-камеры», идеологические «изоляты», хотя и активно обсуждающие и специфически по-своему реагирующие на быстро изменяющуюся социально-политическую действительность. И они имеют отчетливые связи между собой, предпочтения, разногласия внутри признаваемого ими же некоего, временами зыбкого, но все же определенного идеологического единства, также как и важные функциональные дифференциации, свидетельствующие о складывании некоторого организационного единства между этими пабликами, важной предпосылки для возможности их перехода уже в офлайн.

В этой статье мы поставили себе целью рассмотреть упомянутые выше четыре множества онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» – в виде отдельных кластеров (модулей) – на предмет их мировоззренческих и функциональных внутренних дифференциаций, которые, как оказалось, вполне явственны, доступны для экспликации. Как это оказалось возможным?

1. Методология

Рассмотрим ту методологию, которую мы сформировали в ходе эмпирических исследований, – с помощью возможностей, предоставляемых сетью «ВКонтакте»: специфики структурирования пабликов и социально-психологических особенностей онлайн-коммуникации.

Как расшифровать коммуникацию в социальной сети, которая по своим исходным условиям задумывалась приватной?

Нам помогла система своего рода самоидентификационных меток, предлагаемых к заполнению при создании типового паблика, предоставляемого социальной сетью «ВКонтакте». Речь идет прежде всего о своего рода «паспортичках», которые следует заполнить при создании имиджа паблика в этой социальной сети. Это раздел «Подробная информация», справа на экране (странице сети «ВКонтакте»). Привлеченные, по тем или иным мотивам, к «говорящему» названию данного паблика или по рекомендации, новые пользователи стремятся ознакомиться не только с его последними постами, но и с этим «представительским» разделом. Они вовсе не общеобязательны к заполнению, многие админы вновь создаваемых пабликов их просто игнорируют, ограничиваясь лишь названием, другие используют для ерничества, стеба, а то и для маскировки. Однако все же многие прекрасно понимают потенциал этого раздела в паблике для привлечения новых сторонников и стараются подать свой «брэнд» как можно более призывно, мотивационно и точно.

Раздел «Подробная информация» состоит из ряда рубрик, которые «свернуты» и выводятся, при кликании на него, в отдельную страницу, состоящую из ряда пунктов, заполняемых, с разной степенью старательности и мастерства, новоиспеченными админами:

– *название*: желательно найти удачное, хлесткое, ироничное самообозначение, что является, как и в случае с книгой, во многом залогом успеха;

– *краткое отнесение себя к той или иной категории* (в нашем случае политической: правые, левые, марксисты, анархисты, гуманисты или же мизантропы, либо самостоятельно выбранная самоидентификационная характеристика);

– *развернутая самохарактеристика*, выносимая, кстати, первым фрагментом – на основную страницу паблика для заинтересовывания к дальнейшему ознакомлению; это, как правило, краткое описание целей, задач, отличительных характеристик, друзей и врагов; однако иногда превращающееся либо в многословные выспренние манифесты, либо в ерничество, кривляние и оригинальничание;

– *хэштеги* или метки, представляющие для ознакомления основные темы и понятия, которые здесь представлены, важны и интересны для данного паблика и его потенциальных участников;

– *ссылки* на ресурсы: библиотеки, книжные магазины, образовательные паблики, новости, социальные, политические мероприятия и акции, дискуссионные клубы, юмор, мемы; для нас основной интерес представляли ссылки на сообщества в сети Интернет, в основном «ВКонтакте», большинство которых сопровождаемы краткими идентификационными характеристиками самих админов, как то: «друзья», «дружественное движение (паблик)», «похожие сообщества», «единомыш-

ленники», «товарищи», «союзники», «спутники», «соратники», «патриоты», «братья по оружию», «резервная группа», «младший брат», «субкультурная солидарность», «солидарное сотрудничество», «солидарность», «сеть взаимопомощи» и т.п., врагов, противников и оппонентов – не указывает почти никто;

– *контакты*, как правило, администраторов и активистов, их персональные странички также дают дополнительную интересную информацию о мировоззренческих пристрастиях и коммуникационных ориентациях паблика.

Плюс ко всему сказанному в некоторых случаях, скажем довольно-таки редких, хотя и не исключительных, рядом с прямоугольником слева с «Подробной информацией», т.е. справа, также в прямоугольнике располагается рубрика «Похожие сообщества», изредка заполняемая администратором (владельцем) паблика. Это также бесценный источник информации о сообществах, которые, по мнению того или иного актора, ему близки, мировоззренчески родственны.

Конечно, далеко не все ответственно подходят к предоставлению подобной информации, особенно той («ссылки» или же «похожие сообщества»), которая оказывается столь нужной для цели нашего исследования. Однако именно развитость, зрелость этого раздела паблика и особенно указание ссылок на родственные онлайн-сообщества много говорит о сообществе и его администраторах. За этим стоит их опыт общения и изучения содержания близких по контенту пабликов, налаживание коммуникации, самоанализ и сравнивание идеологических основ. Поэтому паблики со столь развитой системой указываемых ссылок (от десятка до нескольких десятков), сопровождаемой аналитическими характеристиками и самосоотнесениями можно отнести к своего рода «диспетчерам коммуникации» в каждом из политических сегментов социальной сети «ВКонтакте». И, как правило, именно эти паблики с развитой базой ссылок также указываются часто в ссылках идеологически родственных, но не обладающих столь развитым идентификационным кругозором. Именно по этим двум признакам-критериям мы можем выделить в каждой из основных радикальных политических ареалов социальной сети «ВКонтакте» некую констелляцию особо интенсивных коммуникационных «узлов», также выполняющих, предположительно, роль лидеров мнений и установителей повесток обсуждений.

Мы уже упоминали в начале этой статьи, что в 2023 г. по разработанным нами тезаурусам был проведен ручной поиск радикальных пабликов – посредством парсера «Топ-1000 групп ВК» – в социальной сети «ВКонтакте». Поиск был довольно-таки трудоемким, поскольку настройки и фильтры парсера были малоудовлетворительными, поэтому в представляемых итогах поисков всегда была велика доля совсем нерелевантных для наших целей сообществ. И тут помогали отмеченная ранее рубрика «Похожие сообщества».

В первой половине 2024 г. был проведен вторичный мониторинг по тем же радикальным пабликам, которые были выявлены годом прежде. Основная их масса пребывает в добром здравии, хотя есть и потери: некоторые, действительно наиболее скандальные, были заблокированы, а известная часть не возобновляла свою деятельность с лета-осени 2023 г. Вторичный мониторинг осуществлялся уже по тем новым параметрам, которые мы указали выше. В итоге была получена более объемная информация о четырех радикально-мировоззренческих кон-

стелляциях, внутри которых уже явственно проступили контуры их внутренних различений и функций. Следует отметить, что каждая из них представляет собой довольно развитые самодостаточные коммуникационные сферы с интенсивным внутренним трафиком схожей информации и высоким тонусом дискуссий по общей повестке. Анализ трафика, повестки и содержания дискуссий позволил выявить значимые различия в мировоззренческих ориентациях, организационных сопряжениях (выходящих в офлайн – на те или иные организации или лидеров), а также коммуникационные узлы в представленных далее радикально-мировоззренческих кластерах в социальной сети «ВКонтакте».

Как уже было указано, они самодостаточны и общение идет в основном внутри того или иного радикального кластера, однако явственно различимы разные степени резкости, непримиримости и настойчивости, рациональности и эмоциональности, теоретичности и популизма – в «манифестах» и дискурсе разных пабликов одного и того же направления.

Для представления выявленных констелляций политизированных онлайн-сообществ, мы адаптировали к нашим задачам модель «ядро-периферия» Дж. Фридмана в экономической географии. Напоминаем, что у Дж. Фридмана «ядро» обозначает наиболее развитые – в технологическом и социальном отношении – области страны (у нас – кластера), а «периферия» – отдаленные и слаборазвитые, зависимые от того, что дает им «ядро», «полупериферия» – медианная зона.

Применимо к нашему исследованию, мы будем называть «ядром» – онлайн-сообщества, дальше других прошедших по пути радикализации. Это наиболее резкие, непримиримые, настойчивые (в продвижении своих идей), эмоциональные и популистичные паблики, создающие «брэнд», «легенду» или «качество» направления, у них четкие однозначные неизменные взгляды (догмы), доходящие до состояния иррациональной веры («Маркс прав, потому, что он Маркс»). «Ядро» окружаемо «полупериферией» – мировоззренчески более гибкими объединениями, значит более ответственными в отношении офлайн практики сообществами, многие из них и являются офлайн партийными легальными организациями, в отличие от «площадного популизма» ядра – преимущественно только онлайновых явлений. «Периферия» объединяет онлайн-сообщества с размытой, нечеткой идентичностью, их взгляды – микс разных оттенков их политического спектра, эклектика того или иного масштаба.

Такая модель радикализма представляется нам более близкой к реалиям, ибо в основе действенности (и привлекательности) радикализма находятся прежде всего страсть, порыв, непримиримость, решительность и готовность идти до конца. Потому поддерживают жизнеспособность и долговечность той или иной радикальной констелляции эмоциональная энергия и харизма, пребывающие именно и прежде всего в «ядре», наиболее радикальных онлайн-сообществах. В модели Дж. Фридмана «ядро» подпитывает «периферию» ментально, технологиями и новыми социальными идеями. У нас радикальное «ядро» или более влиятельные группы, являются своего рода «генераторами» экстремистского контента [2], поставляя другим, не столь радикализованным онлайн-сообществам, тоже идеи, общие «догмы» направления – четкие, простые идеи-лозунги решения всевозможных социальных проблем – решительно и быстро. Эти универсальные «рецепты», наряду с месси-

анским настроем-порывом, составляют основной ресурс привлекательности радикализма в массовом восприятии – особенно в условиях появляющегося недовольства имеющейся или кажущейся социальной несправедливости.

2. Леворадикальный кластер онлайн-сообществ

Представление радикально-мировоззренческих констелляций будет идти от «периферии» к «ядру». Начнем с *левого радикального кластера*. И хотя годом ранее мы придерживались позиции, что праворадикальная констелляция в социальной сети «ВКонтакте» в наши дни выглядит внушительнее, чем леворадикальная, дополнительные исследования в 2024 г. заставили нас вернуться к более традиционному мнению о том, что левая тематика и левые идеи у нас все же более укоренены – и в силу нашей предшествующей истории, и вследствие наших особенностей (этатизм, патернализм, коллективизм, слабость среднего класса и своеобразие гражданского общества). И это подтвердило последнее исследование, результаты которого мы здесь и представляем: в количественном и качественном отношениях левые доминируют.

Работы, посвященные анализу столь многообразной и интенсивной жизни левых пабликов в российских социальных сетях, за редким исключением [3] трудно встретить в поисковых системах. Десять лет назад проводился мониторинг по заказу КПРФ [4], однако его беспристрастность сомнительна, да и результаты уже устарели.

Тем не менее общее количество левых пабликов, при всей относительности подобных расчетов вследствие ограниченности возможностей ручного поиска и отсутствия действенных автоматизированных поисковых программ, впечатляет – 295 онлайн-сообществ в «ВК» с количеством участников более двух миллионов человек (2 342 949). И подавляющее их большинство активно функционирующие, Роскомнадзор редко их блокирует.

Периферию левого спектра «ВК» составляют онлайн-сообщества без четкой самоидентификации – с крайне расплывчатой левой фразеологией, без четких «партийных» границ (коммунисты, социалисты, анархисты и пр.), здесь «все помаленьку», так сказать, «вольный микс». Мы насчитали 35 таких сообществ (99 606 пользователей) с разной численностью от 197 пользователей («Голос Истинного Коммунизма», https://vk.com/public202620927) до многотысячников («СССР. Ленин. Сталин», 22 тыс., https://vk.com/public53550079 и «Черная книга капитализма», 14 тыс., https://vk.com/blackbookofcapitalism).

Оцените полет фантазии и эклектического воображения в их названиях-самоидентификациях: «национал-большевики, левые националисты и коммунисты-патриоты» (https://vk.com/new_totalis), «красные силы» (https://vk.com/public127207907), «леваки всех мастей», «христианские коммунисты» (https://vk.com/club194904751), «красно-зеленые полуанархисты-полукоммунисты» (https://vk.com/club189939190?t2fs=4e21529e471face8df_3), «международные идейные левые» (https://vk.com/communismclub1917), «альтернативные левые» (https://vk.com/club183769400), «марксистско-штирнеровская партия» (https://vk.com/marx_stierner_party), «мировые большевики» (https://vk.com/krasnaya_armia_club), «Свободная Фракция Партии Научного Централизма» (https://vk.com/scicent), «Организация Средне-

левого Товарищества» (https://vk.com/souz_ost), «либертарные вождисты, экзистенциальные коммунисты и хиппи-социалисты» (https://vk.com/public202620927). И чем меньше сообщество, тем «забористее» микс.

К левой периферии можно также отнести и еще более многочисленные сообщества, объединяемые ностальгией по всему советскому. Ностальгия есть ностальгия, эта в меньшей мере четкость идеологии, а более чувства, поэтому здесь мало уместны дефиниции и спор по понятиям. Здесь лейтмотив: ну как же было хорошо, при известных небольших недостатках и ошибках, какую страну и какой строй мы потеряли. Этим, вероятно, можно объяснить то, что в 35 онлайн-сообществах мы видим в шесть раз более многочисленный состав (629 060), причем половина сообществ – десяти-, двадцати-, тридцатитысячные. Максимальные насчитывают 67 тыс. («Веселый чекист», https://vk.com/chekisti) и 104 тыс. («Советский Союз в наших сердцах», https://vk.com/club14407777). Причем в большинстве подобных онлайн-сообществах наблюдается существенный рост рядов за истекший год.

К *полупериферии левого кластера* можно отнести онлайн-сообщества, связанные с левыми политическими партиями: КПРФ и социал-демократическими группами.

Численность состава онлайн-групп «ВК» (14), связанных с КПРФ, возросла, хотя и не такими темпами, как ностальгической констелляции левой периферии. Они насчитывают 386 109 пользователей, самая большая группа – официальное сообщество КПРФ «ВК» – 107 942.

Социал-демократическое движение в РФ переживает, по всей видимости, трудности. 14 выявленных онлайн-сообществ с явно социал-демократической риторикой насчитывает сейчас порядка 92 тыс. участников, самая представительная группа из них – «Народно-социалистическое движение России» 35 тыс. человек (https://vk.com/nsdr_russia). Кстати именно их Роскомнадзор почему-то погромил основательно и по ним налицо динамика небольшой убыли численного состава.

Ядро левой констелляции «ВК» составляют радикальные онлайн-сообщества лидерских проектов и внесистемных коммунистов. Последние, впрочем, имеют также своих, но неизвестных еще харизматичных лидеров. Самый большой по численности проект Э. Лимонова в «ВК» – «Другая Россия Э. В. Лимонова» (25 944, https://vk.com/drugoross). И примыкают к нему еще по крайней мере две группы (9840). П. Н. Грудинин состоит в КПРФ и в непростых отношениях с Г. А. Зюгановым, но вот в «ВК» существует многочисленная группа его сторонников с явно более радикальной, чем «материнская» КПРФ, платформой онлайн-сообщества – «Наш выбор – социализм (Союз левых сил)» (25 442, https://vk.com/nashprezidentgrudinin). Далее, это «Левый блок» в «ВК» С.С. Удальцова (16 910, https://vk.com/leftblock), «Организация коммунистов-интернационалистов» Б. Ю. Кагарлицкого[1] (16 689, https://vk.com/okinternhttps://vk.com/okintern), «За новый социализм» Н. Н. Платошкина (11 954, https://vk.com/zanovyysotsializm). И более мелкие: «Трудовая Россия» В. Анпилова (3845, https://vk.com/trudross), «Коммунисты России» М. Сурайкина, С. Малинковича, (3135, https://vk.com/komros77) и, по всей вероятности, еще другие.

[1] В августе 2023 г. включен Росфинмониторингом в список террористов и экстремистов.

Однако все же настоящим «ядром» левой констелляции являются многочисленные онлайн-сообщества менее известных, но от того не менее эмоционально заряженных, внесистемных коммунистов. Главные признаки: крайне консервативная, закостеневшая коммунистическая риторика и идеологическая истовость, страсть к организациям (называют себя непременно «партиями», «союзами», «гвардией», «авангардом», «путем», «фронтом»), ориентированность, в итоге, на борьбу за политическую власть, претензия на проверенные бренды в самоназваниях (красный, революционный, рабочий, пролетарский, ленинский, коммунистический, марксистский, компартия, большевики и пр.), непременно полемика с «системными» коммунистами вроде КПРФ, попутно часто встречается критика существующего правительства. 48 онлайн-сообществ внесистемных коммунистов включает в себя 213 702 пользователей, что говорит о крайнем расколе левого движения. Здесь есть относительно крупные образования, типа «Революционной рабочей партии» (32 185, https://vk.com/rwp_rwp) или же «Социалистического фронта» (28 тыс., https://vk.com/socialfront). Однако львиное большинство составляют мелкие и мельчайшие группы – вплоть до карликов «Партии Коммунистов России» (86, https://vk.com/parkom_russia) и «Революционной рабочей партии» (79, https://vk.com/public217963898).

Отдельную секцию в радикальном ядре левой констелляции составляют анархисты и антифа. Анархисты состоят из множества (41 группа, 105 768 участников) в основном мелких онлайн-групп (от нескольких сотен до нескольких тысяч) – в основном анархо-коммунисты, хотя есть и «христианские коммунисты», и «либертарные коммунисты», «левые либертарианцы», «анархо-марксисты» и даже «анархо-даосисты» (https://vk.com/anarcho_daoism). «Государство» – это «организованные преступные группировки» – «Битарх Анкап» (6420, https://vk.com/bitarchy). Цель – построение «безвластного общества, в котором отсутствуют иерархия и принуждение; основанного на взаимопомощи и солидарности всех людей», «Анархо-Коммунисты» (433, https://vk.com/club1166094).

«Антифа» в четыре раза меньше по числу пабликов (10)[1], чем у анархистов, под идеологическим воздействием которых они находятся, как и, под влиянием левых взглядов – в широком смысле, более социал-демократического профиля, нежели ортодоксально-коммунистических. Хотя по количеству участников они, как и анархисты, подходят к 100 тыс. (98 941). «Антифа» по сути своей течение «реактивное» – как реакция на усиление правой активности. Своей какой-то самобытной теоретической платформы, как у левых, у них нет. Поэтому и держатся за счет ресурсов левых, однако более тяготеют к анархистам и к примыкающим к ним субкультурам панков и скинхедов.

Однако все же у них есть некое небольшое сохраняющееся «ядро», поддерживаемое сильной, во многом иррациональной, ненавистнической эмоцией «анти» (фашизм, нацизм), где под последнее попадает весьма широкий круг явлений и лиц, без четких идентификационных критериев, которые все же есть у их более теоретически подкованных и рациональных друзей-левых. «Фашистами» оказываются не только носители правых идей, но и капитализм (корпорации), государство, им-

[1] Если учитывать группы от 100 человек, много мельчайших групп, хотя большинство из них «просрочены».

периализм, правоохранительные органы и армия, законы и ограничения. Любим свободу, все мыслимые и немыслимые меньшинства, и любых угнетенных.

Всякое движение, имеющее специфически-мировоззренческие установки, рано или поздно приходит к необходимости распространения своих взглядов. Теперь определим *основные векторы информационных потоков* внутри левого кластера сети «ВК». Коммуникационные узлы здесь многочисленны и представительны: издательства (кооперативы), журналы, интернет-газеты, интернет-СМИ, интернет-TV, интернет-радио, онлайн-библиотеки, информационно-аналитические ресурсы, мемное направление, дискуссионные клубы, архивы, просветительство, марксистские проблемно-исследовательские группы (форумы), критика идеологических оппонентов.

Какое политическое движение, особенно левое, без теории? Тем более что традиции существуют давние: левые теоретики всегда отличались серьезностью и фундированностью своих концепций. И мы видим в «ВК» множество «клубов», «кружков», дискуссионных площадок, исследовательских групп, по «изучению проблем коммунизма в России, современного левого движения», «диалектически-материалистического анализа антропосоциогенеза, психологии», «освещения животрепещущих вопросов современности с опорой на научный материал». Таких теоретических групп – 10, с общей численностью участников 22 627. В среднем группа от нескольких сотен («Марксистский дискуссионный клуб», 329, https://vk.com/marxist_discussion) до нескольких тысяч (Vox Populi, 5554, https://vk.com/voxpopuliclub).

На место печатных медиа в наши дни приходят электронные. В левом секторе «ВК» мы имеем дело как минимум с семью интернет-журналами и одной интернет-газетой «Прорывист» (4382, https://vk.com/prorivists). Два самых крупных журнала – «Скепсис» (15 032, https://vk.com/public36399069) и «Lenin Crew» (10 772, https://vk.com/lenin_crew). Общее количество подписчиков этих семи онлайн-журнальных платформ – 50 115.

Далее это три крупных онлайн-библиотеки с количеством подписчиков 21 224, самая большая из которых – «Библиотека по марксизму» (14 333, https://vk.com/club81495923).

Десять онлайн-сообществ с аудиторией в 49 274 человек в «ВК» ставят своей целью «популяризацию научного коммунизма», «диалектического материализма», «улучшение уровня марксистской грамотности», «просветительство», «изучение, пропаганду и развитие теории марксизма», «помощь в изучении основ марксизма», «историческое просвещение». Это «красные», «рабочие», «молодежные» «университеты» и «школы», «просветительские организации». Они все многотысячники, крупнейшие из которых – «Основы марксизма» (8860, https://vk.com/lenmarx).

Ну и, конечно, надо напомнить, что в Советском Союзе всегда была очень хорошо поставлена пропаганда и контрпропаганда, хотя в итоге это и не помогло. Тем не менее явное большое преимущество левых радикалов перед остальными в том, что здесь самый представительный по численности онлайн-групп пропагандистский блок, в котором есть и также многочисленное, прогрессивное, в духе времени, «мемное» отделение.

Помимо «Красного ТВ» – подборки телевизионных передач (11 218, https://vk.com/ktv_ru) и интернет-радио «Красного радио» (1438, https://vk.com/krasnoe_

radio), есть многотысячники по истории – «Советская История» (68 666, https://vk.com/soviet.history), экономике – «Простые числа» (43 942, https://vk.com/prostye_chisla) и общей политической повестке – «Политштурм» (37 288, https://vk.com/politsturm). Однако и помимо этих крупных онлайн-сообществ существует еще большое число более мелких: 19 – с числом подписчиков 102 995.

Отдельное «мемное подразделение» левой констелляции в «ВК», так сказать, «мемоделы» или левое ерничество, насчитывают 35 онлайн-групп, в которых обитает 195 217 человек. Тут и «Угарная Коммуна» (https://vk.com/ugarkommuna), и «Советские Матрасы» (https://vk.com/diematratze), и «Секта Свидетелей Коммунизма» (https://vk.com/ssk_memes), и «Мемный Соцлагерь» (https://vk.com/wpisgood) в которых отпускаются «Пролетарские Приколюхи» (https://vk.com/proletarskieprikoliuhy).

В итоге в специализированной коммуникации левых участвуют 89 онлайн-сообществ с числом подписчиков в 604 004. Конечно, многие могут входить не в одно сообщество, а несколько, может несколько десятков, если это активно коммуницирующие индивиды, однако все равно масштабы впечатляют.

Таблица 1. Леворадикальный кластер «ВК»

Периферия	**Полупериферия**	**Ядро**
Группы с размытой идентичностью – 35, количество пользователей – 99 606	КПРФ, сотрудничающие и тяготеющие группы – 14, количество последователей – 386 109	Лидерские проекты – 9, число фолловеров – 113 759
Ностальгирующие по СССР – 35 групп, количество участников – 629 060	Социал-демократы, социалисты и пр. – 14 групп, число сторонников – около 92 000	Внесистемные коммунисты – 48 онлайн-объединений, 213 702 человек; анархисты – 41 группа, 105 768 участников; антифа – 10 групп, 98 941 участник

3. Праворадикальная констелляция онлайн-сообществ

Она занимает второе место по количеству онлайн-сообществ (114) и числу зарегистрировавшихся в них людей (1 588 565). Сопоставляя правый и левый политические сектора, мы убедились в том, что левых больше: и по числу онлайн-групп, почти в три раза (295 левых и 114 правых), и по численности, если мы уберем лишь условно политизированную (благодаря СВО) правую периферию, т.е. так называемых ультрапатриотов, тогда мы получаем соответственно число в 2 342 949 подписчиков левых пабликов и 1 588 565 пабликов правых.

В последние годы появились исследователи из Томска и Ростова-на-Дону, которые изучают праворадикальные группы именно в социальных сетях [5–8], но более с практико-технологической стороны, разрабатывая эффективные технологии их выявления.

Периферию правых радикалов составляют многотысячные ультрапатриотические паблики, чья «политичность» условна, более задаваема скорее «логикой событий»: СВО и давлением Запада. Их содержание составляет в основном отслеживание военных хроник СВО и антизападнические нападки, ярый антилиберализм и антиглобализм.

Однако у них есть все же своя идеология, так сказать, «радикальной государственности» (империи) как русско-евразийской цивилизации. Здесь русские – не про кровь и гены, они есть основа государственности РФ. Русские – «политическая нация», быть русским это судьба, образ жизни любых людей любого цвета кожи и разреза глаз, которые выбирают эту общую судьбу и образ жизни. Периферия огромная по численности – в 11 онлайн-сообществах состоит более 1,5 млн человек (1 552 565), самые большие из них «Вежливые Люди/Армия/Россия/СВО» (714 848, https://vk.com/vegchel_ru), «Путин Лидер» (486 606, https://vk.com/vladimir_vladimirovichp) и «Россия везде, где есть русские!» (189 814, https://vk.com/russdem).

К *полупериферии* можно отнести националистов и идейных консерваторов. Известны негативные коннотации в нашем языке, связанные со словом «националист». Если в западной практике таковых негативных смыслов почти нет, то у нас появляются обязательно обвинительный уклон одержимости только своей нацией и презрение всех остальных. Мы употребляем здесь слово «национализм» в позитивных смыслах: любви к своему народу, культуре, следование обычаям и традициям, гордость за великое прошлое, но без вражды к другим. Как манифестирует самое большое по числу подписчиков онлайн-сообщество в этом спектре, «Правые» (149 537, https://vk.com/rus.prav) – это сообщество «добрых русских» или же национально-мыслящих людей, чья цель состоит в обретении русскими «национального отрефлексированного самосознания» и национального государства. Последнее подразумевает включение в российскую конституцию статьи о государствообразующем статусе русского народа. Группа имеет все потенции стать крупной политической партией, поскольку располагает развитой региональной структурой. Координирующий центр («Правые. Города», https://vk.com/right_grad) содержит список из, так или иначе, активных региональных групп, по России в семи федеральных округах: 13 городов в Центральном, три города в Северо-Западном, 12 городов в Приволжском, семь городов в Южном, шесть городов в Уральском, шесть городов в Сибирском, один город в Дальневосточном и два города в Белоруссии. Кроме группы «Правых» сюда можно отнести еще 13 онлайн-сообществ с общим количеством подписчиков в 239 267.

Идейные консерваторы – наиболее рационализированная и теоритизированная часть правого пула. Для них характерна идеологическая приверженность традиционным ценностям и порядкам, социальным и религиозным доктринам. За главную цель принимается сохранение традиций общества, его институтов, этики и нравственности. Здесь мы встретили 35 сообществ с более полумиллионом участников (536 807), с развитыми теоретическими, эстетическими и идеологически-издательскими ресурсами. Темы коммуникации формируются как минимум на семь дискуссионно-теоретических площадках правых, в качестве примеров которых можно привести онлайн-сообщества: «Национально-Консервативный Фронт» (12 699, https://vk.com/arx_nkf) и «Клуб исследователей русского консерватизма» (3887, https://

vk.com/russian_conservatism). Минимум три онлайн-журнала в «ВК» обеспечивают правую публику теоретическими и публицистическими статьями, крупнейшим из которых является «Вестник Консерватора» (45 138, https://vk.com/club_prometheus_rus.). Выход в офлайн идеологической продукции обеспечивает «Издательство «Черная Сотня» (22 135, https://vk.com/chernaya100). Электронные публикации и сканы светочей правого движения можно найти в «Русской Библиотеке Z» (10 873, https://vk.com/russian_library). Есть свое художественное подразделение «Правой Эстетики» (17 812, https://vk.com/rightaesth) и в духе времени как минимум три «мемных» онлайн-профиля, крупнейший из которых насчитывает более 124 тыс. фолловеров: «мемы для русских» (124 588, https://vk.com/russkiemems).

В отношении годовой динамики численности, у умеренных правых, идейных консерваторов – она разнонаправленная: либо некоторое сокращение рядов или же незначительный рост.

«*Ядро*» констелляции правых в «ВК», согласно предложенным нами критериям, образуют наиболее радикальные онлайн-группы – и в идеологическом, и во враждебно-эмоциональном плане. Это расисты и православные монархисты.

«Расисты» – это те онлайн-группы, которые прямо и недвусмысленно провозглашают примат крови и этноса – в определении и понимании «русскости». 13 сообществ включают в себя 145 106 участников. И хотя они стремятся использовать заученные мантры о своем дружелюбии и интернационализме – для укрытия от Роскомнадзора, содержание их явно шовинистическое, проникающее порою и в официальную «Подробную информацию». Так, это группы «для Русских и Белых» – «Русский национализм v схемах и мемах» (23 315, https://vk.com/rusnationmemes) и они стремятся «бороться против смешивания народов» – «Славянский этнос» (4341, https://vk.com/russ1313). О том, что эти ребята не только умиляются славянскими обычаями и традициями, но и берутся за дело всерьез, говорит формирование боевых групп: «Охранные отряды» (663, https://vk.com/rus_ohrana), и такие охранные структуры, как они хвастаются, есть уже в Перми, Санкт-Петербурге, Волгограде, Кашире. Или «Черный корпус» (470, https://vk.com/vrkorpus), объявляющий набор добровольцев «для обеспечения порядка и соблюдения организованности на мероприятиях, проводимых русскими национально-патриотическими организациями».

За год у них наблюдается очень приличный рост, в некоторых случаях более чем в два раза – «Славянский щит» (с 16 тыс. до 37 110, https://vk.com/public215227974) или более чем на 50% – «[РНС] Русское Национальное Содружество» (с 12 тыс. до 19 789, https://vk.com/rusnatc). Очевидно, что это напрямую связано с взрывообразным ростом антимигрантских настроений.

Еще более многочисленны и голосисты православные монархисты, также относимые нами к «*ядру*», создавшие свою отдельную радикальную субкультуру в рамках правого пула. Найдено 41 онлайн-сообщество в «ВК» с общим числом подписчиков более полумиллиона (517 714).

Как и всякий радикализм, радикализм монархический опирается на сильные идеализации и направленные негативные эмоции. Первые – идеализированно-романтизированный культ последнего российского императора и монархической идеи. Вторые – остро-негативная «анти» направленность: антисоветизм, антиком-

мунизм, антисемитизм, антилиберализм. Два сообщества из этой праворадикальной констелляции за прошедшие годы заблокированы Роскомнадзором.

Два крупнейших монархическо-православных паблика сети «ВК», почему-то синхронно приостановившие свои актуальные публикации в октябре 2023 г., вероятно, за то, что они не боялись «за дело критиковать нынешнюю оккупационную власть», ратуют за две ключевые идеи. Первая идея – ненасильственное восстановление монархии, «грядущего Царя» – «Русская империя» (64 260, https://vk.com/russkajaimperia). Вторая идея – придание православию статуса государственной религии – «Православная Россия» (61 508, https://vk.com/pravoslavnajarossia). Функционируют две онлайн-группы, объявляющие себя «политическими партиями»: «Монархическая партия России» (26 443, https://vk.com/monpartyamos), объявляющая своей целью возрождение Великой России и создание сильной централизованной власти и «Народная Самодержавная партия России» (2240, https://vk.com/club156134370) предполагающая восстановление самодержавной монархии через созыв Земского собора.

Православные монархисты показывают за истекший год (2023–2024) в целом общий рост, местами впечатляющий – той же «Монархической партии» и онлайн-группы «Авангард Империи» (на 50%, с 8 230 подписчиков до 12 242, https://vk.com/avangardverbum), хотя есть и группы с незначительными сокращениями.

Таблица 2. Праворадикальная констелляция онлайн-сообществ

Периферия	**Полупериферия**	**Ядро**
Ультрапатриотические паблики – 11 сообществ, 1 552 565 подписчиков	Националисты – 14 онлайн-групп, 388 804 человек	Расисты – 13 онлайн-групп, 145 106 человек
	Идейные консерваторы – 35 онлайн-сообществ, 536 807 пользователей	Православные монархисты – 41 сообщество, 517 714 подписчиков

4. Радикальные либералы

Как известно, обозначения «*несистемная либеральная оппозиция*», «российские радикал-либералы» вошли в наш мировоззренческий оборот сравнительно недавно, после памятного митинга в Москве 24 декабря 2011 г. [9]. С началом СВО многие из сторонников российского радикал-либерализма эмигрировали, некоторые стали «иноагентами», однако и те и другие могут присутствовать и активно присутствуют в социальных сетях, в том числе и в «ВК». Исследований этого их присутствия практически нет [10–11].

Как и в случаях с левым и правым радикализмом, необходимо постоянно помнить о том, что помимо радикализованных версий «социализма-коммунизма» и «консерватизма», есть и вполне их легальные мировоззренческие конструкции, вполне авторитетные и разделяемые миллионами законопослушных и вменяемых людей. Тоже можно сказать и о либерализме, вполне почтенном и во многом привлекательном мировоззрении, также убеждающем миллионы.

Наше же внимание в данной статье обращено именно на радикальные мировоззренческие формы. И здесь, как и в первых двух случаях, непримиримо отрицающее (все, кроме своей позиции) радикальное «ядро» окружено вполне рассудочно-рациональной «полупериферией-периферией».

«*Периферия*», или группы, разделяющие, так сказать, умеренные версии либерализма (к примеру, довольно крупное онлайн-сообщество, 121 тыс., с политически вызывающим названием «*Dissident*», хотя и идентифицирующее себя как «инакомыслящие», однако ограничивающееся зубоскальством, https://vk.com/dissident2021), переходит в «полупериферию» четко-рациональных, концептуальных позиций – с теоретическим фундированием в философском, экономическом и политическом аспектах. Однако для того, чтобы все это градуировать необходимо отдельное исследование и соответствующую уйму времени. Поэтому мы ограничимся здесь однозначным и бросающимся в глаза, явным различением «периферии-полупериферии» и «ядра» – умеренности и политического радикализма.

Групп в «ВК», которые можно назвать «либеральными», довольно много. Они выступают за «индивидуализм, свободный рынок и контрактные юрисдикции» («*Freedom Pride*», 29 980, https://vk.com/libertarian_public), «слабое государство» («Классический либерал», 25 164, https://vk.com/classical_liberal), «демократию, строящуюся на принципах общего дела (*res publica*), защиты гражданских и политических свобод» («Гражданский союз демократических сил», 364, https://vk.com/cudfr), «Европу и свободу» («Федерализм и социал-либералы», 3030, https://vk.com/public203658690). Мы насчитали всего 48 сообществ с общим числом подписчиков в 430 824.

«*Ядро*», или либеральные радикалы, отличается, как и в других политических спектрах, ярко выраженным злобным настроем, отрицанием, «анти» направленностью – и к левым, и к правым. Наиболее ярко подобное состояние раздвоенности можно найти в группе «БелоСовок» (8178, https://vk.com/belosovoks), разъясняющей, что «БелоСовок – это сегодняшняя Россия, и зовем мы ее так потому, что она собрала все основные и забавные/безумные части своих прошлых состояний, то есть Совка и Империи». Даже названия некоторых аналогичных онлайн-сообществ вызывает беспокойство за вменяемость их админов: «Изгнание черного духа Иосифа Сталина», «Иосиф Сталин, гори в аду!», «Уберем мавзолей Ленина», «Я ненавижу коммунистов!» – дело Валерии Новодворской, похоже, продолжает жить – и это лишь цензурные названия.

Удивительно, но именно в либеральном секторе политической мысли появились наиболее радикальные элементы, хотя, казалось бы, либерализм как система мировоззрения изначально исходит из умеренности и компромисса. Вероятно, правы те аналитики, которые утверждают об определяющем влиянии на радикализацию современного неолиберализма прежних крайних идеологий, типа троцкизма, «левых коммунистов» 20–30 гг. XX в. и пр.

Так или иначе, самые радикальные политические настроения мы встретили здесь. От с виду ернического сообщества под названием «Владимир Путин не умер?» (12 570, https://vk.com/whyputin) с непременным ежедневным ярлычком на каждом новом посте: «Сегодня все в порядке. Владимир Путин не умер» – до «отставки неэффективного и коррумпированного президента» («Бессрочка», 2269, https://

vk.com/public171828808), «освобождения Русского Народа от тирании кремлевской нефтегазовой олигархии» («Национал-либералы», 1783, https://vk.com/national_liberalism) и «изменения политического режима с тоталитарного на демократический» («Новая Оппозиция», 1907, https://vk.com/public149038841). Причем последнее онлайн-сообщество, активно коммуницирующее, имеет 64 ссылки, связи с 18 российскими городами. Всего в радикально-либеральном спектре мы нашли 17 групп, в ряды которых записались 131 039 человек.

Динамика притока-оттока подписчиков в либеральном секторе разнонаправленная: в либерально-умеренные онлайн-сообщества преобладает умеренный приток, а радикально-либеральные испытывают небольшой отток – вероятно, на фоне негативизации отношений к «релокантам» и «иноагентам», именно здесь есть и блокировки Роскомнадзора.

Таблица 3. Радикальные либералы

Периферия-полупериферия	**Ядро**
«Инакомыслящие», «демократы», «центристы», классические либералы, либертарианцы, анархо-синдикалисты и т.п. – 48 онлайн-групп с численностью 430 824 человек	Радикальные либералы, крайние антикоммунисты – 17 сообществ с 131 039 подписчиками

5. Сексистские онлайн-сообщества

Если в отношении политизированных сообществ в Интернете и социальных сетях еще немного исследований, то вот следующий наш фигурант исследовательским вниманием не обделен. Это вызвано тем, что в последние несколько лет у нас «сложился масштабный радикальный феминистский и маскулинный, или как его еще называют, *сексистский*, дискурс в цифровой среде» [12], который и начал сейчас интенсивно изучаться, в основном филологами [13–18].

И хотя радикальные феминистки и маскулисты конечно же антагонисты, но такие, которые являются одновременно и нерасторжимым целым, одни без других не существовали бы, как бы горячо они ни убеждали себя и других в обратном. Вместе с тем, несмотря на это, так сказать, «диалектическое единство», у некоторой их части присутствуют все же и серьезные сепаратистские настроения (будем жить только одни). В целом же они будут рассматриваться вкупе, параллельно.

«*Периферию-полупериферию*» сексистских сообществ составляют так называемые фемрунет и маносфера – соответственно отдельные самодостаточные информационные пространства «прозревших» женщин и мужчин. Отчего и как они «прозрели»? Ясно, от «слепоты» предрассудков и иллюзий относительно противоположного пола, вследствие печального опыта обмана, страданий и унижений.

Феминистских пабликов в «ВК» насчитывают сотни, если под «феминизмом» понимать стремление и усилия женщин быть равноправными и уважаемыми, не испытывать дискриминации и преследований. Известно, что направлений в истории и современном феминизме – десятки (гуманистический, либеральный, разумный,

умеренный, реальный, социалистический, правый и многие другие), большинство из которых вполне рациональны и вполне приемлемы и уважаемы. Также вовсе необязательно педалируется феминизм, хотя часто и маячит на заднем плане. Речь идет о множестве пабликов женской взаимопомощи, площадок обсуждений «имманентных мужских пороков» и насилии, так же, как и советов жизненно умудренных подруг, широко представлено женское видение мира, образчики женского искусства, поэзии, литературы, критики и т.п.

Однако все же «полупериферию» составляют хотя и еще не политизированные женские онлайн-сообщества, но уже с четким негативистским – по отношению к мужчинам – профилем. Если еще и не устойчивая ненависть как у радикалок, то уже точно сильная обида и критический настрой, но все же – к полу, еще не к государству или социально-политическому устройству («патриархату»). Основной их лейтмотив: до чего тяжела доля женская, а все мужики – сволочи (мужопы).

Это довольно крупные онлайн-сообщества: так, есть три «сотника», т.е. состоящие из более чем 100 тыс. подписчиц, – «Феминизм: наглядно сестринство тут» (189 698, https://vk.com/femvisually); «женские форумы» (186 811, https://vk.com/baba_forum); «#щастьематеринства» (149 175, https://vk.com/zaiki_luzhaiki); много «десятитысячников»; вообще же мы насчитали 20 женско-сексистских онлайн-сообществ, с общим числом подписчиц почти в миллион (953 248). И здесь за год самый большой рост рядов – на тысячи везде, а в некоторых сообществах и на десятки тысяч. Так, *childfree*-ориентированное «#щастьематеринства» увеличилось на 16 тыс. подписчиц, «Феминизм: наглядно сестринство тут» – на 18 тыс.

«Маносферу» в «ВК» составляют множество пабликов, посвященных «мужским делам», – авто, оружие, хобби (охота, рыбалка), ремонт, строительные дела и пр.

«Полупериферию» образуют неполитизированные маскулистские онлайн-сообщества, озабоченные чисто межполовыми проблемами: «бабы-дуры», мягче – существа иррациональные, хитрые, использующие сильный половой инстинкт мужчин для их же эксплуатации и обмана в качестве своей «философии жизни» и т.п. Мужских сексистских не политизированных онлайн-сообществ меньше, не в пример женщинам-сексисткам, также вполовину меньше по численности. Так, лишь одни «сотник» – «1337const.» (169 900, https://m.vk.com/godnota_txt) и два сообщества «Alfa» по 70–80 тыс. членов (https://m.vk.com/truealfa; https://vk.com/alfa_vkofficial). Вообще же неполитизированных маскулистов вкупе насчитывается 15 групп с общим числом подписчиков около 400 тыс. (383 035). Причем тут же присутствуют и «Разумный Маскулизм» (5097, https://vk.com/maskpozitiv), и даже «Мужчины за феминизм» (1900, https://vk.com/muzhchinizafeminizm). Есть и две явно сепаратистские группы: одна – «*MGTOW*» (9149, https://vk.com/mgtowru) – «категорически отвергает идею брака» и стремится максимально устраниться от любого общения с женщинами; другая – «Жизнь Соло» (18 384, https://vk.com/livesolo) – проповедует сознательное одиночество, ибо «главные союзники мужчины – это его ум, самоконтроль, анализ и планирование».

В мужских сексистских неполитизированных онлайн-сообществах за год (2023–2024) также есть в целом повсеместный рост, однако не такой значительный, как у дам.

Сексистско-политизированные «*ядра*» в обоих гендерных секторах небольшие по числу онлайн-сообществ, однако сильно заряженные негативной эмоциональной энергетикой.

Радикально настроенные феминистские группы можно условно разделить на эмансипационные («женское освободительное движение») и эскапистские: сепаратизм (лесбосепаратизм). Таковых нашлось вкупе девять с общим количеством подписчиц в 147 583.

Эмансипационные группы ставят себе целью «аболиционизм и гражданское полноправие» – «*Womenation quotes*» (5987, https://vk.com/radfem_citati) – и полагают, что «пора женщинам восстановить свои права и свое величие во благо всего человечества» – «Борись, сестра! Движение женщин за власть» (4398, https://vk.com/sestd). В эмансипационных группах наблюдается какой-то невероятный годовой прирост: более чем в два раза – группа «Поясни 3а Феминизм» (с 7983 до 20 812, https://vk.com/feminism_yourself) или «*Wrong Fem* | Феминизм» (с 13 тыс. до 16 907) и далее.

Лесбосепаратистских групп немного, и здесь за год произошло некоторое падение рядов, самая большая из них, имея название на кириллице «муза моя, Сапфо» (45 809, https://vk.com/doitforsappho) и поясняющее название на входе «женщины, которые любят женщин», все свои посты публикует, однако, на английском.

Политизированное ядро маскулистов борется за исконные мужские права против «антимужского» государства, по сути, за восстановление «здорового» патриархата (ну без экстремизма, мы же современные люди). Таковых онлайн-сообществ в «ВК» нашлось шесть, с общим числом в почти 70 тыс. (69 055) фолловеров, самое крупное из которых – «Мужское Движение» (38 947, https://vk.com/mensrights), «ставящее целью ликвидацию вопиющей дискриминации мужчин». Здесь можно наблюдать годовую динамику небольшого роста.

Таблица 4. Сексистский кластер «ВК»

Периферия	**Полупериферия**	**Ядро**
Фемрунет: множество пабликов женской взаимопомощи, площадок обсуждений имманентных мужских пороков и насилия, так же как и советов жизненно умудренных подруг, широко представлено женское видение мира, образчики женского искусства, поэзии, литературы, критики и т.п.	20 неполитизированных женских сексистских онлайн-сообществ – 953 248 подписчиц	Восемь политизированных эмансипационных и эскапистских (лесбосепаратизм) женских групп с 147 583 подписчицами
Маносфера: множество пабликов, посвященных «мужским делам», – авто, оружие, хобби (охота, рыбалка), ремонт, строительные дела и пр.	15 мужских сексистских неполитизированных онлайн-сообществ – 383 035 подписчиков	Шесть политизированных эмансипационных мужских групп с 147 583 подписчиками

Итак, встретив достаточно серьезные внутренние различия во взглядах, настроениях и деятельности групп внутри этих четырех политизированных кластеров социальной сети «ВК», мы предположили, что, несмотря на все мировоззренческо-идеологические различия, в каждом из кластеров мы найдем похожие внутренние структуры – в силу их принадлежности к социальному явлению одной природы – радикализму. Это подтвердилось, о чем свидетельствует предыдущее содержание и соответствующие таблицы по каждому из кластеров. Продолжая сопоставление, мы можем свести их в одну общую таблицу, чтобы показать возможный потенциал онлайн-радикализации некоторых из рассмотренных онлайн-сообществ.

Таблица 5. Шкала потенциала онлайн-радикализации четырех политизированных кластеров в «ВК»

Малая вероятность онлайн-радикализации, общие черты групп: рациональность, рассудительность, снисходительность к оппонентам, абстрактная мотивация деятельности (гуманизм, интернационализм, народ, человечество и т.п.), диалектический подход, эклектичность	**Большая вероятность психического «заражения», онлайн-радикализации, общие черты групп: высокая эмоциональная заряженность, сильная конфронтационность, жесткие однозначные догмы, четкие мировоззренческие размежевания, конкретно-наглядные цели борьбы, простота объяснений и очевидность решений**
КПРФ и социал-демократические группы	Внесистемные коммунисты, анархисты и антифа
Националисты и идейные консерваторы	Расисты и православные монархисты
«Демократы», «центристы», классические либералы, либертарианцы, анархо-синдикалисты и т.п.	Радикальные либералы, крайние антикоммунисты
«Фемрунет» и «маносфера»	Радикальные феминистки (сепаратизм), политизированное ядро маскулистов

Наконец, сведем в наглядную таблицу и информацию о годовой динамике притока-оттока подписчиков в исследуемых онлайн-сообществах разных политизированных кластеров, количество закрытых Рособрнадзором радикальных групп.

Таблица 6. Динамика притока/оттока (первая половина 2023 – первая половина 2024 гг.)

Политизированные сексистские женские и мужские группы	В женских политизированных сексистских группах наблюдается невероятный годовой прирост: местами более чем в два раза, а так прирост в исчисляется в тысячах. В лесбосепаратистских группах произошло некоторое падение рядов. В политизированных маскулистских группах можно наблюдать годовую динамику небольшого роста	По одной блокировке – и в женском, и в мужском секторах
Женские и мужские сексистские неполитизированные онлайн-сообщества	Самый большой рост рядов в женских – на тысячи везде, а в некоторых сообществах и на десятки тысяч. Так, *childfree*-ориентированное «#щастьематеринства» увеличилось на 16 тыс. подписчиц, «Феминизм: наглядно сестринство тут» – на 18 тыс. В мужских сексистских неполитизированных онлайн-сообществах за год также есть в целом повсеместный рост, однако не такой значительный, как у дам	Нет
Радикальные либералы	Разнонаправленная динамика: в либерально-умеренных онлайн-сообществах преобладает умеренный приток, а радикально-либеральные испытывают небольшой отток – вероятно, на фоне негативизации отношений к «релокантам» и «иноагентам»	Одна блокировка Роскомнадзором
Правые: расисты и православные монархисты	Очень приличный рост, в некоторых случаях более чем в два раза, в других – более чем на 50%	Два крупнейших монархическо-православных паблика сети «ВК» почему-то синхронно приостановили свои актуальные публикации в октябре 2023 г.
Правые: националисты и идейные консерваторы	Разнонаправленная динамика: либо некоторое сокращение рядов, либо же незначительный рост	Нет
Левые: внесистемные коммунисты, анархисты, антифа	Разнонаправленная динамика: у одних групп небольшой рост, у других – значительное снижение численности	Минимум три сообщества заблокированы Роскомнадзором
Левые: социал-демократические группы, социалисты	Небольшая убыль численного состава	Минимум два сообщества заблокированы Роскомнадзором
Левые: группы, связанные с КПРФ	Существенный рост рядов	Нет
Левые: ностальгия по советскому	Повсеместный существенный рост	Нет
Политизированные сектора «ВК»	Приток/отток	Забаненные в течение года группы

Заключение

Итак, мы рассмотрели политизированные онлайн-сообщества «левых», «правых», «радикальных либералов» и «сексистов» (радикальных феминисток и маскулистов) в социальной сети «ВКонтакте» – в виде отдельных кластеров (модулей) – на предмет их мировоззренческих и функциональных внутренних дифференциаций.

Для их структурирования мы адаптировали к нашим задачам модель «ядро-периферия» Дж. Фридмана. Структуры левого радикального кластера, праворадикальной констелляции, несистемной либеральной оппозиции и сексистского дискурса были представлены через категории «ядра» – онлайн-сообщества, дальше других прошедших по пути радикализации, и «периферии» – онлайн-сообщества с более размытой, нечеткой мировоззренческой идентичностью.

Структуры представлены в ряде суммирующих таблиц, на основе которых в завершение предложены шкала радикализации и сведения о годовой динамике притока-оттока в рассмотренных онлайн-сообществах социальной сети «ВК».

Пристатейный библиографический список

1. *Красиков В. И.* Топография онлайн-сообществ с риторикой политизированной вражды в виртуальном пространстве социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 3.

2. *Myagkov M.* et al. Distinguishing Features of the Activity of Extreme Right Groups Under Conditions of State Counteraction to Online Extremism in Russia // Region Regional Studies of Russia Eastern Europe and Central Asia. 2019. Vol. 8 (1).

3. *Яковлев Я. Д.* Левые движения и социальные сети // Альтернативы. 2000. № 4.

4. Рейтинг левых сообществ в социальной сети ВКонтакте (Топ 100) // КПРФ : сайт. URL: https://kprf.ru/analytics/reiting-levykh-soobshchestv--v-sotsialnoi-seti-vkontakte-top-100-2-iiulia-2013-goda.html (дата обращения: 09.07.2024).

5. *Кашпур В. В.* и др. Способы репрезентации радикального контента в условиях государственной антиэкстремисткой цензуры на материале социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. № 1.

6. *Карпова А. Ю.* и др. Новые технологии выявления ультраправых экстремистских сообществ в социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52.

7. *Кузнецов С. А.* и др. Автоматизированное обнаружение перекрестных связей пользователей ультраправых сообществ в социальной сети // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59.

8. *Пащенко И. В.* Информационная активность радикальных националистических объединений в социальных сетях Рунета и терроризм // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 1 (53).

9. *Оганисьян Ю. С.* Постсоветский либерализм: от реформы к революции? // Власть. 2020. № 2.

10. *Олешкова А. М.* Медиафреймы «либерал»/«либерализм» как пример проявления «языка вражды» в публичном медиадискурсе (на материалах пабликов

социальной сети «ВКонтакте») // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8.

11. *Ильин А. Н.* Либерализм с русофобской спецификой // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 4.

12. *Слышкин Г. Г.* и др. Радикальный феминный и маскулинный медиадискурс в аспекте лингвобезопасности // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29).

13. *Иванов А. В., Козлов В. Е.* Социокультурные аспекты гендерного конфликта в радикальных сетевых сообществах Рунета (по материалам полевого исследования) // Казанский педагогический журнал. 2021. № 4.

14. *Никулин Е. Р., Шубин А. Е.* Политический язык современного российского феминизма в социальной сети «ВКонтакте» // Вопросы студенческой науки. 2020. Вып. 7 (47).

15. *Зауэр А. А.* Феминистский и патриархатный медиадискурсы: вопрос о женской профессиональной реализации // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6 (39).

16. *Каминская Т. Л.* Феминизм как модный медиадискурс: речевой аспект // Мир русского слова. 2021. № 2.

17. *Боженкова Н. А., Негушина А. А.* Интерперсональные характеристики русскоязычного феминистского медиадискурса (на примере telegram-канала «Дочь разбойника») // Культура и текст. 2021. № 4 (47).

18. *Муравьева М.* Радикальный феминизм и конфликты // Социодиггер. 2022. Т. 3. Вып. 7 (19).

References

1. *Krasikov V. I.* Topography of Online Communities with the Rhetoric of Politicized Hostility in the Virtual Space of the Social Network "VKontakte". *Bulletin of the Russian Legal Academy*, 2023, no. 3. (In Russ)

2. *Myagkov M.* et al. Distinguishing Features of the Activity of Extreme Right Groups Under Conditions of State Counteraction to Online Extremism in Russia. *Region Regional Studies of Russia Eastern Europe and Central Asia*, 2019, no. 8 (1).

3. *Iakovlev Ia. D.* Left Movements and Social Networks. *Alternatives*, 2000, no. 4. (In Russ)

4. Rating of Left-Wing Communities on the Social Network "VKontakte" (Top 100). Website of the Communist Party of the Russian Federation. URL: https://kprf.ru/analytics/reiting-levykh-soobshchestv--v-sotsialnoi-seti-vkontakte-top-100-2-iiulia-2013-goda.html (date of the application: 09.07.2024). (In Russ).

5. *Kashpur V. V.* et al. Methods of Representing Radical Content in Conditions of State Anti-Extremist Censorship on the Material of the Social Network "VKontakte". *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relationships*, 2022, vol. 6, no. 1. (In Russ)

6. *Karpova A. Iu.* et al. New Technologies for Identifying Far-Right Extremist Communities in Social Media. *Bulletin of Tomsk State University Philosophy. Sociology. Political Science*, 2019, no. 52. (In Russ)

7. *Kuznetsov S. A.* et al. Automated Detection of Cross-Connections of Users of Far-Right Communities in a Social Network. *Bulletin of Tomsk State University Philosophy. Sociology. Political Science*, 2021, no. 59. (In Russ)

8. *Pashchenko I. V.* Information Activity of Radical Nationalist Associations in Social Networks of the Runet and Terrorism. *Humanitarian of the South of Russia*, 2022, vol. 11, no. 1 (53). (In Russ)

9. *Oganisian Iu. S.* Post-Soviet Liberalism: From Reform to Revolution? *Power*, 2020, no. 2. (In Russ)

10. *Oleshkova A. M.* Media Frames "Liberal"/"Liberalism" as an Example of the Manifestation of "Hate Speech" in Public Media Discourse (Based on Materials from the Public Pages of the Social Network "VKontakte"). *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 2022, no. 8. (In Russ)

11. *Ilyin A. N.* Liberalism with Russophobic Specifics. *Horizons of Humanitarian Knowledge*, 2020, no. 4. (In Russ)

12. *Slyshkin G. G.* et al. Radical Feminine and Masculine Media Discourse in the Aspect of Linguistic Safety. *Upper Volga Philological Bulletin*, 2022, no. 2 (29). (In Russ)

13. *Ivanov A. V., Kozlov V. E.* Sociocultural Aspects of Gender Conflict in Radical Online Communities of Runet (Based on Field Research). *Kazan Pedagogical Journal*, 2021, no. 4. (In Russ)

14. *Nikulin E. R., Shubin A. E.* Political Language of Modern Russian Feminism in the Social Network "VKontakte". *Questions of Student Science*, 2020, no. 7 (47). (In Russ)

15. *Sauer A. A.* Feminist and Patriarchal Media Discourses: The Question of Women's Professional Realization. *Scientific Notes of Novgorod State University*, 2021, no. 6 (39). (In Russ)

16. *Kaminskaia T. L.* Feminism as a Fashionable Media Discourse: Speech Aspect. *World of Russian Word*, 2021, no. 2. (In Russ)

17. *Bozhenkova N. A., Negushina A. A.* Interpersonal Characteristics of Russian-Language Feminist Media Discourse (Using the Example of the Telegram Channel "The Robber's Daughter"). *Culture and Text*, 2021, no. 4 (47). (In Russ)

18. *Muraviova M.* Radical Feminism and Conflicts. *Sociodigger*, 2022, vol. 3, no. 7 (19). (In Russ)

Сведения об авторе:
В. И. Красиков – доктор философских наук, профессор.

Information about the author:
V. I. Krasikov – Doctor of Philosophy, Professor.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 05.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 01.07.2024; approved after reviewing 05.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 340
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-82-92

ДОРЕФОРМЕННОЕ ВОЕННОЕ СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО НА КУБАНИ В XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА ПОЛЕВОГО АУДИТОРИАТА КАВКАЗСКОЙ АРМИИ В ОТНОШЕНИИ УРЯДНИКА Л. ШАТЕЕВА)

Наталья Викторовна Паршина

Кубанский государственный университет, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

natalya.v.parshina2012@yandex.ru

Аннотация

Актуальность данного исследования обосновывается необходимостью правового анализа специфики функционирования военного судоустройства и судопроизводства в дореформенный период на одной из казачьих территорий Российской империи – Кубани. Этот анализ необходим ввиду малоизученности региональной судебной практики, сложившейся в деятельности полевых аудиториатов (общеармейских военных судов) в XIX в., накануне масштабных военно-судебных преобразований Александра II. Предметом исследования выступает военно-судебное законодательство рассматриваемого периода и правоприменительная деятельность военных судов в Кубанской области, основанная на архивных источниках. Цель работы – показать на примере конкретного уголовного дела, которое впервые вводится в научный оборот, особенности отправления правосудия в отношении представителей казачьего сословия. С помощью дедукции, индукции, сравнительно-правового, историко-правового, конкретно-исторического методов научного познания проанализированы особенности формирования и деятельности военной юстиции в Кубанской области в XIX в. Автор приходит к выводу, что, несмотря на самобытность организации правосудия Кубанской области, обусловленную относительной сословной замкнутостью исследуемого региона, полевые аудиториаты наряду с местными органами власти были наделены здесь судебными полномочиями в отношении казачества. Это объяснялось в том числе соподчинен-

ностью данного военно-служилого населения общеимперским и региональным административным учреждениям, заложившей основу для дальнейшего развития Кубани уже не как исконно казачьей, а внесословной территории.

Ключевые слова: преступление; наказание; полевой аудиториат; Кубанское казачье войско; судоустройство; судопроизводство.

Для цитирования: *Паршина Н. В.* Дореформенное военное судоустройство и судопроизводство на Кубани в XIX в. (на примере обвинительного приговора полевого аудиториата Кавказской армии в отношении урядника Л. Шатеева) // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 82–92. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-82-92

Research Article

PRE-REFORM MILITARY JUDICIAL SYSTEM AND JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE KUBAN IN THE 19TH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE GUILTY VERDICT OF THE FIELD AUDIENCE OF THE CAUCASIAN ARMY AGAINST THE SERGEANT L. SHATEEV)

Natalya V. Parshina

Kuban State University, 149 Stavropol St., Krasnodar, 350040, Russia
natalya.v.parshina2012@yandex.ru

Abstract

The relevance of this study is justified by the need for a legal analysis of the specifics of the functioning of the military judicial system and judicial proceedings in the pre–reform period in one of the Cossack territories of the Russian Empire – Kuban. This analysis is necessary due to the little-studied regional judicial practice that developed in the activities of field auditoriums (general army military courts) in the 19th century, on the eve of the large-scale military judicial transformations of Alexander II. The subject of the study is the military judicial legislation of the period under review and the law enforcement activities of military courts in the Kuban region, based on archival sources. The purpose of the work is to show by the example of a specific criminal case, which is being introduced into scientific circulation for the first time, the peculiarities of the administration of justice against representatives of the Cossack class. With the help of deduction, induc-

tion, comparative law, historical law, concrete historical methods of scientific cognition, the features of the formation and activity of military justice in the Kuban region in the 19th century are analyzed. The author comes to the conclusion that, despite the originality of the organization of justice in the Kuban region, due to the relative class isolation of the region under study, field audiences, along with local authorities, were endowed with judicial powers in relation to the Cossacks here. This was explained, among other things, by the subordination of this military-serving population to general imperial and regional administrative institutions, which laid the foundation for the further development of Kuban no longer as a native Cossack, but an ancestral territory.

Keywords: crime; punishment; field audience; Kuban Cossack army; judicial system; judicial proceedings.

For citation: *Parshina N. V.* Pre-Reform Military Judicial System and Judicial Proceedings in the Kuban in the 19th Century (on the Example of the Guilty Verdict of the Field Audience of the Caucasian Army Against the Sergeant L. Shateev). *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 82–92. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-82-92

Введение

Предстоящий 160-летний юбилей со дня судебных преобразований в России [1] вновь актуализирует необходимость исследования деятельности судебных учреждений, в том числе исторической ретроспективы функционирования органов военной юстиции. Особый интерес вызывает их практический опыт, демонстрирующий реальное состояние судебной практики в Российской империи в преддверии крупного переустройства органов сословной и военной юстиции. Однако, несмотря на то, что отечественная историография, затрагивающая общий анализ дореформенной военной юстиции в Российской империи представлена во многих трудах дореволюционных, советских и современных ученых [2; 3; 4; 5; 6; 7 и др.], в данных работах предметно не исследована правоприменительная деятельность полевых аудиториатов в Кубанской области.

Важно подчеркнуть, что наряду с подготовкой фундаментальных изменений в построение общероссийской судебной системы законодатель в рассматриваемый период разрабатывал существенные нововведения и в военно-судебную нормативно-правовую базу. Результатом стало принятие в 1867 г. нового Военно-судебного устава [8], закрепившего, по образцу реформы 1864 г., «принципы состязательного процесса и кассационного порядка пересмотра судебных решений» [9, с. 54].

1. Сословное судоустройство и судопроизводство на Кубани в первой половине XIX в.

Как известно, правосудие в России в этот период носило сословный характер. Это касалось и черноморского казачества – крупного служилого сословия, погра-

ничной стражи южных рубежей Российской империи, расселившееся по указу Екатерины II на Кубани в конце XVIII в. [10].

Надо сказать, что на всем протяжении бытования казачьих объединений в Российской империи государством для них предусматривался особый порядок подсудности дел. Так, в зависимости от того, находился обвиняемый в совершении преступления казак на внешней (полевой) и внутренней службе, определялась подсудность дела. В частности, уголовные дела в отношении отбывающих внутреннюю службу и отставных казаков находились в юрисдикции Комиссии военного суда, которая рассматривала их по существу и, затем, передавала приговор на утверждение Наказного Атамана [11]. Временные военные суды, учрежденные при полках, батальонах и батареях выносили приговоры в отношении казаков полевой службы. Преступления, совершенные на территории Кубани представителями неказачьего сословия, первоначально были подсудны Гражданскому суду, а с 1844 г. [12] – Комиссии военного суда.

Черноморское казачье войско было подчинено Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом [13]. Помимо административной власти, военачальники наделялись полномочиями отправления правосудия.

Так, в 1846 г. был утвержден штат Полевого аудиториата при Главном штабе Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом [14]. Полевым аудиториатам были подсудны дела в отношении совершивших преступления казаков, отбывающих внешнюю службу – за пределами войска. Полевые аудиториаты представляли собой аналог военных судов, учрежденных еще при Петре I для членов регулярной армии [15].

Именно петровское правотворчество принято считать началом становления специального военно-судебного законодательства в России [16, с. 5]. В 1812 г. [17] в Империи был узаконен правовой статус полевых аудиториатов, которые создавались в действующей армии во время военных действий.

В период правления Николая I, с 1846 г., правовой статус полевых аудиториатов регламентировался Уставом для управления армиями в мирное и военное время [18]. В соответствии с данным нормативно-правовым актом выписки из уголовных дел, с последовавшими на них заключениями полевого аудиториата, представлялись Главнокомандующему армией на рассмотрение [18, с. 145]. После ознакомления с конфирмацией (приговором) и ее утверждения данным должностным лицом, полевой аудиториат передавал такой процессуальный документ для исполнения по подведомственности. Затем рапорт о приведенных в исполнение приговорах, составленный полевым судом, отправлялся на хранение в Аудиторский департамент Военного министерства.

2. Деятельность военной юстиции в Кубанском казачьем войске во второй половине XIX в. (дореформенный период): анализ правоприменительной практики

В 1860 г. [19] черноморское казачество было включено в состав Кубанского войска. Законодатель определил, что уголовные дела в отношении казаков здесь, как и прежде, будут рассматривать военно-судные комиссии [20].

Кроме казачьей администрации, Кубанское войско было подчинено Главнокомандующему Кавказской армией при которой учреждался полевой аудиториат. Его правоприменительную деятельность в дореформенный период, можно проанализировать на конкретном примере из судебной практики на основе изучения архивного дела, которое впервые вводится в научный оборот.

Так, 17 мая 1863 г. полевой аудиториат Кавказской армии представил Командующему войсками Кубанской области, совмещавшему эти полномочия с должностью Наказного атамана, рапорт. В нем излагалась конфирмация о том, что полевой аудиториат рассмотрел уголовное дело, поступившее из военно-судной комиссии, учрежденной при 6-й бригаде Кубанского казачьего войска в отношении урядника Л. Шатеева [21, л. 3].

В документе говорилось, что полевой аудиториат нашел его виновным в следующих преступлениях. Во-первых, в подговоре фельдшера Дробязгина отравить казака Сичанова, находящегося в бригадном лазарете, в чем преступник был изобличен показаниями троих свидетелей.

Во-вторых, в нанесении топором смертельных ран жене Сичанова, от которых она на четвертый день умерла. По последнему преступлению Л. Шатеев пояснил, что совершил убийство из мести, поскольку Сичанова не сдержала обещания иметь с ним «любовную связь» [21, л. 3 об.].

За эти преступления полевой аудиториат, руководствуясь нормами Военно-уголовного устава 1859 г. (в частности, ст. 385, 386 [22, с. 112–113]) и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1857 г.) (в частности, ст. 2001, 2002, 2004 [23, с. 502–503]), приговорил: лишить подсудимого унтер-офицерского звания, нашивок за беспорочную службу, медали «В память войны 1853–1856 гг.» и всех прав состояния. Кроме этого Л. Шатеева предусматривалось прогнать сквозь строй шпицрутенами через сто человек пять раз и сослать в Сибирь на каторжные работы в рудниках сроком на двенадцать лет [21, л. 4].

Необходимо отметить, что в приговоре упоминалась санкция, назначенная и другому лицу – сотнику Разсветаеву, который, находясь в карауле на бригадной гауптвахте в день убийства Сичановой, невнимательно следил за арестантами. В результате этого Л. Шатеев проник на кухню, взял топор, которым впоследствии нанес удары потерпевшей. За это Разсветаев, по решению полевого аудиториата, в соответствии со ст. 230 Военно-уголовного устава 1859 г., предусматривающей исправительное наказание без производства военного суда, был арестован на трое суток на гауптвахте, и не внесен в послужной список [21, л. 4 об.].

Затем, как излагалось в рапорте, данный приговор был направлен Командующему Кавказской армией, который исключил из него битье шпицрутенами. Можно предположить, что данное решение было связано с тем, что такое наказание, ввиду его тяжести, могло оказаться для осужденного смертельным. Надо сказать, что такие случаи неоднократно имели место в российской практике исполнительного производства, при применении к осужденному этой санкции [24, с. 38].

В конце документа содержалось обращение к Командующему войсками Кубанской области о необходимости распорядиться о приведении конфирмации в исполнение, с тем чтобы бронзовую медаль подсудимого направить в Инспекторский Де-

партамент Военного Министерства, а о времени отсылки преступника уведомить Тобольский приказ о ссыльных, сообщив об этом Главному Дежурству Армии.

4 июня 1863 г. Начальником штаба Кубанского войска (заместителем Наказного атамана) был составлен рапорт, в котором повелевалось Командиру 6-й бригады Кубанского казачьего войска, в которой состоял Л. Шатеев, отправить осужденного со статейным списком в Ставропольское Губернское правление для дальнейшей отсылки в Тобольский приказ ссыльных. Об исполнении этого распоряжения приказывалось доложить Командующему войсками Кубанской области [21, л. 6]. Это и было сделано Командиром 6-й бригады Кубанского казачьего войска 31 июля 1863 г. [21, л. 7].

Заключение

Таким образом, правоприменительная деятельность органов военной юстиции в Кубанском казачьем войске, в рассматриваемый период, основывалась на компиляции норм военно-уголовного и общеуголовного законодательства. Первоначально военно-судные комиссии Кубани представляли собой учреждение первой инстанции по уголовным преступлениям в отношении казаков, находящихся на внешней службе. После введения на Кубани института общеармейских военных судов – полевых аудиториатов, в частности Кавказской армии, в подчинении которой находилось это казачье формирование, преступления казаков рассматривались при участии этого органа, который выступал вышестоящей инстанцией по отношению к казачьим военным судам.

Следует упомянуть, что военным судебным учреждениям Кубани были присущи недостатки, свойственные дореформенной судебной системе России в целом.

Во-первых, это отсутствие отделения судебной власти от административной, которое многократно становилось предметом критики в трудах дореволюционных правоведов [25, с. 8, 14; 26, с. 100; 27, с. 38; 28, с. 80]. Ведь военные начальники были наделены правом, не только утверждать приговор осужденному, но и квалифицировать правонарушения казаков [29, л. 6; 30, л. 7; 31, л. 4 об.; 32, л. 1, 33, л. 1].

Во-вторых, как видно из содержания конфирмации по делу Л. Шатеева, в приговоре содержалась санкция за противоправное деяние, совершенное сотником Разсветаевым. Вместе с тем ничего не упоминается касательно правовой квалификации действий и дальнейших процессуальных мер в отношении фельдшера Дробязгина, который являлся в соответствии с действующим уголовным законом Российской империи, соучастником преступления [22, с. 3], совершенного Л. Шатеевым против Сичанова. Безусловно, что такие факты являлись следствием устоявшегося несовершенного порядка составления процессуальных документов, фактически не урегулированного в дореформенном законодательстве.

Вместе с тем противоправные действия Л. Шатеева были верно квалифицированы полевым аудиториатом Кавказской армии. Это обстоятельство являлось несомненным достоинством для военного правосудия первой половины 60-х гг. XIX в., поскольку встречались случаи, когда такая квалификация противоречила закону и в пореформенный период [34, с. 17].

Конечно, имеющиеся нарушения во многом объяснялись отсутствием у военных чиновников юридического образования, наличие которого стало обязатель-

ным для отдельных должностных лиц военной юстиции только после реформы 1867 г. [35, с. 47; 36, с. 96; 37, с. 47; 38, с. 45]. Закономерно, что военно-судебные преобразования Александра II стали положительной новацией в развитии отечественного законодательства, по праву войдя в число «великих реформ» второй половины XIX в.

Пристатейный библиографический список

1. Высочайше учрежденное Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXXIX. Ч II. № 41475. СПб., 1867.

2. *Плошинский Л. О.* Русское военно-уголовное судоустройство и судопроизводство. СПб. : Тип. А. Дмитриева, 1854.

3. *Лукин В. В.* Производство следствий по Военному ведомству, для военных следователей и депутатов при следствиях. СПб. : Тип. Э. Праца, 1853.

4. *Доманский А. Н.* Производство дознания офицерами и гражданскими чиновниками военного ведомства. Киев : Тип. Окр. штаба, 1897.

5. *Ошерович Б. С.* Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли: (2-я половина XVIII в. – 1-я четверть XIX в.). М. : Юрид. изд-во, 1946.

6. *Шагаев В. А.* Военно-судебная система России во второй половине XIX века: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

7. *Дзидзоев А. Д.* Судебная политика на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.

8. Высочайше утвержденный Военно-судебный устав от 15 мая 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XLII. № 44575. СПб., 1871.

9. *Григорьев О. В.* Военное правосудие императора Александра II // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. № 4-1.

10. Именной Указ, данный Сенату, «О пожаловании Черноморскому войску острова Фанагории с землями между Кубанью и Азовским морем лежащими» от 30 июня 1792 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXIII. № 17056. СПб., 1830.

11. Высочайше утвержденное Положение «О Черноморском казачьем войске» от 1 июля 1842 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XVII. Ч. I. № 15809. СПб., 1843.

12. Сенатский указ «О порядке суждения проживающих в пределах Черноморского казачьего войска лиц, непринадлежащих казачьему сословию и военному ведомству» от 10 августа 1844 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XIX. Ч. I. № 18139. СПб., 1845.

13. Именной Указ, объявленный Сенату Управляющим Военным Министром, «О подчинении Черномории Главнокомандующему Отдельным Кавказским Корпусом» от 18 апреля 1856 г.// Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXXI. Ч. I. № 30408. СПб., 1857.

14. Высочайше утвержденный штат Полевого Аудиториата при Главном Штабе Главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом от 4 декабря 1846 г. //

Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXI. Ч. II. № 20666. СПб., 1847.

15. Устав Воинский от 30 марта 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. V. № 3006. СПб., 1830.

16. *Анисимов А. Н.* Записки военно-уголовных законов: курс юнкерских училищ. СПб. : Я.А. Исаков, 1872.

17. Учреждение для управления Большой Действующей Армией от 27 января 1812 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXXII. № 24975. СПб., 1830.

18. Устав для управления армиями в мирное и военное время. Ч. 1. СПб., 1847.

19. Именной Указ, объявленный Сенату Военным Министром, «О некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного, переименованных в Кубанское и Терское казачьи войска» от 19 ноября 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXXV. Ч. II. № 36327. СПб., 1862.

20. Высочайше утвержденное положение Военного Совета, объявленное в приказе Военного Министра, «Об окладах жалованья Презусам и Ассесорам Военно-судных Комиссий, учрежденных при Екатеринодарском, Таманском и Ейском Окружных Дежурствах Кубанского казачьего войска» от 4 ноября 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXXVIII. Ч. II. № 40223. СПб., 1866.

21. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 254. Оп. 2. Д. 424.

22. Военно-уголовные законы 2-го и 3-го разделов книги I-й, части V-й Свода военных постановлений. СПб. : Воен. тип., 1862.

23. Сводъ законовъ Россійской имперіи. Томъ пятнадцатый. Законы уголовные. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857.

24. *Сушкова Ю. Н.* Развитие уголовного законодательства в эпоху Петра I (взгляды П. С. Ромашкина) // Социально-политические науки. 2022. № 2.

25. *Яблочков Т. М.* Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль : Типо-лит. торг. д. А. Г. Фальк и К°, 1910.

26. *Мартынов Н. К.* Устав военно-судебный (I, II, III и IV разделы, высочайше утвержденные 8 марта 1883 г., 13 марта 1884 г. и 9 июля 1885 г.). СПб. : Юрид. кн. маг., 1889.

27. *Гессен И. В.* Судебная реформа. СПб. : Книгоиздательство П.П. Гершунина, 1905.

28. *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы : (К пятидесятилетию судебных уставов). 1864 – 20 ноября 1914 гг. М. : Т-во И.Д. Сытина, 1914.

29. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7846.

30. Государственный архив Краснодарского края. Фонд 339. Оп. 1. Д. 10.

31. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 160. Оп. 1. Д. 10.

32. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 296. Оп. 1. Д. 139.

33. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 339. Оп. 1. Д. 12.

34. *Паршина Н. В.* Досудебное расследование правонарушений, совершенных военнослужащими во второй половине XIX в. (на примере заключения военного прокурора Кавказского военно-окружного суда по делу вахмистра Кубанского казачьего войска И. М. Карягина) // Правда и закон. 2023. № 3 (25).

35. *Григорьев О. В.* Кадровая политика Правительства Российской империи в период проведения военно-судебной реформы 1867 г. // Юридические записки. 2013. № 1.

36. *Невский С. А.* Правовой статус военных прокуроров по Военно-судебному уставу 1867 г. // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1.

37. *Захаров В. В., Ильина Т. Н.* Система подготовки кадров для военной юстиции в России во второй половине XIX – начале XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4-1.

38. *Арапова Е. Д.* Д. А. Милютин о задачах военно-судебной реформы в России. 1860–1867 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 4.

References

1. The Most Highly Established Institution of Judicial Regulations of 20 November 1864. In The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. XXXIX. P. II. No. 41475. St. Petersburg, 1867. (In Russ.)

2. *Ploshinskii L. O.* Russian Military Criminal Judicial System and Judicial Proceedings. St. Petersburg: A. Dmitriev's Printing House, 1854. (In Russ.)

3. *Lukin V. V.* Production of Investigations in the Military Department, for Military Investigators and Deputies During Investigations. St. Petersburg: E. Prats's Printing House, 1853. (In Russ.)

4. *Domanskii A. N.* Investigation by Officers and Civilian Officials of the Military Department. Kiev: Headquarters's Printing House, 1897. (In Russ.)

5. *Osherovich B. S.* Essays on the History of Russian Criminal Law Thought: (2nd Half of the 18th Century – 1st Quarter of the 19th Century). Moscow: Legal Publishing House, 1946. (In Russ.)

6. *Shagaev V. A.* The Military Judicial System of Russia in the Second Half of the 19th Century: Historical and Legal Research: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Vladimir, 2007. (In Russ.)

7. *Dzidzoev A. D.* Judicial Policy in the North Caucasus in the 19th – First Third of the 20th Century: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2011. (In Russ.)

8. The Most Highly Approved Military Judicial Charter of 15 May 1867. In Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. XLII. No. 44575. St. Petersburg, 1871. (In Russ.)

9. *Grigoriev O. V.* Military Justice of Emperor Alexander II. *Historical and Socio-Educational Thought*, 2018, no. 4-1. (In Russ.)

10. Nominal Decree Given to the Senate "On the Grant to the Black Sea Army of the Island of Phanagoria with Lands Lying Between the Kuban and the Sea of Azov" of 30 June 1792. In Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. XXIII. No. 17056. St. Petersburg, 1830. (In Russ.)

11. The Most Highly Approved Regulation "On the Black Sea Cossack Army" of 1 July 1842. In Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. XVII. P. I. No. 15809. St. Petersburg, 1843. (In Russ.)

12. Senate Decree "On the Procedure for Judging Persons Living Within the Black Sea Cossack Army Who Do Not Belong to the Cossack Estate and the Military Department" of 10 August 1844. In Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. XIX. P. I. No. 18139. St. Petersburg., 1845. (In Russ.)

13. Nominal Decree Announced to the Senate by the Managing Minister of War "On Subordination of Chernomoriya to the Commander-In-Chief of a Separate Caucasian Corps" of 18 April 1856. In Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. XXXI. P. I. No. 30408. St. Petersburg, 1857. (In Russ.)

14. The Most Highly Approved Staff of the Field Auditorium at the General Staff of the Commander-In-Chief of the Separate Caucasian Corps of 4 December 1846. In Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection III. Vol. XXI. Part II. No. 20666. St. Petersburg, 1847. (In Russ.)

15. Military Charter of 30 March 1716. In Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. V. No. 3006. St. Petersburg, 1830. (In Russ.)

16. *Anisimov A. N.* Notes of Military Criminal Laws: A Course of Cadet Schools. St. Petersburg: Ia. A. Isakov, 1872. (In Russ.)

17. Establishment for the Management of a Large Active Army of 27 January 1812. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. XXXII. No. 24975. St. Petersburg, 1830. (In Russ.)

18. Charter for the Management of Armies in Peacetime and Wartime. Part 1. St. Petersburg, 1847. (In Russ.)

19. A Personal Decree Announced to the Senate by the Minister of War "On Some Changes in the Provisions of the Cossack Troops of the Black Sea and Caucasian Linear, Renamed the Kuban and Tersk Cossack Troops" of 19 November 1860. In Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. XXXV. Part II. No. 36327. St. Petersburg, 1862. (In Russ.)

20. The Most Highly Approved Position of the Military Council, Announced in the Order of the Minister of War "On the Salaries of the Presences and Assessors of the Military Court Commissions Established Under the Yekaterinodar, Taman and Yeisk District Duties of the Kuban Cossack Army" of 4 November 1863. In Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. XXXVIII. P. II. No. 40223. St. Petersburg, 1866. (In Russ.)

21. State Archive of the Krasnodar Territory. F. 254. F. 2. D. 424. (In Russ.)

22. Military Criminal Laws of the 2nd and 3rd Sections of Book I, Part V of the Code of Military Regulations. St. Petersburg: Military Type, 1862. (In Russ.)

23. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 15: The Laws Are Criminal. St. Petersburg: Type of the 2nd Section of the His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1857. (In Russ.)

24. *Sushkova Iu. N.* The Development of Criminal Legislation in the Era of Peter I (Views of P. S. Romashkin). *Socio-Political Sciences*, 2022, no. 2. (In Russ.)

25. *Iablochkov T. M.* Textbook of Russian Civil Procedure. Yaroslavl: D. A.G. Falk and Co.'s Printing House, 1910. (In Russ.)

26. *Martynov N. K.* The Military Judicial Statute (I, II, III and IV sections, most highly approved on 8 March 1883, 13 March 1884 and 9 July 1885). St. Petersburg: Legal Book Store, 1889. (In Russ.)

27. *Gessen I. V.* Judicial Reform. St. Petersburg: P. P. Gershunin's Publishing House, 1905. (In Russ.)

28. *Koni A. F.* Fathers and Children of Judicial Reform: (To the Fiftieth Anniversary of Judicial Statutes). 1864 – 20 November 1914. Moscow: I. D. Sytin, 1914. (In Russ.)

29. State Archive of the Krasnodar Territory. F. 396. F. 1. D. 7846. (In Russ.)

30. State Archive of the Krasnodar Territory. F. 339. F. 1. D. 10. (In Russ.)

31. State Archive of the Krasnodar Territory. F.160. F. 1. D. 10. (In Russ.)

32. State Archive of the Krasnodar Territory. F.296. F. 1. D. 139. (In Russ.)

33. State Archive of the Krasnodar Territory. F.339. F. 1. D. 12. (In Russ.)

34. *Parshina N. V.* Pre-Trial Investigation of Offenses Committed by Military Personnel in the Second Half of the 19th Century (on the Example of the Conclusion of the Military Prosecutor of the Caucasian Military District Court in the Case of the Sergeant of the Kuban Cossack Army I. M. Kariagin). *The Truth and the Law*, 2023, no. 3 (25). (In Russ.)

35. *Grigoriev O. V.* Personnel Policy of the Government of the Russian Empire During the Military Judicial Reform of 1867. *Legal Notes*, 2013, no. 1. (In Russ.)

36. *Nevskii S. A.* The Legal Status of Military Prosecutors According to the Military Judicial Statute of 1867. *Bulletin of Economic Security*, 2019, no. 1. (In Russ.)

37. *Zakharov V. V., Ilyina T. N.* The System of Personnel Training for Military Justice in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. *Historical and Legal Problems: A New Perspective*, 2011, no. 4-1. (In Russ.)

38. *Arapova E. D.* D. A. Miliutin on the Tasks of Military Judicial Reform in Russia. 1860–1867. *Military Historical Journal*, 2007, no. 4. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Н. В. Паршина – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:
N. V. Parshina – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 20.03.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 34.01
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-93-105

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК В 1980–2000 ГГ.

Андрей Вячеславович Родин

Академия войск национальной гвардии, 198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

rodinav1102@gmail.ru

Аннотация

Актуальность работы определяется недостаточностью исследований в отношении правовых вопросов территориального планирования объектов обороны и безопасности. В работе применяются общенаучные методы исследования (анализа, синтеза, диалектики) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой). Рассматриваются имеющиеся в 1980–2000 гг. отдельные средства правового регулирования территориального планирования объектов внутренних войск МВД России, представленные в форме ведомственных правовых актов и направленные на установление порядка предоставления (выбора) необходимых земельных участков под строительство новых и расширение существовавших военных городков. Раскрываются основание и сущность территориального деления страны на зоны, региональные управления, а в последующем округа внутренних войск с целью размещения объектов обороны и безопасности. Отдельно приводится нормативно-правовой порядок подготовки части проекта схемы обороны и безопасности объектов внутренних войск, по результатам рассмотрения которого делается выводы о сложности реализации его правового механизма и необходимости совершенствования правового регулирования территориального планирования на современном этапе. Акцентируется внимание на росте с 2000-х гг. количества правовых актов, регулирующих территориальное планирование, благодаря которым оно приобретает правовую определенность и в последнее время все больше становится ориентированным на цифровизацию, оптимизацию и сокращение сроков рассмотрения документов территориального планирования. При этом со-

храняется актуальность совершенствования правового регулирования вопросов территориального планирования размещения военных объектов.

Ключевые слова: территориальное планирование; объекты внутренних войск; правовое регулирование.

Для цитирования: *Родин А. В.* Правовые вопросы территориального планирования объектов обороны и безопасности внутренних войск в 1980–2000 гг. // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 93–105. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-93-105

Research Article

LEGAL ISSUES OF TERRITORIAL PLANNING OF DEFENSE AND SECURITY FACILITIES OF THE INTERNAL TROOPS IN 1980–2000

Andrey V. Rodin

Academy of the National Guard Troops, 1 Piliutova St., St. Petersburg, 198206, Russia
rodinav1102@gmail.ru

Abstract

The relevance of the work is determined by the insufficiency of research on legal issues of territorial planning of defense and security facilities. The work uses general scientific research methods (analysis, synthesis, dialectics) and private scientific (historical-legal, comparative-legal). Ministry of Internal Affairs of Russia available in 1980–2000, presented in the form of departmental legal acts and aimed at establishing the procedure for the provision (selection) of necessary land plots for the construction of new and expansion of existing military camps, are considered. The basis and essence of the territorial division of the country into zones, regional administrations, and subsequently districts of internal troops for the purpose of placing defense and security facilities are revealed. Separately, the regulatory and legal procedure for the preparation of part of the draft scheme of defense and security of internal troops facilities is given, as a result of consideration of which conclusions are drawn about the complexity of implementing its legal mechanism and the need to improve the legal regulation of territorial planning at the present stage. Attention is focused on the growth since 2000s of the number of legal acts regulating territorial planning, thanks to which it acquires legal certainty and has recently become increasingly focused on digitalization, optimization

and shortening of the terms of consideration of territorial planning documents. At the same time, the relevance of improving the legal regulation of territorial planning of the deployment of military facilities remains.

Keywords: territorial planning; objects of internal troops; legal regulation.

For citation: *Rodin A. V.* Legal Issues of Territorial Planning of Defense and Security Facilities of the Internal Troops in 1980–2000. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 93–105. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-93-105

Введение

Общие вопросы территориального планирования объектов гражданского назначения являются предметом исследования ряда авторов [1; 2; 3, с. 7–12]. Заслуживает внимания работа по исследованию средств правового регулирования территориального планирования на примере актов стратегического планирования, включая их признаки, правовую природу и классификацию [4].

При этом работы по историко-правовым вопросам правового регулирования территориального планирования объектов обороны и безопасности в исследовательской среде не имеют широкого распространения, невзирая на их актуальность для безопасности государства. Автором уже был исследован данный вопрос на более ранней его стадии и сделан обоснованный вывод о необходимости учета историко-правового опыта территориального планирования объектов обороны и безопасности в современных военно-политических условиях [5, с. 92–93; 6, с. 542–546]. Настоящая работа представляет собой продолжение исследования средств правового регулирования объектов внутренних войск, предшественников объектов Росгвардии, и затрагивает период с 1980 по 2000 г.

1. Правовое регулирование территориального планирования внутренних войск

По состоянию на 1981 г. в рамках развития внутренних войск проведено изменение макроуровня территориального планирования объектов обороны и безопасности, в результате чего территория страны была разделена на семь региональных управлений (Украинской и Молдавской ССР, Казахской и Киргизской ССР, Дальнему Востоку и Восточной Сибири, Северо-западной зоне, Западной Сибири, Уралу, Волго-Вятской зоне). Макроуровень продолжал совершенствоваться, и в 1986 г. дополнительно были образованы управления внутренних войск по Центральной зоне и Северному Кавказу [7].

В качестве одного из средств правового регулирования размещения объектов внутренних войск в рассматриваемый период использовался приказ МВД СССР, который устанавливал, что выбор земельных участков под строительство новых и расширение существующих военных городков производится комиссиями, которые в своей работе руководствовались действующим законодательством по отводу участков с учетом тактико-технических, экономических и архитектурно-планировочных требований [8]. При этом законодательство СССР, регулирующее

земельные вопросы [9], в отличие от действующего земельного законодательства еще не содержало необходимое условие изъятия участка для нужд государства, как наличие объекта федерального значения в утвержденных документах территориального планирования.

В дальнейшем Указом Верховного Совета СССР в 1989 г. из состава Вооруженных Сил СССР внутренние войска были выделены в самостоятельные формирования [10]. В связи с политическими изменениями, происходящими в начале 1990-х гг. республики, входящие в СССР, одна за другой объявили о суверенитете. Декларацией о государственном суверенитете, принятой Съездом Народных Депутатов РСФСР, ранее существующее территориальное деление страны и территориальное планирование, в том числе объектов обороны и безопасности внутренних войск, прекращалось [11].

В октябре 1991 г. Указом Президента РФ № 1405 внутренние войска, размещенные на территории страны, были приняты под юрисдикцию РСФСР [12]. Не стало общесоюзных войск, обеспечивающих внутреннюю безопасность.

Новые политические условия требовали изменений территориального построения внутренних войск и средств его правового регулирования. В этой связи Законом РФ от 24 сентября 1992 г. № 3534-I определен состав внутренних войск, в качестве наиболее крупной единицы территориального образования войск вводятся округа.

Приказами МВД России созданы управления по Уральскому, Северо-Западному, Восточному, Северо-Кавказскому, Приволжскому, Сибирскому, Центральному округу внутренних войск [13]. Приказом МВД России от 26 октября 2007 г. № 942 территория страны была разделена на оперативно-территориальные объединения внутренних войск. Созданы управления региональных командований, ставших правопреемниками соответствующих управлений округов внутренних войск [14] и фактически просуществовавшие до создания в 2016 г. Федеральной службы войск национальной гвардии.

В современной России к ведомственным актам, осуществлявшим правовое регулирование размещения объектов обороны и безопасности внутренних войск, можно отнести Приказ МВД России 2006 г., которым устанавливалось, что соединениям (воинским частям) для размещения в стационарных условиях отводятся участки в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации [15]. Данный порядок предусматривал возможность выделения участка для целей строительства объектов обороны и безопасности с предварительным согласованием места размещения таких объектов [16]. Для выделения участка необходимо было подготовить обращение в уполномоченный орган (государственной власти, местного самоуправления) с заявлением по вопросу выбора участка. Данные органы в свою очередь на основе необходимых документов с учетом градостроительных и других условий использования территории, обеспечивали подбор земельного участка. Решение по вопросу предварительного согласования размещения объекта было основанием для дальнейшего выделения участка и действовало в течение трех лет.

Одновременно с этим осуществлялось информирование землевладельцев и землепользователей участков, законные интересы которых могут быть нарушены в результате возможного изъятия (выкупа) участков.

Подобные нормы в отношении размещения объектов обороны и безопасности нашли отражение в законодательстве, регулирующем вопросы территориального планирования.

Необходимо отметить, что одновременно с действием порядка предоставления участка в целях создания объекта обороны и безопасности с предварительным согласованием его размещения действовали нормы законодательства в части территориального планирования, устанавливавшие с 2013 г. запрет на принятие уполномоченными органами решений в части вопросов предоставления участков для объектов, имеющих федеральное значение, в том числе объектов внутренних войск [17]. Данное правовое регулирование действовало до марта 2015 г., когда вступил в силу Федеральный закон, признавший утратившим силу порядок предоставления участков с предварительным согласованием размещения объектов [18].

2. Правовой порядок подготовки схемы территориального планирования объектов внутренних войск

В связи с принятием в декабре 2012 г. Правительством России правового акта, определяющего порядок подготовки проекта схемы территориального планирования страны, предполагающего размещение объектов обороны и безопасности государства, внутренние войска стали обязательным субъектом территориального планирования. Документ определил МВД России, в состав которого входили внутренние войска, одним из заказчиков-соисполнителей подготовки схемы[1] [19].

Для МВД России порядок подготовки части проекта схемы обороны и безопасности объектов внутренних войск, по мнению автора, можно определить в четырех этапа.

На первом этапе была организована работа по сбору предложений от оперативно-территориальных объединений внутренних войск, воинских частей и организаций, непосредственно подчиненных Главнокомандующему внутренними войсками. Предложения должны были содержать информацию о необходимости строительства или реконструкции объектов, выполняющих задачи обеспечения обороны и безопасности страны, а также об участках подлежащих изъятию и переводу, с учетом выполнения задач возложенных на внутренние войска.

При этом следует иметь в виду, что п. 7 постановления Правительства РФ от 23 марта 2008 г. № 198 установлена необходимость определения Минрегионразвития России состава инженерных изысканий в целях установления границ планируемых для размещения объектов федерального значения, в том числе объектов внутренних войск. Требования, применительно к внутренним войскам, направлены на получение необходимых для определения границ планируемого размещения объектов, значения материалов о природных условиях территории, в границах которой планируется строительство таких объектов, а также факторах возможного техногенного воздействия на окружающую среду и прогнозирование их изменении.

Выполняя данную правовую норму, Минрегионразвития России издало приказ от 11 июля 2008 г. № 92, которым установлено, что при подготовке проекта

[1] Далее – Постановление № 1220.

схем обороны и безопасности государства могут выполняться инженерные изыскания в виде [20]:

– инженерно-геодезических;

– инженерно-геологических;

– инженерно-гидрометеорологических;

– инженерно-экологических.

Перечень приведенных инженерных изысканий не являлся обязательным для внутренних войск и должен был применяться в объеме, необходимом для определения границ зон, планируемых для размещения объектов, что можно считать действиями, направленными на более эффективную предварительную проработку местоположения таких объектов.

В дальнейшем предложения оперативно-территориальных объединений войск внутреннего предназначения, воинских частей и организаций, непосредственно подчиненных Главнокомандующему внутренними войсками, с учетом полученных результатов инженерных изысканий, подлежали обобщению в Главном командовании внутренних войск МВД России, ответственном за территориальное планирование во внутренних войсках.

На втором этапе подготовки проекта схемы обороны и безопасности необходимо было осуществить сбор основных сведений в отношении объектов обороны и безопасности, включенных в план строительства и развития внутренних войск или иной программный документ. К таким сведениям целесообразно отнести:

– полное наименование объекта обороны и безопасности, которое включает полное юридическое наименование в соответствии с регистрационными (правоустанавливающими) документами;

– открытое наименование объекта обороны и безопасности, в виде сокращенного наименования объекта, используемого для открытой переписки;

– статус объекта обороны и безопасности (существующий, строящийся или реконструируемый, планируемый к размещению или реконструкции, планируемый к сносу);

– местоположение земельного участка, данные о местоположении земельного участка, в границах которого расположен объект. Данные предоставляются в соответствии с общероссийским классификатором территорий муниципальных образований (ОКТМО);

– кадастровый номер земельного участка в составе территории размещения объекта, а в случае отсутствия кадастрового номера земельного участка указываются номера кадастровых кварталов, в границах которых находится территория размещения объекта;

– картографический файл, описывающий местоположение участка, наименование картографического файла, содержащего информацию о конфигурации земельного участка, в границах которого расположен объект;

– зоны с особыми условиями использования земель, перечень и размер устанавливаемых запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения функционирования объекта.

Указанный перечень целесообразно было изменить или дополнить в зависимости от необходимости наличия информации. Основные сведения представля-

ют собой информацию, необходимую для подготовки положения о схеме обороны и безопасности и карты планируемых для размещения объектов обороны и безопасности. При этом необходимо учитывать, что характеристики территорий, планируемых для размещения военных объектов, могут учитываться для планирования террористических актов. И. А. Анских, Д. Н. Литвинов, В. П. Сальников отмечают, что сохраняет актуальность взаимосвязь терроризма и характеристик территории (концентрация населения, строительство предприятий, наличие транспортной инфраструктура) [21, с. 46–82].

Помимо планируемых объектов необходимо было осуществить работу по сбору информации о существующих и строящихся объектах обороны и безопасности. Такая информация использовалась при подготовке материалов по обоснованию проекта схемы обороны и безопасности. Материалы по обоснованию в свою очередь состояли из текстовой части и карты, которые позволяли описать местоположение существующих и строящихся объектов обороны и безопасности.

На третьем этапе подготовленная часть проекта схемы обороны и безопасности в отношении объектов внутренних войск представлялась в Минобороны России, которое сводило все представленные части иных федеральных органов исполнительной власти, являющихся заказчиками-соисполнителями, в единый проект схемы обороны и безопасности. После этого Минобороны России осуществляло согласование проекта схемы и материалов по ее обоснованию посредством их размещения в федеральной государственной информационной системе территориального планирования, а также направления уведомлений в федеральные органы исполнительной власти, среди которых:

– Министерство природных ресурсов и экологии РФ, осуществляющее охрану природных ресурсов и экологии, включая водные объекты, охрану окружающей среды и особо охраняемых природных территорий [22];

– Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, регулирующее деятельность в сфере архитектуры и градостроительства [23];

– Министерство культуры РФ, осуществляющее охрану объектов культурного наследия [24];

– Министерство экономического развития РФ, осуществляющее анализ и прогнозирование социально-экономического развития, формирование федеральных целевых программ, а также разработку и реализацию ведомственных целевых программ [25].

Указанные федеральные органы в течение 10 дней со дня получения соответствующего уведомления от Минобороны России рассматривали проект схемы обороны и безопасности и о результатах рассмотрения уведомляли отправителя. Результатом рассмотрения являлась подготовка положительного либо отрицательного заключения по вопросам, отнесенным к ведению согласующих федеральных органов исполнительной власти.

Рассмотрение проекта схемы обороны и безопасности осуществлялось на предмет его соответствия действующему законодательству в части: вероятного негативного воздействия на окружающую природную среду в Минприроды России; охраны объектов культурного наследия в Минкультуры России; территориального плани-

рования в Минстрое России; соответствия программам, ориентированным на социальное и экономическое развитие государства в Минэкономразвития России, что позволяло, по мнению автора, наиболее полно учитывать смежные направления территориального планирования в приоритетных направлениях развития страны.

В дополнении к этому проект схемы обороны и безопасности объектов внутренних войск подлежал согласованию с высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, на чьей территории планировалось строительство или реконструкция объектов обороны и безопасности. Согласование осуществлялось, в части возможного негативного влияния таких объектов на развитие субъекта Российской Федерации, а также на его окружающую среду.

Органы местного самоуправления в течение 30 дней осуществляли рассмотрение проекта схемы обороны и безопасности объектов внутренних войск и принимали решения о возможности, либо невозможности негативного влияния планируемого к строительству или реконструкции объекта на развитие муниципального образования и его окружающую среду. Следует отметить, что указанный этап в согласовании являлся наиболее длительным и трудоемким, так как в нем затрагивались интересы наибольшего количества субъектов правоотношений в лице органа местного самоуправления. Такой подход позволял избежать противоречий между документами территориального планирования различных уровней (федеральным, субъектовым, муниципальным), т.е., как указывают Л. Е. Бандорин, Н. В. Кичин, Э. К. Трутнев [26, с. 8–12], каждый уровень власти утверждает только «свое» и не правомочен утвердить «чужое». Иные вопросы не могут подлежать согласованию в связи с подготовкой проекта схемы обороны и безопасности.

По итогам заключений органов местного самоуправления заинтересованный субъект Российской Федерации подготавливал сводное заключение на проект схемы обороны и безопасности объектов внутренних войск с выводом о его согласовании или несогласовании.

На четвертом, заключительном этапе Минобороны России, по согласованию с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и высшими должностными лицами, возглавляющими субъекты Российской Федерации, вносило проект схемы обороны и безопасности на рассмотрение в Правительство РФ с целью дальнейшего его направления на утверждение Президенту РФ.

Заключение

Проведенный анализ средств правового регулирования с использованием историко-правового методов исследования свидетельствует о сложности правового механизма подготовки схемы территориального планирования для объектов внутренних войск, что не способствовало решению оперативных задач по предоставлению уполномоченными органами земельных участков для размещения объектов обороны и безопасности. При этом в настоящее время принят ряд актов Правительства РФ, направленных на цифровизацию, оптимизацию и сокращение сроков рассмотрения документов территориального планирования [27–29], а существующая редакция Постановления № 1220 не подвергается изменению и не имеет в своем содержании норм, определяющих основные требования в отношении земельных

участков, на территории которых планируется разместить объекты обороны и безопасности, что требует дополнительного правового регулирования, посредством внесения необходимых изменений в указанный акт Правительства РФ.

Анализ законодательства, проведенный с использованием сравнительно-правового метода исследования, позволяет определить, что начиная с 2000-х гг. происходит рост количества правовых актов, регулирующих территориальное планирование, благодаря которым оно приобретает правовую определенность. Вместе с тем схема обороны и безопасности, а также документы территориального планирования любого уровня без учета имеющегося исторического опыта правового регулирования, предварительного комплексного исследования существующей обстановки и подготовки целевых ориентиров муниципальных образований, субъектов Российской Федерации и страны в целом могут привести к снижению обороны страны и безопасности государства, нерациональному использованию земельных участков и средств федерального бюджета.

Пристатейный библиографический список

1. *Перцик Е. Н.* Территориальное планирование : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2018.

2. *Землякова Г. Л.* Некоторые проблемы правового регулирования территориального планирования // СПС «КонсультантПлюс». 2011.

3. *Нарышева Н. Г.* Юридическое значение документов правового регулирования // Экологическое право. 2007. № 5.

4. *Мамяшева Д. Р.* Акты стратегического планирования: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

5. *Родин А. В.* Организация территориальных воинских частей как средство правового регулирования территориального планирования объектов обороны и безопасности // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221).

6. *Родин А. В.* О некоторых средствах правового регулирования территориального планирования объектов обороны и обеспечения безопасности в СССР // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2023. № 33 (3).

7. Приказ МВД СССР от 7 мая 1986 г. «О формировании управлений внутренних войск МВД СССР по Центральной зоне и Северному Кавказу» // Центральный архив войск национальной гвардии Российской Федерации. Ф. 94. Оп. 1. Д. 619. Л. 202.

8. Приказ МВД СССР от 23 февраля 1973 г. № 40 «О введении в действие Положения о квартирно-эксплуатационной службе и квартирном довольствии внутренних войск МВД СССР».

9. Закон СССР от 13 декабря 1968 г. № 3401-VII «Об утверждении Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1968. № 51. Ст. 485.

10. Ведомости ВС СССР. 1989. № 6. Ст. 86.

11. Декларация СНД РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-I «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

12. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 43. Ст. 1650.

13. Приказ МВД России от 23 марта 1993 г. № 024.

14. Приказ МВД России от 26 октября 2007 г. № 942 «Об утверждении Положений об управлениях региональных командований внутренних войск МВД России».

15. Приказ МВД России от 19 июля 2006 г. № 465 «Об утверждении Положения о войсковом хозяйстве внутренних войск МВД России».

16. Федеральный закон от 23 июля 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ.2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3377.

17. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 289-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 76.

18. Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3377.

19. Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 1220 «О составе, порядке подготовки и согласования проекта схемы территориального планирования Российской Федерации в области обороны страны и безопасности государства, а также порядке внесения изменений в такую схему» // СЗ РФ. 2012. № 49. Ст. 6865.

20. Приказ Минрегиона России от 11 июля 2008 г. № 92 «О составе и объеме инженерных изысканий, необходимых для определения границ зон планируемого размещения объектов капитального строительства федерального значения» // Российская газета. 2008. № 173.

21. *Ананских И. А., Литвинов Д. Н., Сальников В. П.* Геополитические и территориальные аспекты гибридной войны в Российской империи // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 11.

22. Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1219 «Об утверждении Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации и об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7768.

23. Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2013 г. № 1038 «О Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации») // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. 2). Ст. 152.

24. Постановление Правительства РФ от 20 июля 2011 г. № 590 «О Министерстве культуры Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве культуры Российской Федерации») // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. 2). Ст. 152.

25. Постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 437 «О Министерстве экономического развития Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 105.

26. *Бандорин Л. Е., Кичин Н. В., Трутнев Э. К.* Территориальное планирование: о проблемах противоречий между ранее утвержденными и позднее утвержденными документами территориального планирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2008. № 7 (82).

27. Приказ Минэкономразвития России от 19 сентября 2022 г. № 577 «О внесении изменений в порядок согласования проектов документов территориального планирования муниципальных образований, состав и порядок работы согласительной комиссии при согласовании проектов документов территориального планирования, утвержденный приказом Минэкономразвития России от 21 июля 2016 г. № 460» // СПС «КонсультантПлюс».

28. Постановление Правительства РФ от 21 октября 2022 г. № 1878 «О внесении изменений в Положение о согласовании проекта схемы территориального планирования двух и более субъектов Российской Федерации или проекта схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 44. Ст. 7561.

29. Постановление Правительства РФ от 21 октября 2022 г. № 1881 «О внесении изменения в пункт 2 постановления Правительства Российской Федерации от 23 марта 2008 г. № 198» // СЗ РФ. 2022. № 43. Ст. 7429.

References

1. *Pertsik E. N.* Territorial Planning: Textbook. 2nd ed. Moscow: Iurait, 2018. (In Russ.)

2. *Zemliakova G. L.* Some Problems of Legal Regulation of Territorial Planning (SPS "ConsultantPlus". 2011). (In Russ.)

3. *Narysheva N. G.* The Legal Significance of Legal Regulation Documents. *Environmental Law*, 2007, no. 5. (In Russ.)

4. *Mamiasheva D. R.* Acts of Strategic Planning: Theoretical and Legal Research: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2023. (In Russ.)

5. *Rodin A. V.* The Organization of Territorial Military Units as a Means of Legal Regulation of Territorial Planning of Defense and Security Facilities. *Law and the State: Theory and Practice*, 2023, no. 5 (221). (In Russ.)

6. *Rodin A. V.* On Some Means of Legal Regulation of Territorial Planning of Defense and Security Facilities in the USSR. *Bulletin of Udmurt University. Economics and Law Series*, 2023, no. 33 (3). (In Russ.)

7. Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR on 7 May 1986 "On the Formation of the Departments of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the Central Zone and the North Caucasus". In Central Archive of the Troops of the National Guard of the Russian Federation. F. 94. Op. 1. D. 619. L. 202. (In Russ.)

8. Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR of 23 February 1973 No. 40 "On the Enactment of the Regulations on the Housing and Maintenance Service and Housing Allowance of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the USSR". (In Russ.)

9. Law of the USSR of 13 December 1968 No. 3401-VII "On Approval of the Fundamentals of Land Legislation of the USSR and the Union Republics". *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*, 1968, no. 51, art. 485. (In Russ.)

10. *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*, 1989, no. 6, art. 86. (In Russ.)

11. Declaration of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 12 June 1990 No. 22-I "On State Sovereignty of the Russian Soviet Federative Socialist Republic". *Vedomosti of the Council of People's Commissars and the Supreme Soviet of the RSFSR*, 1990, no. 2, art. 22. (In Russ.)

12. *Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR*, 1991, no. 43, art. 1650. (In Russ.)

13. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 23 March 1993 No. 024. (In Russ.)

14. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 26 October 2007 No. 942 "On Approval of the Regulations on the Departments of the regional Commands of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia". (In Russ.)

15. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 19 July 2006 No. 465 "On Approval of the Regulations on the military economy of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia". (In Russ.)

16. Federal Law of 23 July 2014 No. 171-FZ "On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 26 (part 1), art. 3377. (In Russ.)

17. Federal Law of 30 December 2012 No. 289-FZ "On Amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 53 (part 1), art. 76. (In Russ.)

18. Federal Law of 23 June 2014 No. 171-FZ "On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014. No. 26 (part 1). Art. 3377. (In Russ.)

19. Decree of the Government of the Russian Federation of 26 November 2012 No. 1220 "On the Composition, Procedure for the Preparation and Approval of the Draft Territorial Planning Scheme of the Russian Federation in the Field of National Defense and State Security, as Well as the Procedure for Making Changes to Such a Scheme". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2012, no. 49, art. 6865. (In Russ.)

20. Order of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation of 11 July 2008 No. 92 "On the Composition and Scope of Engineering Surveys Necessary to Determine the Boundaries of the Zones of Planned Placement of Capital Construction Facilities of Federal Significance". *Rossiiskaia Gazeta*, 2008, no. 173. (In Russ.)

21. *Ananskikh I. A., Litvinov D. N., Salnikov V. P.* Geopolitical and Territorial Aspects of Hybrid Warfare in the Russian Empire. *Law Sciences: History and Modernity*, 2021, no. 11. (In Russ.)

22. Resolution of the Government of the Russian Federation of 11 November 2015 No. 1219 "On Approval of the Regulations on the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation and on Amendment and Invalidation of Certain Acts of the Government of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 48, art. 7768. (In Russ.)

23. Resolution of the Government of the Russian Federation of 18 November 2013 No. 1038 "On the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation" (together with the "Regulations on the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation"). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 1 (part 2), art. 152. (In Russ.)

24. Resolution of the Government of the Russian Federation of 20 July 2011 No. 590 "On the Ministry of Culture of the Russian Federation" (together with the "Regulations

on the Ministry of Culture of the Russian Federation"). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 1 (part 2), art. 152. (In Russ.)

25. Resolution of the Government of the Russian Federation of 5 June 2008 No. 437 "On the Ministry of Economic Development of the Russian Federation". *Rossiiskaia Gazeta*, 2015, no. 105. (In Russ.)

26. *Bandorin L. E., Kichin N. V., Trutnev E. K.* Territorial Planning: On the Problems of Contradictions Between Previously Approved and Later Approved Territorial Planning Documents. *Property Relations in the Russian Federation*, 2008, no. 7 (82). (In Russ.)

27. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of 19 September 2022 No. 577 "On Amendments to the Procedure for Approving Draft Territorial Planning Documents of Municipalities, the Composition and Working Procedure of the Conciliation Commission When Approving Draft Territorial Planning Documents, Approved by Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of 21 July 2016 No. 460" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

28. Resolution of the Government of the Russian Federation of 21 October 2022 No. 1878 "On Amendments to the Regulation on Approval of a Draft Territorial Planning Scheme for Two or More Subjects of the Russian Federation or a Draft Territorial Planning Scheme for a Subject of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 44, art. 7561. (In Russ.)

29. Resolution of the Government of the Russian Federation of 21 October 2022 No. 1881 "On Amendments to Paragraph 2 of the Decree of the Government of the Russian Federation of 23 March 2008 No. 198". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 43, art. 7429. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. В. Родин – заместитель начальника отдела Росгвардии, адъюнкт.

Information about the author:

A. V. Rodin – Deputy Head, Department of the Russian National Guard, Adjunct.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 14.03.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 342
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-106-119

КОНТРОЛЬ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ – НОВЫЙ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Олег Михайлович Свириденко

Министерство юстиции РФ, 119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1

info@minjust.gov.ru

Аннотация

В статье дается обзор становления и развития правового института иностранного агента, приводятся новейшие статистические и фактографические данные по внесению в реестр иностранных агентов в России. Показано, что деятельность по недружественному зарубежному влиянию на внутренние социально-политические отношения в России весьма изменчива и приспосабливается к любым попыткам государства сдержать этот натиск. Ставя эту проблему, автор предлагает поиск ее решения в неспешном и рассудительном диалоге внутри гражданского общества и юристов России.

Ключевые слова: иностранные агенты; иностранное влияние; невмешательство во внутренние дела государства; нормативно-правовое регулирование; иноземцы; некоммерческие организации; юридические лица; реестр некоммерческих организаций; реестр иностранных агентов; иностранный источник; национальные интересы.

Для цитирования: *Свириденко О. М.* Контроль иностранных агентов – новый институт российского права // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 106–119. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-106-119

Research Article

CONTROL OF FOREIGN AGENTS – NEW INSTITUTE OF RUSSIAN LAW

Oleg M. Sviridenko

Ministry of Justice of the Russian Federation, 14, Bldg. 1 Zhitnaia St., Moscow, 119991, Russia

info@minjust.gov.ru

Abstract

The article provides an overview of the formation and development of the legal institution of a foreign agent, and provides the latest statistical and factual data on entering the register of foreign agents in Russia. It is shown that the activities of unfriendly foreign influence on internal socio-political relations in Russia are very variable and adapt to any attempts by the state to contain this onslaught. By posing this problem, the author proposes a search for its solution in a leisurely and judicious dialogue within civil society and lawyers in Russia.

Keywords: foreign agents; foreign influence; non-interference in the internal affairs of the state; regulatory regulation; foreigners; non-profit organizations; legal entities; register of non-profit organizations; register of foreign agents; foreign source; national interests.

For citation: *Sviridenko O. M.* Control of Foreign Agents – New Institute of Russian Law. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 106–119. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-106-119

В современных условиях агрессивного противостояния стран коллективного Запада и быстро меняющейся ситуации в мире, Россия, отстаивая независимое и стабильное суверенное развитие, обязана иметь неуязвимую и прочную систему правовой защиты национальных интересов страны от любых попыток и форм внешнего вмешательства в нашу жизнь любых представителей иностранного влияния. Уверенная и достаточно сдержанная позиция Президента РФ о том, что мы «требуем, чтобы человек открыл источники финансирования» [1], ориентирует органы государственной власти на сбалансированный и продуманный подход к выстраиванию правовых механизмов выявления иностранных агентов в ситуации, когда их деятельность становится все более изощренной, гибридной и целенаправленно разрушительной.

В настоящее время с помощью так называемой концепции мягкой силы недружественные страны пытались и пытаются добиться значительного ослабления социально-экономических основ России. В этой связи они, используя любые механизмы, стремятся негативно повлиять на фундаментальные основы российского законодательства и коренным образом изменить, подчинив идеалам иностранных властей и транснациональных корпораций, создавая при этом условия разложения традиционных духовно-нравственных устоев российского общества вопреки интересам и воле российского народа. Казалось бы, внешне безобидные и незаметные, но вместе с тем систематические мероприятия различных прозападных некоммерческих организаций (НКО) постепенно формировали у нас комплекс национальной неполноценности, а также приводили к отрицанию всего нашего отечественного и соответственно выработке инстинктивного преклонения перед любыми западными «ценностями» и «правилами». Это в конечном счете вело к отрицанию суверенных прав России и размыванию ее юрисдикции во всех сферах, прежде всего в экономике, обороне, науке, образовании, культуре, спорте и т.д. Именно через постоянное влияние «мягких рекомендаций» нам навязывались весьма жесткие правила поведения, а по сути, колониальная покорность перед американскими и англосаксонскими методами глобального управления с полной потерей нашей идентичности и государственности.

Теперь, когда проводится специальная военная операция на Украине (СВО), у нас не осталось никаких иллюзий в том, что за действиями коллективного антироссийского Запада стоят диаметрально противоположные интересы, направленные исключительно на ослабление и уничтожение России. По сути этого они очень желают в ближайшей и очень скорой перспективе – полного поражения России на всех фронтах социально-экономического развития. Следовательно, нужна новая прагматичная, системно концептуальная и твердая государственная концепция по пересмотру правоотношений, сложившихся в эпоху, когда Россия безоглядно доверяла Западу и не замечала его грубого и разрушительного вмешательства во многие свои внутренние дела. Теперь объективно и предметно придется перестраивать это отношение в самых мелких деталях и, учитывая рассредоточенное гибридное воздействие Запада, масштабно противопоставить рационально и четко распределенную систему противодействия внешнему недружественному влиянию, а также выстроить надежную систему защиты национальных интересов России.

По существу, новая концепция работы с иностранными агентами должна нацелить нас на возврат к истокам борьбы российского государства за отстаивание своих национальных интересов. Это не значит, что надо впадать в феодальные традиции «гостогонства» или вернуть советскую модель борьбы с инакомыслием и диссидентурой, но ничего не остается, как искать новую парадигму баланса между открытостью и защитой внутренних интересов государства и общества, отдавая приоритет защите нашего суверенитета и безопасности. Вся сложность и опасность ситуации состоит в том, что в истории борьбы с элементами гибридной войны не бывает мелочей, поскольку сама по себе она является миной замедленного действия, а последствия ее реализации масштабно непредсказуемы.

1 декабря 2022 г. вступил в силу Федеральный закон, направленный на регулирование деятельности лиц, имеющих признаки иностранного влияния. За про-

шлый год мы сформировали практику правоприменения нового закона: это касается не только включения или исключения из соответствующего реестра, но и подходов к контролю за соблюдением закона. Институт «иностранного агента» в современной России был законодательно введен в 2012 г. в связи с тем, что участились общественно-политические акции по грубому вмешательству во внутренние дела нашей страны. Изначально организаторами этих акций в большинстве случаев были в основном некоммерческие структуры, которые координировались и финансировались из-за рубежа. Поэтому термин «иностранный агент» первоначально применялся только к НКО, получавшим иностранное финансирование и участвовавшим в политической деятельности.

Регистрация в качестве иностранного агента была исключительно превентивной мерой контроля вмешательства извне во внутриполитические правоотношения. Это не означало административного преследования инакомыслия, а тем более подавления политической активности гражданского общества. Объемы регистрации иностранных агентов были мизерными, так, в 2014 г. из 223 тыс. зарегистрированных некоммерческих организаций в реестр иностранных агентов было включено всего 29 НКО. На этом фоне отдельные граждане в личном качестве (без регистрации юридического лица) инициативно перехватили функцию иностранного агента и стали выполнять иностранные политические заказы. Делалось это в большинстве случаев через средства массовой информации, медиа и интернет-порталы, рекламу и пр. Иногда это носило навязчивый общественно-опасный характер. В силу этих причин государство вынуждено было продолжить выстраивать систему правовых барьеров, защитить от недружественного влияния социально-политическое благополучие своего народа и страны в целом. К категории иностранных агентов пришлось юридически отнести СМИ, незарегистрированные общественные объединения и физических лиц – основания для их внесения в реестр были схожи. А впоследствии и юридических лиц, а также иных объединений, и охватить практически весь субъектный состав, по аналогии с европейским и американским законодательством.

Российский институт «иностранного агента» перенимает лучшие практики, создаваемые в современных правовых системах, но не устанавливает требований, которые могли бы способствовать нарушению прав и свобод человека и гражданина. Само существование этого института призвано обеспечить реализацию прав каждого человека и гражданина, основанных на принципах свободы, равенства и нравственности.

В связи с обострением международной ситуации, агрессивным санкционным давлением и полномасштабной гибридной войной против России потребовался более эффективный механизм контроля за иностранным влиянием. В 2022 г. Федеральным законом «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [2], существенно поменялись подходы к обеспечению прозрачности иностранного влияния, было введено общее для юридических и физических лиц понятие иностранного агента, установлены обязанности и ограничения. Как ранее, так и ныне действующий закон, по своей сути, предполагает, что лицо, действуя добросовестно, само должно уведомить о намерении действовать в качестве иностранного агента. В 2023 г. мы получили около 57 таких заявлений. По состоя-

нию на 31 декабря 2023 г. в реестр включено 30 лиц по их инициативе, что составляет 4,04% от общей численности включенных в реестр лиц [3].

Прежде всего был расширен круг лиц, в отношении которых осуществляется контроль и которые могут быть признаны иностранными агентами – теперь это любые российские и иностранные юридические и физические лица, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее политическую деятельность, целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности, распространение предназначенных для неограниченного круга лиц сообщений и материалов и (или) участие в создании таких сообщений и материалов, а также финансирование данных видов деятельности.

При этом под иностранным влиянием понимается предоставление иностранным источником лицу поддержки в форме предоставления денежных средств и (или) иного имущества, организационно-методической, научно- технической помощи, помощи в иных формах, а также оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения или иными способами.

Расширен круг ограничений, связанных со статусом иностранного агента, касающихся участия в избирательных кампаниях, деятельности по управлению государством (в том числе государственной службы), организации массовых мероприятий, осуществления просветительской и образовательной деятельности в отношении несовершеннолетних, получения государственной поддержки, участия в государственных закупках, применения упрощенной системы налогообложения и др.

Следует отметить, что новым законом был образован новый вид государственного контроля за соблюдением законодательства об иностранных агентах, который возложен на Минюст России.

В 2023 г. был устранен пробел, позволявший обходить требования законодательства о контроле за иностранным влиянием [4], было установлено, что органы публичной власти, организации всех форм собственности, а также их должностные лица, физические лица обязаны учитывать ограничения, связанные со статусом иностранного агента, их действия (бездействие) не должны способствовать нарушению иностранным агентом законодательства об иностранных агентах. Соответственно, теперь в отношении данных лиц Минюстом России может осуществляться государственный контроль, в том числе могут проводиться контрольные (надзорные) мероприятия (внеплановые проверки) и выдаваться обязательные для исполнения предупреждения.

Принятие нового закона существенно изменило количественный и качественный субъектный состав иностранных агентов. В реестр кроме НКО, стали включаться СМИ, объединения, действующие без создания юридического лица, физические и юридические лица, а также появилась новая категория лиц, «иные объединения лиц» – это объединения, которые не регистрируются в качестве юридического лица и не имеют признаков общественного объединения. Таким образом, появилась возможность, при наличии установленных законодательством признаков, признать иноагентом любой субъект без ограничений, что в полной мере соответствует канонам американского и европейского законодательства.

Анализ практики ведения реестра показывает, что характер деятельности иностранных агентов связан с возникающими в России и мире в целом общественно-

политическими процессами и их тенденциями в конкретный временной период. Так, в 2020–2023 гг. часть иностранных агентов осуществляла деятельность, связанную с проводимыми в России избирательными процессами, в том числе направленную на вмешательство в выборы и их дискредитацию. Также иностранными агентами осуществлялась деятельность по продвижению идей, связанных с пропагандой нетрадиционных ценностей на основе радикальных взглядов представителей гендерного течения; распространением недостоверных сведений, направленных на формирование негативного образа Российской Федерации, а также Вооруженных Сил РФ при проведении СВО.

Последнее время деятельность иностранных агентов в большей степени характеризуют призывы к нарушению территориальной целостности, нагнетании панической обстановки в обществе и антиправительственных настроений. Отмечаются систематические попытки идеологического воздействия на несовершеннолетних. С началом специальной военной операции на Украине после принятых изменений в Уголовный кодекс деятельность лиц, имеющих признаки иностранного агента, а также тех, кто уже включен в реестр, осуществляется, как правило, с территории иностранных государств. По нашим данным, более 100 лиц из числа включенных в реестр с начала действия закона с 1 декабря 2022 г. находятся за границей.

Большинство включенных в реестр иностранных агентов лиц, так или иначе, по роду своей деятельности связаны с политикой или сферой СМИ. Вместе с тем анализ реестра иностранных агентов свидетельствует о вовлеченности в политические процессы лиц, чья профессиональная деятельность напрямую не связана с политической. Так, в 2023 г. в реестре представлено больше профессиональных блогеров, чем годом ранее. Существенное увеличение количества профессиональных политиков и политологов в реестре связано как с проведением СВО, так и с изменением законодательства об иностранных агентах. Вместе с тем в текущем году журналисты стали включаться в два раза реже. Количество иностранных агентов среди деятелей культуры в 2023 г. существенно ниже количества, зафиксированного по результатам 2022 г. Средний возраст лиц, включенных в реестр, составил 48 лет.

Кроме обозначенной специфики деятельности, иностранного агента характеризируют формы и виды иностранного влияния. Ранее наиболее распространенным способом было прямое иностранное финансирование. Однако в обход законодательства об иностранных агентах лица начали использовать иные формы иностранной поддержки (непрямое финансирование) в целях сокрытия признаков иностранного агента. Отмечаются такие факты, как использование третьих лиц (посредников) для сбора средств; передача денег наличными; использование цифровых финансовых активов, в том числе криптовалюты; монетизация авторского контента посредством интернет-платформ и т.п.

На практике мы фиксируем случаи, когда зарубежные СМИ и иностранные агенты небескорыстно, а с определенной выгодой оказывают помощь в создании сообщений и материалов, предоставляют свои информационные площадки. При технической и методической поддержке извне неоднократно организовывались массовые публикации агитационного характера, в результате чего российских граждан призывали к осуществлению противоправной деятельности, как правило,

направленного на смену власти. Многие из иностранных агентов являются членами или сотрудниками иностранных организаций, деятельность которых выходит за рамки политического нейтралитета, являются экстремистскими и нежелательными на территории нашего государства.

При таких обстоятельствах наличие или отсутствие финансирования от иностранных источников решающего значения в новом законодательстве не имеет. В 2023 г. иностранное финансирование было только у 14,1% лиц, включенных в реестр иностранных агентов, от общего числа. При этом следует отметить, что аналогичный подход законодательных нормативов присутствует не только в США, но и во всех странах Европы. Таким образом, наша страна не является первооткрывательницей работы с иностранными агентами, начиная с 1938 г. подобный правовой механизм используется во многих зарубежных странах.

Нельзя не упомянуть о процедуре выхода из реестра иностранных агентов, поскольку включение в него, не является «пожизненным». При утрате признаков иностранного агента законом предусмотрены основания для исключения из реестра. Такая процедура может быть инициирована как иностранным агентом, так и Минюстом России. Так, если лицо утрачивает один из признаков иностранного агента, то в случае подтверждения этих сведений при соответствующей проверке, Минюст России выносит решение. Для впервые включенных в реестр физических лиц установлен упрощенный порядок выхода из него по заявлению в свободной форме и сокращенные сроки его рассмотрения.

По данным на 31 декабря 2023 г., из реестра иностранных агентов было исключено 193 лица, что составляет 26,01% от общего количества лиц в реестре. Основания исключения из реестра иностранных агентов:

– в связи с ликвидацией юридического лица – 126 лиц (в 2023 г. – 20);

– на основании личного заявления – 67 лица (в 2023 г. – 5).

В 2023 г. в Минюст поступило 46 заявлений о прекращении функций иностранного агента, в результате проведенных проверок принято 25 решений об отказе в исключении в связи с предоставлением недостоверных сведений об утрате признаков иностранного агента, в 16 случаях заявления возвращены в связи с ненадлежащим оформлением, в отношении пяти лиц приняты решения об исключении.

Таким образом, работа государства в отношении контроля деятельности иностранных агентов приобрела характер самостоятельного специализированного правового института, с определенными юридическими тонкостями, который динамично развивается и оперативно реагирует на изменение социального и политического климата в стране, а также потребностей защиты национальных интересов от внешнего недружественного и, как правило, агрессивного влияния коллективного Запада. Как и любое другое государство, Россия принимает зеркальные меры по защите своего суверенитета, в том числе действенно ограничивая иностранное влияние. Вместе с тем следует отметить, что наша страна приняла в определенной степени достаточно мягкую форму реагирования в ответ на враждебную деятельность иностранных агентов, в отличие от стран коллективного Запада. Так, наше законодательство не обязывает их подробно описывать свою деятельность в публичном реестре (как в Австралии), не вмешиваемся в мероприятия, проводимые иностранными аген-

тами (как в Китае), не устанавливает для иностранных агентов повышенные налоги (как в Израиле). Более того, мы не обязываем иметь в руководящем составе граждан страны (как в Азербайджане), не обязываем уведомлять иностранных агентов об их командировках в зарубежные страны (как в Узбекистане) и т.п.

Например, согласно американскому Закону об иностранных агентах любое лицо, занимающееся политикой в интересах иностранных государств, должно зарегистрироваться в соответствующем статусе. В Америке к иностранным агентам выдвигаются требования о представлении правительству каждые полгода подробного отчета о своей деятельности, маркировке материалов и дублировании их в течение 48 часов с момента выхода в Минюст США. К видам материалов относятся любые материалы вплоть до устного общения. Закон США об иностранных агентах 1938 г. [5] и последующие законодательные акты представляют собой достаточно жесткий инструмент противодействия иностранному влиянию: критерии политической деятельности сформулированы лишь в общем виде (через признак влияния на органы государственной власти), предусматриваются определенные требования к документированию и отчетности иностранных агентов – необходимо представить подробный отчет о своей деятельности, в котором должны быть отражены сведения обо всех контактах с представителями органов власти, сумме полученного вознаграждения и расходованных средствах. Кроме того, американский Закон предусматривает высокие меры ответственности за его нарушение, вплоть до запрета деятельности, депортации либо тюремного заключения на срок до 10 лет [5].

Американское законодательство использовалось рядом стран как эталонный образец при разработке национального права по вопросам контроля за иностранным влиянием. Например, в австралийском Законе о программе прозрачности иностранного влияния 2018 г. [5] критерий политической деятельности сформулирован гораздо шире: это влияние на любых лиц, структуры и прессы, которые являются частью политической и правительственной архитектуры Австралии, включая федеральные выборы или голосование, решения федерального правительства, работу любой из палат парламента, зарегистрированную политическую партию, независимого члена парламента независимого кандидата на федеральных выборах. В Австралии также предусматриваются императивные обязанности по раскрытию своего статуса и отчетности, а также достаточно серьезные меры ответственности (до пяти лет лишения свободы).

Многие страны не используют специального термина «иностранный агент», однако устанавливают определенные правовые режимы для лиц, получающих иностранное финансирование, предполагающие меры по контролю за движением средств, полученных от иностранных источников и обязанности по отчетности в различных аспектах. Во многих странах предусмотрен запрет иностранного финансирования политических партий, госслужащих, судей, а также членов представительных органов всех уровней (например, в Индии). Иногда такой запрет формулируется шире и распространяется на любые политические и правозащитные организации. Ряд стран (Франция, Египет) предусматривают необходимость получения некоммерческими организациями от органов власти предварительного разрешения на иностранные пожертвования, с обязанностью предоставления

отчетности об их использовании. Египетское законодательство запрещает некоммерческим организациям сотрудничество с иностранными организациями или экспертами, содержит строгую систему предварительного одобрения властями действий иностранных организаций, жесткий государственный надзор и мониторинг деятельности организаций [6].

В ряде стран устанавливается специальный режим использования иностранных средств организациями, вовлеченными в политическую деятельность. В частности, в Индии средства от иностранных источников должны поступать на специальные счета [6]. В Белоруссии предусмотрен запрет для некоммерческих организаций открывать счета в иностранных государствах, все средства должны учитываться на счетах в белорусских банках [7].

Во многих странах для некоммерческих организаций устанавливаются обязанности по информированию органов власти и всех третьих лиц о том, что организация получает иностранное финансирование. Так, например, в Израиле организация, 50% и более бюджета которой составляют иностранные средства, должна раскрывать свою финансовую информацию в форме публичного интернет-отчета о поступлении и расходовании таких средств, а также в документальном виде, направляемом властям [5]. В Венгрии для организаций, получающих иностранное финансирование, предусмотрены обязанности по специальной регистрации, публичному информированию и раскрытию информации.

В Германии для некоммерческих организаций, получающих иностранное финансирование, предусмотрена дополнительная отчетность. В Великобритании для целей контроля за иностранными пожертвованиями в адрес некоммерческих организаций используется общий институт обеспечения контроля и прозрачности неправительственных организаций, администрируемый государственной Комиссией по благотворительности в соответствии с Актом о благотворительных трастах 1853 г. [6].

Следует подчеркнуть, что в настоящее время вопросы противодействия иностранному недружественному влиянию стали общепризнанной мировой практикой национальных правовых систем. За минувшие десятилетия почти во всех странах мира были приняты специальные законы, направленные на установление правовых рамок деятельности иностранных агентов. В каждой стране имеется своя специфика этой регламентации и обнаруживаются новые тенденции и методы правового регулирования. Например, в ряде стран устанавливается многоуровневый государственно-общественный контроль за иностранным влиянием. С 2019 г. в Великобритании по предложению министра внутренних дел ужесточены правила контроля за мигрантами, участвующими в деятельности некоммерческих организаций. В Эстонии принято крайне жесткое законодательство об иностранных агентах, к которым относят всех, кто получает иностранное финансирование, выявляются все «враждебные» СМИ, общественные и коммерческие структуры.

В 2023 г. законы об иностранных агентах были приняты в Республике Сербской, а также в Киргизии. Кстати, киргизский Закон существенно напоминает российский и по сути воспроизводит наш правовой подход к решению проблемы защиты от иностранного влияния. В Грузии принятие в 2024 г. Закона об иностранных агентах вызвало широкое общественное негодование и массовые протестные акции. В Молдавии законодательно разделили население не только по признаку иност-

ранной общественной деятельности, но и по экономической деятельности; иностранными агентами там могут быть признаны не только некоммерческие организации, но и коммерческие – «иностранные экономические агенты», в этой связи и в Приднестровье вынуждены были принять соответствующий акт [8].

Мы видим, что работа над формированием соответствующих национальных правовых ограничений для иностранных агентов продолжается по всем азимутам и во всех странах. Это общемировая практика.

Российский закон об иностранных агентах совершенствуется в соответствии с тенденциями, которые задает внутренняя и внешняя политика, а также с учетом усилившейся агрессивной активности коллективного Запада. Кроме самих иностранных агентов есть и лица, которые вовлечены с ними в одни процессы. На иностранного агента налагаются обязанности и ограничения, связанные с осуществлением деятельности в особо значимых для государства отраслях. Соответственно, лица, которые взаимодействуют с иностранным агентом, должны учитывать его статус.

В этой связи возникла необходимость соблюдения требований законодательства лицами, чья деятельность может быть связана с иностранными агентами. При этом они могут не знать о взаимодействии с иностранным агентом, и помогать ему в продвижении его товаров и услуг. В другом случае они могут знать, что лицо признано иностранным агентом, но не догадываться о его ограничениях, и наша задача состоит в том, чтобы проинформировать таких лиц обо всех требованиях законодательства и тем самым провести предупредительную работу в режиме профилактики закона об иностранных агентах.

Так, при выявлении лиц, которые взаимодействуют с иностранным агентом и не учитывают в работе его статус, Минюст России может вынести предупреждение. В случае его неисполнения Минюст России вправе составить административный протокол. Если лицо несогласно с предупреждением, оно может его обжаловать в судебном порядке.

В реестре иностранных агентов содержатся сведения о 889 лицах (действующих – 671) [9]**, в их числе:**

228 *некоммерческих организаций (43 – действующих; 185 – исключены);*
508 *физических лиц (494 – действующих; 14 – исключены);*
56 *юридических лиц (37 – действующих; 19 – исключены);*
22 *общественных объединения, действующих без образования юридического лица;*
16 *иностранных юридических лиц;*
10 *иностранных структур без образования юридического лица;*
49 *иных объединений лиц.*

За время действия российского законодательства о некоммерческих организациях в реестр иностранных агентов включено примерно равное число физических лиц (394 чел., 53,1%) и организаций, включая незарегистрированные общественные объединения (348, 46,9%). Деятельность Минюста России по признанию лиц иностранными агентами значительно усилилась в последние три года: в 2021 г. решение принято в отношении 110 лиц (14,82% от общего количества), в 2022 г. – 188 лиц (25,34%), в 2023 г. – 227 лиц (30,59%) [9].

Год	Количество лиц, признанных иностранными агентами
2013	1
2014	29
2015	81
2016	43
2017	25
2018	7
2019	14
2020	17
2021	110
2022	188
2023	227

Рис. 1. Количество лиц, признанных иностранными агентами (2013–2023 гг.)

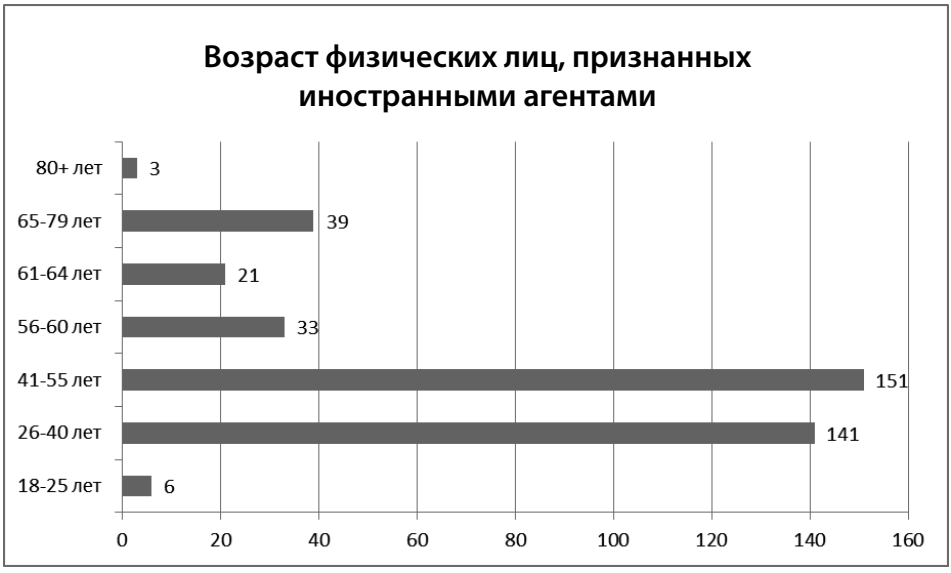

Рис. 2. Возрастная характеристика лиц, признанных иностранными агентами (2013–2023 гг.)

Что касается перспектив правового регулирования в сфере контроля за иностранным влиянием, то важно шире смотреть на явление в целом, выявлять взаимозависимости, причины и следствие, применительно к конкретному состоянию нашего государства и общества во времени и по всему кругу лиц. Разумеется, потребуется внесение определенных корректив и в законодательство, и в практику работы Министерства юстиции.

В этой связи в будущем необходимо сделать больший акцент на профилактику нарушений закона. В случае, когда круг контролируемых лиц значителен, более эффективным с точки зрения устранения нарушений является превентивная профилактическая работа.

Сегодня одной из приоритетных профилактических мер является информирование граждан и организаций об их правах и обязанностях, о том, какие действия могут рассматриваться как нарушение, а также о возможной ответственности. Кроме того, с точки зрения профилактики для всех граждан и организаций крайне важным является понимание того, какие конкретно действия могут расцениваться как иностранное вмешательство в жизнь нашей страны.

С точки зрения предупреждения нарушений может также быть эффективной индивидуальная профилактическая работа с отдельными лицами, которые находятся в зоне риска иностранного влияния. В частности, с ними могут проводиться индивидуальные и предметные беседы, разъяснения, а также им могут быть даны официальные предостережения. Минюсту России законом предоставлена

возможность гибкого реагирования на те или иные обстоятельства иностранного влияния.

Предстоит решить вопросы «пограничных ситуаций», когда имеет место негативное иностранное воздействие, в том числе финансирование, не напрямую, а через посредников, соисполнителей или соучастников.

Разные аспекты этой работы требуют филигранного мастерства и тонкой настройки аппарата специалистов. Над всем этим предстоит работать Минюсту России в самом широком диапазоне мер противодействия: от ответственности, в случаях совершения противоправных действий, до мер оперативного учета, мониторинга, публичной или индивидуальной фиксации юридических фактов, связанных с попытками вмешательства иностранного государства во внутренние дела Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Пленарное заседание восьмого Восточного экономического форума (12 сентября 2023 г.) // Президент Российской Федерации : сайт. URL: http://kremlin.ru/ (дата обращения: 10.06.2024).

2. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. 2). Ст. 5222.

3. Официальные данные Минюста России по состоянию на 31 декабря 2023 г. // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: https://minjust.gov.ru (дата обращения: 10.06.2024).

4. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 358-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (ч. 3). Ст. 5784.

5. Foreign Agents Registration Act (FARA). Сравнительно-правовой анализ законодательства о регулировании деятельности иностранных агентов/лиц, выполняющих функции иностранных агентов (подготовленный Московским государственным юридическим университетом им. О. Е. Кутафина (МГЮА)) // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: https://minjust.gov.ru (дата обращения: 10.06.2024).

6. Законодательство об иностранных агентах и зарубежном финансировании: от США до Алжира // Российское агентство правовой и судебной информации : сайт. URL: https://rapsinews.ru (дата обращения: 10.06.2024).

7. Министерство юстиции Республики Беларусь : сайт. URL: minjust.gov.by (дата обращения: 10.06.2024).

8. Постановление Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 12 февраля 2024 г. № 90 «О временном учете экономических агентов Республики Молдова» // Правительство Приднестровья : сайт. URL: https://government.gospmr.org (дата обращения: 10.06.2024).

9. Официальные данные Минюста России // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: https://minjust.gov.ru/ru (дата обращения: 28.11.2024).

References

1. Plenary Session of the Eighth Eastern Economic Forum (12 September 2023). URL: http://kremlin.ru/ (date of the application: 10.06.2024). (In Russ.)

2. Federal Law of 14 July 2022 No. 255-FZ "On the Control of the Activities of Persons Under Foreign Influence". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 29 (part 2), art. 5222. (In Russ.)

3. Official Data of the Ministry of Justice of the Russian Federation as of 31 December 2023. URL: https://minjust.gov.ru (date of the application: 10.06.2024). (In Russ.)

4. Federal Law of 24 July 2023 No. 358-FZ "On Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 31 (part 3), art. 5784. (In Russ.)

5. Foreign Agents Registration Act (FARA). Comparative Legal Analysis of Legislation on the Regulation of the Activities of Foreign Agents/Persons Performing the Functions of Foreign Agents (prepared by the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)). URL: https://minjust.gov.ru (date of the application: 10.06.2024). (In Russ.)

6. Legislation on Foreign Agents and Foreign Financing: From the USA to Algeria. URL: https://rapsinews.ru (date of the application: 10.06.2024). (In Russ.)

7. URL: minjust.gov.by (date of the application: 10.06.2024). (In Russ.)

8. Resolution of the Government of the Pridnestrovian Moldavian Republic of 12 February 2024 No. 90 "On Temporary Registration of Economic Agents of the Republic of Moldova". URL: https://government.gospmr.org (date of the application: 10.06.2024). (In Russ.)

9. Official Data of the Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: https://minjust.gov.ru (date of the application: 28.11.2024). (In Russ.)

Сведения об авторе:

О. М. Свириденко – доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, заместитель Министра юстиции РФ.

Information about the author:

O. M. Sviridenko – Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Minister of Justice of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.07.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 03.07.2024; approved after reviewing 02.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 349.2
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-120-128

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Юлия Александровна Лютаревич-Гефтер

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

gefter.84@list.ru

Аннотация

В Российской Федерации работают миллионы иностранных граждан, но лишь ничтожная их часть обладает статусом высококвалифицированного специалиста. Россия заинтересована в привлечении таких работников, в связи с чем актуально исследование проблем привлечения их в РФ. Цель работы заключается в выявлении проблем привлечения в РФ указанной категории граждан и выработке предложений по их устранению. Исследование проводилось на основе методов сравнительного анализа, синтеза, формально-юридического анализа, общенаучных методов познания. Научная новизна выражается в выявлении причин неэффективности привлечения высококвалифицированных иностранцев и предложении изменений в законодательство.

Ключевые слова: разрешение на работу; высококвалифицированный иностранный специалист; труд; миграция.

Для цитирования: *Лютаревич-Гефтер Ю. А.* Проблемы привлечения в Российскую Федерацию высококвалифицированных иностранных специалистов // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 120–128. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-120-128

Research Article

PROBLEMS OF ATTRACTING HIGHLY QUALIFIED FOREIGN SPECIALISTS TO THE RUSSIAN FEDERATION

Yulia A. Lyutarevich-Gefter

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

gefter.84@list.ru

Abstract

Millions of foreign citizens work in the Russian Federation, but only a tiny fraction of them have the status of a highly qualified specialist. The Russian Federation is interested in attracting such workers, and therefore it is important to study the problems of attracting them to the Russian Federation. The purpose of the work is to identify problems of attracting this category of citizens to the Russian Federation and develop proposals for eliminating them. The research was carried out on the basis of methods of comparative analysis, synthesis, formal legal analysis, and general scientific methods of cognition. Scientific novelty is expressed in identifying the reasons for the ineffectiveness of attracting highly qualified foreigners and proposing changes to legislation.

Keywords: work permit; highly qualified foreign specialist; labor; migration.

For citation: *Lutarevich-Gefter Yu. A.* Problems of Attracting Highly Qualified Foreign Specialists to the Russian Federation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 120–128. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-120-128

Введение

Количество работающих в РФ иностранных граждан неуклонно растет все последние годы. Несмотря на сложную геополитическую обстановку, наша страна остается привлекательной для иностранных работников из стран как ближнего, так и дальнего зарубежья. Подтверждением данному тезису служат данные, представленные МВД России. Так, по информации компетентного ведомства, всего за январь–июль 2023 г. было оформлено 64 695 разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства[1], за аналогичный период позапрошлого года было выдано 49 731 разрешение. Количество действительных разрешений на рабо-

[1] Далее в целях краткости изложения материала в настоящей статье в термин «иностранные граждане» будут включаться и лица без гражданства.

ту иностранным гражданам и лицам без гражданства на конец июля 2023 г. составляло 109 735, на конец июля 2022 г. – 93 246. На основании разрешения на работу имеют право осуществлять трудовую деятельность в РФ те иностранные граждане, которым для въезда в нашу страну необходимо получение визы, что следует из анализа п. 4 ст. 13, п. 1 ст. 13.3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [1] (далее – Закон № 115-ФЗ).

При этом за январь–июль 2023 г. высококвалифицированным иностранным специалистам было выдано всего 17 289 разрешений на работу. Одновременно за январь–июль 2023 г. оформлено 1 407 620 патентов (за январь–июль 2022 г. – 1 224 835 патентов) иностранным гражданам [1]. Патент позволяет осуществлять в РФ трудовую деятельность иностранным гражданам, которым для въезда в РФ не нужно оформлять визу (ст. 13.3 Закона № 115-ФЗ).

Таким образом, даже исходя из приблизительных расчетов видно, что количество высококвалифицированных иностранных специалистов ничтожно мало, поскольку не превышает 1% от общего количества работающих в РФ иностранных граждан, которым для осуществления трудовой деятельности требуются специальные документы.

Вместе с тем согласно п. 25 Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы, утв. указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622, одним из основных направлений миграционной политики в области решения задач пространственного развития РФ является проведение мониторинга и всесторонней оценки потребности российского рынка труда в рабочей силе, в том числе по профессионально-квалификационному составу. Таким образом, РФ и отдельные ее субъекты заинтересованы в привлечении специалистов определенных профессий и квалификации, а не массовом притоке неквалифицированной иностранной рабочей силы.

Однако существующая правовая база не обеспечивает привлечение высококвалифицированных специалистов, что подтверждают вышеприведенные статистические данные. В связи с изложенным актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью выявить существующие в привлечении высококвалифицированных иностранных граждан правовые проблемы и выработать возможные пути их решения. Научная новизна заключается в сформулированных автором выводах, касающихся порядка привлечения в РФ данной категории работников, и предложениях по совершенствованию законодательства.

1. Условия предоставления статуса высококвалифицированного иностранного специалиста

Не каждый иностранный гражданин может получить статус высококвалифицированного иностранного специалиста. Анализ содержания п. 1 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ позволяет заключить, что соответствующий статус предоставляется при выполнении двух условий. Во-первых, для признания высококвалифицированным иностранным специалистом иностранный гражданин должен иметь опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности. Во-вторых, размер заработной платы (вознаграждения, в случае осуществления деятельности на ос-

новании гражданско-правового договора) не должен составлять менее установленной законом величины. По общему правилу размер заработной платы (вознаграждения) высококвалифицированного специалиста должен составлять не менее 750 000 руб. за квартал, если иное не установлено для отдельных случаев (подп. 3 п. 1 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ). Так, минимальный размер заработной платы (вознаграждения) составляет:

1) 58 500 руб. в месяц для иностранных граждан, за исключением индивидуальных предпринимателей, привлекаемых к трудовой деятельности резидентами технико-внедренческой особой экономической зоны (подп. 1.1 п. 1 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ);

2) 83 500 руб. в месяц для иностранных граждан, привлекаемых:

а) организациями высшего образования и иными аналогичными организациями в качестве научных работников или преподавателей по имеющим государственную аккредитацию программам высшего или послевузовского образования;

б) юридическими лицами, осуществляющими деятельность на территориях Республики Крым и Севастополя;

в) резидентами промышленно-производственных, туристско-рекреационных, портовых особых экономических зон, за исключением индивидуальных предпринимателей;

г) российскими коммерческими организациями, научными и некоторыми иными организациями, осуществляющими деятельность в сфере *IT* и имеющими соответствующую аккредитацию (подп. 1, 2.1 п. 1, абз. 2, 3 подп. 1 п. 5 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ);

3) 1 000 000 руб. в год для медицинских, педагогических, научных работников, приглашенных для занятия соответствующей деятельностью на территории международного медицинского кластера (подп. 1.2 п. 1 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ).

Специфические требования к оплате труда не установлены для иностранных граждан, участвующих в реализации:

– проекта «Сколково» (Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ, подп. 2 п. 1 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ);

– проекта создания и обеспечения функционирования инновационного научно-технологического центра (Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ, подп. 2 п. 1 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ);

– приоритетных направлений развития федеральной территории «Сириус», по представлению соответствующих органов публичной власти (подп. 2.2 п. 1 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ).

2. Проблемы, связанные с привлечением в РФ высококвалифицированных иностранных специалистов

Представляется, что существующие условия отнесения иностранных граждан к высококвалифицированным специалистам порождают несколько серьезных практических проблем, из-за которых реализация замысла законодателя по привлечению в РФ высококлассных специалистов не реализуется должным образом в правоприменительной практике.

Первая проблема заключается в том, что работодатель самостоятельно оценивает компетентность и квалификацию иностранных граждан, привлекаемых в качестве высококвалифицированных специалистов, а также несет соответствующие риски (п. 3 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ).

Исходя из содержания п. 4 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ работодатель может использовать практически любые документы и сведения для оценки компетентности и квалификации иностранного гражданина, ведь конкретных требований к ним законодательство не содержит. Более того, наличие документа, подтверждающего высокую квалификацию, не указано в п. 1 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ в качестве обязательного для признания иностранного гражданина высококвалифицированным специалистом.

Статья 327.3 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), закрепляющая перечень документов, которые иностранный гражданин должен предъявить при приеме на работу, не устанавливает специальных требований к представлению высококвалифицированным иностранным специалистом документов, подтверждающих квалификацию или хотя бы наличии компетенций. Следовательно, в отношении иностранных высококвалифицированных специалистов действуют лишь общая норма, предусматривающая, что при заключении трудового договора будущий работник, предъявляет работодателю документы, подтверждающие образование, если работа требует специальных знаний или подготовки (абз. 6 ч. 1 ст. 65 ТК РФ).

В этой связи Ю. Н. Бакшеева справедливо отмечает, что «условие наличия у иностранного гражданина опыта, квалификационных навыков или достижений в определенной сфере деятельности устанавливается сегодня только работодателем (заказчиком)... При этом работодатель (заказчик) может отражать в ходатайстве те сведения и документы, свидетельствующие о наличии у иностранного гражданина профессиональных знаний и навыков, которые сам сочтет нужным представить; подтверждать эти сведения какими-либо официальными документами необязательно» [2, с. 17–18].

Таким образом, очевидна чрезмерная и ничем не обоснованная дискреция работодателя в оценке образования и компетенций иностранных граждан для целей отнесения их к высококвалифицированным специалистам.

Вместе с тем в правовой системе РФ есть положительные примеры, регламентации требований к минимальному уровню профессиональной подготовки отдельных категорий иностранных граждан для целей признания их квалифицированными специалистами. Так, в силу ст. 2 Соглашения между РФ и Францией от 27 ноября 2009 г. «О временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства» иностранный гражданин может быть признан высококвалифицированным специалистом, если он соответствует как минимум двум из трех критериев:

1) имеет документ о высшем образовании, соответствующем профессии, указанной в трудовом договоре;

2) имеет опыт работы не менее пяти лет по профессии (должности), указанным в трудовом договоре;

3) предлагаемый размер заработной платы в соответствии с трудовым договором составляет не менее 3200 евро в месяц.

Согласно рассматриваемому международному договору как минимум одним из обязательных требований для высококвалифицированного специалиста является наличие у него высшего образования или длительного стажа работы по определенной профессии (должности). Л. В. Андриченко отмечает, что указанное правовое регулирование значительно снижает риск привлечения в РФ неквалифицированных иностранных граждан под видом высококлассных специалистов [3, с. 5–13].

Таким образом, Закон № 115-ФЗ не содержит жестких требований к уровню и подтверждению квалификации высококвалифицированных иностранных специалистов, хотя соответствующие требования установлены для граждан Франции на уровне двустороннего соглашения.

Вторая проблема правового регулирования привлечения высококвалифицированных иностранных специалистов проистекает из необходимости выплачивать им заработную плату (вознаграждение) не ниже установленной законом величины. Работодатели нередко стремятся обойти данное требование, например, принимая на работу в качестве высококвалифицированных иностранных специалистов друзей и родственников, готовых возвращать работодателю часть заработной платы в качестве «благодарности» за трудоустройство. В этой связи интересна позиция Е. Н. Кряжевой, которая указывает, что предоставление преференций высококвалифицированным иностранным специалистам неоправданно, поскольку создает почву для злоупотреблений, пусть и дорогостоящих [4, с. 25].

Проблемы вызывает и недостаточная защищенность трудовых прав высококвалифицированных иностранных специалистов. Так, А. Чакински, проведя анализ судебной практики по соответствующей категории трудовых споров, установил, что в большинстве случаев разногласия между иностранным специалистом и работодателем возникают по вопросам оплаты труда. Причем нередко российские работодатели нарушают трудовые права иностранных граждан, пытаясь сэкономить на выплате им высокой заработной платы [5, с. 87–88].

В частности, материалы судебной практики свидетельствуют, что российские работодатели выплачивают высококвалифицированным иностранным специалистам заработную плату в меньшем, чем обещали, размере, фальсифицируют документы о якобы имевшем место увольнении по собственному желанию, и изменяют условия трудового договора в порядке ст. 74 ТК РФ, лишая премий и «золотого парашюта» [6–8].

Использование работодателями различных и не всегда законных способов снижения расходов на оплату труда вынуждает высококвалифицированных иностранных специалистов нести расходы, связанные с отстаиванием трудовых прав в судебном порядке. Очевидно, что не все иностранные граждане готовы к длительным тяжбам, тем более учитывая ограниченный по сроку период нахождения в РФ, а значит, истинные масштабы конфликтов между работодателями и высококвалифицированными иностранными специалистами и количество злоупотреблений в отношении последних остаются сокрыты от официальной статистики.

Также проблемными являются случаи, касающиеся необходимости выплаты высококвалифицированному специалисту заработной платы (вознаграждения) не ниже установленного предела даже в том случае, когда иностранный гражда-

нин не работал по объективным причинам, например, был временно нетрудоспособен (1.4 ст. 13.2 Закона № 115-ФЗ).

В результате в случае длительного отпуска без сохранения заработной платы или при длительной нетрудоспособности иностранного специалиста работодатель вынужден производить ему доплату для соблюдения требований миграционного законодательства, хотя такая обязанность не установлена трудовым законодательством. Случаи неоплаты периода временной нетрудоспособности провоцируют трудовые споры. Так, в одном деле высококвалифицированный специалист взыскал с работодателя невыплаченную заработную плату в размере почти 750 000 руб. за период временной нетрудоспособности. Кассационная инстанция отметила, что «то обстоятельство, что иностранные граждане, временно пребывающие и работающие на территории Российской Федерации по трудовым договорам, являющиеся высококвалифицированными специалистами, к застрахованным лицам по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности не относятся, не исключает возможности применения к спорным правоотношениям Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», положения которого обязывают работодателя в случае перерыва в осуществлении высококвалифицированным специалистом трудовой деятельности в связи с его болезнью, сохранять за таким работником вознаграждение, уровень которого в совокупности за три месяца должен составлять не менее трех месячных минимумов, установленных Законом» [9]. Л. Г. Голубушкина приводит несколько аналогичных судебных решений, что свидетельствует об устоявшейся судебной практике [10, с. 103].

Обязательство по выплате высококвалифицированному специалисту заработной платы за период, когда последний не работал по объективным причинам, порождает использование работодателями различных схем по снижению расходов на персонал. Вместе с тем существующий механизм не позволяет отказаться от требования к соблюдению размера трехмесячной заработной платы, поскольку оно, за некоторыми исключениями, является обязательным элементом для признания лица высококвалифицированным специалистом.

Заключение

В связи с выявленными проблемами в условиях привлечения в РФ высококвалифицированных иностранных специалистов предлагается отменить требования к минимальному уровню заработной платы (вознаграждения) для таких специалистов. Одновременно необходимо закрепить в законодательстве высокие требования к минимальным уровню образования и стажу работы, соответствующим той должности, на которую претендует потенциальный высококвалифицированный иностранный специалист. Кроме того, необходимо закрепить в Законе № 115-ФЗ и иных нормативных правовых актах положение о том, что иностранные граждане, которым для осуществления в РФ трудовой деятельности требуются разрешительные документы, в том числе и высококвалифицированные специалисты, могут быть приняты на работу лишь в том случае, если работодатель осуществлял подбор кандидатов из числа граждан РФ через государственную службу занятости, но не смог найти соискателей, подходящих по деловым качествам.

Пристатейный библиографический список

1. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–июль 2023 года // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/40830191/ (дата обращения 02.02.2024).

2. *Бакшеева Ю. Н.* Актуальные вопросы правового регулирования привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов к трудовой деятельности в Российской Федерации // Миграционное право. 2013. № 4.

3. *Андриченко Л. В.* Особенности привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов к трудовой деятельности в России // Журнал российского права. 2011. № 7.

4. *Кряжева Е. Н.* К вопросу о роли квалификации иностранных работников в регулировании внешней трудовой миграции в Российской Федерации // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 1.

5. *Чакински А.* «Топы» экспаты и трудовые споры, связанные с ними // Трудовое право. 2019. № 8.

6. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 6 апреля 2016 г. № 33-2113/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 2 марта 2021 г. № 88-3981/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22 сентября 2021 г. № 88-13205/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21 октября 2021 г. № 88-6577/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

10. *Голубушкина Л. Г.* О некоторых актуальных проблемах, возникающих у работодателей при использовании труда иностранных высококвалифицированных специалистов: обзор судебной практики // Право и практика. 2022. № 2.

References

1. Summary of Key Performance Indicators on the Migration Situation in the Russian Federation for January–July 2023. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/40830191/ (date of the application: 02.02.2024). (In Russ.)

2. *Baksheeva Iu. N.* Current Issues of Legal Regulation of Attracting Foreign Highly Qualified Specialists to Work in the Russian Federation. *Migration Law*, 2013, no. 4. (In Russ.)

3. *Andrichenko L. V.* Features of Attracting Foreign Highly Qualified Specialists to Work in Russia. *Journal of Russian Law*, 2011, no. 7. (In Russ.)

4. *Kriazheva E. N.* On the Role of Qualifications of Foreign Workers in the Regulation of External Labor Migration in the Russian Federation. *Labor Law in Russia and Abroad*, 2018, no. 1. (In Russ.)

5. *Chakinski A.* "Top" Expats and Labor Disputes Associated with Them. *Labor Law*, 2019, no. 8. (In Russ.)

6. Appeal Ruling of the Voronezh Regional Court of 6 June 2016 No. 33-2113/2016 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

7. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of 2 March 2021 No. 88-3981/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
8. Determination of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction of 22 September 2021 No. 88-13205/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
9. Determination of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction of 21 October 2021 No. 88-6577/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
10. *Golubushkina L. G.* On Some Current Problems That Arise for Employers When Using the Labor of Foreign Highly Qualified Specialists: A Review of Judicial Practice. *Law and Practice*, 2022, no. 2. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Ю. А. Лютаревич-Гефтер – кандидат юридических наук.

Information about the author:
Yu. A. Lutarevich-Gefter – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 26.08.2024.
The article was submitted to the editorial office 09.02.2024; approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 340.05
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-129-140

«МИРОВОЙ ПОРЯДОК» И ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Александр Анатольевич Мохов

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

mokhov_alexander@rambler.ru

Аннотация

Актуальность настоящего исследования определяется наличием потребности в осмыслении феномена «мировой порядок» и его значения для юридической науки и современного национального законодательства. Сдвиги, происходящие в мировой политике, международном праве, практике международных и иных организаций, ставят перед юридической наукой ряд вопросов, ответы на которые требуют крупных фундаментальных и прикладных, междисциплинарных и межотраслевых исследований. Должны быть сформулированы ценностные установки в праве, цель и задачи правового регулирования исходя из формируемого на наших глазах нового ландшафта. Автором предлагается исходить из приоритета решаемых государством задач по обеспечению: национальной безопасности, суверенитета, традиционных ценностей.

Ключевые слова: мировой порядок; концепции; стратегия развития; ценности национального права; задачи права и законодательства.

Для цитирования: *Мохов А. А.* «Мировой порядок» и задачи юридической науки // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 129–140. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-129-140

Research Article

THE "WORLD ORDER" AND THE TASKS OF LEGAL SCIENCE

Alexander A. Mokhov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia
mokhov_alexander@rambler.ru

Abstract

The relevance of this study is determined by the need to understand the phenomenon of "world order" and its significance for legal science and modern national legislation. The shifts taking place in world politics, international law, and the practice of international and other organizations pose a number of questions to legal science, the answers to which require major fundamental and applied, interdisciplinary and intersectoral research. The values in law, the purpose and objectives of legal regulation should be formulated based on the new landscape being formed before our eyes. The author suggests proceeding from the priority of the tasks solved by the state to ensure: national security, sovereignty, traditional values.

Keywords: world order; concepts; development strategy; values of national law; tasks of law and legislation.

For citation: *Mokhov A. A.* The "World Order" and the Tasks of Legal Science. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 129–140. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-129-140

Введение

Мировой порядок как категория используется в трудах историков, политологов, а также юристов. На протяжении 300 с лишним лет происходил процесс трансформации мироустройства. В результате на Западе сформировалась концепция мирового порядка. Ее разработке предшествовал всесторонний анализ политики и экономики Западной Европы, а также целевые установки и общие интересы отдельной группы стран.

От состояния «полиполярности» мир (с первоначальным центром в Европе) пришел к «биполярности» (во второй половине XX в.), а затем – к «монополярности» (к началу XXI в.) [1, с. 180–184]. Завершение намеченных ранее изменений не только не привело к решению фундаментальных проблем человечества, оно их усугубило. Возник очередной кризис цивилизации, крайне опасный для человечества в связи с имеющимися угрозами и рисками (военными, демографическими, общественными, экономическими, экологическими и др.).

Казалось бы, концепция мирового порядка начала, наконец, реализовываться на практике, следовательно, должны были начать решаться основные задачи, стоящие перед человеческой цивилизацией. Однако этого не произошло. Мир вновь быстро погрузился в очередной затяжной кризис. Не случайно Президент России В. В. Путин в своих выступлениях неоднократно затрагивал проблематику сложившегося мирового порядка, эффективности предложенных мировому сообществу правил, а также попыток формирования новых [2, с. 7–18].

Для юристов интерес в первую очередь представляет политико-правовой вектор ведущейся дискуссии, а также фактических и юридически значимых действий государства.

Достаточно упомянуть ст. 79 Конституции РФ, согласно которой наша страна может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами РФ, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя РФ. Кроме того, решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в России [3].

Нельзя не упомянуть и Концепцию внешней политики РФ [4], представляющую собой систему взглядов на национальные интересы РФ во внешнеполитической сфере, базовые принципы, цели, задачи и приоритетные направления внешней политики государства. Согласно п. 6 названного документа Россия проводит самостоятельный и многовекторный внешнеполитический курс, продиктованный ее национальными интересами и осознанием особой ответственности за поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях. Также упомянутая Концепция акцентирует особое положение России как самобытного государства-цивилизации.

1. Понятие и сущность мирового порядка

Появление самого термина «мировой порядок» приписывают американскому президенту В. Вильсону, который в связи с созданием Лиги Наций заявил о том, что таким образом положено начало созданию системы международной безопасности. Попытки ее формирования и раньше неоднократно предпринимались в Европе. Если же отматывать ленту истории назад, то можно увидеть и другие, более ранние примеры такого рода [5, с. 20–63].

В специальной литературе существуют различные подходы к понятию мирового порядка. Так, по мнению Г. Х. Шахназарова, под миропорядком понимают совокупность доминирующих в международных отношениях политических принципов, правовых норм и условий экономического обмена [6].

В этом определении для юристов принципиально значимым является указание на наличие правовых норм, формирующих каркас, скелет правопорядка, закрепляющих основные параметры единой системы международных отношений.

А. Д. Дононбаев смотрит на мировой порядок шире, понимая под ним парадигму, единую систему норм и культуры, проявляющуюся в поведенческих ориента-

циях субъектов мировой политики [7, с. 286–294]. Автор верно подмечает попытки в границах формируемого и поддерживаемого мирового порядка не только устанавливать правила отношений между государствами, нормы международного экономического обмена (в первую очередь торговли), но также вмешиваться в сферу культуры (в ее широком понимании). Иными словами, речь идет о попытках навязывания выработанных (условно международным экспертным сообществом, «лучшими умами» универсальных правил поведения).

Еще дальше идет Э. А. Емузова. Потенциальной целью установления мирового порядка она считает установление контроля над национальными государствами внешними силами [8, с. 141–145]. Это может быть как государство либо группа стран, так и специально созданные организации. По ее мнению, такой смысл в этот термин стал вкладываться уже в период между Первой и Второй мировыми войнами. Предполагалось, что такой порядок будет предотвращать войны, способствовать экономическому процветанию и вести к справедливому обществу.

А. П. Мовчан фактически рассматривает в качестве синонимов понятия «мировой порядок» и «современное международное право». По его мнению, сообщество государств «рассматривает международное право как олицетворение того мирового порядка, который должен действовать на нашей планете» [9, с. 15–38].

Такой подход безоговорочно принять нельзя. Действительно, право оформляет сложившиеся отношения, однако его роль нельзя переоценивать, как и недооценивать. Принятие норм – начальный этап работы в направлении обеспечения мирового порядка. Не менее важно обеспечить неукоснительное соблюдение норм всеми обязанными лицами. Реализовать это требование даже на внутригосударственном уровне не всегда просто. Нужны эффективно работающие институты, средства, механизмы.

Кроме того, многие нормы международного права либо являются диспозитивными, либо выступают в качестве норм-рекомендаций. Значение «жесткого» права (за исключением отдельных вопросов, в первую очередь связанных с обеспечением безопасности) невысоко, «мягкого» – тем более. Не так много имеется общеобязательных норм, которыми руководствуются все страны мирового сообщества. Например, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) за более чем 70-летнюю историю своего существования приняла всего несколько общеобязательных актов, остальные до настоящего времени носят рекомендательный характер. Эффективность их действия также не является высокой. Пандемия новой коронавирусной инфекции показала всему миру неуклюжесть ВОЗ, неспособность оперативно обеспечивать национальные правительства научно обоснованными данными и полезными для практического применения рекомендациями.

К изложенному следует добавить нарастание неудач в сфере принятия всеобъемлющих соглашений даже по проблемам обеспечения глобальной безопасности (биологической, нераспространения оружия в космосе и др.).

В отличие от категории «международное право», понятной любому специалисту, словосочетание «мировой порядок», несмотря на его схожесть с правом, имеет принципиальные отличия от последнего (по разрабатываемым правила субъектам, по порядку принятия и другим основаниям).

По существу, речь идет о «не праве», претендующем на занятие места права. Возможно, поэтому политики, в отличие от ученых, делают акцент именно на выполняемой роли «порядка» в глобальных и региональных процессах [10, с. 60–74].

Можно сделать вывод о том, что взамен международному праву как универсальному регулятору международных отношений в связи с развитием концепции мирового порядка предпринимается попытка навязывания государствам близкого, но не тождественного праву инструмента, по сути – суррогатного регулятора.

Отчасти такая возможность появилась и в связи с несовершенством ряда институтов международного права. Даже сами принципы трактуются и применяются на практике неоднозначно. Имеется неудовлетворенный до настоящего времени запрос на изменение функций международного права. Список претензий к международному праву со стороны как международных институтов, так и национальных государств можно продолжить и далее.

В условиях, когда практика реализации норм международного права все чаще дает сбои, предпринимаются энергичные попытки заместить несовершенные нормы права иными инструментами. Россия же настаивает на безальтернативности международного правопорядка, основанного на Уставе ООН с учетом права государств отстаивать свой суверенитет [11, с. 7–8].

В связи с изложенным мир находится в точке бифуркации, т.е. месте, когда нужно не столько обсуждать сущность той или иной дефиниции и ее наполнение, сколько ставить и решать вопросы нового политического и правового устройства на глобальном и (или) региональном уровнях. На первый план выходят вопросы обеспечения безопасности (международной и национальной), на второй – социально-экономического развития.

2. Предпосылки и сценарии трансформации сложившегося мирового порядка

Причин, которые привели к кризису сложившегося мирового порядка, много. В той или иной мере все они оказали влияние на разбалансировку той системы, которую полюс силы или центр последние десятилетия создавал. Более важными, на наш взгляд, представляются фундаментальные предпосылки к его трансформации либо полному демонтажу.

Во-первых, ни одна из задач, представляющих подлинный интерес для всех государств, а не «избранных», не была решена. Ни один из так называемых глобальных вызовов (вне зависимости от того, является он реальным либо надуманным), несмотря на предпринимаемые усилия, затрачиваемые ресурсы, не удалось разрешить. «Помпа» международного сотрудничества была настроена в интересах «золотого миллиарда», т.е. однонаправленно. В других направлениях она не работает. Обеспечивалась ее работа за счет «мягкой силы», применяемой США (идеология, управление, финансы) и блоком НАТО (военная сила).

Во-вторых, глобальный баланс сил, несмотря на попытки сохранить «статус-кво», начал меняться. Результат – нарастание соперничества между несколькими странами, группами государств по ряду направлений (технологии, производительность труда и др.). В этой связи затраты на поддержание системы в устойчивом

состоянии, обеспечение сложившегося миропорядка так называемым гегемоном в лице США становятся чрезмерно высокими.

Предполагалось, что возможное соперничество будет исключено за счет эффективно работающей помпы, обеспечивающей идеологическое и научно-технологическое превосходство узкой группы стран (сосредоточение в одних руках научного и технологического потенциала, основных результатов интеллектуальной деятельности). Также считалось, что в случае укрепления одного из новых игроков, появления альтернативного центра силы накопленных одной группой стран ресурсов (военных, финансовых и др.) должно быть достаточно для подавления такой «выскочки». При этом разработчиками концепции мирового порядка не исключалось ограниченное применение военной силы, дающей в сочетании с информационным и экономическим давлением, необходимый результат (нанесение существенного урона, выбывание участника). Потому блок НАТО, созданный 75 лет назад, решивший задачи, ради достижения которых он создавался, продолжил функционировать. Дополнительный механизм – представление государства «не участником» основных международных организаций, союзов, коалиций.

Однако «скрытый механизм», заложенный в концепцию мирового порядка, в связи с неумелым его использованием США и его сателлитами исключительно в своих интересах стал широко известен практически всем странам мирового сообщества, в связи с чем некоторые из них начали предпринимать усилия по нивелированию негативных последствий его применения по отношению к ним в случае изменения конъюнктуры. «Головокружение от успехов» одних и нарастание угроз и рисков потери идентичности, суверенитета – для других, сделали свое дело. На самом деле слишком мало прошло времени для того, чтобы народы, населяющие значительную часть Евразии, Африки, Латинской Америки, забыли о своей истории, культуре, традициях.

В сложившихся условиях США и страны Европейского Союза не придумали ничего лучше, как попытаться перейти от общепризнанных принципов и норм международного права к правилам, в спешке разрабатываемым и внедряемым узкой группой государств, но имеющих общеобязательный характер (по замыслу их разработчиков) для всех стран. Таким образом, фактически начался процесс демонтажа международного права и международных институтов. Об этом свидетельствует развязанная западом гибридная война (информационная, санкционная и др.) против России и некоторых других стран.

Наша страна предпринимала все возможные усилия по доведению до США и его сателлитов своей позиции относительно трактовок «международного порядка», выработанных «общепринятых» правил, а также роли международного права в решении общемировых проблем современности. Основной тезис – международное право не есть набор выработанных узким кругом стран правил, которые должны принять все страны. Каждое государство вправе отстаивать свой суверенитет всеми имеющимися в его арсенале силами и средствами.

Россию не услышали или не захотели услышать… Необходимо при этом заметить, что Россия всегда представителями западной элиты рассматривалась как вызов концепции международного порядка [12].

Еще более жестко в отношении сложившегося мирового порядка высказался С. А. Караганов. По его мнению, «мы живем сейчас в мире, который был создан другими странами, в другую эпоху и для своих интересов» [13].

В связи с изложенным в специальной литературе обсуждаются различные варианты трансформации имеющегося мирового порядка.

В качестве стартовой четверть века назад для России рассматривалась стратегия, согласно которой необходимо более активно укреплять международное право и усиливать Организацию объединенных наций (ООН) при одновременном снижении роли НАТО [14, с. 29–41]. Эта стратегия сегодня не подходит ни для России, ни для стран западного мира.

В отечественной литературе в настоящее время предлагается рассматривать три сценария развития международных отношениях в связи с их трансформацией: оптимистичный, реалистичный и пессимистический [15, с. 10–16].

В рамках оптимистичного сценария ученым видится стабилизация происходящих процессов за счет формирования многополярного мира. Авторитет и влияние старого центра силы упадет, следовательно, разрушится жесткий каркас формировавшегося мирового порядка.

Так, Ж. Сапир полагает, что новый мировой порядок, скорее всего, будет формироваться на основе вероятного развития БРИКС, что приведет к более сбалансированным международным отношениям [16, с. 38–56].

В этой связи насущный императив времени, по мнению М. А. Неймарка, – разработка новых механизмов для разрешения конфликтов и спорных вопросов современности, гармонизации несовпадающих подходов [17, с. 5–16].

В рамках реалистичного сценария предполагается постепенное ослабление роли и значения США и ряда международных организаций, активно продвигавших концепцию мирового порядка.

Пессимистический сценарий – переход к череде различных конфликтов, завершение которых приведет к новому переделу мира. На этом этапе возникнет потребность в формировании новых международных институтов и обновленном международном праве. При его реализации придется многое начинать с «чистого листа» [18, с. 38–49].

Несмотря на наличие трудностей в определении будущего вектора развития международных отношений (во многом зависят от сочетания военных, экономических и иных факторов, оказывающих влияние на процесс трансформации либо демонтажа системы), перед юридической наукой стоят задачи, требующие решения в самое ближайшее время.

3. Задачи юридической науки в период трансформации миропорядка

В юридической науке, праве и законодательстве происходят тектонические сдвиги, которые не могут не оказать влияния на трансформацию либо демонтаж сложившегося мирового порядка, занятия Россией собственного места в формируемой на наших глазах новой системы координат.

Об этом свидетельствуют не только фактические данные, но и важнейшие документы. Так, в указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии наци-

ональной безопасности Российской Федерации» [19] прямо заявляется об изменении структуры мирового порядка, формировании новых архитектуры, правил и принципов мироустройства. Этим документом закрепляются основные угрозы и риски для национальной безопасности, а также потенциальные возможности России в быстро меняющемся мире.

Согласно указу Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [4] Россия намерена уделять приоритетное внимание вопросам защиты российских организаций, инвестиций, товаров и услуг за ее пределами от дискриминации, недобросовестной конкуренции, попыток иностранных государств в одностороннем порядке регулировать ключевые для российского экспорта мировые рынки.

В целях повышения устойчивости международно-правовой системы, недопущения ее фрагментации и ослабления, предотвращения избирательного применения отдельных общепризнанных принципов и норм международного права Российская Федерация, как следует из указа Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229, намерена уделять приоритетное внимание: противодействию попыткам подменять, подвергать ревизии и произвольному толкованию принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, от 24 октября 1970 г.; прогрессивному развитию, в том числе с учетом реалий многополярного мира, и кодификации международного права, прежде всего в рамках усилий, предпринимаемых под эгидой ООН, а также обеспечению участия в международных договорах ООН наибольшего количества государств, единообразному толкованию и применению таких договоров.

На проблемы, обусловленные периодом трансформации, увеличением количества центров мирового политического и экономического развития, обращается внимание и в других документах стратегического планирования. Например, разд. IX указа Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» [20] закреплен порядок использования инструментов национальной морской политики для защиты национальных интересов России в Мировом океане.

В постановлении Высшего Государственного Совета Союзного государства Беларуси и России от 4 ноября 2021 г. № 5 «О Военной доктрине Союзного государства» [21] закрепляется принцип равноправного партнерства и сотрудничества со всеми государствами или коалицией государств. Государства-участники подтверждают приверженность политическим и невоенным мерам по урегулированию споров. Вместе с тем они выражают твердую решимость обеспечить военную безопасность всеми имеющимися в их распоряжении силами и средствами в соответствии с международным правом.

Формирование новой мировой архитектоники также немыслимо без учета многообразия культур, конфессий. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [22] были определены

цели, задачи и инструментов реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». В нем дано понятие традиционных ценностей и закреплен их каталог (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным и др.). На основе его положений начата работа по приведению отдельных норм законодательства в соответствие с российскими духовно-нравственными ценностями (например, запрет на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола).

По существу, в документах стратегического планирования и иных актах закреплены целевые установки, а также базовые принципы, на основе которых должно формироваться международное и национальное право. Если в условиях геополитической турбулентности и правовой неопределенности по внешнему контуру можно заниматься выработкой новых концепций, построением моделей, разработкой и обсуждением модельных актов, то по внутреннему можно и нужно заниматься решением ряда ключевых задач:

во-первых, выделить основные черты, дать характеристику российской цивилизации не только с исторических и общефилософских позиций, но и с точки зрения инструментального подхода, позволяющего вести практическую работу правоведам, законодателю. Для этого требуются крупные фундаментальные и прикладные, междисциплинарные и межотраслевые научные исследования. Должны быть сформулированы ценностные установки в отечественном праве, цель и задачи правового регулирования исходя из формируемого на наших глазах нового ландшафта;

во-вторых, традиционные ценности как основа отечественного мировоззрения должны получить фиксацию на уровне не только общих, но и правовых дефиниций, а также критериев, признаков, их описывающих. На их базе получают преломление, в необходимых случаях – модификацию либо трансформацию общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы. Их ревизия повлечет за собой изменения на более низком уровне, что позволит привести текущее законодательство к единой константе;

в-третьих, на основе отправных констант, обновленного базиса, каркаса может быть начат процесс подготовки и последующего обсуждения новых принципов мироустройства.

Заключение

Подводя итоги настоящего исследования, представляется возможным сделать следующие выводы.

На наших глазах происходит слом выстраиваемой системы мирового порядка и надлом сложившейся парадигмы международного права.

Новый порядок, уклад, а также обновленную систему международного права только предстоит создавать новому центру (центрам) притяжения, силы.

Отечественной юридической науке в целом, а не только и столько международному праву предстоит разработать и принять базовые, отправные положения, ко-

торые могут и должны быть восприняты как на национальном, так и в ближайшей перспективе на наднациональном (региональном, международном) уровне. В их основе будут лежать целевые установки, обусловленные требованиями по обеспечению: безопасности, суверенитета стран, возможности справедливого развития, сохранения традиционных ценностей и некоторые другие.

Пристатейный библиографический список

1. *Абдырахманов Т.* Крах вестфальского мироустройства и «новый мировой порядок» XXI века // Инновационная наука. 2016. № 3.
2. Выступление Владимира Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» // Стратегические приоритеты. 2014. № 4.
3. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
4. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.
5. *Гринин Л. Е.* Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016. № 1.
6. *Шахназаров Г. Х.* Грядущий миропорядок. О тенденциях и перспективах международных отношений. М. : Политиздат, 1981.
7. *Дононбаев А. Д.* Мировой порядок как предмет изучения (методологические и методические рекомендации) // Известия вузов (Кыргызстан). 2009. № 1.
8. *Емузова Э. А.* Изначальные трактовки термина «мировой порядок» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 6.
9. *Мовчан А. П.* Международное право и мировой порядок // Московский журнал международного права. 1993. № 2.
10. *Сирота Н. М., Мохоров Г. А., Хомелева Р. А.* Категория «мировой порядок»: опыт теоретического осмысления // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2022. № 1.
11. *Мирзаян Г.* Суверенитет в праве // XI Петербургский Международный юридический форум – 2023.
12. *Киссинджер Г.* Мировой порядок / пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М. : АСТ, 2024.
13. *Караганов С. А.* Пришел этап «игры без правил» // Россия в глобальной политике : сайт. URL: https://globalaffairs.ru/articles/prishyol-etap-igry-bez-pravil/ (дата обращения: 25.03.2024).
14. *Тимофеев И. Н.* Дилеммы государства в современном мировом порядке // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 1.
15. *Ежов Д. А., Жаркова Е. С., Филимонова К. Р.* Мировой порядок после 2022 года: сценарии трансформации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. № 4.
16. *Сапир Ж.* Каким будет новый мировой порядок? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. № 4.

17. *Неймарк М.* Кризисная геополитика и новый мировой порядок: перспективы России // Обозреватель – Observer. 2021. № 8.

18. *Евстафьев Д. Г.* Новый мировой порядок: потребность в «чистом листе» и геоэкономические реалии сегодняшнего дня // Международная жизнь. 2022. № 4.

19. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

20. Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 31. Ст. 5699.

21. Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства Беларуси и России от 4 ноября 2021 г. № 5 «О Военной доктрине Союзного государства» // Текст документа официально опубликован не был.

22. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977. 38-49

References

1. *Abdyrakhmanov T.* The Collapse of the Westphalian World Order and the "New World Order" of the XXI Century. *Innovative Science*, 2016, no. 3. (In Russ.)

2. Vladimir Putin's Speech at the Meeting of the Valdai International Discussion Club. *Strategic Priorities*, 2014, no. 4. (In Russ.)

3. Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14 March 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Some Issues of the Organization and Functioning of Public Power". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 11, art. 1416. (In Russ.)

4. Decree of the President of the Russian Federation of 31 March 2023 No. 229 "On Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 14, art. 2406. (In Russ.)

5. *Grinin L. E.* World Order in the Past, Present and Future. *History and Modernity*, 2016, no. 1. (In Russ.)

6. *Shakhnazarov G. Kh.* The Coming World Order. On Trends and Prospects of International Relations. Moscow: Politizdat, 1981. (In Russ.)

7. *Dononbaev A. D.* The World Order as a Subject of Study (Methodological and Methodological Recommendations). *Izvestiia vuzov (Kyrgyzstan)*, 2009, no. 1. (In Russ.)

8. *Emuzova E. A.* Initial Interpretations of the Term "World Order". *Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*, 2016, no. 6. (In Russ.)

9. *Movchan A. P.* International Law and World Order. *Moscow Journal of International Law*, 1993, no. 2. (In Russ.)

10. *Sirota N. M., Mokhorov G. A., Khomeleva R. A.* Category "World Order": Experience of Theoretical Understanding. *Philosophy and Humanities in the Information Society*, 2022, no. 1. (In Russ.)

11. *Mirzaian G.* Sovereignty in Law. In XI St. Petersburg International Legal Forum – 2023. (In Russ.)

12. *Kissinger G.; Zhelninov V., Miliukova A. (eds.).* World Order. Moscow: AST, 2024. (In Russ.)

13. *Karaganov S. A.* The Stage of the "Game Without Rules" Has Come. URL: https://globalaffairs.ru/articles/prishyol-etap-igry-bez-pravil/ (date of the application: 25.03.2024). (In Russ.)

14. *Timofeev I. N.* Dilemmas of the State in the Modern World Order. *Bulletin of MGIMO University*, 2016, no. 1. (In Russ.)

15. *Ezhov D. A., Zharkova E. S., Filimonova K. R.* The World Order After 2022: Scenarios of Transformation. *Izvestiia TulSU. Humanities*, 2022, no. 4. (In Russ.)

16. *Sapir J.* What Will the New World Order Be Like? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2023, no. 4. (In Russ.)

17. *Neimark M.* Crisis Geopolitics and the New World Order: Prospects of Russia. *Observer*, 2021, no. 8. (In Russ.)

18. *Evstafiev D. G.* The New World Order: The Need for a "Clean Slate" and Geo-Economic Realities of Today. *International Life*, 2022, no. 4. (In Russ.)

19. Decree of the President of the Russian Federation of 2 July 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part 2), art. 5351. (In Russ.)

20. Decree of the President of the Russian Federation of 31 July 2022 No. 512 "On Approval of the Maritime Doctrine of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 31, art. 5699. (In Russ.)

21. Resolution of the Supreme State Council of the Union State of Belarus and Russia of 4 November 2021 No. 5 "On Military Doctrine". The text of the document has not been officially published. (In Russ.)

22. Decree of the President of the Russian Federation of 9 November 2022 No. 809 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 46, art. 7977. (In Russ.)

Сведения об авторе:
А. А. Мохов – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:
A. A. Mokhov – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 17.04.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 342.734
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-141-154

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ТРУДА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Михаил Сергеевич Сагандыков

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 454080, Россия, г. Челябинск, Коммуны ул., д. 149

sagandykovms@susu.ru

Аннотация

Конституционный принцип свободы труда воплощается, в частности, в свободе сторон трудового договора устанавливать его вид (срочный или бессрочный) и срок (если договор срочный), что в трудовых отношениях с преподавателями вузов является основным дискуссионным моментом, порождающим многочисленные обращения в Конституционный Суд РФ. В процессе исследования использованы методы анализа и синтеза, системный подход и формально-юридический метод. Подвергнута анализу практика Конституционного Суда РФ и судов общей юрисдикции. Результатом исследования является выработанная позиция, согласно которой изменения, внесенные в ст. 332 Трудового кодекса РФ, не останавливают научную и практическую дискуссию, являются источником для судебных споров между работниками и работодателями и новых обращений в Конституционный Суд РФ. Предлагается собственное видение изменений и дополнений, которые необходимо внести в ст. 332 Трудового кодекса РФ.

Ключевые слова: Конституция РФ; свобода труда; свобода трудового договора; преподаватель вуза; срочный трудовой договор; Конституционный Суд РФ.

Для цитирования: *Сагандыков М. С.* Реализация конституционного принципа свободы труда в деятельности преподавателей вузов: проблемы и перспективы // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 141–154. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-141-154

Research Article

IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF FREEDOM OF LABOR IN THE ACTIVITIES OF UNIVERSITY TEACHERS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Mikhail S. Sagandykov

South Ural State University (National Research University), 149 Kommuny St., Chelyabinsk, 454080, Russia

sagandykovms@susu.ru

Abstract

The constitutional principle of freedom of labor is embodied, in particular, in the freedom of the parties to an employment contract to establish its type (fixed-term or open-ended) and term (if the contract is fixed-term), which in labor relations with university teachers is the main point of discussion, generating numerous appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation. In the process of research the methods of analysis and synthesis, system approach and formal-legal method are used. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and courts of general jurisdiction is analyzed. The result of the study is the developed position, according to which the changes made to Article 332 of the Labor Code of the Russian Federation do not stop scientific and practical discussion, are a source for legal disputes between employees and employers and new appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation. We propose our own vision of changes and amendments to be made to Article 332 of the Labor Code of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; freedom of labor; freedom of labor contract; university teacher; fixed-term labor contract; Constitutional Court of the Russian Federation.

For citation: *Sagandykov M. S.* Implementation of the Constitutional Principle of Freedom of Labor in the Activities of University Teachers: Problems and Prospects. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 141–154. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-141-154

Введение

Свобода труда является сложным, многогранным явлением, которое имеет различное прочтение как в юридической науке конституционно-правовой и тру-

доправовой направленности, так и в судебной практике, в том числе Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

В конституционно-правовой плоскости содержание принципа свободы труда традиционного представлено в виде соединения нескольких элементов, среди которых всеми авторами выделяется два: право гражданина самостоятельно решать вопрос о необходимости трудовой деятельности («право не работать») и право свободно выбирать род деятельности и профессию [1, с. 12; 2, с. 90–92].

В отрасли трудового права свобода трансформируется в принцип свободы трудового договора, что находит отражение во многих решениях Конституционного Суда РФ [3]. Т. В. Русских фиксирует этот же вывод в отношении научных публикаций: «По мнению большинства авторов, межотраслевой принцип свободы труда в рамках трудового права реализуется через отраслевой принцип свободы трудового договора, который рассматривается как предоставленная лицу возможность распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также возможность отказаться как от заключения конкретного трудового договора, так и вообще от участия в трудовой деятельности» [4, с. 86]. Так, по мнению С. А. Иванова и Р. З. Лившица, свобода труда, становясь в отраслевом законодательстве свободой трудового договора, выражается в различных встречных правомочиях работника и работодателя [5, с. 70].

В таком же ключе принцип свободы труда рассматривается и применительно к трудовым отношениям с участием преподавателей высших учебных заведений, в частности по вопросу о заключении трудового договора с указанной категорией работников.

1. Трудовой договор с преподавателем вуза в практике Конституционного Суда РФ и судов общей юрисдикции

Можно выделить три основных аспекта проблемы, связанной с заключением трудового договора с преподавателем вуза: определение срока трудового договора при его заключении, при его продлении по итогам проведения конкурса и, наконец, юридическая и фактическая оправданность срочного характера трудовых отношений преподавателя и высшего учебного заведения.

Практически во всех зарубежных странах существует усложненный порядок трудоустройства преподавателей на работу. Так или иначе, предусмотрен конкурсный отбор, назначение на должность коллегиальным органом, а в Венгрии, например, профессора вузов назначаются на должность главой государства. Приему на работу предшествуют публичные объявления о вакансиях, причем, в некоторых странах даже с возможностью участия зарубежных соискателей на должности профессоров (Австрия, Кипр, Мальта, Финляндия) [6, с. 233–234].

В зарубежных странах с близким к России правопорядком прием на работу работников профессорско-преподавательского состава высшей школы осуществляется, во многом, по таким же правилам и имеет в целом схожие проблемы. Так, в Республике Беларусь трудовой договор с избранным по конкурсу кандидатом заключается на срок до пяти лет, что позволяет руководству устанавливать срок трудовых отношений меньше пяти лет, вплоть до нескольких месяцев. Более того,

некоторая неопределенность законодательства предоставляет работодателю право объявлять новый конкурс даже тогда, когда прежний срок избрания еще не истек [7, с. 36–41].

Заключению трудового договора с преподавателем вуза предшествует конкурс. По существу, успешное прохождение соискателем конкурса должно означать, что работодатель обязан заключить с ним трудовой договор. Вместе с тем Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) позволяет оформлять договоры с лицами, избранными по конкурсу, как на неопределенный срок, так и на определенный срок до пяти лет. О порядке заключения трудового договора с преподавателями вузов по результатам конкурсного отбора опубликовано достаточно много научных работ [8; 9]. Вместе с тем проблемы и в теории, и в практике применения ст. 332 ТК РФ остаются.

Н. Л. Лютов ставит под сомнение обоснованность заключения с преподавателями вузов срочных трудовых договоров [10, с. 20–21]. Трудно не согласиться с автором в том, что, зачастую, прекращение трудового договора с педагогическим работником по основанию окончания срока трудового договора (п. 2. ч. 1 ст. 77 ТК РФ) вызвано причинами, не относящимися к деловым качествам работника. Отказ работодателя в проведении конкурс и прекращение трудового договора могут быть обусловлены, например, необходимостью проведения сокращения штата работников образовательной организации, желанием расстаться с работником, достигшим пенсионного возраста, или просто неугодным по каким-либо причинам преподавателем [10, с. 20].

В то же время КС РФ подтверждает отсутствие противоречий этой нормы ст. 332 ТК РФ Конституции РФ доводами, похожими на те, что были использованы в определении Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 г. № 378-О-П в отношении заключения срочных трудовых договоров с пенсионерами по возрасту [11]. Так, в определении Конституционного Суда РФ от 4 октября 2012 г., в частности, сказано, что возможность заключения трудовых договоров на замещение должностей научно-педагогических работников в высшем учебном заведении как на неопределенный срок, так и на срок, определенный сторонами трудового договора не нарушает конституционные права граждан, поскольку предоставляет сторонам договора свободу выбора – заключать срочный или бессрочный трудовой договор [12].

Судья Конституционного Суда РФ О. С. Хохрякова, выразив особое мнение к определению Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 г. № 378-О-П, подчеркнула неравенство сторон трудовых отношений, подвергла сомнению возможность достижения добровольного, основанного на равенстве соглашения между потенциальным работодателем и пенсионером о том, заключать ли срочный или бессрочный трудовой договор (ссылка на определение).

На наш взгляд, эти же аргументы можно применить и к ситуации с заключением срочного трудового договора с преподавателями вузов. Можно констатировать, что вопрос о срочном характере трудовых отношений с работниками даже не обсуждается.

Еще одним аргументом в пользу конституционной законности срочного характера трудовых отношений с преподавателями вузов Конституционный Суд РФ считает тот факт, что соответствующие нормы ч. 1 и 2 ст. 332 ТК РФ обусловлены

особенностями трудовой деятельности лиц, избранных по конкурсу, и не предполагают произвольного установления срока трудового договора с отдельными категориями педагогических работников.

Другими словами, раз упомянутые особенности трудовых отношений распространяются на все категории научно-педагогических работников, указывает Конституционный Суд, то можно утверждать об отсутствии дискриминации, а говорить о каких-либо нарушения трудовых прав работников не приходится [13]. Таким образом, можно сделать вывод, что до недавнего времени Конституционный Суд РФ не ставил по сомнение конституционность положений ст. 332 ТК РФ.

Кроме того, выводы Конституционного Суда РФ многократно были использованы судами общей юрисдикции разных уровней. Иллюстрацией этому является одно из определений Тюменского областного суда, в котором установлено, что доцент вуза успешно прошел очередной конкурс, по результатам которого коллегиальным органом образовательной организации было рекомендовано заключение с ним трудового сроком на пять лет. Однако практически сразу после этого ректором университета был издан приказ об оптимизации штатного расписания организации, в связи с чем работнику было предложено перевестись на 0,5 ставки должности доцента кафедры. Также были предложены другие вакансии и выдано предупреждение об увольнении по п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ в случае несогласия с изменением условий трудового договора и перевода на другую работу. Более того, соглашение о переводе, на который работник согласился, предусматривало срок один год. Таким образом, вместо полноценного – на одну ставку – трудового договора на пять лет работник довольствовался работой на 0,5 ставки всего лишь на год. Нетрудно догадаться, что через год преподаватель был уволен в связи с окончанием срока трудового договора [14].

В рамках другого судебного дела рассматривался вопрос о правомерности уменьшения размера ставки преподавателя при объявлении и прохождении конкурса. Вузом первоначально был объявлен конкурс на замещение должности доцента на одну ставку. Заявление работником было подано вовремя. Конкурсная процедура должна была состояться 29 августа, но незадолго до этого – в августе – было размещено новое объявление, в котором конкурс на должность доцента объявлялся уже на 0,75 ставки при том же наборе учебных дисциплин. Участвующий в конкурсе преподаватель вынужден был написать новое заявление – уже на 0,75 ставки. По мнению истца, произошло изменение условий трудового договора, что требовало от руководства вуза предупредить его об этом не менее, чем за 2 месяца в соответствии со ст. 74 ТК РФ. Суд с этим доводом не согласился в силу того, что доцент написал заявление об участии в конкурсе, а значит, согласился с изменением трудового договора и заблаговременное предупреждение работника в этом случае не требуется [15].

Кроме того, судами различного уровня было вынесена масса решений, в которых многократное заключение срочных трудовых договоров в преподавателями вузов было признанно обоснованным и законным. Иногда используемые формулировки при этом вызывают вопросы. Так, в одном из решений указано: «доводы жалобы, что срочные трудовые договоры с истцом заключались неоднократно,

не свидетельствует о постоянном характере работы, поскольку истец занимал преподавательскую должность, что допускало заключение трудового договора на определенный срок» [16]. Трудно согласиться с тем, что работа преподавателя в вузе не носит «постоянный» характер. В конце концов «временной» ТК РФ называет работу на срок, не превышающий двух месяцев (абз. 3 ч. 1 ст. 59).

2. Практика Конституционного Суда РФ 2022 и 2023 гг. и изменения трудового законодательства

В 2020 г. Конституционный Суд РФ высказался по проблеме многократного заключения срочных трудовых договоров при обстоятельствах, предусмотренных абз. 8 ч. 1 ст. 59 ТК РФ, с «лицами, принимаемыми для выполнения заведомо определенной работы в случаях, когда ее завершение не может быть определено конкретной датой» [17]. Суд пришел к выводу, что норма не должна давать возможность работодателю заключать с работниками срочные трудовые договоры, мотивируя это ограниченным сроком действия гражданско-правовых договоров с третьими лицами, для исполнения которых работники и принимаются на работу. Иное толкование привело бы к тому, что работник «был бы вынужден разделить с работодателем риски, сопутствующие осуществляемой работодателем экономической деятельности в сфере соответствующих услуг (в том числе связанные с колебанием спроса на эти услуги), что приводило бы к искажению существа трудовых отношений и нарушению баланса конституционных прав и свобод работника и работодателя».

Приведенный вывод Конституционного Суда РФ касался ситуации, когда по смыслу ч. 1 ст. 59 ТК РФ трудовой договор не может быть заключен на неопределенный срок по объективным причинам. В свою очередь, заключение с преподавателями вузов срочных трудовых договоров происходит по соглашению сторон (ч. 2 ст. 59 ТК РФ). Другими словами, требование о невозможности заключения бессрочного трудового договора отсутствует.

В то же время действие другого положения, предусмотренного ч. 6 ст. 58 ТК РФ, распространяется на все случая заключения срочных трудовых договоров: подобная практика не должна использоваться с целью «уклонения от предоставления прав и гарантий, предусмотренных для работников, с которыми заключается трудовой договор на неопределенный срок». Действительно ли работа в вузе имеет столь большие особенности, не позволяющие таким образом планировать образовательный процесс, чтобы трудовые договоры с профессорско-преподавательским составом можно было заключать на неопределенный срок? При этом конкурс как способ проверки профессиональных качеств преподавателя и инструмент мотивации (в том числе за счет участия в конкурсе других лиц, помимо действующего работника) своей роли не теряет. Безусловно, изменения учебной нагрузки бывают во всех вузах, но их можно «закрыть» внутренним и внешним совместительством, что, как правило, и делается. В том же случае если происходят существенные организационные изменения, требующие пересмотра штатного расписания или условий трудового договора, то должны применяться механизмы, предусмотренные ст. 74 и п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Преподаватели вузов не должны лишаться гарантий, предусмотренных при изменении трудового договора или увольнении

в связи с сокращением штата и (или) численности работников организации лишь в силу неких «особенностей» профессиональной деятельности. Зачастую при сокращении учебной нагрузки и, соответственно, штата образовательной организации, отдельных подразделений увольняются преподаватели, у которых к этому моменту заканчивается срок трудового договора. Их профессионализм, преимущества перед другими работниками при этом не оцениваются, в отличие от процедуры увольнения по сокращению штата (ст. 179 ТК РФ).

Существенная переоценка статуса преподавателя вуза произошла с принятием 15 июля 2022 г. постановления Конституционного Суда РФ № 32-П [18] (далее – Постановление 2022 г.).

Считаем одним из главных выводов, нашедших отражение в данном Постановлении, признание необходимости поддержания стабильной занятости профессорско-преподавательского состава вузов. Она является не только залогом полноценной реализации педагогом предоставленных Конституцией прав и возможностей научного творчества и преподавания, но и условием обеспечения его достойной жизни и свободного развития человека. Кроме того, стабильная занятость отвечает интересам самого образовательного учреждения, поскольку позволяет ему сформировать эффективно действующий научно-образовательный коллектив.

Мы не будем пересказывать все выводы, содержащиеся в рассматриваемом документе, но скажем, что они носят поистине революционный характер. По решению Конституционного Суда РФ при отсутствии весомых причин повторные трудовые договоры с преподавателями по основному месту работы необходимо заключать на срок не менее трех лет, если меньший срок договора не обусловлен планируемой учебной нагрузкой и учебными планами. Продление трудовых договоров после прохождения конкурса должно подчиняться этим же требованиям. При этом новый трудовой договор или дополнительное соглашение к трудовому договору должны гарантировать работнику продление трудовых отношений не менее трех лет. Лишь в силу планируемого сокращения учебной нагрузки преподавателя, обусловленного изменением образовательных программ, срок его нового договора может составлять до года.

По результатам принятия Постановления 2022 г. в августе 2023 г. Федеральным законом были внесены изменения в ст. 332 ТК РФ [19]. В нововведениях отражены главные выводы решения Конституционного Суда. В частности, теперь законом четко определено, что срок трудового договора с преподавателем вуза определяется коллегиальным органом управления образовательной организации, т.е. он не может быть произвольно установлен руководством вуза. На порочную практику некоторых учебных заведений, когда вопреки решению коллегиального органа о заключении с работником трудового договора на пятилетний срок трудовой договор решением ректора заключается на меньший срок, обращалось внимание в научных исследованиях [20, с. 14]. В соответствии с новой редакцией ч. 2 ст. 332 ТК РФ подобная практика образовательных организаций исключена. Кроме того, в ч. 2 ст. 332 ТК РФ определен срок, на который может быть заключен трудовой договор. Как и ранее, договор оформляется на определенный или неопределенный срок, но для срочного трудового договора теперь установлены рамки – «не менее

трех лет и не более пяти лет». Из этого правила сделано исключение для случаев заключения трудового договора на выполнение определенной работы, носящей заведомо срочный (временный) характер, когда срок трудового договора может быть сокращен до одного года.

Безусловно, внесенные в ТК РФ изменения следует расценить положительно. Вместе с тем считаем, что законодатель в полной мере не воспользовался возможностью сбалансировать интересы преподавателей и их работодателей в трудовых отношениях, гарантировать важнейшие конституционные права работников, основанных на стабильной занятости. Так, несмотря на все изменения, ситуация, при которой трудовые договоры с преподавателями вуза заключаются преимущественно на срочной основе, не претерпела изменений. К тому же необъяснимым остается тот факт, что трудовые договоры разрешено заключать на три года. В новой формулировке ч. 2 ст. 332 ТК РФ, как уже было отмечено, говорится о возможности заключения договора на один год, если работа носит «заведомо срочный (временны) характер». Тогда можно сделать вывод, что в иных случаях, когда закон предписывает заключать трудовые договоры на срок от трех до пяти лет, никакого «заведомо срочного характера» трудовых отношений нет. Получается, что оформление срочного трудового договора с преподавателем вуза в этой ситуации продиктовано только необходимостью проведения конкурса. Однако ничто не мешает его проводить и при наличии бессрочного трудового договора.

Ранее в настоящей работе уже приводился пример одного из решений Конституционного Суда РФ, в котором конституционность правила о возможности заключения с преподавателем вуза срочного трудового договора была объяснена тем фактом, что стороны могут свободно, на основе соглашения решать – заключать срочный или бессрочный трудовой договор [21]. Действительно, из ранее действовавшей редакции ст. 332 ТК РФ такой вывод вытекал. Теперь же, после внесения изменений в указанную статью ТК РФ, четко определено, что решение о том, какой трудовой договор заключать – срочный или бессрочный, – принимается не по соглашению сторон трудовых отношений, а в одностороннем порядке образовательной организацией в лице ее коллегиального органа, в рамках которого проводится конкурс. Другими словами, важнейший довод, используя который Конституционный Суд подтверждал конституционность положений о заключении с педагогическими работниками образовательных организаций высшего образования срочных трудовых договоров, на сегодняшний день утрачен, что, на наш взгляд, предоставляет заинтересованным лицам повод для обращения в Конституционный Суд по указанному вопросу с применением новых правовых аргументов. Более того, считаем, что внесенные в ст. 332 ТК РФ в указанной формулировке изменения противоречат резулятивной части Постановления 2022 г., в которой четко сказано, что трудовые договоры на замещение должностей педагогических работников «могут заключаться как на неопределенный срок, так и на срок, определенный сторонами трудового договора», а не по решению коллегиального органа образовательной организации.

Также вызывает вопросы положение о возможности сокращения срока трудового договора, заключаемого по результатам конкурса, до одного года. В Постановле-

нии 2022 г. право повторного заключения трудовых договоров на срок менее трех лет обосновывается необходимостью «предстоящего сокращения объема планируемой учебной нагрузки конкретного педагогического работника, обусловленного уменьшением общего количества реализуемых данной образовательной организацией образовательных программ, изменениями учебных планов по этим программам или прочими объективными обстоятельствами, при отсутствии иных учебных дисциплин (модулей), к преподаванию которых этот работник мог бы быть привлечен без прекращения трудовых отношений с другими педагогическими работниками». В редакции же Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 471-ФЗ соответствующие причины выглядят слишком неопределенно: «выполнения определенной работы, носящей заведомо срочный (временный) характер». Такая формулировка, на наш взгляд, чрезмерно расширяет возможности работодателя по заключению с преподавателями трудового договора на срок, меньший, чем три года, фактически создавая условия для злоупотребления работодателем своими правами.

В октябре 2023 г. Конституционный Суд принял еще одно Постановление, которое снова обращает внимание на произвольное определение работодателем срока трудового договора с преподавателем вуза, когда он переводится на другую должность посредством процедуры конкурсного отбора [22]. Эту проблему также должен был решить Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 471-ФЗ. Однако ч. 9 ст. 332 ТК РФ в новой редакции обязывает при переводе работника на другую должность устанавливать вид (срочный или бессрочный) и срок трудового договора, если он заключается на определенный срок, по правилам ч. 2 этой же статьи, т.е. по решению коллегиального органа, а не по соглашению сторон. Вместе с тем в ч. 9 ст. 332 ТК РФ используется более мягкая формулировка: сам факт изменения все-таки должен быть согласован с работником. Другими словами, по смыслу рассматриваемой нормы работник может настаивать на сохранении срока трудового договора по той должности, с которой он переводится на новую, либо согласиться с новым сроком, установленным коллегиальным органом.

Таким образом, почва для обращений в Конституционный Суд РФ остается и после внесения изменений в ст. 332 ТК РФ. Прежде всего это касается вопросов об обоснованности срочного характера трудовых отношений, и о законности многократного заключения срочных трудовых договоров. Также, на наш взгляд, могут иметь место споры между вузом и работником о наличии (отсутствии) оснований для уменьшения срока трудового договора до трех лет и до одного года. Эти споры будут решаться в судах общей юрисдикции.

Заключение

Результатом настоящего исследования является несколько предложений, направленных на совершенствование правового регулирования заключения трудовых договоров с преподавателями вузов.

Во-первых, считаем, что ч. 2 ст. 332 ТК РФ может быть дополнена нормой, согласно которой повторное и последующее заключение трудового договора с преподавателем, для которого данная работа является основной, должно осуществляться на неопределенный срок. Аналогичные положения должны быть предусмотре-

ны в ч. 8 ст. 332 ТК РФ, когда действие срока трудового договора продолжается по соглашению сторон в результате избрания работника по конкурсу на замещение ранее занимаемой им должности педагогического работника. В этом случае уменьшение размера ставки преподавателя может быть произведено только по правилам ст. 74, п. 2 ч. 1 ст. 81, ст. 179 и 180 ТК РФ либо по соглашению работодателя с ним. Подобную практику заключения второго и последующего трудовых договоров на неопределенный срок в других странах, например в Испании, приводит в своей статье Н. Л. Лютов [10, с. 20–21].

Во-вторых, предлагаем наделить работодателя дополнительным правом заключать трудовые договоры на любой срок с преподавателями – совместителями. Конституционный Суд РФ об этом в Постановлении 2022 г. говорил, но данные выводы по каким-то причинам своего выражения в измененной редакции ст. 332 ТК РФ не нашли. Мы не разделяем опасений А. Л. Благодир в том, что в этом случае права совместителей будут каким-либо образом нарушены [23, с. 40], в силу специфики работы по совместительству в образовательных организациях, которая, во-первых, часто носит внутренний характер, а во-вторых, предполагает временное выполнение трудовой функции в силу неопределенности количества учебной нагрузки в будущем.

Имеются обоснованные предположения, что предлагаемая редакция ст. 332 ТК РФ позволит обеспечить реализацию конституционного принципа свободы труда в трудовых отношениях с преподавателями высших учебных заведений, будет соответствовать принципу справедливости, отразит баланс прав и интересов работников и работодателей в трудовых отношениях.

Пристатейный библиографический список

1. *Бережной В. А.* Конституционные принципы и права в сфере труда и их защита в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007.

2. *Жернаков В. В.* Свобода труда и запрещение принудительного труда в современном трудовом праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 3.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положения части восьмой статьи 325 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Г. Труновой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 2.

4. *Русских Т. В.* О свободе сторон трудового договора // Трудовое право. 2010. № 12.

5. *Иванов С. А., Лившиц Р. З.* Личность в советском трудовом праве. М. : Наука, 1982.

6. *Кашкин С. Ю.* Правовой статус научно-педагогических работников в государствах Европейского союза и Северной Америки: сравнительный анализ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1.

7. *Курылева О. С.* Конкурс и годичные трудовые контракты с преподавателями вузов в Республике Беларусь // Трудовое и социальное право. 2019. № 1 (29).

8. *Еремина С. Н.* Правовое регулирование труда научно-педагогических работников вузов: новеллы законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2015. № 2.

9. *Долова А. З.* Порядок избрания по конкурсу научно-педагогических и научных работников // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2013. № 6.

10. *Лютов Н. Л.* Срочный трудовой договор как инструмент неустойчивой остановки: многократное перезаключение и возможность заключения с научно-педагогическими работниками // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 г. № 378-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Амурского городского суда Хабаровского края о проверке конституционности положения статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 6.

12. Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2012 г. № 1847-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кирюшкина Михаила Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктами 2 и 4 части первой статьи 77, статьей 81, частями первой и второй статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Определение Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 771-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Карамашевой Виктории Алексеевны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 58, абзацем шестым части второй статьи 59, статьей 72, статьей 251, частями первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Апелляционное определение СК по гражданским делам Тюменского областного суда от 29 февраля 2016 г. по делу № 33-1256/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 21 мая 2020 г. по делу № 33-7555/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 мая 2021 г. по делу № 33-16605/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 2020 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. А. Сысоева» // СЗ РФ. 2020. № 21. Ст. 3375.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 2022 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подакова» // СЗ РФ. 2022. № 30. Ст. 5692.

19. Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 471-ФЗ «О внесении изменений в статьи 332 и 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. 1). Ст. 6203.

20. *Гейхман В. Л.* Конкурсный отбор научно-педагогических работников вузов: роль и значение // Трудовое право в России и за рубежом. 2013. № 1.

21. Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2012 г. № 1847-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кирюшкина Михаила Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктами 2 и 4 части первой статьи 77, статьей 81, частями первой и второй статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 октября 2023 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности частей третьей и четвертой статьи 58, части второй статьи 67 и частей первой, второй и девятой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. А. Алебастровой» // СЗ РФ. 2023. № 45. Ст. 8131.

23. *Благодир А. Л.* К вопросу о сроке заключения трудового договора с педагогическими работниками в образовательных учреждениях высшего образования // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 4.

References

1. *Berezhnoi V. A.* Constitutional Principles and Rights in the Sphere of Labor and Their Protection in the Russian Federation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2007. (In Russ.)

2. *Zhernakov V. V.* Freedom of Labor and the Prohibition of Forced Labor in Modern Labor Law. *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*, 2013, no. 3. (In Russ.)

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 9 February 2012 No. 2-PN "In the Case of Verifying the Constitutionality of the Provisions of Part Eight of Article 325 of the Labor Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen I. G. Trunova". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*, 2012, no. 2. (In Russ.)

4. *Russkikh T. V.* On the Freedom of the Parties to an Employment Contract. *Labor Law*, 2010, no. 12. (In Russ.)

5. *Ivanov S. A., Livshits R. Z.* Personality in Soviet Labor Law. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ.)

6. *Kashkin S. Iu.* Legal Status of Scientific and Pedagogical Workers in the States of the European Union and North America: Comparative Analysis. *Current Problems of Russian Law*, 2016, no. 1. (In Russ.)

7. *Kuryleva O. S.* Competition and One-Year Labor Contracts with University Teachers in the Republic of Belarus. *Labor and Social Law*, 2019, no. 1 (29). (In Russ.)

8. *Eremina S. N.* Legal Regulation of the Labor of Scientific and Pedagogical Workers of Universities: Legislative Innovations. *Labor Law in Russia and Abroad*, 2015, no. 2. (In Russ.)

9. *Dolova A. Z.* The Procedure for Electing Scientific, Pedagogical and Scientific Workers Through a Competition. *Personnel Officer. Labor Law for Personnel Officers*, 2013, no. 6. (In Russ.)

10. *Liutov N. L.* Fixed-Term Employment Contract as an Instrument of Unstable Stop: Multiple Re-Conclusion and the Possibility of Concluding with Scientific and Pedagogical Workers. *Labor Law in Russia and Abroad*, 2018, no. 4. (In Russ.)

11. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15 May 2007 No. 378-O-P "On the Refusal to Accept for Consideration the Request of the Amur City Court of the Khabarovsk Territory to Verify the Constitutionality of the Provision of Article 59 of the Labor Code of the Russian Federation". *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*, 2007, no. 6. (In Russ.)

12. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 4 October 2012 No. 1847-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Mikhail Viktorovich Kiryushkin About the Violation of His Constitutional Rights by Paragraphs 2 and 4 of the First Part of Article 77, Article 81, Parts of the First and Second Article 332 of the Labor Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26 April 2021 No. 771-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Victoria Alekseevna Karamasheva About the Violation of Her Constitutional Rights by Part Four of Article 58, Paragraph Six of Part Two of Article 59, Article 72, Article 251, Parts One and Eighth Article 332 of the Labor Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

14. Appeal Ruling of the Investigative Committee in Civil Cases of the Tyumen Regional Court of 29 February 2016 in Case No. 33-1256/2016 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

15. Appeal Ruling of the Investigative Committee in Civil Cases of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan of 21 May 2020 in Case No. 33-7555/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

16. Appeal Ruling of the Moscow City Court of 24 May 2021 in Case No. 33-16605/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19 May 2020 No. 25-P "In the Case of Verifying the Constitutionality of Paragraph Eight of Part One of Article 59 of the Labor Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen I. A. Sysoev". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 21, art. 3375. (In Russ.)

18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15 July 2022 No. 32-P "In the Case of Verifying the Constitutionality of Parts One and Eight of Article 332 of the Labor Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen A. A. Podakov". *Collection of Legislation of the Russian Federation,* 2022, no. 30, art. 5692. (In Russ.)

19. Federal Law of 4 August 2023 No. 471-FZ "On Amendments to Articles 332 and 351.7 of the Labor Code of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 32 (part 1), art. 6203. (In Russ.)

20. *Geikhman V. L.* Competitive Selection of Scientific and Pedagogical Workers of Universities: Role and Significance. *Labor Law in Russia and Abroad*, 2013, no. 1. (In Russ.)

21. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 4 October 2012 No. 1847-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Mikhail Viktorovich Kiryushkin About the Violation of His Constitutional Rights by Paragraphs 2 and 4 of the First Part of Article 77, Article 81, Parts of the First and Second Article 332 of the Russian Labor Code Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

22. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24 October 2023 No. 49-P "In the Case of Verifying the Constitutionality of Parts Three and Four of Ar-

ticle 58, Part Two of Article 67 and Parts One, Two and Nine of Article 332 of the Labor Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen I. A. Alabastrova". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 45, art. 8131. (In Russ.)

23. *Blagodir A. L.* On the Period for Concluding an Employment Contract With Teaching Staff in Educational Institutions of Higher Education. *Labor Law in Russia and Abroad*, 2022, no. 4. (In Russ.)

Сведения об авторе:
М. С. Сагандыков – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:
M. S. Sagandykov – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.12.2023; одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 05.12.2023; approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 351.811
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-155-165

ОЦЕНКА СОИЗМЕРИМОСТИ НАКАЗАНИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ САНКЦИЙ К СУБЪЕКТУ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Юрий Александрович Слепухин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

yura-slepuhin@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые вопросы проявления принципа соразмерности наказания на примере одной из наиболее конфликтных зон административной деликтологии – назначения наказания при нарушении ПДД. Исследуются проблемы оценки степени и тяжести административного правонарушения, совершенного физическим лицом, и вынесения соразмерной санкции для достижения целей наказания, принцип оценки соизмеримости и дифференциации наказания. Отмечается, что финансовое расслоение общества привело к проблеме вынесения действительно объективного наказания, которое было бы пропорционально самому деянию и личности, его совершившей. От решения данной проблемы будет зависеть не только исполнимость выносимых постановлений, но и воспитание граждан в духе уважения к закону, праву, формирование правосознания членов общества. В статье использованы формально-юридический, диалектический, сравнительно-правовой методы, экстраполяция.

Ключевые слова: индивидуализация; дифференциация меры ответственности; превенция правонарушения; штраф; наказание; принцип установления и применения административного наказания; соизмеримость деяния и наказания.

Для цитирования: *Слепухин Ю. А.* Оценка соизмеримости наказания и дифференциации санкций к субъекту административного правонарушения правил дорожного движения // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 155–165. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-155-165

Research Article

ASSESSMENT OF THE COMMENSURABILITY OF PUNISHMENT AND DIFFERENTIATION OF SANCTIONS AGAINST THE SUBJECT OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE OF TRAFFIC RULES

Yuri A. Slepukhin

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

yura-slepuhin@yandex.ru

Abstract

The article discusses some issues of manifestation of the principle of proportionality of punishment using the example of one of the most conflict zones of administrative tortology, the imposition of punishment for violation of traffic rules. The problems of assessing the degree and severity of an administrative offense committed by an individual and imposing a proportionate sanction to achieve the goals of punishment, the principle of assessing proportionality and differentiation of punishment are studied. It is noted that the financial stratification of society has led to the problem of imposing a truly objective punishment, which would be proportional to the act itself and the person who committed it. The solution to this problem will determine not only the enforceability of the decisions made, but also the education of citizens in the spirit of respect for the law, the right, and the formation of legal awareness among members of society. The author uses formal legal, dialectical, comparative legal methods, and extrapolation.

Keywords: individualization; differentiation of measures of responsibility; crime prevention; fine; punishment; principle of establishing and applying administrative punishment; commensurability of the act and punishment.

For citation: *Slepukhin Yu. A.* Assessment of the Commensurability of Punishment and Differentiation of Sanctions Against the Subject of an Administrative Offense of Traffic Rules. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 155–165. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-155-165

Введение

Модель поведения лица всегда обусловлена совокупностью факторов, влияющих на совершаемые им поступки, которые в большинстве своем направлены на достижение определенных целей или ведущих к получению тех или иных благ. Добиваясь намеченного, некоторые граждане преступают установленные право-

вые нормы, считая, что достигаемые ими цели превышают возможные негативные последствия, установленные санкциями. Существует проблема достижения целей наказания по административным правонарушениям, обусловленная тем, что один и тот же размер штрафа для одной группы населения может быть неподъемным к исполнению в связи с низким уровнем доходов, для другой группы населения с высоким уровнем дохода та же сумма носит настолько незначительный характер, что лицо при нарушении нормы права в связи с незначительностью меры ответственности игнорирует предписанную модель поведения. Соответственно санкция как мера воздействия, установленная законодателем, которая обусловлена только самим деянием, например превышением скорости движения, имеющая одинаковый размер штрафа для всех групп населения, не выполняет главной своей задачи – превенции в совершении правонарушений.

Актуальность данного вопроса обусловлена масштабностью применения именно штрафа в качестве наказания за проступок. Так, при общем количестве рассмотренных дел судами общей юрисдикции об административных правонарушениях, превысившем 7 млн 259 тыс., штрафные санкции были применены в 68% случаях. Среди административных правонарушений наиболее часто совершаемый вид правонарушений – правонарушения в области дорожного движения [1]. В связи с этим в настоящей статье именно данный вид правонарушения выбран для наглядного примера необходимости пересмотра подхода законодателя к применению принципа соизмеримости при установлении правил назначения наказания.

Превышение скоростных ограничений является самым незначительным правонарушением в сфере регулирования дорожного движения с самым значительным количеством привлеченных к ответственности и, возможно, с самыми страшными последствиями. Несмотря на снижение количества зарегистрированных правонарушений, показатель ДТП со смертельным исходом остается на высоком уровне, число погибших в ДТП за 2023 г. превышает 14 тыс. человек, примерно 40 человек в день. Общее количество зарегистрированных дорожно-транспортных происшествий составило в 2023 г. 132,4 тыс. [2]. Можно предположить, что устойчивость данной тенденции обусловлена в том числе и тем, что существующий подход к определению наказания не оказывает в должной мере своего воздействия на сознание граждан.

К проблеме дифференциации административного наказания обращались многие ученые, признавая существующую проблему. Так, Н. А. Морозова отмечала, что существующий подход законодателя делает невозможным индивидуализацию ответственности и учет всех обстоятельств совершения правонарушения и личности правонарушителя [3, с. 129–138].

На противоречивость позиций Конституционного Суда РФ указывали Д. А. Липинский и А. А. Мусаткина в части соотношения между уголовным и административным наказанием, когда в первом случае признается соответствующим целям наказания штраф для физических лиц в размере 300 тыс. руб., а в решениях по административным составам утверждается об обременительности наказания в размере 6 тыс. руб. [4].

И. В. Максимов рассматривал соразмерность как общеправовую категорию и пришел к выводу о необходимости дифференциации наказания в зависимости

от тяжести содеянного [5, с. 89–98]. Превентивной функции юридической ответственности посвящена диссертация А. В. Катасонова [6].

1. Цели и задачи административного наказания

При определении меры ответственности лицо, наделенное властными полномочиями, руководствуется непосредственными нормами материального права, основными базовыми принципами, заложенными в законодательстве.

Целью законодательного регулирования является приведение системы правоотношений к определенному состоянию, которое необходимо для существования и функционирования самого государства, обеспечения государственных и общественных интересов. Достижение поставленной цели возможно через решение задач, совокупность решения которых приводит к поставленной цели [7, с. 69–75].

Как известно, к задачам законодательства об административных правонарушениях относятся «защита личности, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений» [8]. Таким образом, защитные и превентивные функции закона неразрывно связаны.

Согласно п. 1 ст. 3.1. КоАП РФ административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений, как самим правонарушителем, так и другими лицами [8].

О важности превентивной функции наказания в государственном масштабе свидетельствует и принятие отдельного Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [9].

Правонарушения совершались всегда. Существует общеизвестный правовой принцип «*ignorantia juris non excusat*» («незнание закона не освобождает от ответственности»). Однако и информирование субъектов правоотношений о нормах права теряет смысл, если данные субъекты не воспринимают эти нормы для себя как руководство к действию. Предупреждение новых правонарушений возможно лишь в том случае, если лицо, к которому применяются меры воздействия, не только осознает то, что его поведение было неправомерным, но и корректирует соответственно свое поведение в будущем. Субъекты правоотношений будут более тщательно корректировать свое поведение заранее под угрозой неотвратимости наказания.

2. Необходимость учета статистики различия доходов населения при определении пределов наказания в виде штрафа

Со сменой формации политического и экономического устройства произошло значительное расслоение общества по уровню обеспеченности и доходов.

Этот факт подтверждается многочисленными исследованиями. В. В. Федосеев [10, с. 262–271] приводит следующие статистические данные: распределение населения в процентах по величине среднедушевых денежных доходов в месяц. Так, до 10 тыс. руб. получают 14,2% населения; от 10 до 14 тыс. руб. – 12,1%; от 14 до 19 тыс. руб. – 14,4%; от 19 до 27 тыс. руб. – 18,2%; от 27 до 45 тыс. руб. – 22,5% и только 18,6% получают доход свыше 45 тыс. руб. [11], при этом по результатам ис-

следования Росстата более 1 млн руб. в месяц зарабатывают 11 287 граждан России. Данные исследования показывают наличие не единиц, а целого класса в обществе, разрыв доходов между которыми 100-кратный, что привело к появлению такой проблемы, как размер штрафа в виде меры воздействия на сознание лица, подвергаемого административному воздействию.

В сложившейся объективной реальности, не учитывая это в правоприменительной практике, в жизни возникают следующие ситуации, например: «22 мая 2016 года автомобиль ездил по городу без номеров, и когда сотрудники ДПС попытались его остановить, водитель не подчинился. Через несколько часов погони «Гелендваген» остановили и водителю выписали два протокола: за отказ остановиться и за езду без номеров. Общая сумма штрафов составила 5500 руб. Логично предположить, что для сына вице-президента «Лукойла» данная сумма не носила достаточной мерой воздействия на его сознание. Начальник московского ГУ МВД Анатолий Якунин, потребовал покончить с беспределом «золотой молодежи»» [12]. И только когда стали лишать прав и производить конфискацию транспортных средств, на которых совершались правонарушения, подобное остановилось.

Многие профессиональные перевозчики, транспортные компании, таксисты давно утверждают, что закладывают в свои тарифы в том числе компенсацию убытков на понесенные штрафы. Подобные явления привели к появлению «мема» – «100 рублей – это не штраф, 100 рублей – это тариф». Эта цитата отражает устойчивую позицию в обществе.

Систематическое игнорирование норм права нарушает легитимность правовых норм, притупляет восприятие того, что происходит нарушение закона. Как следствие, может вырабатываться устойчивая модель поведения, в результате чего в определенный момент конкретный субъект может перешагнуть порог административного правонарушения и совершить преступление. Переход количественных изменений в качественные – один из основных законов материалистической диалектики.

Отсутствие страха перед наказанием за противоправное поведение участников дорожного движения может повлечь трагические необратимые последствия. Так, незначительное правонарушение является причиной гибели людей и переходит в плоскость уголовно-наказуемого деяния.

Следующий пример: в Каменском районе впервые оштрафовали пешехода за переход улицы в неположенном месте. Сумма штрафа составила 500 р. «Я переходил дорогу напротив магазина, там все ходят, а вот меня оштрафовали, – рассказал пенсионер, приехавший в райцентр по делам. И это при моих восьми тысячах рублей пенсии» [13].

Государству как институту власти, призванному упорядочить жизнь общества исходя из интересов разных социальных групп, для перестройки в соответствии с произошедшими социально-экономическими переменами необходимо значительное количество времени.

Законодатель, устанавливая определенный штраф, использует принцип равенства, исходит из среднестатистических данных статистики по всей стране, рассматривая субъекта деяния как среднестатистического гражданина. Сказанное пред-

положительно исходит из советского наследия, когда разрыв доходов населения был примерно четырехкратным между рабочим и директором завода. Устанавливая штраф, например, в 1000 руб., законодатель исходит из того, что данная сумма как мера ответственности пропорциональна деянию субъекта, которая должна воздействовать на лицо, подвергаемое санкции, для того, чтобы были соблюдены такие принципы, как справедливость наказания, превенция правонарушений, создание сознательно-волевого отношения лица к совершенному деянию и исправление модели антисоциального поведения.

Так, согласно данным Росстата «средний доход населения России в 2018 году составил 32 635 р. в месяц, среднемесячная зарплата 43 400 р., средняя пенсия 13 360 р.» [14, с. 211]. Если исходить из тех же среднестатистических данных, то эта 1000 руб. равна $^{1}/_{32}$ дохода лица, подвергаемого ответственности.

Ценность самих денег отличается для разных социальных групп. Если взять первую, вторую группу с доходами в 10–14 тыс. руб. и потребительскую корзину их расходов (ЖКХ, одежда, проезд, еда), то можно говорить о том, что они считают каждый рубль и оплата данного штрафа ставит плательщика в очень затруднительную жизненную ситуацию. Оценим саму ценность денежных средств пропорционально доходам первой группы: если взять $^{1}/_{32}$ от 10 тыс. руб., т.е. 312,5 руб., то для данных лиц уже эта сумма будет нести существенное бремя; с учетом минимального ЖКХ в 5 тыс. руб., остается 5 тыс. руб. на все базовые потребности в месяц.

Подобное будет нарушать чувство социальной справедливости, подрывать веру в закон, будет направлять мысли этого субъекта к нигилизму и, как следствие, может привести от правосознательного поведения к поведению правонарушителя.

Общий подход к установлению единого штрафа несет в себе порок того, что установленные социальные цели не достигаются на практике. Для одной категории лиц данная мера настолько мала, что они ее не воспринимают в качестве меры ответственности, при доходе в 500 тыс. руб. штраф в 500 руб. составляет $^{1}/_{1000}$ дохода данного лица и будет восприниматься не более как сопутствующие расходы, например оплата платного участка дороги. При этом, как указано в примере с пенсионером, штраф составил $^{1}/_{16}$ его пенсии, соответственно он будет находиться в тяжелой жизненной ситуации, так как нужно учесть, что пенсионеру нужно питаться и платить за ЖКУ в связи с возможностью их отключения при неоплате. Если исходить от обратного и пропорционально уменьшить штраф для группы с низким доходом, он составлял бы 50 коп. (500 руб./1000), что, естественно, не может выполнять функцию воздействия на сознание субъекта.

Используя метод экстраполяции, хорошим примером служил бы метод «снижения налогов и одновременного роста налоговых поступлений», который обосновал современный американский экономист Артур Лаффер. Предложенная им и названная его именем «Кривая Лаффера» раскрывает связь между ставками налогов и налоговыми поступлениями. Основная идея заключается в том, что по мере роста ставки налога от нуля до 100% налоговые поступления будут расти от нуля до некоторого максимального уровня, а затем снижаться до нуля. Налоговые поступления падают после некоторой точки, потому что более высокие ставки налога сдерживают экономическую активность и, следовательно, налоговая база сокра-

щается. Это легче всего проиллюстрировать в крайней точке, когда ставка налога составляет 100%. Налоговые поступления здесь сокращаются до нуля, потому что 100%-ная ставка налога имеет характер конфискации и останавливает производство. В свою очередь, 100%-ный налог, приложенный к налоговой базе, равной нулю, приносит нулевой налоговый доход [15, с. 55].

В докладе бывшего Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева Президенту РФ В. В. Путину приведена следующая статистика за 2021 г.: «административные наказания в виде штрафа назначены в отношении 4 млн 720 тыс. лиц на общую сумму 56,8 млрд руб., а взысканы – только на сумму 9,2 млрд руб., то есть на 16%» [16]. Соответственно, наблюдаются сложности исполнения вынесенных постановлений. На необходимость решения данной проблемы обратил свое внимание Президент РФ, обозначая ключевые приоритеты на расширенной коллегии МВД 2 апреля 2024 г., указав на рост ДТП и число в них погибших.

Основанием для этого служит существующая проблема отсутствия индивидуализации и дифференциации при вынесении административного наказания в соизмеримости суммы штрафа как меры ответственности к самому субъекту, совершившему правонарушение. На данное ограничение непосредственно указывает п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [17], в котором указано на то, что судья может назначить наказание только в пределах санкций, установленных Кодексом РФ об административных правонарушениях. При этом могут учитываться различные обстоятельства личности виновного, но это не дает права назначить наказание ниже низшего предела, установленного санкцией соответствующей статьи, как и выйти за ее пределы.

3. Пропорциональность и соразмерность при определении меры ответственности

При вынесении штрафа как меры воздействия на сознание субъекта мы сталкиваемся с непропорциональным лишением благ разными субъектами, исходя из того, что доходы у всех разные, а штраф одинаковый для всех.

Если провести сравнение с административным арестом, то каким бы доходом ни обладало лицо, подвергаемое мере воздействия, оно подвергается одинаковой силе воздействия, а именно лишению свободы.

Вновь используя метод экстраполяции, можно привести пример из школьного курса физики: инерция – это естественная тенденция объекта оставаться в покое или в движении с постоянной скоростью, масса тела – это физическая величина, которая характеризует его инертность. Для того чтобы сдвинуть предмет, нам необходимо приложить определенную силу, и сила эта пропорциональна массе данного предмета.

В нашем случае массой тела является доход или благосостояние субъекта, подвергаемого воздействию в виде административного штрафа. Следовательно, для того чтобы лицо вывести из состояния инерции, штраф должен быть пропорционален его доходу или благосостоянию.

Конституционный Суд РФ в своих определениях неоднократно указывал на необходимость «установления административной ответственности физических и юридических лиц исходя из конституционных критериев пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод. Данный вывод был основан на взаимосвязанности положений статей 1 (часть 1), 2, 15 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 54 (часть 2), 55 (часть 3), 71 (пункт «а», 72 (пункт «к» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации» [18].

«Также Конституционный Суд Российской Федерации указывал на то, что конституционные требования справедливости и соразмерности предопределяют, по общему правилу, необходимость дифференциации юридической ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обусловливающих индивидуализацию при выборе той или иной меры государственного принуждения» [19].

Заключение

Санкция, в данном случае административный штраф, по своей природе является не мерой пополнения бюджета, а мерой воздействия на сознание субъекта для побуждения действовать в модели поведения, задуманной законодателем. Сознание субъекта выступает объектом, на который необходимо произвести воздействие для того, чтобы работала функция превенции.

Необходимо установить дифференциацию при вынесении меры ответственности в виде штрафа, учитывая в совокупности как доходы, так и общее благосостояние субъекта.

Предлагаю расширить границы как верхнего, так и нижнего придела ответственности, учитывая имущественное положение привлекаемого к ответственности лица.

Исходя из предложенной нормы будет реализовываться социальная функция административного наказания, направленная на структурирование и упорядочивание общественных отношений.

Норма по дифференциации могла быть и кумулятивной, учитывая, например, количество одинаковых правонарушений за определенный период.

Самой простой моделью может служить доход в размере минимального размера заработной платы, равный штрафу в 1000 руб., и соответственно штраф выносится кратно к сумме доходов или общего благосостояния.

В ситуации, когда лицо пытается скрыть свое имущественное положение, не имеет доходов или доходы непропорциональны авто, находящемуся в управлении, регистрации авто на третьих лиц при назначении штрафа можно в том числе исходить из стоимости самого автомобиля, а также привлекать к солидарной ответственности лицо, передавшее в управление транспортное средство. Лицо, которое передает источник повышенной опасности в управление третьим лицам, должно адекватно оценивать риски последствий своих действий.

Пристатейный библиографический список

1. В РФ число привлеченных к административной ответственности сократилось за год на 1,4 млн // ТАСС : сайт. URL: https://tass.ru/obschestvo/17047343 (дата обращения: 14.01.2024).

2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2022 года. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022.

3. *Морозова Н. А.* Безальтернативные административные санкции // Журнал российского права. 2019. № 3.

4. *Липинский Д. А., Мусаткина А. А.* Вопросы альтернативных административно-правовых санкций в решениях Конституционного Суда РФ // Административное и муниципальное право. 2017. № 7.

5. *Максимов И. В.* «Соразмерность» как принцип установления и применения административных наказаний // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. Вып. 85.

6. *Катасонов А. В.* Превентивная функция юридической ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010.

7. *Ермолова О. Н.* Цели и функции правового регулирования как основа системы принципов предпринимательской деятельности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 10.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.

9. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3851.

10. *Федосеев В. В.* Социальное расслоение населения России и проблемы формирования среднего класса: состояние и динамика // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 1А.

11. Росстат назвал количество россиян с официальной зарплатой свыше 1 млн // РБК : сайт. URL: https://www.rbc.ru/economics/19/07/2019/5d308b039a79478a848a385f (дата обращения: 14.01.2024).

12. Преступления и наказания Мары Багдасарян // Varlamov.ru : сайт. URL: https://varlamov.ru/2447957.html (дата обращения: 14.01.2024).

13. В Каменском районе впервые оштрафовали пешехода за переход улицы в неположенном месте // РИА Воронеж : сайт. URL: https://riavrn.ru/news/v-kamenskom-rayone-vpervye-oshtrafovali-peshekhoda-za-perekhod-ulitsy-v-nepolozhennom-meste/ (дата обращения: 14.01.2024).

14. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение России 2018 // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/social/osn-12-2018.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

15. *Байрамов Р. Р., Куроптев Н. Б., Семенов А. В.* Социально-экономические предпосылки оптимизации правового обеспечения предупреждения преступле-

ний, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4 (95).

16. Доклад Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева к совещанию судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ 9 февраля 2022 г. // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: https://vsrf.ru/files/30761/ (дата обращения: 14.01.2024).

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

18. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2018 г. № 1692-О (постановления от 25 февраля 2014 г. № 4-П, от 17 февраля 2016 г. № 5-П, от 10 февраля 2017 г. № 2-П и др.).

19. Определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. № 525-О (постановления от 15 июля 1999 г. № 11-П и от 29 июня 2012 г. № 16-П).

References

1. In the Russian Federation, the Number of Those Brought to Administrative Responsibility Decreased over the Year by 1.4 Million. URL: https://tass.ru/obschestvo/17047343 (date of the application: 14.01.2024). (In Russ.)

2. Road Traffic Accident Rate in the Russian Federation for Nine Months of 2022. Information and Analytical Review. Moscow: FKU "NC Road Traffic Safety Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2022. (In Russ.)

3. *Morozov N. A.* Non-Alternative Administrative Sanctions. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 3. (In Russ.)

4. *Lipinskii D. A., Musatkina A. A.* Issues of Alternative Administrative-Legal Sanctions in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Administrative and Municipal Law*, 2017, no. 7. (In Russ.)

5. *Maksimov I. V.* "Proportionality" as a Principle for Establishing and Applying Administrative Penalties. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2012, iss. 85. (In Russ.)

6. *Katasonov A. V.* Preventive Function of Legal Liability: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Kazan, 2010. (In Russ.)

7. *Ermolova O. N.* Goals and Functions of Legal Regulation as the Basis of the System of Principles of Entrepreneurial Activity. *Bulletin of the Kutafin University*, 2016, no. 10. (In Russ.)

8. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30 December 2001 No. 195-FZ (as amended on 25 December 2023). *Rossiiskaia Gazeta*, 31 December 2001, no. 256. (In Russ.)

9. Federal Law of 23 June 2016 No. 182-FZ "On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2016, no. 26 (part 1), art. 3851. (In Russ.)

10. *Fedoseev V. V.* Social Stratification of the Population of Russia and Problems of the Formation of the Middle Class: State and Dynamics. *Theories and Problems of Political Research*, 2017, vol. 6, no. 1A. (In Russ.)

11. Rosstat Named the Number of Russians with an Official Salary of over 1 million. URL: https://www.rbc.ru/economics/19/07/2019/5d308b039a79478a848a385f (date of the application: 14.01.2024). (In Russ.)

12. Crimes and Punishments of Mary Bagdasarian. URL: https://varlamov.ru/2447957.html (date of the application: 14.01.2024). (In Russ.)

13. In the Kamensky District, for the First Time, a Pedestrian Was Fined for Crossing the Street in the Wrong Place. URL: https://riavrn.ru/news/v-kamenskom-rayone-vpervye-oshtrafovali-peshekhoda-za-perekhod-ulitsy-v-nepolozhennom-meste/ (date of the application: 14.01.2024). (In Russ.)

14. Federal State Statistics Service. Socio-Economic Situation in Russia 2018. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/social/osn-12-2018.pdf (date of the application: 14.01.2024). (In Russ.)

15. *Bairamov R. R., Kuroptev N. B., Semenov A. V.* Socio-Economic Prerequisites for Optimizing the Legal Support for the Prevention of Crimes Related to Evasion of Customs Duties. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no 4 (95). (In Russ.)

16. Report of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation V. M. Lebedev for the Meeting of Judges of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts of the Russian Federation on 9 February 2022. URL: https://vsrf.ru/files/30761/ (date of the application: 14.01.2024). (In Russ.)

17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24 March 2005 No. 5 "On Some Issues That Arise for Courts When Applying the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses." (In Russ.)

18. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17 July 2018 No. 1692-O (resolutions of 25 February 2014 No. 4-P, of 17 February 2016 No. 5-P, of 10 February 2017 No. 2-P, etc.). (In Russ.)

19. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27 February 2018 No. 525-O (resolutions of 15 July 1999 No. 11-P and 29 June 2012 No. 16-P). (In Russ.)

Сведения об авторе:
Ю. А. Слепухин – старший преподаватель.

Information about the author:
Yu. A. Slepukhin – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 23.01.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 23.01.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 608.3
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-166-178

ОБЩИЕ ОБЯЗАННОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОПАСНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ*

Анастасия Олеговна Филатова[1]

Наталья Евгеньевна Сапельченко[2]

[1] Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 248021, Россия, г. Калуга, ул. Московская, д. 256а

[1,2] Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 117418, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21

[1] fltvnastja@rambler.ru

[2] vasilieva-n@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются обязанности организаций в России в области биологической безопасности на основе анализа конституционно-правовых норм, трудовых норм, а также сложившихся в науке подходов. Кроме того, на основе анализа локального нормативного регулирования и правоприменительной практики изучается реализация отдельных обязанностей организаций в области обеспечения биологической безопасности работников. Цель исследования: определить взаимосвязи конституционного права на охрану здоровья и прав работников в области охраны труда с обязанностями организаций в области обеспечения биологической безопасности. Методологическую основу работы составили подходы диалектической теории познания, общие приемы исследования правовых явлений в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Авторы обосновывают наличие широкого перечня и различных оснований для классификации обязанностей организаций в области обеспечения биологической безопасности, а также их непосредственную взаимосвязь с реализа-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00113 (https://rscf.ru/project/23-28-00113/).

цией гражданами конституционного права на охрану здоровья, комплексного права на биологическую безопасность, прав работников в области охраны труда.

Ключевые слова: биологическая безопасность; обязанности организаций в области обеспечения биологической безопасности; биологическая безопасность работников.

Для цитирования: *Филатова А. О., Сапельченко Н. Е.* Общие обязанности организаций по обеспечению безопасности сотрудников от воздействия опасных биологических факторов // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 166–178. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-166-178

Research Article

GENERAL RESPONSIBILITIES OF ORGANIZATIONS TO ENSURE THE SAFETY OF EMPLOYEES FROM EXPOSURE HAZARDOUS BIOLOGICAL FACTORS*

Anastasia O. Filatova[1]

Natalia E. Sapelchenko[2]

[1] Kaluga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 256a Moskovskaa St., Kaluga, 248021, Russia

[1,2] Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 51/21 Nakhimovskii Ave., Moscow, 117418, Russia

[1] fltvnastja@rambler.ru

[2] vasilieva-n@inbox.ru

Abstract

The article examines the responsibilities of organizations in Russia in the field of biological safety based on an analysis of constitutional and legal norms, labor standards, as well as established approaches in science. In addition, based on an analysis of local regulatory regulation and law enforcement practice, the implementation of individual responsibilities of organizations in the field of ensuring the biological safety of workers is examined. Purpose of the study: to determine the relationship between the constitu-

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00113 (https://rscf.ru/project/23-28-000113/).

tional right to health protection and the rights of workers in the field of labor protection with the responsibilities of organizations in the field of ensuring biological safety. The methodological basis of the study was the approaches of the dialectical theory of knowledge, general techniques for studying legal phenomena in their interrelation and interdependence. The authors substantiate the existence of a wide list and various grounds for classifying the responsibilities of organizations in the field of ensuring biological safety, as well as their direct relationship with the implementation by citizens of the constitutional right to health protection, the comprehensive right to biological safety, and the rights of workers in the field of labor protection.

Keywords: biological safety; responsibilities of organizations in the field of ensuring biological safety; biological safety of workers.

For citation: *Filatova A. O., Sapelchenko N. E.* General Responsibilities of Organizations to Ensure the Safety of Employees from Exposure Hazardous Biological Factors. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 166–178. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-166-178

Введение

В теории конституционного права обязанности организаций редко выступают предметом исследований. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что традиционно обязанности как правовая категория и их виды раскрываются в контексте правового статуса личности и соответственно большее внимание уделяется непосредственно обязанностям человека и гражданина. Вместе с тем этот вопрос является одним из актуальных [1, с. 65–70], а в условиях существования биологических вызовов и угроз система обязанностей организаций, с нашей точки зрения, выступает как важнейшее условие законности и гарантия обеспеченности ряда конституционных прав граждан.

Конституционное право на охрану здоровья тесно связано с обеспечением биологической безопасности населения от воздействия опасных биологических факторов. Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о биологической безопасности) каждый гражданин Российской Федерации имеет право на охрану своего здоровья и окружающей его среды от воздействия опасных биологических факторов. В связи с этим задачей современного правового регулирования является предупреждение и профилактика распространения опасных биологических угроз, зачастую проявляющихся в виде инфекционных заболеваний [2, с. 53–60]. Для минимизации биологических рисков и угроз важное значение имеет надлежащее исполнение организациями обязанностей в области обеспечения биологической безопасности, поскольку реализация субъективного права человека на биологическую безопасность зависит как от должного исполнения полномочий органами публичной власти, так и от соблюдения законодательства и выполнения законодательно определенных обязанностей всеми иными орга-

низациями как субъектами правоотношений в области обеспечения биологической безопасности[1].

В сфере биологической безопасности организации являются специфическими субъектами правоотношений. Они выступают коллективными субъектами и обладают организационной формой [3, с. 36–37]. Однако в ФЗ о биологической безопасности не содержится конкретизации относительно того, какие именно организации попадают под регулирование данного закона. Это создает правовую неопределенность, особенно в контексте правовой нормы, изложенной в ст. 7 указанного Закона, отсылающей к общим обязанностям организаций без их конкретизации. В результате под действие закона могут подпадать как коммерческие организации, ведущие предпринимательскую деятельность, так и некоммерческие организации, включая общественные объединения. Такой широкий круг субъектов, не конкретизированный напрямую в законе, расширяет список возможных участников правоотношений, что затрудняет мониторинг применения законодательных норм и может создавать проблемы в обеспечении биологической безопасности населения. Так, на основе Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и по аналогии с Федеральным законом от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» можно утверждать, что в качестве субъектов правоотношений в области биологической безопасности выступают также общественные организации и даже политические партии. Эти субъекты могут активно участвовать в реализации прав населения на безопасную окружающую среду, в том числе посредством внесения предложений в органы публичной власти.

В ст. 7 ФЗ о биологической безопасности закрепляются только две обязанности организаций, перечень которых в данной статье является исчерпывающим, а сама норма отсылочной:

во-первых, организации обязаны соблюдать нормы законодательства Российской Федерации по обеспечению биологической безопасности;

во-вторых, предоставлять в порядке, установленном Правительством РФ, информацию (сведения) о реализуемых научных исследованиях в области биологической безопасности.

Формулировка первой обязанности в контексте биологической безопасности представляется слишком обобщенной и конкретно не определенной. Вместо четкого указания на конкретные действия и меры, которые должны предпринимать организации, правовая норма отсылает к специальному законодательству, регулирующему смежные по отношению к биологической безопасности правоотношения: в области санитарно-эпидемиологического благополучия, в области охраны окружающей среды, в области генно-инженерной деятельности и другие. Такая формулировка создает неоправданно широкий круг субъектов, ответственных за обеспечение биологической безопасности, что может привести к неисполнению обязанностей и затруднить контроль за применением правовых норм.

[1] В статье авторы к организациям как субъектам правоотношений относят государственные и негосударственные организации, Российское государство в целом, а учитывая, что негосударственные организации в настоящее время весьма многочисленны и неоднородны, в рамках рассматриваемой статьи исходят из того, что субъектом права организации являются только тогда, когда обладают статусом юридического лица.

Представляется, что для предотвращения подобных последствий необходимо классифицировать обязанности организаций на общие и специальные. Под общими обязанностями следует понимать основополагающие требования, направленные на обеспечение биологической безопасности. Подобные требования предъявляются ко всем организациям, в которых осуществляют свою деятельность люди. Реализация данной группы законодательных обязанностей сводится к должному исполнению работодателем и администрацией организации своих обязанностей по обеспечению биологической безопасности и безопасных условий труда по отношению к работникам. В связи с этим рассмотрение общих обязанностей организаций должно быть основано на анализе трудовых правоотношений, складывающих в области обеспечения биологической безопасности работников в организации любой формы. К таким обязанностям следует относить:

– соблюдение обязанностей в сфере охраны здоровья граждан;

– соблюдение обязанностей в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Специальные обязанности организаций стоит выделять зависимости от конкретного типа деятельности, степени риска и условий, в которых работают организации. Например, технические регламенты ЕАЭС или Таможенного союза могут устанавливать специальные требования по обращению с патогенными биологическими агентами, хранению опасных биологических материалов, а также по проведению профилактических и противоэпидемических мероприятий. Законодатель классифицирует их в ст. 7 ФЗ о биологической безопасности в зависимости от влияния конкретного вида биологического фактора на шесть основных видов:

– соблюдение обязанностей, предусмотренных ветеринарным законодательством Российской Федерации;

– соблюдение обязанностей в области карантина растений;

– соблюдение законодательства в области охраны окружающей среды;

– соблюдение законодательства Российской Федерации в области генно-инженерной деятельности;

– соблюдение обязанностей, предусмотренных правом Евразийского экономического союза (к примеру, биологическая безопасность промышленных товаров и воды).

Перечисленные обязанности относятся исключительно к организациям, определяемым как субъекты специальной деятельности. К примеру, организациями – субъектами отношений в области генно-инженерной деятельности выступают медицинские организации различной организационно-правовой формы, научно-исследовательские лаборатории, а также организации, осуществляющие хранение биоматериала, т.е. биобанки и др., исполняющие производственные обязанности по недопущению распространения таких биологической угроз как проектирование и создание патогенов с помощью технологий синтетической биологии или применение биологических технологий и иных смежных технологий для разработки, производства и использования патогенов в качестве биологического оружия.

1. Обязанности организаций в сфере охраны здоровья граждан

К числу опасных биологических факторов, возле которых аккумулируются общие обязанности организаций, стоит относить два фактора: возникновение и распространение новых инфекций, занос и распространение редких и (или) ранее не встречавшихся на территории Российской Федерации инфекционных и паразитарных болезней, возникновение и распространение природно-очаговых, возвращающихся и спонтанных инфекций, а также распространение инфекций, являющихся основной причиной смертности от инфекционных заболеваний.

Первоочередными обязанностями в реализации данных мер представляются обязанности работодателя в сфере охраны здоровья граждан. Охрана здоровья ориентирована на поддержание общего здоровья населения, включая лечение и профилактику широкого спектра заболеваний. Исполнение данных обязанностей охватывает решение широкого круга вопросов, связанных с общим состоянием здоровья населения: от медицинской помощи до обеспечения безопасных условий труда. К организациям, осуществляющим общие обязанности в сфере охраны здоровья граждан, относятся юридические лица любой организационно-правовой формы, где осуществляются трудовые правоотношения.

В Российской Федерации правовое регулирование в рассматриваемой области определяется Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральным законом от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», Трудовым кодексом РФ, Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и др. Большое значение имеют постановления Правительства РФ и приказы Министерства здравоохранения РФ, к примеру постановление Правительства РФ от 24 февраля 2021 г. № 2464 «О Порядке обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда работников», приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 декабря 2020 г. № 988н/1420-н «Об утверждении перечня вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные медицинские осмотры при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры» и др.

Предопределяя логику законодателя по разграничению обязанностей организаций в сфере охраны здоровья и в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, стоит отметить, что данные группы обязанностей соотносятся между собой, однако имеют разные направления осуществления. Представляется, что в сфере охраны здоровья согласно ст. 24 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» работодатели обязаны обеспечивать условия для прохождения работниками различных видов медицинских осмотров и диспансеризации, мониторинг профессиональных рисков и опасностей, обеспечение безопасных условий труда, включая выдачу средств индивидуальной защиты, принятие мер по предотвращению аварийных ситуаций.

С обязанностью работодателей по охране здоровья связаны обязанности в области охраны труда. В ст. 214 Трудового кодекса РФ закрепляются обязанности работодателя, некоторые из них стоит относить к обязанностям по охране здоровья.

К ним относится: систематическое выявление опасностей и профессиональных рисков, их регулярный анализ и оценку; разработку мер, направленных на обеспечение безопасных условий и охраны труда, оценку уровня профессиональных рисков перед вводом в эксплуатацию производственных объектов, вновь организованных рабочих мест; приобретение за счет собственных средств и выдачу средств индивидуальной защиты и смывающих средств, прошедших подтверждение соответствия в установленном законодательством Российской Федерации о техническом регулировании порядке, в соответствии с требованиями охраны труда и установленными нормами работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на работах, выполняемых в особых температурных условиях или связанных с загрязнением; организацию контроля за состоянием условий труда на рабочих местах, соблюдением работниками требований охраны труда, а также за правильностью применения ими средств индивидуальной и коллективной защиты; организацию проведения за счет собственных средств обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров, принятие мер по предотвращению аварийных ситуаций, сохранению жизни и здоровья работников при возникновении таких ситуаций, а также по оказанию первой помощи пострадавшим и др.

Вопрос о соблюдении обязанностей работодателями в области охраны здоровья граждан, а также дополнительных обязательств, направленных на недопущение распространения новой коронавирусной инфекции, широко изучался отечественными исследователями в период пандемии 2020 г. [4, с. 38–49]. На основе анализа судебной практики стоит отметить, что отдельные проблемы по обеспечению охраны здоровья граждан работодателями вызваны отказом работодателей в обеспечении работников средствами индивидуальной защиты за счет финансовых средств организации [5].

Исходя из анализа судебных решений и имеющегося опыта организации трудовой деятельности в период распространения короновирусной инфекции, в целях профилактики распространения отдельных видов заболеваний и установления дополнительных мер по обеспечению безопасности работников, включая обязательное ношение масок и перчаток на рабочем месте, работодатели (организации) должны принимать соответствующие внутренние локальные акты.

Как представляется, с целью недопущения и профилактики распространения новых заболеваний в постэпидемический период эффективной мерой локального регулирования является определение в локальном нормативно-правом акте организации порядка выдачи средств индивидуальной защиты и контроль за их использованием; мер по предотвращению профессиональных заболеваний и минимизации рисков, связанных с вредными и опасными производственными факторами, проведение ежедневных осмотров, как в случае распространения инфекционного заболевания на территории конкретной организации, так и сложной эпидемиологической обстановки. Для правильного оформления обязательства работников носить маски и перчатки, работодатель должен издать приказ или внести соответствующие изменения в локальные нормативные акты, а также указать: основание для выдачи масок и перчаток (ссылки на требования органов здравоохранения или санитарных правил, которые предписывают необходимость использования средств

защиты в условиях пандемии), необходимое количество масок и перчаток для каждого работника в зависимости от продолжительности рабочего дня и особенностей работы, ответственных лиц за выдачу средств индивидуальной защиты (определить сотрудников, которые будут отвечать за своевременное обеспечение работников средствами защиты и контролировать их наличие), форму выдачи и регистрации СИЗ (разработать систему учета и контроля за выдачей масок и перчаток, ведение соответствующей документации). Как отмечает М. А. Драчук, локальные нормативные акты, принимаемые работодателем, являются способом восполнения пробелов и конкретизации правовых норм трудового законодательства, при этом работодатель должен руководствоваться принципами правового регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений [6, с. 92–107].

2. Соблюдение обязанностей в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения

Санитарно-эпидемиологическое благополучие направлено на предотвращение и контроль распространения инфекционных заболеваний. Обязанности организаций в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения, согласно ст. 11 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», включают в себя: выполнение требований санитарного законодательства, а также постановлений, предписаний осуществляющих федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор должностных лиц; разработку и проведение санитарно-противоэпидемических мероприятий; обеспечение безопасности для здоровья человека выполняемых работ и оказываемых услуг; осуществление производственного контроля за соблюдением санитарно-эпидемиологических требований и проведение санитарно-противоэпидемических мероприятий при выполнении работ и оказании услуг; проведение работ по обоснованию безопасности для человека новых видов продукции и технологии ее производства, критериев безопасности и безвредности факторов среды обитания и разрабатывать методы контроля за факторами среды обитания и другие.

В период *COVID*-19 региональными нормативно-правовыми актами вводились дополнительные обязательства работодателей в области санитарно-эпидемиологического благополучия на территории субъекта Российской Федерации. А. В. Ярош отмечает, что наиболее распространенными в региональном правовом регулировании обязательствами работодателей стали: измерение температуры тела работникам на рабочих местах и отстранение работников с повышенной температурой, обеспечение дезинфекции помещений, где находился заболевший, оказание содействие работникам в обеспечении соблюдения режима самоизоляции на дому, обеспечение перевода определенных категорий работников на дистанционный режим [7, с. 87].

Вместе с тем нормативно определенные обязательства работодателей не всеми работниками были восприняты как способ борьбы с распространением заболевания. Рассматривая жалобу о правомерности отстранения гражданина, работающего на промышленном предприятии и не предоставившему работодателю информацию о проведенной вакцинации против новой короновирусной инфекции, Конституционный Суд РФ отметил, что ч. 1 ст. 76 Трудового кодекса РФ, п. 2

ст. 5 Федерального закона от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», п. 1 ст. 11 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» во взаимосвязи друг с другом выступают элементами правового механизма, направленного на предотвращение и устранение возникающих в связи с эпидемическими заболеваниями рисков для жизни и здоровья граждан, и не могут расцениваться как нарушающие их конституционные права [8]. Также предусмотренные п. 2 ст. 5 Федерального закона от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» правовые последствия отсутствия профилактических прививок в виде отстранения от работы граждан, занятых на работах, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями, установлены исходя из необходимости сохранения здоровья таких категорий работников в процессе трудовой деятельности, а также обеспечения здоровья и безопасности других лиц.

В настоящее время в целях профилактики распространения инфекционных заболеваний и воспитания гигиенической культуры Главным санитарным врачом Российской Федерации введены в действие ряд санитарных правил. Наиболее значимыми из них являются СанПин 1.1.1058-01 «Организация и проведение производственного контроля за соблюдением санитарных правил и выполнением санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий», Санитарные правила СП 2.2.3670-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям труда, Санитарные правила и нормы СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней».

В условиях пандемии (например, *COVID*-19) меры дисциплинарной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологического законодательства могут быть усилены в связи с повышенными рисками для здоровья работников и населения в целом [7, с. 87]. Зарубежными исследователями отмечается, что рабочее место является средой высокого риска для распространения короновирусной инфекции, в связи с чем усиление ответственности в данной области является важным компонентом по предотвращению передачи патогенов на рабочем месте [9].

Работодатель обязан вводить дополнительные требования, касающиеся санитарной безопасности, такие как обязательное ношение масок, регулярная дезинфекция рабочих мест и контроль за соблюдением социальной дистанции. Нарушение этих требований рассматривается как нарушение трудовой дисциплины и может повлечь за собой соответствующие меры дисциплинарного взыскания. Важно отметить, что работодатель, не обеспечивший соблюдение санитарно-эпидемиологических норм на рабочем месте, может также быть привлечен к ответственности – как административной, так и уголовной, в зависимости от последствий [10].

В постэпедимиологический период важнейшим документом для реализации указанных требований санитарно-эпидемиологического законодательства должен стать приказ работодателя об утверждении программы организации и проведения производственного контроля за соблюдением санитарных правил и выполнением санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий. Целью приказа является обсечение постоянного мониторинга и контроля за соблюдением требо-

ваний санитарно-эпидемиологического законодательства на предприятии, что позволит своевременно выявлять и устранять возможные нарушения, предотвращая риски для здоровья работников и окружающей среды. Данный приказ должен содержать меры по: организации и проведению производственного контроля за соблюдением санитарных правил и норм (СанПиН); регулярной проверке условий труда и безопасности работников, а также санитарного состояния рабочих мест; внедрению санитарно-противоэпидемических мероприятий, направленных на предотвращение распространения инфекционных заболеваний. В рамках этого приказа на основании санитарных правил и норм, а также практики правоприменения должны быть включены пункты, касающиеся мер предосторожности в условиях повышенной готовности, например: обязательная вакцинация сотрудников в случае угрозы распространения опасных инфекционных заболеваний, ношение масок и использование других средств индивидуальной защиты в периоды эпидемий, соблюдение социальной дистанции на рабочих местах и в зонах общего пользования. Положительным примером локального регулирования данных вопросов являются приказы институтов (филиалов) Всероссийского государственного университета юстиции «Об утверждении Программы организации и проведения производственного контроля за соблюдением санитарных правил и выполнением санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий», в которых определяется обязанности должностных лиц в области проведения производственного контроля, в том числе и отдельные мероприятия в период ухудшения эпидемической ситуации [11].

Еще одним ключевым актом в данной области могла бы стать утвержденная работодателем программа профилактики заболеваний и формирования здорового образа жизни среди сотрудников. В предполагаемой программе стоит охватить следующие направления: организацию и проведение профилактических мероприятий, направленных на предотвращение инфекционных и неинфекционных заболеваний, проведение санитарно-просветительской работы и внедрение программ по формированию здорового образа жизни, таких как пропаганда физической активности, здорового питания и отказа от вредных привычек.

Представляется, что введение данных мер на уровне локального нормативно-правового регулирования поможет минимизировать риск распространения инфекции среди сотрудников и способствовать обеспечению безопасных условий труда.

Заключение

Общие обязанности организаций в области обеспечения биологической безопасности характерны для организаций всех организационно-правовых форм вне зависимости от вида деятельности и включает в себя: соблюдение обязанностей в сфере охраны здоровья граждан и соблюдение обязанностей в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Фактически, реализация данной группы законодательно определенных обязанностей сводится к должному исполнению работодателем и администрацией организации своих обязанностей по обеспечению биологической безопасности и безопасных условий труда по отношению к работникам. В связи с этим в данной научной статье был воспроизведен анализ основных и дополнительных обязанностей работода-

телей, направленных на предотвращение заноса и распространение инфекционных заболеваний в организации.

Классификация обязанностей на общие и специальные, как представляется авторам, позволит более эффективно регулировать вопросы биологической безопасности, учитывая, как универсальные меры профилактики для всех организаций, так и специфические меры для отдельных видов производств. Такой подход способствует четкому разграничению ответственности и созданию условий для эффективной защиты здоровья населения и окружающей среды от биологических угроз.

В целях обеспечения сохранения здоровья работников и поддержания санитарно-эпидемиологического благополучия в организации представляется оправданным издание следующих локальных нормативно-правовых актов: приказ об обеспечении мер по охране здоровья работников, приказ об утверждении программы организации и проведения производственного контроля за соблюдением санитарных правил и выполнения санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, приказ об утверждении программы профилактики инфекционных и неинфекционных заболеваний и проведении мероприятий по формированию здорового образа жизни работников. При этом в рамках второго приказа, на основании санитарных правил и норм, а также правоприменительной практики, образовавшейся в условиях коронавирусной инфекции, должны быть включены дополнительные обязательства работодателя, должностных лиц организации, а также работников в условиях ухудшения эпидемиологической обстановки.

Четко выстроенная система локального правового регулирование позволит обеспечить комплексный подход к профилактике заболеваний на предприятии, поспособствует укреплению здоровья сотрудников и снижению уровня заболеваемости, что в свою очередь приведет к повышению общей эффективности труда и снижению рисков инфекционных заболеваний в организации.

Пристатейный библиографический список

1. *Алешкова И. А.* К вопросу о классификации и системе обязанностей граждан в области обеспечения биологической безопасности // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 7.

2. *Гафуров Н. Н.* Противоэпидемические мероприятия при чрезвычайных ситуациях, связанных с неизвестными инфекциями // Столица науки. 2020. № 5 (22).

3. *Суховская М. Г.* Измерение температуры персоналу и клиентам из-за коронавируса // Главная книга. 2020. № 8.

4. *Филатова А. О.* Право на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов и формирование государственной информационной системы в области обеспечения биологической безопасности в Российской Федерации // Пролог. 2023. № 4 (40).

5. Решение Басманного районного суда г. Москвы от 24 апреля 2019 г. по гражданскому делу № 2-1825/19 по иску военной прокуратуры гарнизона в интересах Куличенко Е. Э к ФГБОУ «Центральное жилищно-коммунальное управле-

ние» Министерства обороны Российской Федерации об обязании осуществить закупку и выдать в течение двух месяцев со дня вступления решения суда в законную силу средства индивидуальной защиты // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы : сайт. URL: https://mosgorsud.ru/search?formType=shortForm&courtAlias=&uid=&instance=&processType=&letterNumber=&caseNumber=02-1825%2F19&participant (дата обращения: 31.08.2024).

6. *Драчук М. А.* Компетенция работодателя по вопросу принятия локальных нормативных актов // Ежегодник трудового права. 2022. № 12.

7. *Ярош А. В.* Роль работодателя в сохранении здоровья своих работников в условиях распространения COVID-19 // Образование и право. 2020. № 4.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 1504-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Санникова Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 65, 76 и 88 Трудового кодекса Российской Федерации, а также ряда федеральных законов» // СПС «Гарант».

9. *Ingram C., Downey V., Roe M., Chen Y. et al.* COVID-19 Prevention and Control Measures in Workplace Settings // MDPI : сайт. URL: https://www.mdpi.com/1660-4601/18/15/7847 (дата обращения: 31.08.2024).

10. Решение Ижморского районного суда Кемеровской области от 19 февраля 2024 г. по делу № 12-6/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/82QIT53x88Nt/ (дата обращения: 31.08.2024).

11. Приказ Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) от 22 июля 2024 г. № 03-03/84 «Об утверждении Программы организации и проведения производственного контроля за соблюдением санитарных правил и выполнением санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий» // Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) : сайт. URL: https://kaluga.rpa-mu.ru/lokalnyj-normativ (дата обращения: 31.08.2024).

References

1. *Aleshkova I. A.* On the Classification and System of Duties of Citizens in the Field of Biological Safety. *Gaps in Russian Legislation*, 2023, vol. 16, no. 7. (In Russ.)

2. *Gafurov N. N.* Anti-Epidemic Measures in Emergency Situations Related to Unknown Infections. *Capital of Science*, 2020, no. 5 (22). (In Russ.)

3. *Sukhovskaia M. G.* Temperature Measurement for Staff and Clients Due to Coronavirus. *Main Book*, 2020, no. 8. (In Russ.)

4. *Filatova A. O.* The Right to Receive Information on the State of Protection of the Population and the Environment from the Effects of Dangerous Biological Factors and the Formation of a State Information System in the Field of Biological Safety in the Russian Federation. *Prologue*, 2023, no. 4 (40). (In Russ.)

5. Decision of the Basmanny District Court of Moscow of 24 April 2019 in Civil Case No. 2-1825/19 on the Claim of the Military Prosecutor's Office of the Garrison in the Interests of Kulichenko E. E. to the Federal State Budgetary Educational Institution "Cen-

tral Housing and Communal Administration" of the Ministry of Defense of the Russian Federation on the Obligation to Purchase and Issue Within Two Months from the Date of Entry into Force of the Court Decision Personal Protective Equipment. URL: https://mosgorsud.ru/search?FormType=shortForm&courtAlias=&uid=&instance=&ProcessType=&letterNumber=&CaseNumber=02-1825%2F19&participant (date of the application: 31.08.2024). (In Russ.)

6. *Drachuk M. A.* Competence of the Employer on the Issue of Adoption of Local Regulations. *Yearbook of Labor Law*, 2022, no. 12. (In Russ.)

7. *Iarosh A. V.* The Role of the Employer in Maintaining the Health of its Employees in the Conditions of the Spread of COVID-19. *Education and Law*, 2020, no. 4. (In Russ.)

8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 June 2024 No. 1504-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Viktor Alexandrovich Sannikov for Violation of His Constitutional Rights by the Provisions of Articles 65, 76 and 88 of the Labor Code of the Russian Federation, as Well as a Number of Federal Laws" (SPS "Garant"). (In Russ.)

9. *Ingram C., Downey V., Roe M., Chen Y. et al.* COVID-19 Prevention and Control Measures in Workplace Settings. URL: https://www.mdpi.com/1660-4601/18/15/7847 (date of the application: 31.08.2024).

10. Decision of the Izhmorsky District Court of the Kemerovo Region of 19 February 2024 in Case No. 12-6/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/82QIT53x88Nt/ (date of the application: 31.08.2024). (In Russ.)

11. Order of the Kaluga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice of 22 July 2024 No. 03-03/84 "On Approval of the Program for the Organization and Conduct of Industrial Control over Compliance with Sanitary Rules and the Implementation of Sanitary and Anti-epidemic (Preventive) Measures". URL: https://kaluga.rpa-mu.ru/lokalnyj-normativ (date of the application: 31.08.2024). (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. О. Филатова – кандидат юридических наук, доцент.

Н. Е. Сапельченко – старший библиограф.

Information about the authors:

A. O. Filatova – PhD in Law, Associate Professor.

N. E. Sapelchenko – Senior Bibliographer.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 04.09.2024; принята к публикации 12.09.2024.

The article was submitted to the editorial office 02.09.2024; approved after reviewing 04.09.2024; accepted for publication 12.09.2024.

Научная статья
УДК 336.5
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-179-188

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА ПУТЕМ ЗАКУПКИ У ЕДИНСТВЕННОГО ПОСТАВЩИКА

Софья Рафиковна Гурьева

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

rpa@rpa-mjust.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы, возникающие в доктрине и правоприменительной практике в связи с осуществлением закупки у единственного поставщика. Автор на основании анализа законодательства и правоприменительной практики рассматривает особенности применения отдельных оснований закупки у единственного поставщика, в частности, закупку у субъектов естественных монополий, малые закупки и закупки в чрезвычайных обстоятельствах. В работе также дается квалификация отдельным действиям заказчиков, направленным на обход положений законодательства о контрактной системе, в частности, дробление закупки. В статье использованы формально-догматический, системный и специальный методы.

Ключевые слова: государственный контракт; публичные закупки; закупка у единственного поставщика; дробление закупки; непреодолимая сила; естественные монополии.

Для цитирования: *Гурьева С. Р.* Некоторые вопросы заключения государственного (муниципального) контракта путем закупки у единственного поставщика // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 179–188. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3- 179-188

Research Article

SOME ISSUES OF CONCLUDING A STATE (MUNICIPAL) CONTRACT BY PURCHASING FROM A SINGLE SUPPLIER

Sofya R. Gurieva

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

rpa@rpa-mjust.ru

Abstract

The article examines current issues arising in the doctrine and law enforcement practice in connection with the implementation of procurement from a single supplier. The author, based on the analysis of legislation and law enforcement practice, examines the specifics of the application of individual grounds for procurement from a single supplier, in particular, procurement from natural monopoly entities, small purchases and procurement in emergency circumstances. The work also provides a qualification of individual actions of customers aimed at circumventing the provisions of the legislation on the contract system, in particular, fragmentation of procurement. The article uses formal dogmatic, systematic and special methods.

Keywords: government contract; public procurement; procurement from a single supplier; fragmentation of procurement; force majeure; natural monopolies.

For citation: *Guryeva S. R.* Some Issues of Concluding a State (Municipal) Contract by Purchasing from a Single Supplier. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 179–188. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-179-188

Введение

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] (далее – Закон о контрактной системе) в качестве общего правила предусматривает необходимость осуществления закупок с использованием конкурентных процедур. Это объясняется тем, что проведение конкурентных процедур способствует развитию конкуренции, что в конечном счете ведет к повышению эффективности закупок. Непроведение публичных конкурентных процедур, когда это необходимо в силу закона, свидетельствует о предоставлении необоснованных преимуществ при осуществлении хозяйственной деятельности поставщику (подрядчику, исполнителю) и о возможном достижении соглашения, направленного на ограничение конкуренции [2].

1. Особенности закупки у единственного поставщика

Закупка у единственного поставщика рассматривается в качестве исключения из общего правила. Однако в определенных случаях использование конкурентных процедур невозможно или нецелесообразно. Например, если осуществляется закупка товаров (работ, услуг), которые относятся к сфере естественной монополии, когда кроме субъекта естественной монополии никто исполнить контракт не сможет. В научной литературе подчеркивается, что характерный для контрактной системы принцип обеспечения конкуренции, как и множество других явлений, имеет определенные исключения. В ряде случаев законодатель допускает осуществление закупок минуя конкурентные способы. Такие ситуации являются исключениями и применяются, как правило, в тех случаях, когда проведение конкурентной процедуры является нецелесообразной [3, с. 716].

Из положений законодательства о контрактной системе следует, что для осуществления закупки у единственного поставщика не предусмотрено какой-либо специальной процедуры. М. В. Шмелева подчеркивает: «такой способ закупки товаров, как закупка у единственного поставщика, вообще не предполагает проведение каких-либо юридических процедур. Закупка осуществляется путем простого заключения контракта, т.е. носит одноэтапный характер» [4, с. 408]. А. Е. Кирпичев также пишет, что закупка у единственного поставщика является не какой-либо специальной формой закупки, а результатом обычной договорной работы заказчика [5, с. 169]. Соответственно, закупка у единственного поставщика предполагает процедурно заключение контракта в общем порядке, предусмотренном гражданским законодательством. Заказчик получает больше свободы в выборе контрагента, поскольку не связан процедурой торгов.

В то же время нельзя говорить о том, что заказчик получает полную свободу при заключении государственного контракта, которая имеется у любых других хозяйствующих субъектов. Закупка у единственного поставщика подчинена требованиям закона о контрактной системе, в том числе заказчик в определенных случаях ограничен требованиями к участникам закупок. Так, ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе предусматривает, что при осуществлении закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в случаях, предусмотренных п. 4, 5, 18, 30, 42, 49, 54 и 59 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, заказчик устанавливает единые требования к участникам закупки. Как видно, требования устанавливаются дифференцированно, объяснить это можно тем, что при закупке товара на неконкурентном товарном рынке установление требований к участнику закупки может сделать невозможным приобретение того или иного товара. Однако если закупка осуществляется на сумму, не превышающую 600 тыс. руб., то в такой ситуации вполне логично обязать заказчика заключать контракт с тем участником закупок, который соответствует установленным требованиям.

Также можно отметить, что, согласно ст. 103 Закона о контрактной системе, независимо от избранного способа определения поставщика контракт должен быть включен в реестр контрактов, кроме случаев, прямо установленных законом.

Таким образом, закупка у единственного поставщика хотя процедурно относится к общему порядку заключения договора, однако подчинена тем ограничениям,

которые предусмотрены законодательством о контрактной системе, что само по себе ограничивает свободу усмотрения сторон.

В правоприменительной практике возникает достаточно много неоднозначных ситуаций, которые связаны с оценкой правомерности выбора того или иного способа определения поставщика, которые не имеют четкого ответа в законодательстве, и правоприменители вынуждены оценивать те или иные действия (бездействие) на предмет ограничения конкуренции. Тем самым представляется необходимым рассмотреть наиболее сложные способы определения поставщика с практической и теоретической точек зрения.

2. Закупка у субъектов естественных монополий

В п. 1 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе предусмотрено осуществление закупки у единственного поставщика товара, работы или услуги, которые относятся к сфере деятельности субъектов естественных монополий в соответствии с Федеральным законом от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» [6] (далее – Закон о естественных монополиях), а также услуг центрального депозитария.

Согласно ст. 3 Закона о естественных монополиях, под естественной монополией понимается такое состояние товарного рынка, при котором удовлетворение спроса на этом рынке эффективнее в отсутствие конкуренции в силу технологических особенностей производства (в связи с существенным понижением издержек производства на единицу товара по мере увеличения объема производства), а товары, производимые субъектами естественной монополии, не могут быть заменены в потреблении другими товарами, в связи с чем спрос на данном товарном рынке на товары, производимые субъектами естественных монополий, в меньшей степени зависит от изменения цены на этот товар, чем спрос на другие виды товаров.

Как справедливо подчеркивается в специальной литературе, само по себе создание и поддержание естественных монополий обусловлено сокращением издержек в определенных сферах за счет масштаба производства и исключения конкуренции [7, с. 45]. Л. В. Андреева, говоря о легальном определении естественной монополии, отмечает: «по существу, понятие естественной монополии определено в первой части данного определения, при этом определение основывается не на объективном критерии отнесения состояния рынка к монопольному, а на экономических критериях оказания отдельных видов услуг, их эффективности, поэтому естественную монополию можно рассматривать как весьма условное понятие» [8, с. 18]. Таким образом, цель существования естественной монополии объясняется тем, что такая ситуация на определенных товарных рынках является более экономически обоснованной.

Говоря о закупках у субъектов естественных монополий, требуется разграничивать рынок естественной монополии и субъекта, который там осуществляет деятельность, поскольку субъект естественной монополии потенциально может осуществлять деятельность и на других товарных рынках. В правоприменительной практике есть примеры, когда такие закупки признавали недействительными [9].

Помимо прочего, сферы естественных монополий зачастую пересекаются со смежными сферами, что также может вызвать дополнительные сложности с точки зре-

ния правоприменения. Так, согласно ч. 1 ст. 4 Закона о естественных монополиях, к сферам естественных монополий относятся услуги общедоступной электросвязи и общедоступной почтовой связи. При этом очевидно, что на рынке существует огромное предложение услуг по пересылке корреспонденции и т.д. Арбитражный суд признал неправомерным вывод антимонопольного органа о неверном выборе способа определения поставщика на оказание почтовых услуг. Суд указал, что заказчик на основании п. 1 ч. 1 ст. 9 Закона о контрактной системе вправе заключить контракт с единственным исполнителем на оказание услуг общедоступной почтовой связи. Таким образом, как верно указано судами, при заключении контракта на оказание услуг почтовой связи по пересылке почтовой корреспонденции заказчиком правомерно выбран способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя) [10].

Таким образом, при осуществлении закупки в сфере естественной монополии необходимо учитывать именно сам товарный рынок, а не статус субъекта, а также разграничивать товарные рынки по объекту.

3. Малые закупки

Еще одним основанием закупки у единственного поставщика является так называемая малая закупка до 600 тыс. руб. Формально к данному основанию относится «конкурентная закупка» с использованием электронной площадки, которая регулируется ч. 12 ст. 93 Закона о контрактной системе, однако она будет рассмотрена позднее.

Применение малой закупки ограничивается не только суммой контракта, но и годовым объемом закупок. В целом рассматриваемое положение направлено на предоставление заказчику возможности приобрести небольшие объемы товаров (работ, услуг) оперативно и без существенных издержек на проведение конкурентных процедур.

В правоприменительной практике крайне остро стоит вопрос квалификации дробления «малой закупки». Так как Законом предельная сумма одного контракта установлена в пределах 600 тыс. руб., встречаются такие случаи, когда заказчики оформляют закупку несколькими договорами, каждый из которых не превышает 600 тыс. руб. На практике квалификация таких действий вызывает споры.

Верховный Суд РФ пришел к выводу, что такие действия являются неправомерными, исходя из принципа обеспечения конкуренции и смысла законодательства о закупках. Суд отметил, что заказчик осуществил искусственное дробление объекта закупки, с тем чтобы обойти требование закона о размещении заказа посредством конкурентных процедур и создать формальные условия, предусмотренные подп. 4 п. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, для заключения договоров с единственным поставщиком, когда фактически основания для этого отсутствовали [11].

В правоприменительной практике встречается и противоположная позиция. Так, по мнению ФАС России, само по себе неоднократное приобретение одноименных товаров, работ, услуг у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) с соблюдением требований, установленных п. 4, 5 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, не является нарушением требований Закона о контрактной системе (например, заключение трех договоров от 25 октября 2019 г. на поставку бумаги фор-

мата А4 с единственным поставщиком на сумму 290 тыс. руб. каждый), если такие действия не являются результатом антиконкурентного соглашения (ст. 16 Закона о защите конкуренции) [12].

Позиция судов в данной ситуации видится более обоснованной, так как иначе совершенно отсутствует смысл установления каких-либо лимитов по одной закупке, поскольку заказчик может осуществлять закупку у единственного поставщика в пределах годовых лимитов, что, как представляется, не соответствует смыслу и буквальному содержанию положений закона.

Обоснованность недопустимости дробления «малой закупки» также объясняется теорией взаимосвязанных договоров, которая нашла распространение в отечественной правовой доктрине [13, с. 40–43; 14, с. 52–95]. Категория взаимосвязанных сделок широко используется в банкротном законодательстве, как раз с целью противодействия искусственному дроблению договора на несколько, с целью уклонения от его согласования и т.п. Данный подход следует применять и к закупкам у единственного поставщика.

4. Закупка при наличии чрезвычайных обстоятельств

Еще одним основанием, которое заслуживает внимания, является закупка при наличии каких-либо чрезвычайных обстоятельств. Согласно п. 9 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, осуществление закупок товаров, работ, услуг при необходимости оказания медицинской помощи в неотложной или экстренной форме либо вследствие аварии, обстоятельств непреодолимой силы, для предупреждения (при введении режима повышенной готовности функционирования органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций) и (или) ликвидации чрезвычайной ситуации, для оказания гуманитарной помощи.

Кроме того, законодатель делает оговорку, что заказчик вправе осуществить закупку товара, работы, услуги в количестве, объеме, которые необходимы для оказания такой медицинской помощи либо вследствие таких аварии, обстоятельств непреодолимой силы, для предупреждения и (или) ликвидации чрезвычайной ситуации, для оказания гуманитарной помощи, если применение конкурентных способов, требующих затрат времени, нецелесообразно.

Таким образом, для осуществления указанной закупки у единственного поставщика требуется соблюдение одновременно двух условий: во-первых, наличие соответствующих обстоятельств, во-вторых, только в том случае, если это требуется незамедлительно.

Категория «непреодолимая сила» присуща гражданскому законодательству, но, как отмечает А. В. Габов, сами по себе обстоятельства непреодолимой силы не конкретизированы, что вызывает значительные сложности в правоприменительной практике [15, с. 162]. В п. 3 ст. 401 ГК РФ названы два признака обстоятельств непреодолимой силы: чрезвычайность и непредотвратимость. Указанные понятия раскрываются в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». Так, требова-

ние чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях. Непредотвратимым обстоятельство признается, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий.

И закон, и Верховный Суд РФ используют достаточно абстрактные характеристики, что можно объяснить неоднозначностью данной категории. Как представляется, обстоятельство может быть признано непреодолимой силой, когда оно вызвано не действиями человека, либо косвенно ими вызвано, но в дальнейшем не может ими контролироваться. Например, правоприменительная практика признала обстоятельством непреодолимо силы эпидемию *COVID*-19. Министерство финансов РФ в своем разъяснении отметило, что распространение новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-*NCOV*, является обстоятельством непреодолимой силы, заказчик вправе осуществить закупку у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) на основании п. 9 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе. При этом условие об отсутствии закупаемых товаров, работ, услуг в вышеуказанном перечне применению не подлежит, поскольку такой перечень распространяется исключительно на закупки товаров, работ, услуг для оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера [16].

Применительно к государственным и муниципальным закупкам применение указанного основания возможно только в том случае, если предмет закупки непосредственно связан с обстоятельствами непреодолимой силы, направлен на предотвращение последствий. Так, сам по себе факт пандемии не делает возможным закупку по указанному основанию канцелярских принадлежностей, поскольку отсутствует связь с указанными обстоятельствами.

Заказчики зачастую при выборе данного способа ссылаются на какие-либо обстоятельства, например, срочность выполнения тех или иных работ, необходимость приобретения определенных товаров и т.д. При анализе судебной практики можно наблюдать, что суды в целом негативно оценивают ссылки заявителей на какие-либо внешние обстоятельства, которые могли препятствовать проведению конкурентных процедур. Так, например, суд не принял довод заказчика о том, что администрацией фактически было произведено дробление общего объема работ по ремонту автомобильной дороги в связи с нехваткой времени проводить аукцион и готовить аукционную документацию по причине подготовки к началу уборочной кампании [17]. Аварийное состояние объекта также не рассматривается как обстоятельство, которое позволяет отступить от принципа обеспечения конкуренции [18].

Обратных примеров единицы. Так, можно отметить судебный акт, в котором суд учел обстоятельства, связанные с однократностью закупки и сокращенностью сроков, которые были отведены заказчику для выполнения государственного задания по обеспечению вещевым имуществом сотрудников органов внутренних дел, задействованных в мероприятиях по обеспечению общественной безопасности и охране общественного порядка в период подготовки и проведения в Российской Федерации Чемпионата мира по футболу *FIFA* 2018. При рассмотрении дела было установлено, что лимиты денежных средств, необходимые для закупки необходи-

мого обмундирования (в частности обуви), были доведены до учреждения лишь 26 марта 2018 г., между тем срок выполнения поставленной задачи был ограничен 14 мая 2018 г. Таким образом, учитывая суммарную регламентированную Законом о контрактной системе длительность этапов конкурентных закупочных процедур, суды пришли к выводу об объективной невозможности их проведения в ситуации, при которой потребность в оперативном вещевом обеспечении сотрудников органов внутренних дел имела приоритетное значение [19].

Заключение

Таким образом, правоприменительная практика достаточно строго подходит к оценке действий, связанных с отступлением от требований, связанных с проведением конкурентных процедур. Даже при наличии каких-либо веских причин суды рассматривают действия как ограничивающие конкуренцию, что объясняется наличием в законодательстве достаточно строгих формальных требований к их проведению и ограниченный перечень исключений.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

2. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12 марта 2021 г. № Ф04-6217/2020 по делу № А67-940/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (постатейный) / под ред. Б. Е. Кошелюка. М. : Проспект, 2019.

4. *Шмелева М. В.* Концепция государственных (муниципальных) закупок в Российской Федерации : дис. … докт. юрид. наук. Саратов, 2022.

5. *Кирпичев А. Е.* Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики : монография. М. : РГУП, 2017.

6. Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // СПС «КонсультантПлюс».

7. *Тюленев И. В.* Уточнение понятия «естественная монополия»: первый шаг в реформировании правового регулирования деятельности субъектов естественных монополий // Конкурентное право. 2018. № 4.

8. *Андреева Л. В.* О совершенствовании законодательства о естественных монополиях в интересах потребителей (общие вопросы) // Предпринимательское право. 2010. № 2.

9. Определение Верховного Суда РФ от 20 декабря 2019 г. № 302-ЭС19-23478 по делу № А10-3128/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14 октября 2019 г. № Ф09-6170/19 по делу № А60-2271/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Определение Верховного Суда РФ от 29 апреля 2022 г. № 308-ЭС22-5137 по делу № А15-366/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Письмо ФАС России от 14 ноября 2019 г. № ИА/100041/19 // СПС «КонсультантПлюс».

13. *Кирпичев А. Е.* Категория взаимосвязанных договоров в российском и европейском праве // Гражданское право. 2014. № 2.

14. *Гуна А. Н.* Доктрина взаимосвязанных договоров (linked contracts): сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 11.

15. *Габов А. В.* Непреодолимая сила, коронавирус и решения органов власти, направленные на предотвращение его распространения // Закон. 2020. № 5.

16. Письмо Минфина России от 19 марта 2020 г. № 24-06-06/21324 «Об осуществлении закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) при введении режима повышенной готовности» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2022 г. № 15АП-11746/2022 по делу № А32-47529/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14 января 2020 г. № Ф02-7001/2019 по делу № А78-18155/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29 августа 2019 г. № Ф09-4412/19 по делу № А60-42282/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal Law of 5 April 2013 No. 44-FZ "On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013, no. 14, art. 1652. (In Russ.)

2. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 12 March 2021 No. F04-6217/2020 in Case No. A67-940/2020 (SPS "ConsultantPlus") (In Russ.)

3. *Kosheliuk B. E. (ed.)*. Scientific and Practical Commentary to Federal Law of 5 April 2013 No. 44-FZ "On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs" (Article-by-Article). Moscow: Prospekt, 2019. (In Russ.)

4. *Shmeleva M. V.* The Concept of State (Municipal) Procurement in the Russian Federation: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Saratov, 2022. p. 408. (In Russ.)

5. *Kirpichev A. E.* Entrepreneurial Obligations in the Public Sector of the Economy: Monograph. Moscow: RGUP, 2017. (In Russ.)

6. Federal Law of 17 August 1995 No. 147-FZ "On Natural Monopolies" (SPS "ConsultantPlus") (In Russ.)

7. *Tiulenev I. V.* Clarification of the Concept of "Natural Monopoly": The First Step in Reforming the Legal Regulation of the Activities of Subjects of Natural Monopolies. *Competition Law*, 2018, no. 4. (In Russ.)

8. *Andreeva L. V.* On Improving Legislation on Natural Monopolies in the Interests of Consumers (General Issues). *Entrepreneurial Law*, 2010, no. 2. (In Russ.)

9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 20 December 2019 No. 302-ES19-23478 in Case No. A10-3128/2018 (SPS "ConsultantPlus") (In Russ.)

10. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of 14 October 2019 No. F09-6170/19 in Case No. A60-2271/2019 (SPS "ConsultantPlus") (In Russ.)

11. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 April 2022 No. 308-ES22-5137 in Case No. A15-366/2021 (SPS "ConsultantPlus") (In Russ.)

12. Letter of the FAS of Russia of 14 November No. IA/100041/19 (SPS "ConsultantPlus") (In Russ.)

13. *Kirpichev A. E.* The Category of Interrelated Contracts in Russian and European Law. *Civil Law*, 2014, no. 2. (In Russ.)

14. *Guna A. N.* Doctrine of Interconnected Contracts: Comparative Legal Research. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2021, no. 11. (In Russ.)

15. *Gabov A. V.* Irresistible Force, Coronavirus and Decisions of Authorities Aimed at Preventing its Spread. *Law*, 2020, no. 5. (In Russ.)

16. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 19 March 2020 No. 24-06-06/21324 "On Procurement from a Single Supplier (Contractor, Contractor) When a High-Readiness Regime Is Introduced" (SPS "ConsultantPlus") (In Russ.)

17. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal of 4 August 2022 No. 15AP-11746/2022 in Case No. A32-47529/2021 (SPS "ConsultantPlus") (In Russ.)

18. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of 14 January 2020 No. F02-7001/2019 in Case No. A78-18155/2018 SPS "ConsultantPlus") (In Russ.)

19. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of 29 August 2019 No. F09-4412/19 in Case No. A60-42282/2018 (SPS "ConsultantPlus") (In Russ.)

Сведения об авторе:

С. Р. Гурьева – младший научный сотрудник.

Information about the author:

S. R. Guryeva – Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 29.10.2024.

The article was submitted to the editorial office 01.10.2024; approved after reviewing 29.10.2024; accepted for publication 29.10.2024.

Научная статья
УДК 347.61
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-189-199

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ

Наталия Валерьевна Летова

Институт государства и права и права Российской академии науки,
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

letovanv@mail.ru

Аннотация

Определены значение института медиации в сфере семейных отношений, особенности его применения в целях урегулирования конфликтов в семье, возникающих между членами семьи, выявлены тенденции его применения в нашей стране. Цель исследования – установить правовое и социальное значение института медиации в сфере семейных отношений как одного из способов альтернативного урегулирования споров, возникающих в сфере семейных отношений. Изучение проблематики осуществлялось на основе общенаучных и частнонаучных методов научного познания. Автор доказывает теоретическую и практическую целесообразность применения медиации с учетом отраслевой специфики прав граждан, подлежащих защите, являющиеся предметом их медиативных соглашений.

Ключевые слова: медиация; медиативные соглашения; медиатор; семья; семейные конфликты; дети; защита прав ребенка; члены семьи; судебный порядок разрешения дел; досудебное урегулирование споров; нотариальные соглашения; институт медиации.

Для цитирования: *Летова Н. В.* Медиация как способ урегулирования семейных споров // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 189–199. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-189-199

Research Article

MEDIATION AS A WAY TO RESOLVING FAMILY DISPUTES

Natalia V. Letova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russia

letovanv@mail.ru

Abstract

The significance of the institution of mediation in the sphere of family relations, the features of its application for the purpose of resolving conflicts in the family arising between family members are determined, the trends of its application in our country are revealed. The purpose of the study is to determine the legal and social significance of the institution of mediation in the sphere of family relations as one of the methods of alternative settlement of disputes arising in the sphere of family relations. The study of the problematic was carried out on the basis of the method of general scientific and specific scientific methods of scientific knowledge. The author proves the theoretical and practical feasibility of using mediation, taking into account the industry specifics of the rights of citizens subject to protection, which are the subject of their mediation agreements.

Keywords: mediation; mediation agreements; mediator; family; family conflicts; children; protection of children's rights; family members; judicial procedure for resolving cases; pre-trial dispute resolution; notarial agreements; Institute of Mediation.

For citation: *Letova N. V.* Mediation as a Way to Resolving Family Disputes. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 189–199. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-189-199

Введение

Системные преобразования общественных отношений, появление новых форм, устанавливающих взаимоотношения участников гражданского оборота, потребовали не только нормативных обновлений, но и определения условий их применения в разноотраслевых отношениях. Отношения, возникающие в семье, между членами семьи, не стали исключением, поскольку их структурные преобразования произошли на фоне широкого распространения сугубо цивилистических конструкций (сделки, договоры, соглашения), определяющие их содержание и являющиеся основаниями их возникновения.

Граждане, относящиеся к членам семьи, стали активно заключать самые разные соглашения, направленные на решение как личных неимущественных, так и имущественных вопросов, что привело к расширению их границ и увеличению их доли в сфере семейных отношений.

К числу таких соглашений относятся медиативные, которые стали применяться благодаря появлению института медиации, ранее неизвестному российскому правопорядку, назначение которого состоит в предоставленной законом возможности урегулировать семейный спор в досудебном порядке. Трансформация социально-экономических отношений потребовала определения условий, позволяющих применять такие новые формы урегулирования разногласий, возникающих между членами семьи, что послужило основанием для принятия не только специального закона о медиации, но и потребовало их эффективного его применения на практике с тем, чтобы создать условия для широкого распространения медиации в нашей стране [1].

1. Медиация как альтернативный способ урегулирования споров в семье: особенности применения

Поступательное развитие общественных отношений с участием лиц, имеющих статус члена семьи, предопределили их высокую вовлеченность в сферу гражданского оборота, что явилось основанием для появления новых форм их взаимодействия. Принятие закона о медиации направлено на развитие так называемых альтернативных способов разрешения споров, возникающих в сфере семейных отношений. Основная цель применения медиации состоит в создании таких предпосылок и условий, наличие которых позволило бы сторонам конфликта обратиться к посреднику (медиатору) за помощью разрешить такой спор с тем, чтобы по возможности минимизировать затраты сторон (временные, финансовые), связанные с процедурой разбирательства в судебном порядке. Особое отношение к институту медиации в разрешении споров, возникающих в самых разных сферах жизни каждого гражданина, включая семейную, было высказано Президентом страны В. Путиным в 2011 г. [2].

Тенденции развития современного общества привели к тому, что лица, находящиеся в браке, стали заключать самые разные виды сделок, договоров, соглашений, условия которых стали причиной возникновения разнообразных споров между сторонами, что потребовало их разрешения на практике в целях обеспечения защиты их законных прав и, как следствие, стабильности гражданского оборота [3, с. 26; 4, с. 34; 5, с. 56]. В этом смысле право обратиться к медиатору как независимому лицу обеспечивает гарантированную государством возможность для сторон урегулировать конфликт, который они не смогли решить самостоятельно, наиболее оптимальным для себя способом.

Основное назначение деятельности медиатора состоит в том, чтобы не только урегулировать возникший спор между сторонами, но и заключить медиативное соглашение, содержание которого было бы направлено на защиту их прав. Принципиально важно, что условия медиативного соглашения должны быть сформулированы таким образом, чтобы доктринальное и смысловое их толкование исклю-

чало бы даже потенциальную возможность для последующего обращения сторон в суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав.

Системный анализ положений закона позволяет признать, что правовой статус медиатора точно не определен, поскольку такие функции могут быть возложены как на лиц, являющихся профессионалами, так и нет, что влияет на формирование в литературе различных мнений относительно сущности института медиации. Обратившись к имеющимся исследованиям по данному вопросу, можно признать, что одни авторы рассматривают институт медиации как разновидность примирительной процедуры, некоего переговорного процесса, нацеленного на достижение общего решения для сторон, которое удовлетворяло бы интересы участников конфликта, другие признают, что медиация представляет собой разновидность комплексного института, определяющего организационные отношения, направленные на решение спора между сторонами [6, с. 85; 7, с. 47; 8, с. 92].

Несмотря на полярность мнений по данному вопросу, можно признать, что общим признаком, характерным для института медиации, является его назначение, как правовое, так и социальное, состоящее в создании условий, обеспечивающих урегулировать конфликт между членами семьи таким образом, чтобы исключить или по крайней мере минимизировать случаи их последующего обращения в суд за разрешением семейного спора. Солидаризируясь с мнением о том, что институт медиации представляет собой разновидность примирительной процедуры, целью которой является урегулирование возникшего конфликта между сторонами, в случае недостижения такого результата, стороны сохраняют право на обращение в суд за защитой своих прав.

Представляется, что возможность подобного примирения сторон в большей степени ориентирована на реализацию отраслевого принципа, регулирующего семейные отношения, а именно, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию (ч. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ [9] (далее – СК РФ), что в полной мере отвечает сущности семейно-правовых норм, их назначению и социальной направленности. Полагаю, что применение медиации как формы решения семейного спора, должно осуществляться и соотноситься с учетом отраслевой специфики соответствующих норм. Их нематериальная сущность и лично-доверительная основа отношений, возникающих между субъектами семейных правоотношений, предполагает весьма ограниченный выбор форм и средств их защиты. Такой подход основан на общепризнанных пределах, предусмотренных нормами СК РФ, исключающие произвольное вмешательство кого-либо в дела семьи, возможности беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав и их судебной защиты (ч. 1 ст. 1 СК РФ).

Учитывая социальную направленность семейно-правовых норм, наличие специального правового статуса у сторон спора (члены семьи), связанных между собой особыми юридическими фактами (брак, родство), деятельность медиатора в разрешении семейных споров способствует не только урегулированию разногласий между ними, но и их результатом должно быть принятие сторонами медиативного соглашения.

Дополнительным преимуществом такого внеюрисдикционного способа урегулирования спора между сторонами является участие нейтрального лица – медиатора,

осуществляющего переговоры с каждой из сторон относительно конфликта и способа его решения, что позволяет ему вести переговорный процесс вне зависимости от их личных отношений между собой, когда они могут находиться в состоянии острого конфликта, высокой эмоциональной напряженности, возникшей на фоне таких отношений. Как правило, такое психологическое состояние участников спора не позволяет им принять конструктивное решение, отвечающее их правам, и влечет за собой наступление для них неблагоприятных последствий, как личных, так и имущественных, устранение которых возможно лишь в судебном порядке. Так, супруги, находясь в состоянии бракоразводного процесса, сталкиваются с непреодолимыми препятствиями в разрешении вопросов касающихся их общих детей, в частности, с кем из родителей будет проживать ребенок, каков порядок и график общения с отдельно проживающим родителем, каковы условия и размер выплаты алиментов и пр. Как правило, отсутствие договоренности по таким вопросам обусловлено имеющимся между супругами конфликтом, связанным с расторжением брака. Зачастую они находятся в таком эмоциональном состоянии, когда нет возможности спокойно обсудить возникшие проблемы, принять адекватное решение, которое отвечало бы прежде всего интересам ребенка, учитывало его потребности, обеспечивало его базовые права, включая право на воспитание в семье.

Возможность применить в таких случаях медиацию, заключить медиативное соглашение, направленное на урегулирование конфликта в семье, позволяет сторонам прийти к согласию, исключая не только обращение в суд, но и сохраняя психологическое спокойствие ребенка, для которого расторжения брака родителей всегда стресс. Заключая такие соглашения, стороны могут решить как личные вопросы, например о воспитании, образовании детей, расходах на их лечение, отдых, так и имущественные, заключив соглашение о разделе общего имущества супругов, брачный договор, алиментные соглашения и др. Подобная форма урегулирования конфликта между сторонами позволяет не только минимизировать затраты для сторон (временные, финансовые), но и обеспечить конфиденциальность информации, которая была получена медиатором от сторон в процессе решения между ними спора. Важно, что неукоснительное соблюдение принципа добровольности, равноправия в отношении конфликтующих сторон, гарантирует им защиту частной жизни, исключая случаи злоупотребления правами со стороны лица, выполняющего функции медиатора [10, с. 5; 11, с. 11; 12, с. 12].

Следует признать, что применение института медиации в нашей стране пока не является широко распространенным явлением, в то время как в странах Европы данный институт применяется давно и доказал свою эффективность. Несмотря на то что сфера его применения различна, в одних странах он применяется как единый институт и в отношении строго определенной категории споров, например, о разделе имущества, брачных отношениях (Германии, Франция), в других, соблюдение медиативной процедуры является обязательной, отсутствие которой не позволяет сторонам обратиться в суд за разрешением спора (Италия). В любом случае мировые тенденции к широкому распространению института медиации обусловлены причинами объективного характера, а именно сформировавшимися предпосылками диверсификации отдельных юридических профессий, таких как

адвокат, нотариус, судья, в функционале которых появились новые компетенции, в частности проведение примирительных процедур [13, с. 15; 14, с. 13].

2. Перспективы применения медиации в разрешении споров между членами семьи

Правовое и социальное назначение института медиации состоит в формировании таких условий, которые бы способствовали мирному урегулированию конфликтов между сторонами, избегая их разрешения в судебном порядке. Деятельность медиатора должна быть нацелена на достижение компромисса между спорящими сторонами, а последовательное совершение им необходимых действий для урегулирования разногласий между ними должно приводить к заключению ими медиативного соглашения.

Иными словами, медиация, являясь альтернативной формой защиты прав граждан, направлена не только на предотвращение конфликтов в семье, но и является превентивным способом, направленным на сокращение случаев обращения в суд спорящих сторон. Медиативные соглашения по сути являются такой формой, содержание условий которого направлено на решение конфликта между членами семьи, что позволяет рассматривать их как «*альтернативное решение для спорящих сторон*», определяющее их волю и взаимный интерес в достижении тех договоренностей, относительно которых они пришли к согласию. Кроме того, эффективность их реализации на практике обеспечивается признанием за такими соглашениями значения и силы исполнительного листа, при условии, что они удостоверены нотариусом, ст. 12. Государство, возлагая на нотариуса функции «*публичного координатора*» сделок, обеспечивает их законность и по форме, и по содержанию, не ограничивая гражданина в выборе форм, опосредующих их взаимоотношения, что позволяет усилить социальное назначение нотариата как удостоверяющего органа. В таких случаях, стороны не только исключают для себя обращение в суд за разрешением спора, но и исполнительное производство, являющееся неотъемлемой частью процедуры исполнения судебного решения [15, с. 15; 16, с. 10, 17, с. 30]. В этом смысле, соглашения, удостоверенные нотариусом, в некотором роде можно рассматривать как элемент так называемого восстановительного правосудия, обеспечивающего приоритетную защиту прав наиболее уязвимых членов семьи [18, с. 18; 19, с. 137].

Нет сомнений, что гарантированная государством возможность обратиться за помощью к медиатору в целях разрешения семейного спора свидетельствует о стремлении законодателя распространить практику, направленную на создание условий и предпосылок, направленных на предупреждение проблемы, нежели на ее решение в суде, что позволит участникам конфликта минимизировать свои расходы, сэкономить время, своевременно обеспечить защиту своих прав. Можно предположить, что применение медиации является некой формой, направленной на профилактику семейных конфликтов, решение которых осуществляется вне судебной системы, что позволяет исключить возможные негативные последствия для сторон в случае, если бы они обратились в суд. Обусловлено это тем, что почти каждый спор чреват последствиями негативного характера, причиняющими вред не только имуществу, но и самим его участникам, особенно его раз-

рушающие последствия сказываются на наиболее уязвимых членах семьи, детях. Именно по этой причине бывший Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев неоднократно предлагал расширить категории гражданских дел, по которым будет обязательно соблюдение досудебной процедуры, уделяя особое внимание спорам, затрагивающим права и интересы детей (споры об оспаривании отцовства, об определении места жительства ребенка и др.), по которым судами общей юрисдикции утверждались мировые соглашения.

Специфика семейных отношений, их особая правовая природа, социальная направленность норм предопределяют широкое распространение соглашений, сущность которых наиболее сопоставима с отношениями в семье, нацеленными на урегулирование конфликтов на добровольной основе. Их назначение проявляется в выполнении превентивной, предупредительной функции, обеспечивающей достижение договоренностей между сторонами, исключающей их дальнейшее обращение в суд по вопросу, относительно которого они пришли к соглашению. К сожалению, сторонам не всегда удается достичь ожидаемого результата в результате заключенного соглашения, обеспечить защиту своих прав, что дает основание обратиться им в суд. Полагаю, что и в этом случае такое обращение должно быть максимально нацелено на примирение сторон, а не на возникновение новых конфликтов между членами семьи. Кроме того, когда обращение в суд неизбежно, наличие такого соглашения в значительной степени облегчает судебное разбирательство, поскольку отдельные вопросы уже были предварительно урегулированы сторонами, поэтому суду остается лишь проверить содержание соглашения на предмет соответствия его условий требованиям закона и утвердить его своим решением.

Представляется, что дальнейшее распространение института медиации неизбежно, что связано и с происходящими событиями в мире, в условиях применения беспрецедентных санкций в отношении нашей страны, что способствует расширению границ межграничной медиации. Речь идет о необходимости решения споров, возникающих между членами семьи не только в пределах действия национальной юрисдикции, но и межграничные споры, возникающие между участниками семейных отношений, осложненных так называемым иностранным элементом. Особенности их разрешения определены положениями гл. 8 СК РФ «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства», распространяющиеся на урегулирование споров, возникающих с участием так называемого иностранного элемента. Присутствие последнего в споре обусловлено наличием определенных юридических фактов, как то, наличие у гражданина гражданства иностранного государства, совершение юридического факта имеет место на территории такого государства (например, рождение ребенка) или имущество (движимое, недвижимое) супругов находится на его территории.

Сложности, связанные с решением таких конфликтов, обусловлены тем, что они требуют корректного применения не только норм семейного законодательства РФ, но и соответствующих норм иностранного государства, определяемого личным законом гражданина, являющегося стороной в семейном споре. Очевидно, что права спорящих сторон определены законодательством, которое относится к разным юрисдикциям, поэтому соотношение его норм должно быть осущест-

влено таким образом, чтобы исключить нарушение прав каждого из участников спора, обеспечив приоритетную защиту наиболее незащищенным из них.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что системный ориентир законодателя на решение споров в семье на добровольной основе служит необходимой предпосылкой для широкого распространения и применения института медиации в сфере семейных отношений. Медиация может быть определена в качестве формы альтернативного урегулирования возникшего конфликта между сторонами в сфере семейных отношений, решение которого позволяет им избежать обращения в суд за защитой своих прав.

Реализация принципа защиты прав в приоритетном порядке наиболее уязвимых категорий граждан, которые лишены возможности защищать свои права в силу объективных причин и обстоятельств (возраст, состояние здоровья, отсутствие средств и пр.), обуславливает необходимость участия независимого лица (медиатора) в разрешении семейных споров. Стороны конфликта, интересы которых нацелены на его урегулирование на основе их взаимного согласия, не обращаясь в суд, способствует сохранению между ними семейной связи, осуществлению ими своих обязательств на добровольной основе, что отвечает нематериальной природе семейных отношений.

Заключение

Тенденции к распространению института медиации в сфере семейных отношений будут усиливаться, культура урегулирования конфликтов в семье посредством заключения медиативных соглашений позволит не только определить условия их взаимодействия, но и минимизировать личные и имущественные последствия для сторон, негативно сказывающиеся на их взаимоотношениях в результате обращения в суд, что в полной мере отвечает специфике семейных отношений, их морально-нравственной сущности.

Решение такой задачи позволит определить значение института медиации, условия его применения с учетом отраслевой принадлежности прав граждан, подлежащих защите, выявить место медиативных соглашений в системе форм защиты прав участников семейных отношений, минимизировать случаи применения судебной, что будет способствовать гармонизации социальных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. // Российская газета. 2011. 23 дек. № 290.

3. *Загайнова С. К.* Основания и направления внедрения в практику российского нотариата примирительных процедур (медиации) // Судья. 2014. № 7.

4. *Веняляйнен М.* Медиация и юридическая помощь в трансграничных семейных спорах // Семейное и жилищное право. 2014. № 1.

5. *Минкина Н. И.* Медиация как институт современного российского общества // Журнал российского права. 2023. № 10.

6. *Хохлов В. А.* Правовая квалификация отношений медиации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5.

7. *Аллахвердова О. В., Карпенко А. Д.* Медиация – переговоры в ситуации конфликта : учебное пособие. СПб. : Роза мира, 2010.

8. *Загайнова С. К.* Соотношение медиативного и мирового соглашений: актуальные вопросы судебной практики // Российский юридический журнал. 2018. № 5.

9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 31 июля 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26 октября 2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

10. *Любофеева Е. А.* Медиация как форма развития гражданского общества // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 11 (27).

11. *Маврин О. В.* Медиация как элемент модернизации гражданского общества современной России // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 1.

12. *Митин Д. А.* Медиация как инструмент досудебного урегулирования налоговых споров // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 15 (3).

13. *Носырева Е. И.* Становление института медиации в России // Развитие медиации в России: теория, практика, образование : сборник статей / под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М. : Инфотропик Медиа, 2012.

14. *Попов В. В.* Формирование «образа медиатора» на основании анализа мотивов и установок к выбору профессии лиц, обучающихся и уже прошедших обучение по программам подготовки профессиональных медиаторов // Педагогика: история, перспективы. 2021. Т. 4. № 1.

15. *Шамликашвили Ц. А.* Медиация в современной правовой практике // Психологическая наука и образование. 2014. № 2.

16. *Рюмшин С. А.* Медиация в регулировании взаимодействия органов власти и гражданского общества в России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2018.

17. *Минкина Н. И.* Медиация как альтернативный способ урегулирования конфликтов : монография. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017.

18. *Левушкин А. Н.* Участие нотариуса в наследственных правоотношениях при переходе корпоративных прав и семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 1.

19. *Левушкин А. Н., Воробьев В. В.* Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5.

References

1. Federal Law of 27 July 2010 No. 193-FZ (as amended on 26 July 2019) "On an Alternative Procedure for Resolving Disputes with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2010, no. 31, art. 4162. (In Russ.)

2. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 22 December 2011. *Rossiiskaia Gazeta*, 23 December 2011, no. 290. (In Russ.)

3. *Zagainova S. K.* Grounds and Directions for Introducing Conciliation Procedures (Mediation) into the Practice of the Russian Notary. *Judge*, 2014, no. 7. (In Russ.)

4. *Venäläinen M.* Mediation and Legal Assistance in Cross-Border Family Disputes. *Family and Housing Law*, 2014, no. 1. (In Russ.)

5. *Minkina N. I.* Mediation as an Institution of Modern Russian Society. *Journal of Russian Law*, 2023, no. 10. (In Russ.)

6. *Khokhlov V. A.* Legal Qualification of Mediation Relations. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2011, no. 5. (In Russ.)

7. *Allakhverdova O. V., Karpenko A. D.* Mediation – Negotiations in Conflict Situations: Textbook. St. Petersburg: Rose of the World, 2010. (In Russ.)

8. *Zagainova S. K.* The Relationship Between Mediation and Settlement Agreements: Current Issues of Judicial Practice. *Russian Legal Journal*, 2018, no. 5. (In Russ.)

9. Family Code of the Russian Federation of 29 December 1995 No. 223-FZ (as amended on 31 July 2023) (as amended and supplemented, entered into force on 26 October 2023). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 1, art. 16. (In Russ.)

10. *Liubofeeva E. A.* Mediation as a Form of Development of Civil Society. *Alley of Science*, 2018, vol. 3, no. 11 (27). (In Russ.)

11. *Mavrin O. V.* Mediation as an Element of Modernization of Civil Society in Modern Russia. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2013, no. 1. (In Russ.)

12. *Mitin D. A.* Mediation as a Tool for Pre-Trial Settlement of Tax Disputes. *Economics. Taxes. Law*, 2022, no. 15 (3). (In Russ.)

13. *Nosyreva E. I.* Formation of the Institution of Mediation in Russia. In *Nosyreva E. I., Filchenko D. G. (eds.)*. Development of Mediation in Russia: Theory, Practice, Education: Collection of Articles. Moscow: Infotropic Media, 2012. (In Russ.)

14. *Popov V. V.* Formation of the "Image of a Mediator" Based on an Analysis of the Motives and Attitudes Towards Choosing a Profession of Persons Studying and Who Have Already Completed Training in Training Programs for Professional Mediators. *Pedagogy: History, Prospects*, 2021, vol. 4, no. 1. (In Russ.)

15. *Shamlikashvili T. A.* Mediation in Modern Legal Practice. *Psychological Science and Education*, 2014, no. 2. (In Russ.)

16. *Riumshin S. A.* Mediation in Regulating the Interaction Between Authorities and Civil Society in Russia: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2018. (In Russ.)

17. *Minkina N. I.* Mediation as an Alternative Method of Conflict Resolution: Monograph. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2017. (In Russ.)

18. *Levushkin A. N.* Participation of a Notary in Inheritance Legal Relations During the Transfer of Corporate Rights and Family Business by Inheritance. *Inheritance Law*, 2021, no. 1. (In Russ.)

19. *Levushkin A. N., Vorobiov V. V.* Some Problems of the Application of Judicial Reconciliation (Mediation) in Dispute Resolution in the Russian Federation. *Actual Problems of Russian Law*, 2020, no. 5. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Н. В. Летова – доктор юридических наук, главный научный сотрудник.

Information about the author:
N. V. Letova – Doctor of Law, Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 06.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 01.07.2024; approved after reviewing 06.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 343.7
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-200-212

КИБЕРТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Владимир Владимирович Баранов[1]

Вадим Михайлович Пашин[2]

[1] Академия управления МВД России, 125993, Россия, г. Москва, ул. 3ои и Александра Космодемьянских, д. 8

[2] Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

[1] de_la_sergio@mail.ru

[2] paschin@mail.ru

Аннотация

Исследование различных аспектов проявления кибертерроризма актуализируется в связи с ускорением роста числа совершаемых преступлений террористической и экстремистской направленности в киберпространстве с применением новейших технических средств и методов психологического воздействия. Целью настоящей работы является определение специфических признаков кибертерроризма как угрозы информационно-психологической безопасности. Основными методами исследования выступили исторический анализ, сравнительный анализ, индукция и дедукция, герменевтика. На основе изучения эволюции понятия «кибертерроризм» в научной литературе и средств осуществления террористического воздействия в киберпространстве авторами определены основные отличия кибертерроризма и преступлений террористической направленности, выявлены наиболее эффективные средства осуществления такого воздействия в сети Интернет и социальных сетях. Особое внимание уделено механизмам воздействия на индивидуальное и коллективное сознание. В статье даны рекомендации по совершенствованию методов противодействия кибертерроризму и обеспечению информационно-психологической безопасности человека и общества.

Ключевые слова: кибертерроризм; терроризм; кибербезопасность; информационная безопасность; информационно-психологическая безопасность.

Для цитирования: *Баранов В. В., Пашин В. М.* Кибертерроризм как угроза информационно-психологической безопасности личности, общества и государства // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 200–212. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-200-212

Research Article

CYBERTERRORISM AS A THREAT TO THE INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY OF THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND THE STATE

Vladimir V. Baranov[1]

Vadim M. Pashin[2]

[1] Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 8 Zoia and Alexander Kosmodemianskikh St., Moscow, 125993, Russia

[2] All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

[1] de_la_sergio@mail.ru

[2] paschin@mail.ru

Abstract

The study of various aspects of the manifestation of cyberterrorism is being updated in connection with the accelerated growth in the number of terrorist and extremist crimes committed in cyberspace using the latest technical means and methods of psychological influence. The purpose of this study is to identify specific signs of cyberterrorism as a threat to information and psychological security. The main research methods were historical analysis, comparative analysis, induction and deduction, hermeneutics. Based on the study of the evolution of the concept of "cyberterrorism" in the scientific literature and the means of carrying out terrorist influence in cyberspace, the authors have identified the main differences between cyberterrorism and terrorist crimes, and identified the most effective means of carrying out such influence on the Internet and social networks. Special attention is paid to the mechanisms of influence on individual and collective consciousness. The article provides recommendations on improving methods of countering cyberterrorism and ensuring information and psychological security of a person and society.

Keywords: cyberterrorism; terrorism; cybersecurity; information security; information and psychological security.

For citation: *Baranov V. V., Pashin V. M.* Cyberterrorism as a Threat to the Information and Psychological Security of the Individual, Society and the State. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 200–212 . (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-200-212

Введение

В XXI в. проблема кибертерроризма приобретает все бóльшую актуальность в связи с бурным развитием информационных технологий. В отличие от традиционных способов воздействия на сознание людей, заключавшихся в совершении прямых актов насилия, организации взрывов, террористических атак на социальные объекты и правительственные учреждения и т.д. с целью провокации паники, страха, подрыве основ безопасности, кибертеррористы применяют различные методы психологического воздействия, которые сложнее идентифицировать и предотвратить.

Развитие информационных технологий и их транснациональный характер, а также ускорение процессов глобализации информационного пространства и сети Интернет, привело правительства большинства стран мира к необходимости разработки и внедрения правовых механизмов регулирования процессов взаимодействия между субъектами такого пространства. Так, с начала 2000-х гг. был принят ряд международных актов и соглашений, в частности Хартия глобального информационного общества (Окинава, 22 июля 2000 г.); Европейская конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве) (Будапешт, 23 ноября 2001 г.); Конвенция Совета Европы «О предупреждении терроризма» (Варшава, 16 мая 2005 г.) и др. В Российской Федерации сферы информации и информационной безопасности регулируются Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и приказом ФСБ РФ от 31 августа 2010 г. № 416 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в информационных системах общего пользования», указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», указом Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности», распоряжением Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 3759-р «От утверждении Стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования».

1. Эволюция понятия «кибертерроризм» в научной литературе

На сегодняшний день различные аспекты кибертерроризма и его влияния на общество и государственную безопасность являются предметом междисциплинарных исследований, количество которых неуклонно растет. Так, в 2019–2022 гг. было опубликовано 178 научных статей [8]. Тем не менее, несмотря на достаточно широкую научную изученность проблемы и наличие достаточно большого числа

эмпирических исследований, включающих в том числе анализ судебной практики по делам, связанным с кибертерроризмом и киберэкстремизмом, в научной литературе не существует единого определения базовых понятий «кибертерроризма» и «информационно-психологическая безопасность».

Первая попытка определения понятия «кибертерроризм» была предпринята Б. Коллином в середине 1980-х гг. Однако данное понятие Коллин использовал для описания потенциальной угрозы, связанной с развитием средств связи и сети Интернет [5, с. 188–190]. На основе подробного исследования основных подходов к определению понятия «кибертерроризма» Л. Я. Тарасова [21, с. 213] приходит к выводу, что большинство существующих определений данного понятия находят свое отражение в судебных решениях, однако, учитывая скорость изменения цифровой среды, появления новых технологий обработки и распространения информации, следует ожидать, что содержание данного понятия будет изменяться.

Научно-правовое определение понятие кибертерроризма опирается в первую очередь на диспозицию ч. 1 ст. 205 УК РФ, согласно которой террористический акт – это «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо нанесения иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях». Сегодня данная статья УК РФ трактуется в расширенном смысле, включая любые действия, имеющие указанные цели, таким образом в определении кибертерроризма на первый план выносится объект посягательства, а не непосредственные методы и способы воздействия.

Исходя из выше изложенного, А. Н. Васильева предлагает определить кибертерроризм как «преднамеренную, политически мотивированную атаку на глобальную компьютерную сеть, компьютерную систему и содержащуюся в компьютере информацию» [6, с. 234]. Последствие такой атаки отвечают содержанию диспозиции ч .1 ст. 205 УК РФ и заключаются в создании опасности для жизни и здоровья людей, а также стремлении субъекта действия к нарушению общественной безопасности, запугиванию и провокации военного конфликта. Объектами кибератак могут быть компьютерные системы управления объектами инфраструктуры, финансовые системы, личные данные пользователей сети Интернет и другие элементы информационных систем. Основными средствами осуществления кибератак выступают вредоносные компьютерные программы, вирусы, «логические бомбы», и другие виды информационного оружия [6].

Таким образом, в отечественной науке складываются два основных направления определения понятия «кибертерроризм»: «техническое» – использование программных средств воздействия на информационные системы с целью нанесения ущерба и нарушения работы различных стратегических и инфраструктурных объектов; «междисциплинарное» – совершение в информационном пространстве любых действий, направленных на дестабилизацию общества, работы органов государственного управления, формирование страха и искаженных представлений о происходящих событиях и т.д.

2. Разграничение кибертерроризма и преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых с использованием информационных технологий и сети Интернет

Важным вопросом является принципиальное различение террористической деятельности, осуществляемой с использованием информационных технологий и посредством сети Интернет, и собственно кибертерроризма, реализуемого исключительно в цифровом информационном пространстве. Так, те террористические действия, целью которых является вывод из строя объектов инфраструктуры, осуществление террористических актов на территории страны, организация захвата заложников, взрывов, актов насилия и устрашения в реальности, следует отличать от психологического воздействия, осуществляемого с целью дестабилизации психического состояния индивидов, социальных групп и общества в целом.

Отдельно следует анализировать и квалифицировать действия, относимые к категории информационно-технического терроризма. Например, взлом системы управления авиапассажирскими перевозками с целью организации столкновения авиалайнеров является террористическим актом, осуществленным с применением информационно-компьютерных технологий (ИКТ), в то время как взлом правительственного ресурса с целью размещения на нем заведомо ложной, провокационной, шокирующей и иной информации, способной нанести ущерб психологическому здоровью граждан, является непосредственно актом кибертерроризма. Аналогичным образом организация подготовки террористического акта посредством общения в социальной сети, мессенджерах, вербовка новых членов террористической организации и привлечение их к организации террористической деятельности следует определять как террористическую деятельности с использованием социальных сетей, в то время как распространение в социальной сети видеороликов, сообщений, постов и ложной информации о совершенных преступлениях, актах терроризма, гибели мирных людей, злоупотреблениях органов государственной власти и т.д. с целью формирования паники, страхов, ощущения опасности и недоверия к государственной власти подходит под определение кибертерроризма.

Обоснованной выглядит концепция критериев кибертеррторизма, описанная А. Ю. Пинчуком с опорой на труды Дж. Бреннона (*J. W. Brennan*), С. Годона (*S. Gordon*), Т. Томаса (*T. L. Thomas*) [19, с. 92]:

1) осуществление террористического воздействия через киберпространство;

2) наличие политических и (или) идеологических целей и мотивов;

3) наличие насилия или угрозы насилием;

4) наличие продолжительных психологических последствий, выходящих за рамки непосредственной жертвы;

5) наличие определенного субъекта воздействия (организации, конспиративной ячейки, представителя/представителей террористического движения;

6) субъект террористического воздействия должен относиться к негосударственным образованиям или субнациональным группам.

Вместе с тем А. Ю. Пинчук подчеркивает, что применение интернет-технологий для организации террористических актов, привлечения сторонников, получения финансовой поддержки и совершения других преступлений, связанных с деятель-

ность террористической организации следует рассматривать как злонамеренное использование сети Интернет. Кибертерроризм реализуется исключительно внутри киберпространства.

Представленная идея о разделении действий террористического характера на те, что совершаются с использованием сети Интернет, и собственно кибертерроризма, не выходящего за рамки интернет-пространства, видится целесообразной.

Показательным с этой точки зрения является размещение в сети Интернет различных инструкций по изготовлению взрывчатых веществ, оружия, наркотиков, способов взлома компьютерных программ и шифров [22, с. 142]. Такая информация предлагается в качестве научно-просветительской, однако ее воздействие на сознание человека и коллективное сознание имеет далеко идущие последствия.

В первое десятилетие XXI в. одним из основных каналов террористического воздействия в киберпространстве были сайты террористических организаций. Основной целью таких сайтов было формирование определенных ценностей и установок у широкой аудитории и деморализация противников. В состав размещаемых материалов включались информация о террористической организации, история ее создания и деятельности, программу (манифесты), биографии лидеров, хроники совершенных террористический актов как свидетельства успешности и эффективности работы организации. При этом сайт сам по себе выполнял одну из главных функций террористической деятельности – устрашение, формирование чувства незащищенности и психологического давления. Средствами достижения данной цели являлась публикация видеозаписей с казнями заложников, сообщений о готовящихся террористических актах, о наличии агентов во всех городах, о больших поставках оружия и боеприпасов и т.д. Поддержка сайтов и привлечение новых членов осуществлялась при помощи *e-mail*-рассылок [4, с. 13, 15].

Таким образом, целесообразно понимать под кибертерроризмом действия, направленные на оказание психологического воздействия и осуществляемые исключительно в киберпространстве. Основным объектом кибертерроризма в таком контексте определения данного феномена становится информационно-психологическая безопасность.

3. Механизмы воздействия на индивидуальное и коллективное сознание. Разработка мер по противодействию кибертерроризму

Кибертерроризм как угроза информационно-психологической безопасности личности представляет собой применение различных способов воздействия на индивидуальное и массовое сознание с целью формирования деструктивных установок, социально опасного поведения, привлечения человека к противоправной и преступной деятельности за счет внедрения в сознание ложных представлений о необходимости, правильности и обоснованности таких действий.

Для разработки мер по противодействию кибертерроризму и обеспечению информационно-психологической безопасности необходимо изучить механизмы воздействия на психику человека, социальных групп и общества, используемые кибертеррористами.

Анализируя проблему информационно-психологической безопасности личности, А. А. Бастрон справедливо указывает на отсутствие технологического инстру-

ментария измерения оценок ущерба психическому здоровью [3, с. 27]. Тем не менее возможно выделить объект информационного воздействия, которым является сфера индивидуального, сфера группового и сфера массового сознания. Г. В. Емельянов, В. Е. Лепсков, А. А. Стрельцов под такой сферой на личностном уровне понимают «способность человека адекватно воспринимать окружающую действительность, свое место во внешнем мире, формировать в соответствии со своим жизненным опытом определенные убеждения и принимать решения в соответствии с ними» [10, с. 48].

Групповое и массовое сознание в данном контексте целесообразно понимать как систему базовых ментальных ценностей, обеспечивающих стойкую групповую и социальную идентичность, социально адаптированные модели поведения, систему восприятия и отношений к различным явлениям. Информационное воздействие на такие сферы осуществляются с целью разрушения или замещения таких ценностей, моделей и установок [13, с. 82].

И. Ф. Кефели и Р. М. Юсупов приводят следующие деструктивные составляющие информационной среды, являющиеся угрозой информационно-психологической безопасности личности:

1) широко распространяемые ложные сведения о государственных, политических, религиозных деятелях, участниках различных выборных кампаний;

2) ложные сообщения об авариях на предприятиях промышленности (атомных электростанциях, химических заводах и других), о заминированных домах, поездах, самолетах, о финансовых крахах компаний, провокации и слухи в политической сфере;

3) различного вида информация, вызывающая страх, агрессию, недовольство, раздражительность, порождающая сомнения, призывающая к деструктивным действиям;

4) информационные сигналы, изменяющие психофизическое состояние людей, повышающие их утомляемость, вызывающие головные боли, повышающие давление и другие;

5) деструктивные программы, как отрицательно влияющие на людей, так и дезорганизующие различные системы управления, вычислительные сети и технические средства и т.д. [13, с. 162].

Негативному воздействию кибертеррористов подвергаются следующие элементы общественного порядка: идеологическая, символическая, нормативная и экономическая системы [13, с. 57].

Целью воздействия на идеологическую систему является национальных замещение политических идеалов иными, что в конечном счете приводит к развитию в обществе различных форм экстремизма. В рамках атаки на символическую систему производится дискредитация важных государственных (флаг, герб, гимн) и социокультурных символов (памятников, мемориалов, объектов культурного наследия), что способствует распространению актов вандализма. При воздействии на нормативные установки производится разрушение основ правового сознания, дискредитация действующего законодательства, этических норм, что приводит к распространению девиантных и делинквентных форм поведения, нарушениям правопорядка. Целенаправленное

воздействие на экономическую систему состоит в формировании представлений о несправедливости распределения ресурсов, необходимости восстановления такой справедливости за счет активных действий, что в свою очередь приводит к повышению числа экономических преступлений, а также массовым беспорядкам, сопряженным с мародерством и нанесением экономического ущерба.

Таким образом, очевидно, что кибертерроризм имеет более глубокие и системные последствия, нежели простое использование компьютерных и Интернет технологий с целью организации террористической деятельности на территории страны. Применение различных технологий психологического воздействия кибертеррористами подвергает опасности большинство сфер безопасности общества.

О. А. Нестерчук в своем исследовании негативного психологического воздействия с использованием информационных технологий использует понятие «хоррор-менеджмента», решающего задачи умышленного и целенаправленного внедрения негативной информации в массовое сознание, формирование чувства незащищенности за счет создания и поддержки атмосферы ненависти, страха, агрессии и тревоги, а также формирование общественного мнения, необходимого для обеспечения возможности реализации целей воздействующего субъекта. Такое воздействие ставит под угрозу не только психическое здоровье и благополучие человека и общества, но и национальную безопасность, поскольку субъекты воздействия, формируя у масс представление о слабости действующей государственной системы и власти, подталкивают общество к мысли о необходимости смены властного субъекта на более сильного, способного решить социальные проблемы и гарантировать безопасность страны [17].

В исследовании А. В. Манойло к методам психологического воздействия относятся:

1) создание перенасыщенного информационного фона (эффект эмоциональной перегрузки);

2) намеренное дозирование информации с целью исключения ценных фрагментов и представления искаженной картины происходящего;

3) сообщение заведомо ложных сведений, имеющих ценность для общества, представляющих угрозу и т.д. («большая ложь»);

4) создание сообщений, содержащих как реальные факты, так и вымысел и создающих эффект достоверности за счет подтверждения правдивой информации;

5) сообщение лживой информации в качестве ответа на острый социальный запрос («своевременная ложь»);

6) намеренное замалчивание важной информации и сообщение ее тогда, когда уже невозможно ничего изменить [9].

Развитие социальных сетей и совершенствование технологий менеджмента восприятия [11] актуализирует вопросы применения таких инструментов, как формирование новостных лент, предложение контента (контекстная реклама, таргетинг), модерация комментариев и т.д. Во многом содержание и речевое поведение участников коммуникации на виртуальных площадках определяется политикой владельцев и менеджеров, однако существуют и государственные механизмы регулирования, например, вступивший в силу 1 февраля 2021 г. Закон № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологи-

ях и о защите информации» предусматривает ограничение и блокировку противоправного контента.

Алгоритмы подбора контента на основе предпочтений пользователя фактически способствуют формированию в киберпространстве множества изолированных «эхо-камер» – замкнутых сообществ пользователей, придерживающихся сходных позиций и солидаризирующихся вокруг них. Пользователи с отличными взглядами в таких «эхо-камерах» не воспринимаются, дискредитируются и получают статус «чужих» [2, с. 153]. Данный механизм опирается на базовые психологические реакции и потребности человека в построении ментальной разметки реальности и оценочной системы, позволяющей принимать решения и делать рациональный выбор. Границы «эхо-камеры» и ее архитектура формируют четкую структуру убеждения и внутренние фильтры информации, не допускающие в сознание альтернативные сведения и информацию, ставящую под угрозу сложившуюся систему убеждений [25]. Данное свойство социальных сетей и интернет-сообществ позволяет кибертеррористам легко выстраивать самоподдерживающиеся сообщества пользователей, увеличивая эффективность распространяемой информации экстремистского и террористического характера. Важным аспектом функционирования «эхо-камер» в кибертерроризме является целенаправленное применение техник убеждения и дискредитации информации, опровергающей фальсифицированные сообщения. Наибольшую опасность для информационно-психологической безопасности человека и общества представляет эффект психологического комфорта, возникающий внутри «эхо-камеры». Люди, находящиеся внутри такого информационного пространства, не воспринимают внешнюю аргументацию вследствие работы глубинных психологических механизмов, поддерживающих целостность психики. Вовлечение в «эхо-эхокамеру» происходит постепенно с опорой на базовые ценности человека – ценность жизни, справедливости, безопасности, честности, открытости, защиты своих интересов. В «эхо-камерах» доминирует эмоциональный дискурс, воздействующий на бессознательные структуры, радикализирующий мышление и активирующий защитные механизмы психики, которые впоследствии работают на воспроизводство внедренных в сознание установок.

С 2017 г. в спектр инструментов, используемых кибертеррористами, активно внедряется технология *Deepfake* (от англ. *deep learning* – «глубокое обучение» и *fake* – «фальшивый»), представляющая собой реалистичную манипуляцию аудио- и видеоматериалами с помощью искусственного интеллекта. При помощи специальных программ производится наложение лиц и голосов людей на видеоматериалы различного содержания, позволяющего создавать убедительные сообщения. При использовании простых программ подделка легко определяется визуально, однако сегодня существуют достаточно сложные программные продукты, позволяющие производить замену лица и голоса на протяжении длительного отрезка видеозаписи и даже в режиме потокового видео [7]. Таким образом, террористические организации получают возможность создавать провокационный контент, выглядящий достоверно, например, фальсифицировать выступления государственных лидеров, предоставлять пользователям видеозаписи якобы секретных заседаний членов правительства и представителей международных организаций с целью их дискредитации и т.д.

Развитие технологий создания и распространения вредного контента, ставящего под угрозу информационно-психологическую безопасность человека и общества, сопровождается не менее быстрым развитием средств выявления и блокировки такого контента [7].

Обзор существующих технологий и методов организации кибер-террористической деятельности в контексте расширенного определения понятия кибертерроризма позволяет выделить программные и психологические средства воздействия. Программные средства включают в себя применение различных вредоносных программ, алгоритмов распространения и продвижения контента, создания фальсифицированного контента и т.д. Такие средства определяются при помощи специальных компьютерных программ и средств мониторинга с использованием искусственного интеллекта, потому могут быть сравнительно легко зафиксированы. Причем, на сегодняшний день существуют апробированные методики определения ущерба, нанесенного информационной системе [15], опирающиеся на количественную и качественную оценки материального (стоимость восстановления поврежденного оборудования и программного обеспечения, финансовые потери и т.д.) и нематериального (репутационные потери, сокращение числа пользователей, клиентов, дискредитация организации и пр.) ущерба.

Выявление и оценка психологического ущерба существенно затруднены. С одной стороны, известны и определены способы и механизмы воздействия на индивидуальное и массовое сознание, однако степень такого воздействия, а также его последствия во многом зависят от личностных особенностей объекта воздействия, более того, нейтральная информация может искажаться внутри сознания индивида, создавая угрозу его психическому состоянию.

Заключение

Таким образом, очевидно, что дальнейшее совершенствование способов выявления и предотвращения кибертерроризма как угрозы информационно-психологической безопасности требует разработки методов оценки психологического ущерба, распознавания и блокировки контента, внедрение новых систем безопасного поиска, блокирующих потенциально опасные запросы пользователей и т.д.

Пристатейный библиографический список

1. *Алескеров В. И., Колокольчикова О. Н.* О преступлениях экстремистской и террористической направленности с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Научный компонент. 2020. № 3 (7).

2. *Бажанов В. А.* Особенности познавательных механизмов в информационную эпоху: «эхо-пузыри» и «эхо-камеры» // Философский журнал/Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4.

3. *Бастрон А. А.* Проблема информационно-психологической безопасности личности // Научные труды Института непрерывного профессионального образования. 2016. № 6.

4. *Белоножкин В. И., Остапенко Г. А.* Информационные аспекты противодействия терроризму. М. : Горячая линия-Телеком, 2009.

5. *Бураева Л. А.* Кибертерроризм как новая и наиболее опасная форма терроризма // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 2.

6. *Васильева А. Н.* Понятие и проблемы противодействия кибертерроризму // Успехи современного естествознания. 2011. № 8.

7. *Власенко А. В., Киселев П. С., Склярова Е. А.* Искусственный интеллект и проблемы кибербезопасности. Технология Deepfake // Молодой ученый. 2021. № 21 (363).

8. Вызовы 21 века: Кибертерроризм и информационные войны. Противостояние в информационном пространстве Интернета: библиографический список статей (2020–2022 гг.) / сост. Т. В. Нездоймина. Ростов-на-Дону, 2022.

9. *Манойло А. В.* Государственная информационная политика в особых условиях : монография. М. : МИФИ, 2003.

10. *Емельянов Г. В., Лепский В. Е., Стрельцов А. А.* Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3.

11. *Забарин А. В.* Менеджмент восприятия как психолого-политический феномен: генезис проблемы // Вопросы политической психологии. 2001. № 1.

12. *Зинченко Ю. П., Шайгерова Л. А., Шилко Р. С.* Психологическая безопасность личности и общества в современном информационном пространстве // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6).

13. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность : коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. СПб. : ИД «Петрополис», 2017.

14. *Камергоев Б. М.* Кибертерроризм – актуальная проблема современного общества // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 8А.

15. *Карпычев В. Ю.* Экономические аспекты формирования информационной безопасности // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. 2004. № 2.

16. *Мезенцев Д. Ф.* Психологическое воздействие информационных фантомов // Хрестоматия к учебнику по политической психологии. СПб. : Коло, 2012.

17. *Нестерчук О. А.* Традиционные и инновационные политические технологии в информационно-психологическом противоборстве // PolitBook. 2015. № 2.

18. *Огородник А. В.* История возникновения кибертерроризма: от киберпреступности до кибертерроризма // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. 2021.

19. *Тарасова Л. Я.* Эволюция понятия информационного терроризма (кибертерроризма) и его значение на современном этапе // Научный вестник Омской академии МВД. 2022. № 3 (86).

20. *Пинчук А. Ю.* Кибертерроризм как актуальная проблема современного мирового порядка // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 5.

21. *Пучков Д. В.* Кибертерроризм как новая угроза // Виктимология. 2021. Т. 8. № 4.

22. *Юсупов Р. М.* Наука и национальная безопасность. СПб. : Наука, 2006.

23. *Boutyline A., Wilier R.* The Social Structure of Political Echo Chambers: Variation in Ideological Homophily in Online Networks // Political Psychology. 2017. Vol. 38. No. 3.

24. *Sasa-hara K., Chen W., Peng H. et al.* Social Influence and Unfollowing Accelerate the Emergence of Echo Chambers // Journal of Computational Social Science. 2021. Vol. 4.

25. *Brenner S. W.* Cyberthreats: The Emerging Fault Lines of the Nation State. Oxford : Oxford University Press, 2009.

References

1. *Aleskerov V. I., Kolokolchikova O. N.* On Extremist and Terrorist Crimes Using the Sphere of Telecommunications and Computer Information. *Scientific Component*, 2020, no. 3 (7). (In Russ.)

2. *Bazhanov V. A.* Features of Cognitive Mechanisms in the Information Age: "Echo Bubbles" and "Echo Chambers". *Philosophy Journal*, 2022, vol. 15, no. 4. (In Russ.)

3. *Bastron A. A.* The Problem of Information and Psychological Security of the Individual. *Scientific Works of the Institute of Continuing Professional Education*, 2016, no. 6. (In Russ.)

4. *Belonozhkin V. I., Ostapenko G. A.* Information Aspects of Countering Terrorism. Moscow: Hotline-Telecom, 2009. (In Russ.)

5. *Buraeva L. A.* Cyberterrorism as a New and Most Dangerous Form of Terrorism. *Problems of Economics and Legal Practice*, 2017, no. 2. (In Russ.)

6. *Vasilieva A. N.* Concept and Problems of Countering Cyber Terrorism. *Advances in Modern Natural Science*, 2011, no. 8. (In Russ.)

7. *Vlasenko A. V., Kiselev P. S., Skliarova E. A.* Artificial Intelligence and Cybersecurity Issues. Deepfake Technology. *Young Scientist*, 2021, no. 21 (363). (In Russ.)

8. *Nezdoimina T. V. (comp.).* Challenges of the 21st Century: Cyber Terrorism and Information Wars. Confrontation in the Information Space of the Internet: Bibliographic List of Articles (2020–2022). Rostov-on-Don, 2022. (In Russ.)

9. *Manoilo A. V.* State Information Policy in Special Conditions: Monograph. Moscow: MIPhI, 2003. (In Russ.)

10. *Emelianov G. V., Lepsky V. E., Streltsov A. A.* Problems of Ensuring Information and Psychological Security of Russia. *Information Society*, 1999, no. 3. (In Russ.)

11. *Zabarin A. V.* Perception Management as a Psychological and Political Phenomenon: The Genesis of the Problem. *Questions of Political Psychology*, 2001, no. 1. (In Russ.)

12. *Zinchenko Iu. P., Shaigerova L. A., Shilko R. S.* Psychological Safety of the Individual and Society in the Modern Information Space. *National Psychological Journal*, 2011, no. 2 (6). (In Russ.)

13. *Kefeli I. F., Iusupov R. M. (eds.).* Information-Psychological and Cognitive Security: Collective Monograph. St. Petersburg: Petropolis, 2017. (In Russ.)

14. *Kamergoev B. M.* Cyberterrorism Is a Pressing Problem of Modern Society. *Issues of Russian and International Law*, 2019, vol. 9, no. 8A. (In Russ.)

15. *Karpychev V. Iu.* Economic Aspects of the Formation of Information Security. *Bulletin of Samara State Aerospace University*, 2004, no. 2. (In Russ.)

16. *Mezentsev D. F.* Psychological Impact of Information Phantoms. In Reader for a Textbook on Political Psychology. St. Petersburg: Kolo, 2012. (In Russ.)

17. *Nesterchuk O. A.* Traditional and Innovative Political Technologies in Information-Psychological Confrontation. *PolitBook*, 2015, no. 2. (In Russ.)

18. *Ogorodnik A. V.* The History of the Emergence of Cyberterrorism: From Cybercrime to Cyberterrorism. In Donetsk Readings 2021: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Our Time. 2021. (In Russ.)

19. *Tarasova L. Ia.* The Evolution of the Concept of Information Terrorism (Cyberterrorism) and its Significance at the Present Stage. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs*, 2022, no. 3 (86). (In Russ.)

20. *Pinchuk A. Iu.* Cyberterrorism as an Urgent Problem of the Modern World Order. *Theories and Problems of Political Research*, 2018, vol. 7, no. 5. (In Russ.)

21. *Puchkov D. V.* Cyberterrorism as a New Threat. *Victimology*, 2021, vol. 8, no. 4. (In Russ.)

22. *Iusupov R. M.* Science and National Security. St. Petersburg: Nauka, 2006. (In Russ.)

23. *Boutyline A., Wilier R.* The Social Structure of Political Echo Chambers: Variation in Ideological Homophily in Online Networks. *Political Psychology*, 2017, vol. 38, no. 3.

24. *Sasa-hara K., Chen W., Peng H. et al.* Social Influence and Unfollowing Accelerate the Emergence of Echo Chambers. *Journal of Computational Social Science*, 2021, vol. 4.

25. *Brenner S. W.* Cyberthreats: The Emerging Fault Lines of the Nation State. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Сведения об авторах:
В. В. Баранов – кандидат юридических наук.
В. М. Пашин – доктор юридических наук.

Information about the authors:
V. V. Baranov – PhD in Law.
V. M. Pashin – Doctor of Law.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 27.05.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 343.132
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-213-222

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Сергей Сергеевич Шишкин

Ижевский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 426006, Россия, г. Ижевск, Заречное шоссе, д. 23

ShishkinSergey@mail.ru

Аннотация

Участие юридических лиц в уголовном деле с каждым годом становится весьма актуальным, что подтверждается статистическими данными. Цель статьи – разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части регламентации участия юридического лица в процессе доказывания при производстве по уголовному делу. Применялись общенаучные методы (теоретический и практический анализ), а также обобщение научных данных. Предлагаются конкретные рекомендации законодателю по его совершенствованию в части регламентации процесса доказывания.

Ключевые слова: юридическое лицо; предприятие; учреждение; организация; уголовный процесс; имущественный вред; представитель юридического лица; потерпевший; гражданский истец; гражданский ответчик; доказательства; доказывание; судебно-следственные органы; практика.

Для цитирования: *Шишкин С. С.* Юридическое лицо как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 213–222. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-213-222

Research Article

A LEGAL ENTITY AS A SUBJECT OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergey S. Shishkin

Izhevsk Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
23 Zarechnoye Hwy., Izhevsk, 426006, Russia

Abstract

The participation of legal entities in a criminal case is becoming very relevant every year, which is confirmed by statistical data. The purpose of the article is to develop proposals for improving criminal procedure legislation in terms of regulating the participation of a legal entity in the evidentiary process in criminal proceedings. General scientific methods (theoretical and practical analysis) were used, as well as generalization of scientific data. Specific recommendations are offered to the legislator on its improvement in terms of regulating the evidentiary process.

Keywords: legal entity; enterprise; institution; organization; criminal procedure; property damage; representative of a legal entity; victim; civil plaintiff; civil defendant; evidence; proof; judicial and investigative authorities; practice.

For citation: *Shishkin S. S.* A Legal Entity as a Subject of Evidence in Criminal Proceedings. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 213–222. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-213-222

Введение

Современные российское законодательство, правоприменительная практика и наука уделяют особое внимание хозяйствующим субъектам, являющимся участниками уголовного судопроизводства.

Данным вопросам в науке посвящали исследования профессора А. И. Бастрыкин [1; 2, с. 6–10; 3, с. 6–12], В. А. Азаров [4], Н. Г. Муратова, А. П. Гуськова [5, с. 146]. Еще в советское время на организацию – участника уголовного судопроизводства обращал внимание профессор З. З. Зинатуллин [6]. Некоторые вопросы, касающиеся юридических лиц, затрагиваются в современных кандидатских диссертациях Ю. В. Дражевской [7], М. Х. Абдрахманова [8], М. Р. Сафаралеева [9], П. Г. Сычева [10]. Это говорит лишь об актуальности вопросов, связанных с юридическим лицом, с обеспечением его прав и интересов при производстве по уголовному делу, и как следствие, необходимости дальнейшего исследования проблем.

Профессор Н. Г. Муратова заметила несовершенство некоторых законодательных формулировок, предложенных отечественным законодательством, касающихся такого интересного коллективного субъекта как юридическое лицо. Ученый отмечает, что в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) содержатся термины «организация», «юридическое лицо», «юридические лица», «коммерческая или иная организация», «руководитель организации», «законный владелец», «владелец», «редакция», «главный редактор средства массовой информации» [11]. Профессору В. А. Азарову «представляется нецелесообразным и нерациональным, с точки зрения юридической техники, одновременно использовать три понятия («предприятия, учреждения, организации»), из которых два первых являются разновидностями последнего, но при этом не исчерпывают его» [4]. Мы полностью разделяем изложенные точки зрения о существующих в законе «не точностях». Но закон всех (и организацию, и юридическое лицо, и предприятие, и учреждение) наделяет процессуальными правами и обязанностями. В связи с этим, не вдаваясь в дискуссии о несовершенстве законодательных формулировок о юридическом лице в УПК РФ, обратим внимание на юридическое лицо как на субъект доказывания.

1. Доказывание в рамках уголовного судопроизводства и участие в нем юридического лица

Надо сказать, что юридическое лицо в отечественном уголовном процессе, полноценно с учетом положений ст. 15 УПК РФ, доказывает перед судебными и правоохранительными органами состоятельность своей правовой позиции. Вынуждает судебно-следственные органы давать соответствующую юридическую оценку действительным обстоятельствам дела, познать, установить истинные знания, проверить и оценить полученные фактические данные.

Полагаем, что зачастую именно юридическое лицо занимается собиранием доказательств по уголовному делу. Особенно это касается совершаемых преступлений в сфере экономической деятельности.

Совершение преступных махинаций под видом законных хозяйственных операций, нанесение ущерба функционирующей экономической структуре, бюджетной системе говорит о наличии определенной привилегированности, интеллектуальности и профессионализме. Граждане и иные организации, которые вовлечены в эту противоправную деятельность, лица их совершившие, зачастую обладают специфическими знаниями в области налогов, экономики, бюджета, финансов. При этом вред хозяйствующему субъекту, участвующему в воспроизводственном процессе, в экономике страны, влечет непоправимые потери производственным мощностям и ресурсам. Создание юридического лица как хозяйствующего субъекта это материальные ресурсы, рабочая сила, это создание новых рабочих мест, это налогоплательщик, чьи средства в последующем через бюджет направляются на те или иные социально-важные сферы жизнедеятельности. Все это лишь подчеркивает актуальность рассматриваемого вопроса.

В науке о доказывании отсутствует единый подход к определению его содержания. Отечественный законодатель также ограничился лишь указанием на предмет доказывания, перечислив в ст. 73 УПК РФ обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Назначением уголовного судопроизводства является как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Несомненно, то, что это может быть достигнуто в процессе доказывания. Поэтому именно данному правовому институту в науке и в законодательстве отведено особое место. Доказывание и его эффективность важны для динамики развития уголовного судопроизводства, так как в конечном итоге важно получить истину, и как следствие законный и обоснованный судебный акт, в котором заинтересовано как юридическое лицо, так и иные участники уголовного судопроизводства.

2. Анализ судебной практики с участием юридических лиц при производстве по уголовному делу, а также анализ норм права, регламентирующих их деятельность в уголовном судопроизводстве

При всей важности вопроса на законодательном уровне понятие «доказывание» не определено [12, с. 7; 13, с. 40; 14, с. 14; 15, с. 7]. Этим обусловлено исследование этого понятия многими учеными и формирование научных предложений к его определению.

В ст. 73 УПК РФ закреплены обстоятельства подлежащие доказыванию. Собрать и представить письменные документы и (или) предметы для приобщения их уголовному делу в качестве доказательств с целью подтвердить или опровергнуть указанные обстоятельства вполне могут юридические лица. Но как нам представляется, субъектом доказывания все же будет лицо физическое, за которым как раз и «стоит» юридическое лицо, та организация, которую оно (физическое лицо) представляет в деле. Рассуждая таким образом, заключим, что юридическое лицо вполне относится к субъектам доказывания, так как оно собирает доказательства, представляет их судебно-следственным органам и использует их для достижения целей доказывания.

Юридическое лицо, до того как представить доказательства судебно-следственным органам, должно их выявить, получить, систематизировать. Процесс выявления, включая поиск, фиксацию, получение сведений о фактах, как для следователя, так и для суда может иметь определенную сложность. Такая сложность может наблюдаться и для самого юридического лица. Но если мы принимаем во внимание коллективного субъекта (корпорацию), то, мы понимаем, что в своей деятельности юридические лица ведут документооборот, в том числе в электронном виде, с помощью различных компьютерных программ. Доступ к такому документообороту судебно-следственным органам зачастую непросто получить и изучить. Поэтому здесь само юридическое лицо, его представители, должны составить себе представление о наличии фактических данных, т.е. о доказательствах, необходимых для подтверждения своей правовой позиции.

Таким образом, являясь субъектом доказывания при производстве по уголовному делу, именно юридическое лицо, во многих случаях принимает решение об относимости тех или иных доказательств. Юридическому лицу следует учитывать, что зачастую исключительно формальные недостатки документов, представлен-

ные судебно-следственным органам, либо не представление таких документов юридическим лицом, влекут для него неблагоприятные последствия при производстве по уголовному делу.

Нами изучена судебно-следственная практика, где юридическое лицо выступало гражданским истцом и (или) потерпевшим при производстве по уголовному делу.

Так, например, суды не всегда удовлетворяют гражданские иски юридических лиц в рамках уголовного судопроизводства. Интересным представляется уголовное дело Глазовского районного суда Удмуртской Республики. Суд первой инстанции вынес приговор по делу о назначении уголовного наказания, однако в части гражданского иска юридического лица (банка) постановил передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, признав за гражданским истцом право на удовлетворение иска. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Удмуртской Республики от 24 декабря 2020 г. приговор оставлен без изменения. Однако определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27 мая 2021 г. № 77-2351/2021[16] судебные акты судов первой и апелляционной инстанции были отменены, дело направлено на новое рассмотрение в том числе ввиду допущенных судами ошибок в части разрешения гражданского иска в деле. Как видно из данного уголовного дела, юридическое лицо (банк) в лице представителя фактически как субъект доказывания смогло показать суду кассационной инстанции ошибочность суждений нижестоящих инстанций о доказательствах в деле.

Приведем еще один пример из практики. Так, Центральным районным судом г. Челябинска рассмотрено дело № 1-9/2020, где потерпевшими (гражданскими истцами) выступили двадцать одно юридическое лицо (организация). По результатам рассмотрения дела судом вынесен приговор. Гражданские иски судом рассмотрены. По некоторым исковым требованиям суд признал за потерпевшими право на удовлетворение гражданских исков и передал вопрос о размере возмещения гражданских исков для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, поскольку они требовали дополнительных расчетов [17]. В данном случае полагаем, что если бы юридические лица в лице своих представителей, в ходе предварительного расследования, а также в ходе судебных заседаний активно бы участвовали в доказывании при производстве по уголовному делу, доказали бы следствию и главное суду, убытки, представили бы расчеты, заявили соответствующие ходатайства о приобщении к материалам документов, об истребовании доказательств, то соответственно суд бы иски рассмотрел и удовлетворил, а не направлял бы их на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. А это в свою очередь занимает время и возлагает обязанность по уплате государственной пошлины за рассмотрение иска. Таким образом, роль юридического лица в доказывании при производстве по уголовному делу весьма велика. От активности представителя при производстве по делу, зависит многое.

Примечательно в указанном уголовном деле № 1-9/2020 то, что органы предварительного расследования, не сразу, после того как поступили заявления о возбуждении уголовного дела, его (дело) возбудили. По результатам проверки заявлений следователем было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного

дела. По жалобе юридического лица органами прокуратуры указанное постановление было отменено на необходимость исследовать документы этого и других юридических лиц. Затем органы предварительного расследования вновь постановлением отказали в возбуждении уголовного дела. И опять органы прокуратуры отменили указанное «отказное» постановление с указанием на более тщательное изучение первичных документов финансового характера юридических лиц пострадавших от противоправных деяний физических лиц.

Вопросы, связанные с доказыванием в рамках уголовного судопроизводства и включением в этот процесс юридического лица, всегда были и будут актуальной темой уголовно-процессуальной науки. Юридическое лицо вполне необходимо признать полноценным субъектом доказывания, и нельзя отрицать тот факт, что оно нацелено на установление обстоятельств совершения преступления, в том числе на собирание доказательств, т.е. доказательств изобличающих лицо или лиц, виновных в совершении преступных деяний. При этом юридического лицо вполне вправе принимать участие как на стороне обвинения, так и на стороне защиты в качестве гражданского ответчика, например.

Известно, что в науке преобладают суждения о том, для каких участников уголовного судопроизводства доказывание выступает обязанностью. Примечательно, что в ч. 2 ст. 14 УПК РФ отмечено, что бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Это бесспорно свидетельствует о том, что для стороны обвинения (а ими являются прокурор, следователь, дознаватель, орган дознания, руководитель следственного органа) доказывание выступает процессуальной обязанностью.

Вместе с тем нельзя исключать из числа субъектов доказывания таких участников уголовного судопроизводства как потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, самого подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, защитника, представителей. Юридическое лицо участие принимает в качестве потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика. В зависимости от выполняемой ими процессуальной функции можно выделить юридических лиц потерпевших, гражданских истцов, как субъектов доказывания на стороне обвинения; юридических лиц гражданских ответчиков, как субъектов доказывания на стороне защиты.

Актуальными становятся вопросы, связанные с целями познания и доказывания в уголовном судопроизводстве применительно к деятельности юридического лица. Юридическое лицо фактически помогает судебно-следственным органам при проверке сведений, послуживших основанием к возбуждению уголовного дела, в познании всех обстоятельств произошедшего события, преследуя цель объективного восстановления картины этого события. Следователь на основе полученных от юридического лица данных сделает выводы о характере и обстоятельствах совершения преступления, что в последующем образует предмет доказывания при производстве по уголовному делу.

Юридическое лицо, участвуя в уголовно-процессуальном доказывании, предоставляет судебно-следственным органам специальные для этого средства – доказательства. Что также не оставлено без внимания в науке уголовно-процессуального

права. Законодатель дает ответ на вопрос в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, что же такое доказательства. Сведения, на которых судебно-следственные органы устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, могут быть зафиксированы на электронных вычислительных машинах. Особенно это актуально для хозяйствующих субъектов, когда электронный документооборот фактически возведен в ранг обязательного для них. Такие сведения должны предоставляться судебно-следственным органам, если они использовались в качестве орудия, оборудования или иными средствами совершения преступления, сохранили на себе следы преступления, являются предметом преступления, являются имуществом, ценной бумагой и иной ценностью, полученной в результате преступных действий либо нажитой преступным путем, могут служить средством для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

От активности юридического лица, от его озабоченности делом может зависеть исход уголовного дела. Как пример, это анализ вышеуказанных практических материалов.

Анализируя положения ст. 42, 44, 45 УПК РФ выделим формы участия юридического лица в доказывании – это представление доказательств, это заявление ходатайство, это дача показаний. Но сразу же следует оговориться, что показания в конечном итоге дает физическое лицо, которое олицетворяет предприятие. Это не единственные процессуальные права юридического лица, которые предоставляет законодатель в ст. 42, 44, 45 УПК РФ. Такие права юридического лица право иметь представителя, знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта, знакомиться с материалами уголовного дела, получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, признании его потерпевшим или об отказе в этом, о прекращении уголовного дела и т.д. свидетельствуют о важной роли юридического лица при производстве по уголовному делу. Юридическое лицо не проводит следственные, судебные и иные процессуальные действия, но именно оно вправе собирать и представлять документы и доказательства для приобщения к материалам уголовного дела в качестве доказательств. Такие материалы и документы, еще находящиеся у юридического лица, не являются доказательствами по делу, таковыми они становятся лишь тогда, когда они переданы судебно-следственным органам. Мы считаем, что уголовно-процессуальный законодатель должен идти дальше по расширению прав юридического лица, в частности дать возможность юридическому лицу проводить опросы лиц с их согласия, истребовать документы, материалы, привлекать специалистов в тех случаях, когда требуются специальные познания в искусстве, технике, ремесле, науке.

Заключение

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что юридические лица являются полноправными субъектами доказывания при производстве по уголовному делу. Но на сегодняшний день многие положения УПК РФ, касающиеся участия юридических лиц в доказывании, нуждаются в совершенствовании. При этом в целом их деятельность как деятельность участников уголовного судопроизводства является урегулированной нормами уголовно-процессуального зако-

нодательства. Эта деятельность направлена на установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания для установления истины по уголовному делу. Юридическое лицо осуществляет поиск и познание фактических данных, собирание и проверку доказательств для представления их судебно-следственным органам, которые также проверяют (перепроверяют) и оценивают их (доказательства).

Пристатейный библиографический список

1. *Бастрыкин А. И.* К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Российская газета. 2011. 22 марта.

2. *Бастрыкин А. И.* Правовые проблемы борьбы с коррупцией // Российский следователь. 2017. № 24.

3. *Бастрыкин А. И.* Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. № 1.

4. *Азаров В. А., Абдрахманов М. Х., Сафаралеев М. Р.* Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика : монография. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2010.

5. *Гуськова А. П., Муратова Н. Г.* Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводстваи: монография. М. : ИГ «Юрист», 2005.

6. *Зинатуллин З. З.* Возмещение материального ущерба в уголовном процессе. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1974.

7. *Дражевская Ю. В.* Правовое регулирование и осуществление деятельности юридических лиц в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2021.

8. *Абдрахманов М. Х.* Охрана имущества и деловой репутации юридических лиц в уголовном процессе России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2008.

9. *Сафаралеев М. Р.* Правовое положение юридического лица в уголовном процессе России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2009.

10. *Сычев П. Г.* Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.

11. *Муратова Н. Г.* Проблемы защиты прав юридических лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник экономики, права и социологии. 2008. № 3.

12. *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования : монография. М. : НОРМА, 2009.

13. *Джатиев В. С.* Общая методология и современные проблемы обвинения и защиты по уголовным делам : автореф. дис. … докт. юрид. наук. Владикавказ, 1995.

14. *Лазарева В. А.* Влияние состязательности уголовного судопроизводства на понятии теории доказательств // Юридический аналитический журнал. 2006. № 1 (15).

15. *Грудинин И. А.* Средства доказывания в уголовном производстве: система, содержание, гносеологические аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012.

16. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27 мая 2021 г. № 77-2351/2021 // Шестой кассационный суд общей юрисдикции: сайт. URL: https://6kas.sudrf.ru/ (дата обращения: 31.04.2024).

17. Приговор от 8 июня 2020 г. по делу № 1-9/2020 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска.

References

1. *Bastrykin A. I.* On the Introduction of Criminal Liability of Legal Entities in Russia. *Rossiiskaia Gazeta*, 22 March 2011. (In Russ.)

2. *Bastrykin A. I.* Legal Problems of the Fight Against Corruption. *Russian Investigator*, 2017, no. 24. (In Russ.)

3. *Bastrykin A. I.* Criminal Liability of Legal Entities as a Measure to Counteract Corruption. *Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1. (In Russ.)

4. *Azarov V. A., Abdrakhmanov M. Kh., Safaraleev M. R.* Legal Entities in the Criminal Process of Russia: Theoretical Foundations, Legislation and Practice: Monograph. Omsk: Omsk State University Publishing House, 2010. (In Russ.)

5. *Guskova A. P., Muratova N. G.* Judicial Law: The History and Modernity of Judicial Power in the Field of Criminal Proceedings: Monograph. Moscow: IG "Iurist", 2005. (In Russ.)

6. *Zinatullin Z. Z.* Compensation for Material Damage in Criminal Proceedings. Kazan: Kazan University Press, 1974. (In Russ.)

7. *Drazhevskaia Iu. V.* Legal Regulation and Implementation of the Activities of Legal Entities in the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2021. (In Russ.)

8. *Abdrakhmanov M. Kh.* Protection of Property and Business Reputation of Legal Entities in the Criminal Process of Russia: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Tomsk, 2008. (In Russ.)

9. *Safaraleev M. R.* The Legal Status of a Legal Entity in the Criminal Process of Russia: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Tomsk, 2009. (In Russ.)

10. *Sychev P. G.* Features of Participation and Guarantees of the Rights of Organizations (Legal Entities) at the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2008. (In Russ.)

11. *Muratova N. G.* Problems of Protecting the Rights of Legal Entities in Criminal Proceedings. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2008, no. 3. (In Russ.)

12. *Shafer S. A.* Evidence and Proof in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation: Monograph. Moscow: Norma, 2009. (In Russ.)

13. *Dzhatiev V. S.* General Methodology and Modern Problems of Prosecution and Defense in Criminal Cases: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Vladikavkaz, 1995. (In Russ.)

14. *Lazareva V. A.* The Influence of the Adversarial Nature of Criminal Proceedings on the Concept of the Theory of Evidence. *Legal Analytical Journal*, 2006, no. 1 (15). (In Russ.)

15. *Grudinin I. A.* Means of Proof in Criminal Proceedings: System, Content, Epistemological Aspects: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Yekaterinburg, 2012. (In Russ.)

16. Ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction of 27 May 2021 No. 77-2351/2021. URL: https://6kas.sudrf.ru/ (date of the application: 31.04.2024). (In Russ.)
17. Verdict of 8 June 2020 in Case no. 1-9/2020 (Archive of the Central District Court of Chelyabinsk). (In Russ.)

Сведения об авторе:
С. С. Шишкин – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:
S. S. Shishkin – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 26.08.2024.
The article was submitted to the editorial office 15.04.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 347.9
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-223-231

ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Юрий Александрович Свирин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Аннотация

В настоящем исследовании автор на основе своего собственного эмпирического опыта в качестве судьи третейского суда провел анализ работы третейских учреждений в России, выявил преимущества рассмотрения исковых требований в третейском суде по сравнению с государственными судами, проанализировал правовое регулирование третейского разбирательства и сделал вывод о необходимости изменения некоторых положений закона с целью более эффективной процедуры рассмотрения дел в третейских судах, что безусловно позволит снизить нагрузку на судей государственных судов и в конечном счете оптимизировать правосудие.

Ключевые слова: третейское разбирательство; оговорка о публичном порядке; контроль за третейскими судами.

Для цитирования: *Свирин Ю. А.* Третейское разбирательство в Российской Федерации: современные реалии и перспективы развития // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 223–231. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-223-231

Research Article

ARBITRATION PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT REALITIES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Yury A. Svirin

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia

Abstract

In this study, the author, based on his own empirical experience as an arbitration court judge, analyzed the work of arbitration institutions in Russia, identified the advantages of considering claims in an arbitration court compared with state courts, analyzed the legal regulation of arbitration proceedings and concluded that it is necessary to change some provisions of the law in order to more effectively review cases in arbitration courts, which will certainly reduce the burden on judges of state courts and ultimately optimize justice.

Keywords: arbitration proceedings; public policy clause; control of arbitration courts.

For citation*: Svirin Yu. A.* Arbitration Proceedings in the Russian Federation: Current Realities and Development Prospects. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 223–231. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-223-231

Введение

Провозглашенный Верховным Судом РФ в 2017 г. и реализуемый в Законе № 451-ФЗ [1] курс на оптимизацию правосудия не принес положительных результатов. Количество дел, рассматриваемых государственными судами, постоянно возрастает, а внесудебные формы разрешения споров в силу разных причин не часто используются субъектами спорных отношений.

О роли судебной формы в системе иных форм разрешения споров говорят следующие статистические данные: в 2019 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено около 19 млн гражданских дел, по которым вынесены решения. В 2021 г. было рассмотрено 23 млн 403 гражданских дела, а общее количество всех рассмотренных судами общей юрисдикции дел в 2021 г. составило 39 млн 213 тыс. В 2022 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено 25,7 млн только гражданских дел, не считая дела административного судопроизводства. А в 2023 г. количество гражданских дел в судах общей юрисдикции увеличилось на 11% по сравнению с 2022 г.

С целью сокращения нагрузки на судебную систему Верховный Суд РФ инициировал диверсификацию различных форм разрешения споров. В литературе выделяются следующие формы разрешения правового конфликта: внесудебная и судебная; самозащита, общественная, административная, исполнительная, нотариальная и другие формы [2, с. 34]. Многообразие форм защиты права объясняется правовыми традициями, спецификой подлежащих защите прав, сложностью восстановления нарушенного права и т.д.

Особой внесудебной формой разрешения споров является третейская форма. Однако, несмотря на закрепление в законодательстве различных форм, по-прежнему предпочтение отдается судебной форме, что детерминирует ежегодное увеличение нагрузки на суд и соответственно снижение качества правосудия.

1. Современное состояние третейского разбирательства в России

В 2015 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [3]. Казалось бы, данный Закон должен был снизить судебную нагрузку. Однако ситуация не изменилась. В связи с этим в 2019 г. приказом Министерства юстиции России был образован «Совет по совершенствованию третейского разбирательства» под председательством Министра юстиции РФ. Несмотря на сложности имплементации арбитража в механизм защиты прав и законных интересов граждан и организаций, в настоящее время в России образовано и успешно работают семь постоянно действующих арбитражных учреждений, не считая третейских судов *ad hoc*. Наибольшее число споров в 2023 г. было рассмотрено в следующих арбитражных учреждениях:

1) Международный коммерческий арбитражный суд и Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате РФ в 2023 г. рассмотрели 521 спор. Несмотря на СВО и наложенные на Россию санкции, в третейский суд обратились компании из 48 стран за разрешением споров;

2) Арбитражный центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей в 2023 г. рассмотрел 545 споров. В арбитражном центре создана информационная среда с использованием искусственного интеллекта *ArbCloud*, позволяющая подать документы в суд, знакомиться с ними в режиме онлайн и проводить судебное заседание в режиме онлайн. Так, в 2023 г. в режиме онлайн было рассмотрено 271 дело. Два решения было изготовлено в виде электронного документа, подписанного усиленной электронной подписью;

3) Арбитражное учреждение при Общероссийском отраслевом объединении работодателей «Союз машиностроителей России» рассмотрело 598 исковых заявлений.

Всего в 2023 г. только постоянно действующими арбитражными учреждениями было разрешено 2249 споров, что на 17% больше, чем в 2022 г.

Из анализа статистических данных Верховного Суда РФ следует, что в 2023 г. в государственных судах было рассмотрено 5465 заявлений о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов. Сопоставив эту цифры с количеством исковых заявлений, рассмотренных постоян-

но действующими арбитражными учреждениями, мы увидим, что судами *ad hoc* в год также рассматривается большее количество споров. В частности, судами *ad hoc* в 2023 г. рассмотрено 3216 исковых заявлений.

Однако, несмотря на рост дел, рассматриваемых в рамках арбитража, их удельный вес в общем количестве споров, разрешаемых государственными судами ничтожно мал. Например, в 2022 г. государственными судами было рассмотрено 25.7 млн гражданских дел. Таким образом, доля дел, рассмотренных третейскими судами от общего количества дел, рассмотренных государственными судами, составляет всего 0.021%.

Одной из причин, которые мешают субъектам спорных отношений, полагающих свое право нарушенным, обращаться за разрешением спора в третейский суд, можно отнести недостаточную информационную среду популяризации рассмотрения дел в порядке арбитража (третейского разбирательства).

Процедура рассмотрения дел в третейских судах не регулируется процессуальными законами (АПК, ГПК и КАС). В силу этого в каждом постоянно действующим третейском суде разработаны и приняты локальные нормативные акты. В частности, Арбитражный центр при РСПП действует на основе таких локальных актов как: положение об арбитражном центре, положение о специализированных коллегиях; регламент; положение о сборах и расходах; положение о гонорарах; правила о независимости и беспристрастности арбитров.

2. Преимущества рассмотрения спора в рамках третейского разбирательства

1. Решения третейского суда после начала СВО принудительно исполняются в зарубежных юрисдикциях, в то время как решения государственных судов во многих странах принудительно исполнить невозможно. Поэтому если спор осложнен иностранных элементом, то его разрешить и тем более принудительно исполнить решение суда возможно только путем обращения с исковым заявлением в третейский суд.

2. В рамках арбитража дела рассматриваются в более короткие сроки по сравнению с государственными судами, а соответственно происходит более быстрое восстановление нарушенных прав одной из сторон спора. Автор статьи, являясь судьей третейского суда, исходя из своего эмпирического опыта констатирует, что в среднем спор разрешается в течение трех месяцев с момента обращения в третейский суд.

3. Конфиденциальный (закрытый) характер разрешения споров, рассматриваемых в порядке арбитража, также является преимуществом третейского разбирательства. Сторонам, не желающих огласки спора следует обращаться только в третейский суд. Как мы знаем при обращении в суд общей юрисдикции или в арбитражный суд информация о деле и сторонах спора сразу размещается на сайте суда, к которому имеется свободный доступ всех иных лиц. В частности, мной рассматривались в третейском суде споры о разделе имущества между супругами при расторжении брака, которые не хотели распространения информации о своем имуществе. В интернете отсутствует информация о принятых арбитражных решениях.

4. К достоинствам арбитража следует отнести и повышенный арбитражный сбор по сравнению с государственной пошлиной, уплачиваемой при рассмотрении

дела в государственном суде. К такому мнению пришел Арбитражный суд г. Москвы по делу № А40-289482/21-130-1992 от 21 апреля 2022 г., указав, что арбитражный сбор и порядок его распределения между сторонами побуждает до подачи иска предпринять меры по самостоятельному урегулированию спора и предотвращает предъявление необоснованных исков, сокращая размер издержек сторон.

5. Неоспоримым достоинством рассмотрения спора в рамках арбитража является отсутствие института апелляции и кассации, в силу чего решение третейского суда вступает в силу немедленно, что значительно сокращает время восстановления нарушенного права

6. В рамках арбитража существует упрощенный порядок сбора и представления доказательств. Фактически стороны до начала процесса должны раскрыть перед противоположной стороной и судом свои доказательства.

7. И еще одним достоинством третейского разбирательства я бы назвал то, что третейский суд не связан правовой позиций Верховного Суда РФ, например в части уменьшения неустойки в порядке ст. 333 ГК РФ. Как правило, проценты взыскиваются в полном объеме, т.е. без снижения, что более гарантирует восстановление прав стороны, чье право нарушено по сравнению с государственными судами, где по каждому делу суд снижает размер неустойки исходя из своих представлений о справедливости. Причем вопреки правовой позиции высшей судебной инстанции государственные суды снижают размер неустойки даже без ходатайства и обоснования такого снижения ответной стороной.

8. Учитывая значительно меньшую нагрузку на судей третейского суда, чем на судей государственных судов у первых имеется достаточно больше времени, чтобы разобраться в существе спора, что снижает риск ошибок при вынесении решения. Само же решение третейского суда в отличие от решения государственного суда отличается большей аргументированностью выводов суда. К примеру, исходя из своего опыта судьи третейского суда объем решения по самому простому делу составляет примерно 30 страниц, в то время как в районном суде такое решение излагается на 2-3 страницах. Безусловно, отличается и структура судебного решения. В соответствии с ГПК, АПК и КАС решение государственных судов состоит из четырех частей (вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной). Решение третейского суда состоит из следующих частей:

– термины и определения;

– начало и ход третейского разбирательства, уведомление сторон;

– формирование состава суда;

– фактические обстоятельства и позиции сторон по существу спора;

– мотивы решения, которые включают такие подразделы, как процессуальные вопросы, компетенция третейского суда, выводы по существу спора, распределение расходов, связанных с судебным разбирательством;

– резолютивная часть.

10. В. Ф. Попондопуло справедливо к достоинствам третейского разбирательства относит то, что стороны самостоятельно выбирают судей, это повышает доверие сторон к третейскому суду [4].

3. Пути совершенствования правового регулирования процедуры рассмотрения споров в третейском суде

1. Отсутствие возможности прямого принудительного исполнения решения третейского суда, без обращения в государственный суд, является негативным обстоятельством, в силу которого стороны чаще обращаются в государственный суд. Как нам представляется, следует внести в закон изменения, придав решению третейского суда силу исполнительного документа. Однако таким свойством должно обладать только решение постоянно действующего арбитражного учреждения. Как указывается в литературе, прямое принудительное исполнение решения третейского суда сочетается с принципом правовой определенности [5, с. 170], поскольку в отличие от судебного процесса в государственных судах не требуется апелляция и кассация.

2. Нуждается в корректировке институт обеспечительных мер в третейском разбирательстве. В литературе этот вопрос обсуждается уже несколько лет, однако законодатель не спешит изменить существующее правовое регулирование. В настоящее время определение третейского суда о наложении обеспечительных мер может исполняться только добровольно сторонами. Поэтому было бы оправданным наделить постоянно действующие арбитражные учреждения правом выносить определения о наложении обеспечительных мер, придав такому определению силу исполнительного документа. В связи с этим мы не можем согласиться с В. П. Сорокиным, который указывает, что обеспечительные меры даже в рамках третейского разбирательства должны применяться исключительно государственными судами [6, с. 72]. Однако и в этом случае такое право следует предоставить только постоянно действующим арбитражным учреждениям.

3. В настоящее время контроль за третейскими судами со стороны государственного суда ведется по трем направлениям. Во-первых, государственный суд осуществляет проверку решения третейского суда при рассмотрении заявления о выдачи исполнительного листа, на принудительное исполнение решения третейского суда. В рамках данного судопроизводства государственный суд обязан проверить процедуру принятия решения третейским судом. Второй вид контроля состоит в виде процедуры оспаривания решений третейских судов. Третий контроль (предварительный контроль) заключается в виде оспаривания постановления третейского суда о наличии у него компетенции. При анализе данных видов контроля очевидно, что первый контроль полностью поглощает второй и третий. В связи с этим целесообразно исключить из закона процедуру второго и третьего контроля со стороны государственного суда за постоянно действующими третейскими учреждениями. Три вида контроля со стороны государственного суда за третейскими судами представляется институциональным излишеством и влечет необоснованное увеличение сроков восстановления нарушенного права.

Безусловно, более жесткий контроль за третейскими судами был необходим ранее со стороны государственного суда, поскольку третейские суды создавались и действовали на основании Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», и, как справедливо замечает П. В. Крашенинников, Закон 2002 г. исходил из предельно либерального порядка

создания арбитражных институций, которые могли учреждаться практически при любом юридическом лице и такой режим создания третейских судов не был способен противодействовать появлению псевдо- или «карманных» третейских институций [7]. Следует обратить внимание на то, что в настоящее время деятельность постоянно действующих третейских судов контролируется также со стороны Министерства юстиции РФ, в то время как суды *ad hoc* не контролируются. Поэтому в настоящее время появляются уголовные дела, когда так называемые суды *ad hoc* не разрешают правовой конфликт на основе права, а по образу ранее действующих «карманных» третейских судов лоббируют чью-то сторону. В литературе справедливо указывается, что в судах *ad hoc* происходит часто злоупотребление правом, например с целью создания видимости законных оснований для перехода имущества, вывода активов или денежных средств [8, с. 37]. Как нам представляется, было бы целесообразно исключить из Закона возможность рассматривать спор судами *ad hoc*.

4. Необходимо также закрепить в законе положение, согласно которому придать решению постоянно действующего арбитражного учреждения преюдициальную силу. Обстоятельства, установленные решением постоянно действующего арбитражного учреждения, не должны доказываться вновь при другом рассмотрении дела между теми же сторонами как в третейском суде, так и в государственном суде. Как указывают Д. И. Волкова и О. О. Насонова, исходя из практики ЕСПЧ решения третейских судов являются преюдициальными и им присуще свойство обязательности [9, с. 12].

5. В соответствии с действующим законодательством принудительно исполнить можно только решение третейского суда, посредством обращения в государственный суд с заявлением о выдаче исполнительно листа. Вместе с тем законом предусмотрена возможность заключения мирового соглашения в рамках третейского разбирательства с вынесением определения третейским судом. Однако если сторона добровольно не исполнит условия мирового соглашения, принудительно исполнить его невозможно. Следовательно, необходимо внести изменения в процессуальные кодексы и Закон об арбитраже, которыми наделить правом стороны мирового соглашения обращаться в государственные суды с заявлением о выдаче исполнительного листа на определение третейского суда об утверждении мирового соглашения.

6. Развитие законодательства об арбитраже (третейском разбирательстве) идет по пути постепенного расширения категорий дел, которые подведомственны третейскому суду. В частности, до 2023 г. неопределенным был вопрос о том, вправе ли третейский суд рассматривать споры, связанные с недвижимостью. Государственные суды полагали, что поскольку существует необходимость регистрации прав на недвижимое имущество в государственных органах, то такие дела не являются арбитрабельными третейскому суду. Конституционный Суд РФ в постановлении от 3 октября 2023 г. № 46-П сформулировал правовую позицию, согласно которой государственный суд обязан выдать исполнительный лист на решение третейского суда по спору о праве на недвижимое имущество, если такое решение не противоречит публичному порядку.

Заключение

Споры, рассматриваемые в третейском суде, носят гражданско-правовой характер. Следовательно, если спор носит административно-правовой характер, то он должен рассматриваться в государственном суде: например, споры по уплате налогов, таможенных платежей, по госконтрактам и т.д. Вместе с тем, как указал Верховный Суд РФ, третейский суд вправе рассматривать спор, вытекающий из субподряда, даже если он и связан с госконтрактом [10].

В законе и научной литературе не выработано единого мнения о сущности оговорки о публичном порядке. Зачастую государственные суды расширительно толкуют данную оговорку и отменяют решения третейских судов, что вряд ли можно признать обоснованным. Как нам представляется, решение третейского суда не может быть отменено государственным судом по основаниям, не указанным в АПК или ГПК, поскольку государственный суд не вправе проверять законность и обоснованность решений третейских судов. Отменяя решение третейского суда по указанным выше основаниям, государственные суды выходят за пределы своей компетенции.

Как справедливо отмечет П. В. Крашенинников, сфера арбитрабельности в последние годы была существенно расширена [7]. Однако государственные суды так и не отошли от ранее выработанных своих позиций по вопросу арбитрабельности споров третейским судам. Поэтому на законодательном уровне необходимо сформулировать определение «оговорки о публичном порядке».

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 28 ноября 2018г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Свирин Ю. А.* Гражданский процесс : учебник. М. : Прометей, 2023.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Попондопуло В. Ф.* Предпринимательское право : учебник. Т. 1. 6-е изд. М. : Проспект, 2023.
5. *Свирин Ю. А.* Размышление о гражданском процессе : монография. М. : Прометей, 2022.
6. *Сорокин В. П.* Вопрос об обеспечительных мерах в третейском разбирательстве: способы решения // Вестник арбитражного суда московского округа. 2022. № 1.
7. Гражданское процессуальное право : учебник : в 2 т. Т. 2 : Особенная часть / под ред. П. В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2022.
8. *Давыденко Д. П.* Практика рассмотрения арбитражными судами дел об оспаривании третейских решений // Закон. 2020. № 5.
9. *Волкова Д. И., Насонова О. О.* Проблемы исполнения решений третейских судом на федеральном уровне // Третейский суд. 2022. № 1.
10. Определение Верховного Суда РФ от 11 июля 2018 г. по делу № А40-165680/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal Law of 28 November 2018 No. 451-FZ "On Amending Some Legislative Acts of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
2. *Svirin Iu. A.* Civil Process: Textbook. Moscow: Prometheus, 2023. (In Russ.)
3. Federal Law of 29 December 2015 No. 382-FZ "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
4. *Popondopulo V. F.* Entrepreneurial Law: Textbook. Vol. 1. 6th ed. Moscow: Prospekt, 2023. (In Russ.)
5. *Svirin Iu. A.* Reflections on Civil Procedure: Monograph. Moscow: Prometheus, 2022. (In Russ.)
6. *Sorokin V. P.* The Issue of Interim Measures in Arbitration Proceedings: Ways of Solution. *Bulletin of the Arbitration Court of Moscow District*, 2022, no. 1. (In Russ.)
7. *Krasheninnikov P. V.* Civil Procedural Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 2: Special Part. Moscow: Statut, 2022. (In Russ.)
8. *Davydenko D. P.* Practice of Consideration by Arbitration Courts of Cases on Contesting Arbitration Decisions. *Law*, 2020, no. 5. (In Russ.)
9. *Volkova D. I., Nasonova O. O.* Problems of Execution of Arbitration Court Decisions at the Federal Level. *Arbitration Court*, 2022, no. 1. (In Russ.)
10. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 11 July 2018 in Case No. A40-165680/2016 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
Ю. А. Свирин – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:
Yu. A. Svirin – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 12.09.2024.
The article was submitted to the editorial office 02.09.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 12.09.2024.

Научная статья
УДК 349
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-232-245

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ ОБЪЕКТОВ, СОЗДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Карина Мартиковна Адамян

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48

karinaptz2211@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается правовое регулирование технологий искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности, объектов, созданных с их использованием. Цель работы – определение правового режима объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, а также выявление проблем, возникающих в правоприменительной практике по вопросам охраноспособности таких объектов. Автор использовал формально-юридический, сравнительно-правовой и иные общенаучные и частнонаучные методы исследования. Новизна работы состоит в определении охраноспособности объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта. Автор приходит к выводу: если произведение создано человеком в результате его творческой деятельности, но при этом в качестве вспомогательного инструмента использовалась технология искусственного интеллекта, такое произведение может быть признано объектом авторского права и подлежит правовой охране. Объекты, сгенерированные искусственным интеллектом в отсутствие творческого характера деятельности человека, автор предлагает рассматривать как материалы, исключительное право на извлечение и последующее использование которых в любой форме и любым способом принадлежит разработчику искусственного интеллекта по аналогии с изготовителем базы данных.

Ключевые слова: цифровые технологии; искусственный интеллект; интеллектуальные права; авторские права; объекты, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта.

Для цитирования: *Адамян К. М.* Правовые проблемы охраноспособности объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 232–245. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-232-245

Research Article

LEGAL PROBLEMS OF PROTECTABILITY OF OBJECTS GENERATED WITH THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Karina M. Adamyan

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen,
48 Moika River Emb., St. Petersburg, 191186, Russia

karinaptz2211@yandex.ru

Abstract

The article discusses the legal regulation of artificial intelligence technologies in the field of intellectual property, objects created using them. The purpose is to determine the legal regime of objects created using artificial intelligence technologies, as well as to identify problems that arise in law enforcement practice regarding the protection of such objects. The author used formal legal, comparative legal and other general scientific and private scientific research methods. The novelty of the work consists in determining the security capability of objects created using artificial intelligence technologies. The author comes to the conclusion: if a work was created by a person as a result of his creative activity, but artificial intelligence technology was used as an auxiliary tool, such a work can be recognized as an object of copyright and is subject to legal protection. The author suggests considering objects generated by artificial intelligence in the absence of the creative nature of human activity as materials, the exclusive right to extract and subsequent use of which in any form and in any way belongs to the developer of artificial intelligence by analogy with the manufacturer of the database.

Keywords: digital technologies; artificial intelligence; intellectual rights; copyright; objects created with the use of artificial intelligence technologies.

For citation: *Adamyan K. M.* Legal Problems of Protectability of Objects Generated with the Use of Artificial Intelligence Technologies. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 232–245. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-232-245

Введение

Темпы развития цифровых технологий с каждым годом увеличиваются, что требует специального правового регулирования общественных отношений в области использования таких технологий. Внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности и производства способствует улучшению качества жизни человека, открывает новые возможности для бизнеса, увеличивает эффективность деятельности компаний, способствует экономическому развитию государства. Цифровизация общества, бизнеса и государства напрямую влияет на социальные, политические и бизнес-процессы. Среди ключевых цифровых технологий следует выделить: искусственный интеллект (*Artificial Intelligence, AI*), машинное обучение (*Machine Learning, ML*), технологии виртуальной (*Virtual Realty, VR*) и дополненной (*Augmented Realty, AR*) реальности, интернет вещей (*Internet of Things, IoT*), робототехника, *3D*-печать.

Синергия цифровых технологий позволяет вывести те или иные отрасли на новый уровень, создавать новые продукты, полностью изменить бизнес-модели и др.

В настоящее время все более актуальными становятся вопросы, связанные с использованием технологий искусственного интеллекта. Искусственный интеллект находит широкое применение в разных отраслях экономики и способствует созданию новых объектов, схожих с результатами творческой деятельности человека.

Особо значимыми для правоприменительной практики являются вопросы принадлежности прав на объекты, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта, содержания прав на такие объекты, а также их правовой охраны и защиты.

1. Понятие и правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации

Официальное развитие науки искусственного интеллекта было положено в 1956 г. на летнем семинаре в Дартмут-колледже (Хановер, США), который организовали четверо американских ученых: Джон Мак-Карти, Марвин Мински, Натаниэль Рочестер и Клод Шеннон [1].

Искусственный интеллект относится к экспоненциально развивающимся технологиям [2, с. 49]. Наряду с искусственным интеллектом к таким технологиям также относятся интернет вещей, большие данные, машинное обучение, высокопроизводительные вычислительные системы, роботизация, предсказательная аналитика и др. Экспоненциальные технологии непосредственным образом влияют на темпы роста инноваций, которые, в свою очередь, обеспечивают экономический рост, производительность и конкурентоспособность.

Значимость применения технологий искусственного интеллекта находит свое отражение и в нормативных документах, например, в паспорте федерального проекта «Цифровые технологии» [3] и паспорте федерального проекта «Искусственный интеллект» [4].

Названные федеральные проекты входят в состав национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [5].

Технологии искусственного интеллекта входят в группу «сквозных» цифровых технологий [6]. Сквозные цифровые технологии представляют собой перспектив-

ные технологии межотраслевого значения, которые оказывают значительное влияние на развитие экономики и ее отдельных отраслей [7].

Технологии искусственного интеллекта применяются во многих сферах жизнедеятельности человека: медицине, образовании, промышленной сфере, сельском и городском хозяйстве, финансовой и банковской сферах, сфере дорожного движения, бытовой сфере и т.д.

В настоящее время отсутствует общепринятое понятие искусственного интеллекта. На официальном сайте Европейского союза размещена стратегия развития искусственного интеллекта [8]. Согласно данной стратегии искусственный интеллект относится к системам, которые демонстрируют разумное поведение, анализируя окружающую среду и предпринимая частично автономные действия для достижения конкретных целей.

В действующем правовом регулировании Российской Федерации под искусственным интеллектом понимают комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [9].

Аналогичное определение искусственного интеллекта закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [10] (далее – Национальная стратегия).

Таким образом, развитие сквозных цифровых технологий, к которым в том числе относится и искусственный интеллект, в настоящее время существенно влияет на рост экономики страны и дальнейшее развитие общественных отношений.

Искусственный интеллект способен выполнять задачи, которые требуют вмешательства человеческого интеллекта (например, распознавание речи, изображений, обучение, принятие решений, прогнозирование, анализ данных и др.).

Вместе с тем возможности искусственного интеллекта гораздо шире. В частности, генеративный искусственный интеллект позволяет создавать изображения, тексты, видео, музыкальный контент и другие результаты, схожие с результатами творческой деятельности человека.

Генеративный искусственный интеллект представляет собой разновидность искусственного интеллекта, который создает новые данные (например, изображение или текст) на основе уже имеющихся данных, которые он анализирует. Названная технология справляется с задачами по визуализации и генерирует контент в соответствии с описанием, заданным пользователем.

Искусственный интеллект является инструментом, с помощью которого физическим лицом достигается определенный конечный результат – создание объекта.

Например, создание проекта ландшафтного дизайна, когда пользователь описывает задачу искусственному интеллекту нарисовать определенные объекты ландшафта и расположить их определенным образом в виртуальном пространстве. В этом случае искусственный интеллект является вспомогательным инструментом и позволяет ускорить и упростить процесс создания проекта ландшафтного дизайна.

Вместе с тем существует потенциальная возможность в будущем (к 2030 г.) признать автономность объектов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта. На сегодняшний день доказательства существования объектов, сгенерированных искусственным интеллектом в автономном режиме без участия человека, отсутствуют.

Далее рассмотрим вопросы правовой охраны объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта.

2. Правовая охрана объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта

В связи с отсутствием специального правового регулирования объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, автор попытался провести оценку применимости действующего правового порядка к таким объектам.

Перечень объектов интеллектуальной собственности, которым предоставляется правовая охрана в соответствии с действующим российским законодательством, установлен ст. 1225 Гражданского кодекса РФ [11] (далее – ГК РФ).

Произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения, относятся к объектам авторского права (п. 1 ст. 1259 ГК РФ).

Авторское право распространяется на широкий круг произведений: книги, музыкальные произведения, произведения изобразительного искусства, скульптуры, кинофильмы, компьютерные программы, базы данных и др. Перечень объектов авторского права не является исчерпывающим.

При этом объектами авторского права являются только те результаты интеллектуальной деятельности, которые созданы творческим трудом человека и выражены в объективной форме.

Иными словами, для того, чтобы на тот или иной результат интеллектуальной деятельности возникло авторское право необходимо соблюдение двух условий: творческий характер деятельности человека в создании такого результата и выражение этого результата в какой-либо объективной форме.

В то же время определение понятия и критериев «творческого труда» и «творческой деятельности» действующим законодательством и правоприменительной практикой на сегодняшний день однозначно не сформировано.

Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ творческий характер произведения не зависит от того, каким образом создано произведение: собственноручно или с использованием технических средств. В случае если произведение создано с помощью технических средств и при этом отсутствует творческий характер деятельности человека, то такие объекты не являются объектами авторского права, следовательно, на них не распространяется правовая охрана и защита, регулируемые положениями части четвертой ГК РФ [12, п. 80].

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. № 5-КГ21-14-К2 указано, что в силу общепринятого подхода объект, который удовлетворяет условию оригинальности, может получить авторско-правовую охрану, даже если его реализация была обусловлена техническими соображениями, при условии, что это не мешает автору отражать свою личность в этом объекте, осуществляя свою свободную волю, выбор. В случае, когда компоненты объекта характеризуются только своей технической функцией, критерий оригинальности не соблюдается [13].

Для разрешения вопроса о предоставлении правовой охраны объекту необходимо установить, проявил ли его автор выбором формы продукта свои творческие способности оригинальным способом, является ли эта форма результатом интеллектуального творчества, в связи с тем, что через нее автор произведения выражает свои творческие способности, делая свободный и творческий выбор, отражая свою личность [там же].

Иными словами, чтобы объект был отнесен к объектам авторского права необходимо, чтобы форма выражения объекта являлась результатом творческого труда автора.

В соответствии с п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» судам при разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что по смыслу ст. 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом [12].

Таким образом, автором произведения науки, литературы, искусства является физическое лицо, творческим трудом которого оно создано, т.е. существенным является наличие творческого характера деятельности человека, в результате которой создано произведение. Только при таком условии созданному произведению предоставляется правовая охрана в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Из указанного можно сделать вывод, если произведение было создано человеком с использованием технологии искусственного интеллекта, то такое произведение может признаваться объектом авторского права, а лицо, в результате деятельности которого оно было создано, – автором такого произведения, при условии, что его деятельность носила творческий характер. Следовательно, на такой результат в полной мере будет распространяться правовая охрана как на объект авторского права.

При этом в законодательстве не оговаривается, в какой мере и на каком этапе должны учитываться творческие начала (на этапе создания компьютерной программы искусственного интеллекта либо только на этапе создания произведения с использованием программы искусственного интеллекта) [14, с. 26].

Вместе с тем если исходить из смысла закона, то творческое участие человека должно иметь место на этапе создания произведения с использованием технологии искусственного интеллекта.

Д. В. Братусь отмечает, что творчество представляет собой бессознательную человеческую деятельность. Искусственный интеллект не способен к бессознательным действиям и не в состоянии реализовать творческий акт. В связи с этим результаты, которые созданы программами, имитирующими процессы мышления, не являются оригинальными [15, с. 48].

В случае если отсутствует творческая составляющая интеллектуальной деятельности человека при создании объекта, сгенерированного искусственным интеллектом, такой объект не может признаваться объектом авторского права.

Вместе с тем, как отмечает Е. В. Вавилин, «электронный интеллект создает произведения уже сейчас, и уже сегодня эти объекты нуждаются в правовой регламентации» [16, с. 151].

Автор предлагает рассматривать объекты, сгенерированные искусственным интеллектом в отсутствие творческого характера деятельности человека, как материалы, исключительное право на извлечение и последующее использование которых в любой форме и любым способом принадлежит разработчику искусственного интеллекта по аналогии с изготовителем базы данных (ст. 1333, 1334 ГК РФ).

В силу п. 1 ст. 1334 ГК РФ изготовителю базы данных, создание которой требует существенных финансовых, материальных, организационных или иных затрат, принадлежит исключительное право извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование в любой форме и любым способом (исключительно право изготовителя базы данных).

При таких условиях разработчику искусственного интеллекта будут принадлежать исключительные права на извлечение и последующее использование объектов, сгенерированных искусственным интеллектом, когда компоненты данных объектов характеризуются исключительно технической функцией в отсутствие творческого характера деятельности человека.

Такой подход повышает мотивацию разработчиков по созданию и развитию технологий искусственного интеллекта, так как создаваемые искусственным интеллектом объекты могут иметь существенную коммерческую ценность.

Предложенный подход требует дальнейшего исследования и детальной проработки, так как вопросы содержания, охраны и защиты прав на объекты, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта, на сегодняшний день являются актуальными и нуждаются в тщательном изучении.

3. Зарубежный опыт правовой охраны объектов, созданных искусственным интеллектом

Большинство стран в мире делят произведения на те, которые созданы искусственным интеллектом, и те, которые созданы человеком с использованием искусственного интеллекта. В случае если произведение создано искусственным интеллектом, правами на такое произведение либо обладает лицо, которые является разработчиком искусственного интеллекта, либо такого правообладателя нет, т.е. права на произведение, созданное искусственным интеллектом, отсутствуют. В случае если произведение создано с участием человека, тогда права принадлежат либо пользователю искусственного интеллекта, с применением которо-

го было создано произведение, либо разработчику искусственного интеллекта и его пользователю.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (*WIPO*) выделяет среди произведений те, которые созданы с участием человека, и те, которые созданы искусственным интеллектом. При этом объекты, созданные искусственными интеллектом, не подлежат правовой защите как объекты интеллектуальных прав. В случае если искусственный интеллект был использован человеком при создании произведения, то права на такое произведение принадлежат лицу, использовавшему искусственный интеллект для его создания, или лицу, которое является разработчиком искусственного интеллекта [17].

Действующее законодательство Франции устанавливает защиту прав автора на все произведения, независимо от их жанра, формы выражения, а также достоинства или назначения. В то же время авторское право не распространяется на произведения, созданные искусственным интеллектом.

12 сентября 2023 г. депутатами парламента Франции был представлен законопроект о регулировании авторского права в области искусственного интеллекта. Согласно ст. 2 названного законопроекта предложено закрепить «когда произведение создается искусственным интеллектом без прямого вмешательства человека, единственными правообладателями являются авторы или правообладатели произведений, которые сделали возможным создание указанного искусственного произведения» [18].

Австралия также не предоставляет правовую охрану объектам, сгенерированным искусственным интеллектом. Такие объекты после их создания переходят в общественное достояние.

В Великобритании для признания авторства творческая составляющая участия человека в создании произведения не имеет значение, ключевым являются труд и время, которые были затрачены на создание этого произведения. Так, автором произведения, созданного программой для ЭВМ, признается лицо, которое приняло меры, необходимые для создания произведения, или лицо, которое явилось инициатором создания такого произведения. Следовательно, сгенерированные искусственным интеллектом объекты получают правовую охрану как объекты авторского права.

Согласно разд. 178 Закона об авторском праве, промышленных образцах и патентах (*CDPA*) произведение, созданное искусственным разумом, представляет собой произведение, у которого автор-человек отсутствует. При этом разработчик признается лицом, посредством которого осуществляются мероприятия, необходимые для создания произведения [19].

Действующее законодательство США не признает искусственный интеллект субъектом интеллектуальных прав и не предоставляет объектам, созданным искусственным интеллектом, правовую охрану [20, p. 25]. Бюро регистрации авторских прав США отказывает в регистрации в качестве объектов авторского права произведений, которые были созданы непосредственно искусственным интеллектом.

Так, 14 февраля 2022 г. Наблюдательный совет Бюро авторских прав США (далее – Совет) повторно рассмотрев запрос Стивена Талера о пересмотре отказа в ре-

гистрации двухмерного произведения искусства под названием «Недавний вход в рай», подтвердил решение Бюро авторских прав США и отклонил заявку на регистрацию авторских прав на указанное произведение искусства, полностью созданное с помощью компьютерного алгоритма. Талер ссылался на то, что «требование об авторстве человека является неконституционным и не поддерживается ни законом, ни прецедентным правом». При этом Совет принял в качестве критерия утверждение Талера о том, что произведение было создано автоматически искусственным интеллектом без какого-либо творческого вклада человека. Закон США об авторском праве предоставляет защиту «оригинальным авторским произведениям», зафиксированным на материальном носителе. Произведение имеет право на защиту авторских прав только в том случае, если оно создано автором-человеком, однако Талер не предоставил никаких доказательств достаточного творческого вклада или вмешательства автора-человека в созданное произведение. Своим решением Совет фактически подтвердил, что авторство человека является необходимым условием защиты авторских прав [21].

Аналогичное решение принял Наблюдательный совет Бюро авторских прав США 11 декабря 2023 г., которым отклонил второй запрос Анкита Сахни о пересмотре регистрации произведения, созданного с помощью искусственного интеллекта, подчеркнув отсутствие достаточного человеческого авторства. Сахни утверждал, что искусственный интеллект был вспомогательным инструментом, а его творческие решения были достаточными для признания его автором произведения. Он также утверждал, что традиционные элементы авторства присутствовали в его выборе в ходе творческого процесса, в связи с чем работа (картина/фотография) носила оригинальный характер. Своим решением Совет в очередной раз подчеркнул сохраняющуюся проблему определения авторства человека в произведениях, которые созданы с помощью искусственного интеллекта [22].

Зарубежный опыт показывает, что большинство стран не рассматривают искусственный интеллект в качестве субъекта интеллектуальных прав и не предоставляют правовую охрану объектам, которые были созданы непосредственно искусственным интеллектом.

Заключение

Анализ зарубежного и российского законодательства, правоприменительной практики, научных трудов показал существующие проблемы в правовом регулировании объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта.

В соответствии с российским законодательством авторским правом охраняются результаты интеллектуальной деятельности, созданные творческим трудом человека и выраженные в объективной форме.

Таким образом, чтобы созданный объект был признан объектом авторского права, требуется непосредственное участие человека и творческий характер его деятельности.

Автор приходит к выводу, что в случае создания произведения человеком, если его деятельность носила творческий характер, но при этом в качестве вспомога-

тельного инструмента использовалась технология искусственного интеллекта, такое произведение может быть признано объектом авторского права и, соответственно, на него в полной мере должна распространяться правовая охрана.

Объекты, которые были сгенерированы искусственным интеллектом, при создании которых творческая составляющая интеллектуальной деятельности человека отсутствовала, автор предлагает рассматривать как материалы, исключительное право на извлечение и последующее использование которых в любой форме и любым способом принадлежит разработчику искусственного интеллекта по аналогии с изготовителем базы данных (ст. 1333, 1334 ГК РФ).

Данный подход будет стимулировать деятельность разработчиков, связанную с созданием и развитием технологий искусственного интеллекта. Указанное напрямую окажет влияние на развитие инновационной деятельности и, следовательно, на экономический рост как отдельных компаний, так и государства в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Искусственный интеллект: между мифом и реальностью // Курьер ЮНЕСКО : сайт. URL: https://ru.unesco.org/courier/2018-3/iskusstvennyy-intellekt-mezhdu-mifom-i-realnostyu (дата обращения: 19.11.2023).

2. *Дзюбенко И. Б.* Экспоненциальные технологии и организации как фактор роста высокотехнологичного бизнеса // Science and technology innovations : сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 22 октября 2020 года. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020.

3. Паспорт федерального проекта «Цифровые технологии» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9) // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : сайт. URL: https://digital.gov.ru (дата обращения: 19.11.2023).

4. Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27 августа 2020 г. № 17) // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : сайт. URL: https://digital.gov.ru (дата обращения: 19.11.2023).

5. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7) // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : сайт. URL: https://digital.gov.ru (дата обращения: 19.11.2023).

6. Постановление Правительства РФ от 3 мая 2019 г. № 549 «О государственной поддержке компаний-лидеров, разрабатывающих и обеспечивающих внедрение

продуктов, сервисов и платформенных решений преимущественно на основе российских технологий и решений для цифровой трансформации приоритетных отраслей экономики и социальной сферы в рамках реализации дорожных карт по направлениям развития «сквозных» цифровых технологий» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Приказ Минкомсвязи России от 23 апреля 2020 г. № 195 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Цифровые технологии» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Communication from the Commission "Artificial Intelligence for Europe" // EUR-Lex : сайт. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2018%3A237%3AFIN (дата обращения: 19.11.2023).

9. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. от 15 февраля 2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. 22 дек. № 289.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/27773/ (дата обращения: 19.11.2023).

13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 г. № 5-КГ21-14-К2, 3-466/2019 // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: https://www.vsrf.ru (дата обращения: 19.11.2023).

14. *Аюшеева И. З.* Правовой режим результатов, созданных искусственным интеллектом // Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юридического форума : в 3 ч. Ч. 2. М. : Изд. центр Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2023.

15. *Братусь Д. В.* Право авторства и искусственный интеллект // Гражданский кодекс Российской Федерации: 25 лет действия : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 04–05 июня 2019 года. Екатеринбург : УГЮУ, 2019.

16. *Вавилин Е. В.* Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45.

17. Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность // Всемирная организация интеллектуальной собственности : сайт. URL: https://www.wipo.int/about-ip/ru/artificial_intelligence/ (дата обращения: 19.11.2023).

18. Proposition de loi visant à encadrer l'intelligence artificielle par le droit d'auteur, n° 1630, déposée le mardi 12 septembre 2023 // Assemblée nationale : сайт. URL:

https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/textes/l16b1630_proposition-loi (дата обращения: 30.03.2024).

19. Copyright, Designs and Patents Act 1988 // GOV.UK : сайт. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/957583/Copyright-designs-and-patents-act-1988.pdf (дата обращения: 19.11.2023).

20. *Ashraf T.* Intellectual Property Implications of Artificial Intelligence and Ownership of AI-Generated Works // SSRN : сайт. URL: https://ssrn.com/abstract=4494640 (дата обращения: 19.11.2023).

21. Copyright Office Review Board Reaffirms that Human Authorship is a Prerequisite for Copyright Protection // Cowan, Liebowitz & Latman : сайт. URL: https://www.cll.com/CopyrightDevelopmentsBlog/copyright-office-review-board-reaffirms-that-human-authorship-is (дата обращения: 19.11.2023).

22. Denied Recognition – Copyright Office Rejects AI-Generated Work Application, Board Cites Lack of Human Authorship // Cryptopolitan : сайт. URL: https://www.cryptopolitan.com/copyright-office-rejects-ai-generated-work/ (дата обращения: 23.12.2023).

References

1. Artificial Intelligence: Between Myth and Reality. URL: https://ru.unesco.org/courier/2018-3/iskusstvennyy-intellekt-mezhdu-mifom-i-realnostyu (date of the application: 19.11.2023). (In Russ.)

2. *Dziubenko I. B.* Exponential Technologies and Organizations as a Growth Factor for High-Tech Business. In Science and Technology Innovations: Collection of Articles from the IV International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, 22 October 2020. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", 2020. (In Russ.)

3. Passport of the Federal Project "Digital Technologies" (approved by the Presidium of the Government Commission on Digital Development, Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Conditions for Doing Business, Protocol of 28 May 2019 No. 9). URL: https://digital.gov.ru (date of the application: 19.11.2023). (In Russ.)

4. Passport of the Federal Project "Artificial Intelligence" of the National Program "Digital Economy of the Russian Federation" (Appendix No. 3 to the Minutes of the Presidium of the Government Commission on Digital Development, Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Conditions for Doing Business of 27 August 2020 No. 17). URL: https://digital.gov.ru (date of the application: 19.11.2023). (In Russ.)

5. Passport of the National Project "National Program "Digital Economy of the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Council Under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, Protocol of 4 June 2019 No. 7). URL: https://digital.gov.ru (date of the application: 19.11.2023). (In Russ.)

6. Resolution of the Government of the Russian Federation of 3 May 2019 No. 549 "On State Support for Leading Companies Developing and Implementing Products, Services and Platform Solutions Primarily Based on Russian Technologies and Solutions for the Digital Transformation of Priority Sectors of the Economy and Social Sphere Within

the Framework of the Implementation of Roadmaps in Areas of Development of 'End-To-End' Digital Technologies" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

7. Order of the Ministry of Communications of Russia of 23 April 2020 No. 195 "On Approval of Methods for Calculating Indicators of the Federal Project 'Digital Technologies' of the National Program 'Digital Economy of the Russian Federation'" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

8. Communication from the Commission "Artificial Intelligence for Europe". URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2018%3A237%3AFIN (date of the application: 19.11.2023). (In Russ.)

9. Federal Law of 24 April 2020 No. 123-FZ "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Constituent Entity of the Russian Federation – The City of Federal Significance Moscow and Amending Articles 6 and 10 of the Federal Law 'On Personal Data'" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

10. Decree of the President of the Russian Federation of 10 October 2019 No. 490 (as amended on 15 February 2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030") (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

11. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18 December 2006 No. 230-FZ. *Rossiiskaia Gazeta*, 22 December 2006, no. 289. (In Russ.)

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23 April 2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/27773/ (date of the application: 19.11.2023). (In Russ.)

13. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 April 2021 No. 5-KG21-14-K2, 3-466/2019. URL: https://www.vsrf.ru (date of the application: 19.11.2023). (In Russ.)

14. *Aiusheeva I. Z.* Legal Regime of Results Created by Artificial Intelligence. In Sustainable Development of Russia: Legal Dimension: Collection of Reports of the X Moscow Legal Forum. In 3 Parts. Part 2. Moscow: Publishing Center of the Kutafin University, 2023. (In Russ.)

15. *Bratus D. V.* Copyright and Artificial Intelligence. In Civil Code of the Russian Federation: 25 Years of Validity: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, 4–5 June 2019. Yekaterinburg: USLU, 2019. (In Russ.)

16. *Vavilin E. V.* Status of Artificial Intelligence: From Object to Subject of Legal Relations. *Bulletin of Tomsk State University. Law*, 2022, no. 45. (In Russ.)

17. Artificial Intelligence and Intellectual Property. URL: https://www.wipo.int/about-ip/ru/artificial_intelligence/ (date of the application: 19.11.2023). (In Russ.)

18. Proposition de loi visant à encadrer l'intelligence artificielle par le droit d'auteur, n° 1630, déposée le mardi 12 septembre 2023. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/textes/l16b1630_proposition-loi (date of the application: 30.03.2024).

19. Copyright, Designs and Patents Act 1988. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/957583/Copyright-designs-and-patents-act-1988.pdf (date of the application: 19.11.2023).

20. *Ashraf T.* Intellectual Property Implications of Artificial Intelligence and Ownership of AI-Generated Works. URL: https://ssrn.com/abstract=4494640 (date of the application: 19.11.2023). (In Russ.)

21. Copyright Office Review Board Reaffirms that Human Authorship is a Prerequisite for Copyright Protection. URL: https://www.cll.com/CopyrightDevelopmentsBlog/copyright-office-review-board-reaffirms-that-human-authorship-is (date of the application: 19.11.2023).

22. Denied Recognition – Copyright Office Rejects AI-Generated Work Application, Board Cites Lack of Human Authorship. URL: https://www.cryptopolitan.com/copyright-office-rejects-ai-generated-work/ (date of the application: 23.12.2023).

Сведения об авторе:
К. М. Адамян – аспирант.

Information about the author:
K. M. Adamyan – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 21.06.2024; принята к публикации 22.06.2024.

The article was submitted to the editorial office 19.01.2024; approved after reviewing 21.06.2024; accepted for publication 22.06.2024.

Научная статья
УДК 342.553
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-246-255

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ГОРОДА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Рахмон Багдадович Муталипов

Тюменский государственный университет, 625003,
Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

rakhmon.mutalipov@mail.ru

Аннотация

Законопроектом № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» упраздняются городские и сельские поселения. В этой связи автор допускает два возможных последующих варианта развития событий: города-поселения объединят с поселениями районов в муниципальные или городские округа; или же города-поселения переименуют в округа. В статье обоснована необходимость реализации концепции развития города в целом в муниципальных образованиях, а не в городских административно-территориальных единицах. Наличие на территории муниципального образования единой концепции будет способствовать устойчивому развитию такого образования. Использовались частнонаучные методы (анализ, синтез, дедукция); при исследовании федерального законодательства применен формально-юридический метод; метод юридического прогнозирования использован для выявления вариантов развития событий при принятии законопроекта.

Ключевые слова: концепция развития города; городские поселения; моногорода; умный город; безопасный город.

Для цитирования: *Муталипов Р. Б.* Концепция развития города: теоретико-правовые вопросы и проблемы реализации // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 246–255. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-246-255

Research Article

CITY DEVELOPMENT CONCEPT: THEORETICAL AND LEGAL ISSUES AND IMPLEMENTATION PROBLEMS

Rakhmon B. Mutalipov

Tyumen State University, 6 Volodarskii St., Tyumen, 625003, Russia

rakhmon.mutalipov@mail.ru

Abstract

Bill No. 40361-8 "On General Principles of Local Self-Government Organization in a Unified System of Public Authority" abolishes urban and rural settlements. In this regard, the author allows for two possible subsequent scenarios: city-settlements will be merged with district settlements into municipal or urban districts; or city-settlements will be renamed into districts. The article substantiates the need to implement the concept of city development as a whole in municipal entities, and not in urban administrative-territorial units. The presence of a unified concept on the territory of a municipal entity will contribute to the sustainable development of such an entity. Private scientific methods (analysis, synthesis, deduction) were used; the formal legal method was used in the study of federal legislation; the method of legal forecasting was used to identify options for the development of events during the adoption of the bill.

Keywords: city development concept; urban settlements; single-industry towns; smart city; safe city.

For citation: *Mutalipov R. B.* City Development Concept: Theoretical and Legal Issues and Implementation Problems. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 246–255. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-246-255

Введение

Согласно поправкам 2020 г. к Конституции России виды муниципальных образований, в пределах которых осуществляется местное самоуправление, закрепляются федеральным законом [1]. В развитие указанных поправок был разработан законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Законопроект о МСУ), который внесен в Государственную Думу в декабре 2021 г. и по настоящее время находится на ее рассмотрении [2]. Продолжительное нахождение законопроекта обусловлено расширением единой системы публичной власти путем присоединения к ней органов местного самоуправления, а также изложением в законопроекте ряда по-

ложений, которые значительно разнятся с предписаниями Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] (далее – Закон № 131-ФЗ).

К примеру, Законопроектом о МСУ предусмотрено упразднение городских и сельских поселений, муниципальных районов в качестве видов муниципальных образований, а также функционирование местного самоуправления в пределах городских и муниципальных округов, внутригородских территорий городов федерального значения. Приведенные положения Законопроекта о МСУ стали предметом обсуждения среди ученых-правоведов. Например, Т. Г. Гунина считает, что исключение поселений из системы местного самоуправления может снизить вовлеченность населения в решении вопросов местного значения [4, с. 66, 68]. М. Р. Зазулина, напротив, полагает, что Законопроект о МСУ позволит сократить число муниципальных образований, количество депутатов представительных органов, расходные части муниципальных бюджетов; упразднить лишние полномочия, уменьшить общее количество взаимодействий между участниками (само)управленческого процесса и перераспределяемых полномочий [5, с. 280–281]. И. В. Упоров указывает, что конституционные поправки 2020 года и Законопроект о МСУ демонстрируют возврат к советской системе организации местной власти, которую тогда представляли местные Советы как нижнее звено единой государственной власти, выстроенной на основе вертикального соподчинения [6, с. 134]. Соответственно, рассматриваемые положения Законопроекта о МСУ получили различную оценку научной общественности, но в рамках настоящего исследования затронем теоретико-правовые вопросы и проблемы реализации концепции развития города.

Стоит отметить, что ликвидация городских поселений не обязательно может привести к утрате поселением статуса муниципального образования. Например, Е. С. Шугрина на федеральных экспертных слушаниях не исключала того, что при реализации Законопроекта о МСУ субъекты России могут переименовать сельские и городские поселения в муниципальные и городские округа соответственно [7]. С. В. Нарутто обращает внимание на необходимость при формировании муниципальных образований поиска баланса между местными (доступ населения к услугам, транспортная доступность, инфраструктурная связанность и т.п.) и государственными (оптимизация административно-финансовых ресурсов и т.д.) интересами [8, с. 217–221].

Солидаризуясь с вышеизложенными мнениями, заметим, что число поселений со статусом муниципальных образований ежегодно уменьшается на территории России. Как отмечает Н. В. Ворошилов, «общее количество муниципальных образований в России за период 2006–2022 г. сократилось на 5 798 ед., или на 24%» в связи с соединением поселений в большинстве российских регионов, преобразованием районов в округа [9, с. 56]. Данные обстоятельства свидетельствуют о формировании тенденции укрупнения муниципалитетов. Исследуя преобразование отечественной публичной власти, М. В. Глигич-Золотарева и Н. И. Лукьянова также подтверждают, что в Подмосковье процесс интеграции муниципальных образований «начался еще в 2014 г., за пять лет вместо 378 муниципальных образований здесь появилось 64 городских округа с единой администрацией, главой и советом депута-

тов» [10, с. 37]. Следовательно, территориальная организация местного самоуправления свидетельствует о наличии тенденции постепенного объединения поселений в муниципальные и городские округа, что приводит к усложнению публичного управления территорией, которая уже включает в себя не только территорию одного крупного населенного пункта (город и т.п.), но и территории близлежащих населенных пунктов (поселок, село и т.д.). Например, в состав муниципального образования город Екатеринбург в Свердловской области наряду с самим городом Екатеринбург входят 16 поселков и два села [11]. Ольский городской округ в Магаданской области состоит из трех поселков и семи сел, и город в него не включен [12]. В условиях включения местного самоуправления в публичную власть и тенденции укрупнения муниципалитетов становятся актуальными вопросы определения города как объекта правового регулирования, а также принятия и реализации концепции развития города. Как верно отмечает Д. А. Авдеев, «настало время выработать такую концепцию» [13, с. 20].

1. Законопроект о МСУ и основные концепции развития города

Согласно ст. 2 Закона № 131-ФЗ город может иметь статус городского поселения или статус городского округа. На федеральном уровне подзаконными актами заложены правовые основы разработки и функционирования ключевых концепций развития города: моногородов, умных городов и безопасных городов. В силу п. 2 Критериев отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам), утв. постановлением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 [14] (далее – Критерии), муниципальное образование Российской Федерации признается монопрофильным (моногородом) в одном из следующих случаев:

а) муниципальное образование соответствует одновременно следующим критериям:

– муниципальное образование имеет статус городского округа или городского поселения, за исключением муниципальных образований, в которых находится законодательный орган власти субъекта Российской Федерации;

– численность постоянного населения муниципального образования превышает 3 тыс. человек;

– численность работников одной из организаций достигала в период 5 лет, предшествующих дате утверждения перечня моногородов, 20 процентов среднесписочной численности работников всех организаций, осуществляющих деятельность на территории муниципального образования;

– осуществление одной из организаций деятельности по добыче полезных ископаемых (кроме нефти и газа), и (или) производству, и (или) переработке промышленной продукции;

б) муниципальное образование включено по состоянию на 1 января 2014 г. в перечень моногородов и относится к категориям 1 или 2 моногородов в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения.

Соответственно, устойчивость моногородов находится в прямо пропорциональной зависимости от функционирования градообразующих компаний, поскольку указанные компании являются главными работодателями в моногородах.

В целях повышения устойчивости моногородов, снижения их зависимости от деятельности градообразующих предприятий моногородам оказываются различные меры поддержки. В этой связи на общероссийском уровне в рамках правового регулирования концепций моногородов определяются критерии отнесения к моногородам, закрепляется перечень таких городов. На практике большинство моногородов в силу своих небольших размеров имеют статус городских поселений, некоторые (Тольятти, Череповец) являются городскими округами [15, с. 45].

2. Концепция «Безопасный город»

Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», утв. распоряжением Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 2446-р [16] (далее – Концепция «Безопасный город»), ориентирована на улучшение в муниципальных образованиях общего уровня социальной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания за счет существенного улучшения координации деятельности сил и служб, ответственных за решение этих задач. Следовательно, несмотря на название, Концепция «Безопасный город» может быть реализована в целом в муниципальных образованиях, как, например, в муниципальном районе «Троицко-Печорский» [17].

3. Концепция «Умный город»

Концепция проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город», утв. приказом Минстроя России от 25 декабря 2020 г. № 866/пр [18] (далее – Концепция «Умный город»), определяет важные векторы изменения умных городов, а также закрепляет следующее понятие умного города: это подход к развитию города, использующего цифровые инструменты для повышения уровня жизни, качества услуг и эффективности управления при обязательном удовлетворении потребностей настоящего и будущих поколений во всех актуальных аспектах жизни. В Концепции «Умный город» содержится также Ведомственный проект Минстроя России по цифровизации городского хозяйства «Умный город», согласно предл. 2 абз. 8 которого мероприятия стандарта умного города реализовываются в субъектах Российской Федерации, муниципальных образованиях, имеющих статус города с численностью свыше 100 тыс. человек, административных центрах регионов России и пилотных городах проекта «Умный город».

Таким образом, Концепция «Умный город» содействует комплексному развитию городов посредством внедрения в них цифровых инструментов. Территориальным местом реализации концепции моногородов являются городские округа, городские и сельские поселения; концепции умных городов – городские округа и городские поселения; концепции безопасных городов – муниципальные образования.

Поскольку Законопроектом о МСУ городские округа не ликвидируются, то остановимся на вопросах разработки концепций моногородов и умных городов, которые могут реализовываться в поселениях. В этом ситуации возможны два варианта: первый – поселения, в которых действовали концепции развития города, объединят с поселениями районов в муниципальные или городские округа; и второй вариант – поселения переименуют в округа. Исключение городов-поселений из объектов

муниципально-правового регулирования может спровоцировать стагнацию таких городов, потому что для принятия и осуществления концепции развития городов (по сути, векторов развития городов) требуются органы местного самоуправления, правовые основания для образования которых не в муниципальных образованиях отсутствуют. Разумеется, за поселениями сохранится статус административно-территориальных единиц и функции муниципального управления в поселениях будут исполнять территориальные и отраслевые органы местного самоуправления. При обособленном юридическом регулировании городов-поселений не исключена будет ситуация, когда на территории одного городского или муниципального округа будут несколько объектов правового регулирования: сам округ и входящие в него города-поселения, что может усложнить управление округом.

На наш взгляд, концепцию развития города стоит реализовывать только в муниципальных округах, поскольку концепции развития города принимаются, как правило, органами местного самоуправления. Соответственно, наличие юридического статуса муниципального образования служит гарантией разработки и реализации концепции развития города. Для целей принятия концепции развития города под городом можно понимать любое муниципальное образование, как например, в Концепции «Безопасный город». Кроме того, наличие на территории муниципального образования единой концепции будет способствовать устойчивому развитию такого муниципального образования, а также соответствовать тенденции укрупнения муниципальных образований.

Учитывая изложенное, предлагается внести изменения в ряд подзаконных актов, составляющих правовую основу концепции развития города. В абз. 2 подп. «а» п. 2 Критериев рекомендуется исключить положение о том, что для отнесения муниципального образования к моногороду необходимо наличие статуса городского округа или городского поселения, и изложить подпункт следующим образом: «муниципальное образование имеет статус городского или муниципального округа, за исключением муниципальных образований, в которых в соответствии с законом субъекта Российской Федерации находится законодательный орган власти субъекта Российской Федерации».

В Концепции «Умный город» во втором предложении восьмого абзаца раздела «Ведомственный проект Минстроя России по цифровизации городского хозяйства «Умный город» предлагаем исключить положение о том, что мероприятия стандарта умного города реализовываются в муниципальных образованиях, имеющих статус города, и изложить предложение так: «мероприятия стандарта реализовываются в субъектах Российской Федерации, муниципальных образованиях с численностью свыше 100 тыс. человек, административных центрах регионов России и пилотных городах проекта «Умный город».

Заключение

В настоящее время сформировалась устойчивая тенденция укрупнения муниципальных образований, что приводит к усложнению публичного управления территорией, которая уже включает в себя не только территорию одного крупного населенного пункта (город и т.п.), но и территории близлежащих населенных пунктов

(поселок, село и т.д.). Город может иметь статус городского поселения или статус городского округа. При этом концепции развития города могут реализовываться в городских округах, городских и сельских поселениях (концепции моногородов); в городских округах и городских поселениях (концепции умных городов); в целом в муниципальных образованиях (концепции безопасных городов). При принятии законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» возможны, как мы предполагаем, два варианта развития событий: поселения, в которых действовали концепции развития города, будут преобразованы путем их объединения с поселениями районов в муниципальные или городские округа; и второй вариант – поселения переименуют в округа. На наш взгляд, концепцию развития города стоит реализовывать только в муниципальных округах, поскольку концепции развития города принимаются, как правило, органами местного самоуправления и наличие юридического статуса муниципального образования служит гарантией разработки и реализации концепции развития города.

Пристатейный библиографический список

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

2. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8 (дата обращения: 12.08.2024).

3. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (по сост. на 22 июля 2024 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

4. *Гунина Т. Г.* Переход на одноуровневую систему муниципальных образований: последствия для местного самоуправления // Oeconomia et Jus. 2022. № 2.

5. *Зазулина М. Р.* Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7. № 3(25).

6. *Упоров И. В., Шеуджен Н. А.* Местная власть как предмет конституционного регулирования в динамике ретроспективного анализа // Общество и право. 2022. № 2 (80).

7. Стенограмма Федеральных экспертных слушаний «Об актуальных вопросах муниципального строительства и развития законодательства в сфере местного самоуправления в Российской Федерации» // Комитет Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению : сайт. URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/Meropriyatiya-s-uchastiem-Komiteta/item/28286279 (дата обращения: 12.08.2024).

8. *Нарутто С. В., Шугрина Е. С.* Территориальная организация государственной власти и местного самоуправления : учебник для магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2024.

9. *Ворошилов Н. В.* Предпосылки и перспективы реформирования местного самоуправления в России // Федерализм. 2023. Т. 28. № 4 (112).

10. *Глигич-Золотарева М. В., Лукьянова Н. И.* Новые контуры трансформации публичной власти в Российской Федерации // Федерализм. 2022. Т. 27. № 1 (105).

11. Решение Екатеринбургской городской Думы от 30 июня 2005 г. № 8/1 «О принятии Устава муниципального образования «город Екатеринбург»» (по сост. на 25 июня 2024 г.) // Вестник Екатеринбургской городской Думы. 2017. № 331.

12. Постановление Правительства Магаданской области от 13 декабря 2019 г. № 853-пп «Об утверждении Перечня сельских населенных пунктов и рабочих поселков, входящих в состав городских округов Магаданской области, а также Перечня сельских агломераций на территории Магаданской области» // СПС «КонсультантПлюс».

13. *Авдеев Д. А.* Публичное управление: от городского к государственному // Градостроительное право. 2020. № 3.

14. Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4425.

15. *Гатауллин Р. Ф., Сизоненко З. Л., Игнатьева О. Н.* Проблемы становления и развития института местного самоуправления в условиях современной России. Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2022.

16. Распоряжение Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»» (по сост. на 5 апреля 2019 г.) // СЗ РФ. 2014. № 50. Ст. 7220.

17. Постановление администрации муниципального района «Троицко-Печорский» от 2 сентября 2019 г. № 09/709 «Об утверждении Регламента информационного взаимодействия в рамках Аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» администрации муниципального района «Троицко-Печорский»» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Концепция проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город», утв. приказом Минстроя России от 25 декабря 2020 г. № 866/пр // Информационный бюллетень о нормативной, методической и типовой проектной документации. 2021. № 1-2.

References

1. Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14 March 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Some Issues of the Organization and Functioning of Public Power". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 11, art. 1416. (In Russ.)

2. Bill No. 40361-8 "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified System of Public Authority". URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8 (date of the application: 12.08.2024). (In Russ.)

3. Federal Law of 6 October 2003 No. 131-FZ "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" (as of 22 July 2024). *Collection of Legislation of the Russian Federation,* 2003, no. 40, art. 3822. (In Russ.)

4. *Gunina T. G*. Transition to a Single-Tier System of Municipalities: Consequences for Local Self-Government. *Oeconomia et Jus*, 2022, no. 2. (In Russ.)

5. *Zazulina M. R*. Fitting into the System: Local Self-Government in the Context of the New Federal Reform. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 2022, vol. 7, no. 3 (25). (In Russ.)

6. *Uporov I. V., Sheudzhen N. A.* Local Power as a Subject of Constitutional Regulation in the Dynamics of Retrospective Analysis. *Society and Law*, 2022, no. 2 (80). (In Russ.)

7. Transcript of the Federal Expert Hearings "On Current Issues of Municipal Construction and Development of Legislation in the Sphere of Local Self-Government in the Russian Federation". URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/Meropriyatiya-s-uchastiem-Komiteta/item/28286279 (date of the application: 12.08.2024). (In Russ.)

8. *Naruto S. V*., *Shugrina E. S*. Territorial Organization of State Power and Local Self-Government: Textbook for Master's Degree Programs. 2nd ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2024. (In Russ.)

9. *Voroshilov N. V*. Prerequisites and Prospects for Reforming Local Self-Government in Russia. *Federalism*, 2023, vol. 28, no. 4 (112). (In Russ.)

10. *Gligich-Zolotareva M. V., Lukianova N. I*. New Contours of the Transformation of Public Authority in the Russian Federation. *Federalism*, 2022, vol. 27, no. 1 (105). (In Russ.)

11. Resolution of the Yekaterinburg City Duma of 30 June 2005 No. 8/1 "On the Adoption of the Charter of the Municipality 'City of Yekaterinburg'" (as of 25 June 2024). *Bulletin of the Yekaterinburg City Duma*, 2017, no. 331. (In Russ.)

12. Resolution of the Government of the Magadan Region of 13 December 2019 No. 853-Pp "On Approval of the List of Rural Settlements and Workers' Settlements Included in the Urban Districts of the Magadan Region, as Well as the List of Rural Agglomerations on the Territory of the Magadan Region" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

13. *Avdeev D. A*. Public Administration: From Urban to State. *Urban Planning Law*, 2020, no. 3. (In Russ.)

14. Resolution of the Government of the Russian Federation of 29 July 2014 No. 709 "On the Criteria for Classifying Municipalities of the Russian Federation as Single-Industry (Single-Industry Towns) and Categories of Single-Industry Municipalities of the Russian Federation (Single-Industry Towns) Depending on the Risks of Deterioration of Their Socio-Economic Situation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 31, art. 4425. (In Russ.)

15. *Gataullin R. F., Sizonenko Z. L., Ignatyeva O. N*. Problems of Formation and Development of the Institution of Local Self-Government in the Conditions of Modern Russia. Ufa: Bashkir State University, 2022. (In Russ.)

16. Order of the Government of the Russian Federation of 3 December 2014 No. 2446-R "On Approval of the Concept for the Construction and Development of the

Hardware and Software Complex 'Safe City'" (as of 5 April 2019). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 50, art. 7220. (In Russ.)

17. Resolution of the Administration of the Municipal District "Troitsko-Pechorsky" of 2 September 2019 No. 09/709 "On Approval of the Regulations on Information Interaction Within the Framework of the Hardware and Software Complex 'Safe City' of the Administration of the Municipal District 'Troitsko-Pechorsky'" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

18. Concept of the Digitalization Project of the Urban Economy "Smart City", approved by the Order of the Ministry of Construction of Russia of 25 December 2020 No. 866/pr. *Information Bulletin on Regulatory, Methodological and Standard Design Documentation*, 2021, no. 1-2. (In Russ.)

Сведения об авторе:
Р. Б. Муталипов – аспирант.

Information about the author:
R. B. Mutalipov – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 19.08.2024; одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 09.09.2024.

The article was submitted to the editorial office 19.08.2024; approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 09.09.2024.

Научная статья
УДК 346.544
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-256-263

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА АНТИМОНОПОЛЬНОГО КОМПЛАЕНСА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В СВЯЗИ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРЕДПИСАНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ОРГАНА О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И УСТРАНЕНИЮ НАРУШЕНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Иван Александрович Тарасов

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

tarasov.post@bk.ru

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена ростом заинтересованности организаций в применении антимонопольного комплаенса. Цель работы – выявление организационных проблем, связанных с разработкой антимонопольного комплаенса. Используются общенаучные методы исследования (обобщение теоретического материала, индуктивные и дедуктивные умозаключения) и частнонаучные (сравнительно-правовой, юридико-лингвистический). Проанализированы обстоятельства, связанные с выдачей предписаний ФАС России по результатам рассмотрения ходатайств о даче согласия на осуществление сделок, подлежащих контролю за экономической концентрацией. Делается вывод об эффективности применения комплаенса, и выдвигаются предложения о предоставлении дополнительных гарантий лицам, применяющим антимонопольный комплаенс.

Ключевые слова: антимонопольный комплаенс; антимонопольное законодательство; решение о нарушении антимонопольного законодательства; сделки и иные действия; экономическая концентрация; судебная практика; административный штраф.

Для цитирования: *Тарасов И. А.* Развитие института антимонопольного комплаенса хозяйствующих субъектов в связи с исполнением предписаний антимонопольного органа о необходимости проведения мероприятий по предупреждению и устранению нарушений антимонопольного законодательства // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 256–263. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-256-263

Research Article

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF ANTIMONOPOLY COMPLIANCE OF ECONOMIC ENTITIES IN CONNECTION WITH THE EXECUTION OF THE ANTIMONOPOLY AUTHORITY'S INSTRUCTIONS ON THE NEED TO TAKE MEASURES TO PREVENT AND ELIMINATE VIOLATIONS OF ANTIMONOPOLY LEGISLATION

Ivan A. Tarasov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

tarasov.post@bk.ru

Abstract

The relevance is due to the growing interest of organizations in the application of antimonopoly compliance. The objectives are to identify organizational problems related to the development of antimonopoly compliance. General scientific research methods (generalization of theoretical material, inductive and deductive conclusions) and private scientific (comparative legal, legal-linguistic) are used. The circumstances related to the issuance of prescriptions are analyzed The Federal Antimonopoly Service of Russia based on the results of consideration of applications for consent to transactions subject to control over economic concentration. The conclusion is made about the effectiveness of the application of compliance and proposals are put forward to provide additional guarantees to persons applying antimonopoly compliance.

Keywords: antimonopoly compliance; antimonopoly legislation; decision on violation of antimonopoly legislation; transactions and other actions; economic concentration; judicial practice; administrative fine.

For citation: *Tarasov I. A.* Development of the Institute of Antimonopoly Compliance of Economic Entities in Connection with the Execution of the Antimonopoly Au-

thority's Instructions on the Need to Take Measures to Prevent and Eliminate Violations of Antimonopoly Legislation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 256–263. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-256-263

Введение

Система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства хозяйствующих субъектов (далее также – антимонопольный комплаенс) как институт права в настоящее время уже изучается в рамках гражданского и антимонопольного законодательства Российской Федерации.

Антимонопольный комплаенс представляет собой систему правовых и организационно-управленческих мер, предусмотренных внутренним актом, которые направленны на соблюдение требований антимонопольного законодательства (далее – АМЗ) и предупреждение его нарушения.

1. Нормативное закрепление и развитие института антимонопольного комплаенса

Законодательное закрепление института антимонопольного комплаенса для хозяйствующих субъектов произошло 1 марта 2020 г. С указанного момента ФАС России совместно с территориальными органами проводится планомерная работа с бизнесом по освещению эффективности применения указанного института в предпринимательской деятельности с точки зрения снижения рисков нарушения антимонопольного законодательства.

С момента внедрения этого института по 2022 г. в ФАС России поступило 97 заявлений о согласовании антимонопольного комплаенса от организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность в различных сферах бизнеса [1, с. 115].

Федеральной антимонопольной службы проведен анализ обращений о согласовании внутренних актов, устанавливающих антимонопольный комплаенс, который продемонстрировал значительную заинтересованность юридических лиц в его внедрении.

Вместе с тем разработанные акты об антимонопольном комплаенсе не всегда отвечают требованиям Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции).

Подобные несоответствия, выявленные ФАС России, касаются, например, отсутствия конкретных мероприятий, связанных с оценкой рисков нарушения АМЗ, специальных должностей, в обязанности которых входит контроль за реализацией антимонопольного комплаенса, конкретных мер, направленных на снижение организациями рисков нарушения АМЗ.

Предусмотренный ч. 5, 6 ст. 9.1 Закона о защите конкуренции механизм установления соответствия внутреннего акта об антимонопольном комплаенсе требованиям антимонопольного законодательства позволяет не допускать хозяйствующим субъектам ошибки при его разработке, что, в свою очередь, снижает риск нарушения антимонопольного законодательства при его применении.

Согласно разъяснению ФАС России от 2 июля 2021 г. № 20 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства», утв. протоколом Президиума ФАС России от 2 июля 2021 г. № 4 (далее – Разъяснение № 20), ФАС России при выдаче заключений дает хозяйствующим субъектам рекомендации по устранению недостатков, послуживших причиной выдачи заключения о несоответствии актов об антимонопольном комплаенсе требованиям антимонопольного законодательства, а также по повышению общей эффективности функционирования системы антимонопольного комплаенса обратившегося хозяйствующего субъекта [2].

Игнорирование указанной процедуры может привести к признанию лица нарушающим антимонопольное законодательство даже в случае, если такое лицо действовало в соответствии с правилами, предусмотренными его внутренним актом об антимонопольном комплаенсе, поскольку последний не отвечает требованиям АМЗ.

В рамках рассмотрения указанных положений обратимся к выводам суда, изложенным в определении Верховного Суда РФ от 19 апреля 2021 г. № 305-ЭС21-4401 по делу № А40-3569/2020, об оспаривании решения антимонопольного органа, которым лицо признано нарушившим антимонопольные требования к торгам (ч. 1 ст. 17 Закона о защите конкуренции), несмотря на то, что оно действовало в соответствии с правилами собственного антимонопольного комплаенса, по которому ФАС России не проводилась процедура установления соответствия антимонопольному законодательству.

Так, судами установлено, что причиной нарушения АМЗ послужил подход к организации деятельности закупочной комиссии, реализованный в Регламенте рассмотрения жалоб и обращений при проведении закупочных процедур, который является частью антимонопольного комплаенса общества [3].

Кроме того, положения рассматриваемого Регламента напрямую приводили к нарушению Закона о защите конкуренции, и не были направлены на предупреждение его нарушения.

Верховный Суд РФ отметил, что в настоящее время отсутствует общепризнанный стандарт организации антимонопольного комплаенса, также как и общие требования к внутреннему порядку рассмотрения жалоб и обращений при проведении закупочных процедур.

На основании изложенного, суды обоснованно признали позицию Московского УФАС России о том, что при разработке внутреннего порядка рассмотрения жалоб в рамках проведения закупочных процедур следует учитывать принципы независимости, равенства участников, состязательности, диспозитивности, которые, в том числе предусмотрены Законом о защите конкуренции в части, касающейся рассмотрение дел о нарушении антимонопольного законодательства.

Важно отметить, что антимонопольным органом также лицу выдано предписание, согласно которому, в том числе было указано на необходимость внести соответствующие изменения в антимонопольный комплаенс общества.

Таким образом, суды сочли, что требования, изложенные в предписании антимонопольного органа, касающиеся обязанности внести изменения во внутренний

порядок рассмотрения жалоб участников закупок (в рамках системы антимонопольного комплаенса общества), соответствуют выявленному нарушению АМЗ.

Кроме этого, согласно иным актуальным судебным актам, предписания антимонопольного органа, касающиеся необходимости проведения дополнительной работы по разработке либо изменения внутренних актов об антимонопольном комплаенсе, признавались судами законными и обоснованными.

Например, Арбитражный суд Волго-Вятского округа в постановлении от 27 декабря 2021 г. № Ф01-7422/2021 по делу № А43-41583/2020 признал законным предписание (в рамках дела о нарушении п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции), согласно которому заявителям предписано провести разъяснительную работу среди должностных лиц по вопросу о порядке применения ст. 11 Закона о защите конкуренции, совершить иные действия в рамках системы мероприятий, направленных на предупреждение нарушений антимонопольного законодательства» [4]. Аналогичные выводы соответствуют правовой позиции арбитражного суда, изложенной в постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29 декабря 2020 г. № Ф01-15200/2020 по делу № А43-44258/2019 [5].

Рассматриваемые споры наглядно показывают, что практическая польза от антимонопольного комплаенса существует только в случае, если в его содержании заложены отвечающие требованиям антимонопольного законодательства механизмы предупреждения его нарушения. Само по себе наличие антимонопольного комплаенса, тем более в случае его несоответствия АМЗ, не будет являться основанием признания действий организации, соответствующим антимонопольному законодательству.

Обратная ситуация, если действия хозяйствующего субъекта осуществляются в соответствии с согласованными правилами антимонопольного комплаенса, при наличии положительного заключения, такой субъект не может быть признан нарушившим антимонопольное законодательство. Рассматриваемые обстоятельства предусмотрены п. 3 разд. VI Разъяснения № 20.

2. Актуальность применения антимонопольного комплаенса при согласовании с ФАС России сделок и иных действий, подлежащих государственному контролю за экономической концентрацией

Большое внимание государственный регулятор уделяет сделкам, подлежащим государственному контролю за экономической концентрацией. Например, это касается сделок с активами коммерческих организаций, правами в отношении коммерческих организаций, сделок с акциями (долями), активами финансовых организаций и правами в отношении финансовых организаций, которые совершаются с предварительного согласия антимонопольного органа.

Рассматриваемые сделки представляют особенный интерес, поскольку от их совершения зависит уровень свободы экономической деятельности в Российской Федерации, объем конкуренции и условия эффективного функционирования товарных рынков, т.е. стабильность и развитие национальной экономики.

В рамках предоставленных полномочий ФАС России при рассмотрении ходатайств о совершении сделок, подлежащих государственному контролю за эконо-

мической концентрацией, вправе согласовывать подобные сделки, в том числе под условием совершения хозяйствующим субъектом (заявителем) действий, направленных на обеспечение конкуренции.

Указанное реализуется посредством удовлетворении ходатайства о даче согласия на осуществление сделки, иного действия, подлежащих государственному контролю за экономической концентрацией, с одновременной выдаче заявителю (его группе лиц), и (или) хозяйствующему субъекту, чьи активы приобретаются, предписания об осуществлении действий, направленных на обеспечение конкуренции [6], к которым можно отнести, в том числе действия по организации антимонопольного комплаенса, разработки и осуществления иных мероприятий, направленных на предупреждение нарушений антимонопольного законодательства.

Например, рассматриваемое положение было отражено в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 2 ноября 2020 г. № Ф05-15066/2020 по делу № А40-340871/19-21-1829.

Как следует из материалов дела, по результатам рассмотрения ходатайства общества энергетики и электрификации Тюменьэнерго об осуществлении нескольких крупных сделок по приобретению акций региональных энергетических компаний, ФАС России выдало предписание об осуществлении действий, направленных на обеспечение конкуренции, в том числе об обязанности целях исполнения Национального плана развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы, утв. указом Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618, в течение шести месяцев с момента совершения сделок утвердить систему внутреннего обеспечения соответствия требованиям АМЗ [7].

При оспаривании указанного предписания суды трех инстанций сочли его законным и обоснованным, поскольку в результате совершения рассматриваемых сделок доля приобретателя на рынке услуг по купле-продаже электрической энергии значительно вырастит, в связи с чем повышаются риски ограничения конкуренции на указанном товарном рынке.

Заключение

Таким образом, с учетом проанализированной судебной практики за 2020–2021 гг., а также сведений, содержащихся в докладе о состоянии конкуренции за 2022 г., можно отметить растущую заинтересованность хозяйствующих субъектов во внедрении системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства, которая продиктована прежде всего необходимостью снижения рисков нарушения антимонопольного законодательства.

Проанализированная судебная практика позволяет сделать вывод о целесообразности использования возможности установления соответствия Федеральной антимонопольной службой разработанного антимонопольного комплаенса требованиям антимонопольного законодательства, которая, в свою очередь, обеспечивает повышение эффективности его применения, а также в случае получения положительного заключения ФАС России защищает хозяйствующего субъекта от возбуждения дел о нарушении антимонопольного законодательства, в том числе от возникающих в связи антимонопольным расследованием последствий в виде

административных штрафов, причинения вреда деловой репутации, и, что также важно, в виде признания недействительными сделок, подлежащих государственному контролю за экономической концентрацией.

Вместе с тем, несмотря на широкое информирование ФАС России о возможности внедрения системы антимонопольного комплаенса, а также наличие судебной практики, признающей обоснованными предписания ФАС России, обязывающие проводить мероприятия, которые направлены на принятие мер к предупреждению нарушений антимонопольного законодательства, а также положительные последствия его применения, темпы внедрения такой практики являются недостаточными.

Для разрешения указанной проблемы предлагается разработать ряд дополнительных гарантий для хозяйствующих субъектов, применяющих антимонопольный комплаенс. Такими гарантиями могут выступать, например сокращенный срок для рассмотрения ходатайств о даче согласия на совершения сделок и иных действий, подлежащих государственному контролю за экономической концентрацией. Поскольку при рассмотрении таких ходатайств ФАС России уделяет основное внимание вопросу «приведут ли либо могут ли привести к ограничению конкуренции рассматриваемые действия», наличие и доказательства надлежащего применения антимонопольного комплаенса могли бы существенно упростить указанную административную процедуру как для антимонопольного органа, так и для самого хозяйствующего субъекта, который в первую очередь заинтересован в быстром оказании такой государственной услуги.

Пристатейный библиографический список

1. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2022 год // ФАС России : сайт. URL: https://fas.gov.ru/documents/689041 (дата обращения: 16.10.2023).

2. Разъяснение ФАС России от 2 июля 2021 г. № 20 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства», утв. протоколом Президиума ФАС России от 2 июля 2021 № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Верховного Суда РФ от 19 апреля 2021 г. № 305-ЭС21-4401 по делу № А40-3569/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 декабря 2021 г. № Ф01-7422/2021 по делу № А43-41583/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29 декабря 2020 г. № Ф01-15200/2020 по делу № А43-44258/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 ноября 2020 г. № Ф05-15066/2020 по делу № А40-340871/19-21-1829 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Report on the State of Competition in the Russian Federation for 2022. URL: https://fas.gov.ru/documents/689041 (date of the application: 16.10.2023). (In Russ.)
2. Clarification of the FAS of Russia of 2 July 2021 No. 20 "On the System of Internal Compliance with the Requirements of Antimonopoly Legislation", approved by the Protocol of the Presidium of the FAS Russia of 2 July 2021 No. 4 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
3. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 19 April 2021 No. 305-ES21-4401 in Case No. A40-3569/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
4. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 27 December 2021 No. F01-7422/2021 in Case No. A43-41583/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
5. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 29 December 2020 No. F01-15200/2020 in Case No. A43-44258/2019 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
6. Federal Law of 26 July 2006 No. 135-FZ "On the Protection of Competition" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
7. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 2 November 2020 No. F05-15066/2020 in Case No. A40-340871/19-21-1829 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:
И. А. Тарасов – аспирант.

Information about the author:
I. A. Tarasov – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 26.03.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted to the editorial office 30.11.2023; approved after reviewing 26.03.2024; accepted for publication 06.05.2024.

Научная статья
УДК 347.95
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-264-271

РАЗУМНОСТЬ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СРОКУ ДЛЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ В РАМКАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Эдуард Флоберович Шахназарян

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

eduard-flo@ya.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу действующего пятидневного срока для добровольного исполнения требований в исполнительном производстве. Актуальность исследования и научная новизна заключаются в рассмотрении автором возможности корректировки указанного срока для создания правовых условий разумного регулирования общественных отношений. Автором использован преимущественно сравнительно-правовой метод для цели исследования реальных сроков исполнения отдельных категорий требований и сделан вывод о необходимости корректировки законодательной нормы.

Ключевые слова: исполнительное производство; исполнение судебных решений; судебный пристав-исполнитель; разумный добровольный срок.

Для цитирования: *Шахназарян Э. Ф.* Разумность применительно к сроку для добровольного исполнения в рамках исполнительного производства // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 264–271. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-264-271

Research Article

REASONABLENESS IN RELATION TO THE TIME LIMIT FOR VOLUNTARY EXECUTION IN THE FRAMEWORK OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS

Eduard A. Shahnazaryan

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

eduard-flo@ya.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the current five-day period for voluntary fulfillment of requirements in enforcement proceedings. The relevance of the study and its scientific novelty lie in the author's consideration of the possibility of adjusting the specified period to create legal conditions for the reasonable regulation of social relations. The author uses mainly a comparative legal method for the purpose of studying the actual deadlines for the fulfillment of certain categories of requirements and concludes that it is necessary to adjust the legislative norm.

For citation: *Shakhnazaryan E. F.* Reasonableness in Relation to the Time Limit for Voluntary Execution in the Framework of Enforcement Proceedings. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 264–271. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-264-271

Введение

В соответствии с ч. 1 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [1] вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Из данной нормы сформирован один из доктринальных принципов исполнительного производства – принцип обязательности судебных постановлений.

Из сказанного следует, что, с одной стороны, законодатель установил императивность исполнения всех без исключения решений судов, а с другой – им же (законодателем) установлены своего рода диспозитивные нормы, не позволяющие

приступить судебному приставу-исполнителю к фактическому исполнению акта юрисдикционного органа.

Такой «оттягивающей» нормой, наряду с предусмотренным процессуальным законодательством отсрочкой и рассрочкой исполнения решения суда, служит срок для добровольного исполнения.

Видится, что для создания в исполнительном производстве разумного режима регулирования общественных отношений, предполагающего в узком смысле рациональное осуществление судебным приставом-исполнителем исполнительных действий и применение мер принудительного исполнения, законодательство об исполнительном производстве нуждается в некоторых корректировках.

1. Законодательные требования

Согласно ч. 11 и 12 ст. 30 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [3] (далее – Федеральный закон № 229-ФЗ) срок для добровольного исполнения равен пяти дням. Важно оговориться, что данный срок является императивным и, как отметил Верховный Суд РФ, не может быть уменьшен по инициативе судебного пристава-исполнителя [6].

Оговорка Верховного Суда РФ, по нашему мнению, вызвана тем, что утративший силу Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» [9] содержал норму (п. 3 ст. 9), согласно которой установленный судебным приставом-исполнителем добровольный срок *не может превышать пять дней*, таким образом, давая возможность судебному приставу-исполнителю установить срок дня для добровольного исполнения менее пяти дней.

Аналогичные положения содержались и в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР [8], регулирующие вплоть до 2003 г. порядок принудительного исполнения (ст. 356).

Таким образом, возможность фактического исполнения судебным приставом-исполнителем акта юрисдикционного органа возникает после истечение пятидневного срока[1].

Актуальной проблемой настоящего исследования является нецелесообразность установления (в силу законодательных требований) такого срока, учитывая заведомо очевидную невозможность его соблюдения.

Так, добровольное исполнение исполнительных документов неимущественного характера в установленный пятидневный срок в определенных случаях фактически невозможно. В частности, в ряде случаев не представляется возможным исполнить неимущественные требования исполнительных документов в пятидневный срок по предоставлению жилых помещений, соответствующих установленным требованиям, строительству, ремонту или реконструкции объектов, ремонту дорог и т.д. При этом невозможность фактического исполнения, например, должниками-получателями бюджетных средств зачастую может быть вызвана недостаточностью денежных средств на эти цели и длительностью процедуры получения дотаций и субсидий из федерального бюджета.

[1] За исключением случаев, когда добровольный срок не устанавливается. См. ч. 14 ст. 30 Федерального закона № 229-ФЗ.

Кроме того, следует отметить, что для категории «дети-сироты» объявление аукциона на приобретение жилых помещений является единственным возможным законным способом приобретения жилых помещений в силу положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4]. При этом процесс закупки жилого помещения этой категории граждан до фактического предоставления жилого помещения очевидно может достигать длительного срока, превышающего пять дней.

Ю. А. Свириным высказано актуальное замечание о том, что судебные решения в силу объективных и субъективных причин достаточно редко исполняются должниками в добровольном порядке, в связи с чем существует необходимость в создании государством эффективного механизма по исполнению актов юрисдикционных органов [12, с. 5].

Важно учитывать, что неисполнение требований исполнительных документов, в том числе неимущественного характера, как известно, ведет к наложению исполнительского сбора и привлечению к ответственности не исполнивших обязательства должников по ч. 1 и 2 ст. 17.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях [2] (далее – КоАП РФ).

В одном из своих исследований В. А. Гуреев обосновал позицию о том, что совершенное должником административное правонарушение поражает самостоятельный, именуемый автором, административно-исполнительный процесс, которые в последующем влечет возбуждение производства по делам об административных правонарушениях [10, с. 56].

Конституционный Суд РФ в постановлении от 30 июля 2001 г. № 13-П разъясняет, что исполнительский сбор в размере семи процентов от взыскиваемой суммы или стоимости имущества должника относится, по сути, к мерам принуждения в связи с несоблюдением законных требований государства [5].

Постановлением Конституционного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 29-П определено, что момент начала течения срока для добровольного исполнения требований исполнительного документа начинается с даты получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства, а не с даты вынесения такого постановления [7]. При взыскании исполнительского сбора должно быть учтено, вызвано ли нарушение срока исполнения исполнительного документа чрезвычайными, непредотвратимыми обстоятельствами и непреодолимыми препятствиями, находящимися вне его контроля, при принятии им необходимых мер для исполнения.

Представляется возможным поддержать мнение А. А. Парфенчиковой о том, что по большому счету срок для добровольного исполнения нельзя назвать добровольным, поскольку за его несоблюдение (умышленно или нет) наступает санкция государства [11, с. 18].

2. Предлагаемые решения

Решение обозначенной проблемы, затрагивающей, как можно констатировать, и социально важные слои населения государства, нами видится следующим образом.

1. С целью исключения невозможности исполнения должником требований исполнительного документа и, как следствие, введение в отношении него санкций административного характера, представляется актуальным установить возможность увеличения срока для добровольного исполнения требований исполнительного документа с согласия взыскателя, выраженного в письменной форме. Похожий подход уже установлен в законодательстве Республики Беларусь, где судебный исполнитель вправе самостоятельно продлить срок для добровольного исполнения, который равен семи дням, но не более чем один раз и не более чем на семь дней [14].

Возможность увеличения срока для добровольного исполнения позволит добросовестным должникам (при этом не имеющим фактической и (или) объективной возможности исполнить требования в пятидневный срок) установить диалог между взыскателем и должником и обеспечить исполнение требований системно и стабильно.

Примечательно, что Г. Д. Улетова отмечает не только необходимость увеличения срока для добровольного исполнения акта юрисдикционного органа, но и установление добровольности исполнения такого акта в качестве начала (принципа) исполнительного производства [13, с. 78].

2. Видится разумным освободить ряд должников в исполнительном производстве, например, отмеченных в настоящем исследовании должников-получателей бюджетных средств от взыскания исполнительского сбора в случае неисполнения ими исполнительного документа по неимущественным требованиям в добровольный срок.

Сказанное обосновывается тем, что исполнительский сбор, взыскиваемый в отношении должников – получателей бюджетных средств, создает нагрузку на региональные и местные бюджеты. При этом исполнительский сбор идет в доход федерального бюджета. Таким образом, средства исполнительского сбора переходят из одного бюджета в другой внутри одной бюджетной системы, что видится нами не вполне рациональным и не способствующим реализации решения задач местного значения.

Денежные средства, выделенные на уплату исполнительского сбора, видится более разумным направить на фактическое исполнение требований исполнительного документа.

3. В соответствии с ч. 11 ст. 30 Федерального закона № 229-ФЗ если исполнительный документ впервые поступил в службу судебных приставов, то в постановлении судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства устанавливается срок для добровольного исполнения должником содержащихся в исполнительном документе требований.

Так, представляется не вполне разумным устанавливать срок для добровольного исполнения требований исполнительного документа по делам об административных правонарушениях. По общему правилу, с момента вынесения административным органом решения о привлечении должника к ответственности дается 60 дней для вступления такого решения в законную силу. Поскольку у должника и так имеется достаточное количество времени на оплату административно-

го штрафа, полагаем возможным не устанавливать добровольный срок в случаях, если исполняются требования по делам об административных правонарушениях. Данная инициатива потребует внесения соответствующих изменений не только в Федеральный закон № 229-ФЗ, но и в КоАП РФ.

Заключение

Проведенный анализ дает основание заключить, что наличие срока для добровольного исполнения требований исполнительного документа является весьма дискуссионным, учитывая правовой вектор системы принудительного исполнения, а также принцип неотвратимости исполнения судебных постановлений (в широком смысле).

Данный срок с одной стороны можно считать мотивированным, а с другой – противоречащим здравому смыслу, поскольку, как уже было не раз отмечено в настоящем исследовании, ряд требований исполнительных документов исполнить в добровольный срок фактически невозможно.

Срок для добровольного исполнения дает возможность должнику дополнительное время на исполнение акта юрисдикционного органа. Однако властно-правовые, своего рода карательные меры в исполнительном производстве, являются не всегда справедливыми и разумными для должников, не учитывающими объективные факторы, а также процедуры и особенности иных нормативных правовых актов, непосредственно затрагивающих процесс принудительного исполнения.

Представляется, что в исполнительном производстве наряду с карательными мерами должны превалировать меры, побуждающие должника исполнить требования исполнительного документа в срок, а достижение такого разумного баланса возможно путем пересмотра ряда положений Федерального закона № 229-ФЗ, в том числе описанных в настоящем исследовании.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

3. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

4. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июля 2001 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский»» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности части 12 статьи 30 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Руссо Индастриал»» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР // Свод законов РСФСР. Т. 8 (утратил силу).

9. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3591 (утратил силу).

10. *Гуреев В. А.* Категории административно-исполнительной деятельности : монография. М. : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015.

11. *Парфенчикова А. А.* Меры косвенного принуждения в исполнительном производстве / под ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2017.

12. *Свирин Ю. А.* Исполнительное право: проблемы теории и практики : монография. М. : Юрлитинформ, 2016.

13. *Улетова Г. Д.* Принципы исполнительного права Российской Федерации. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006.

14. Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600439 (дата обращения: 04.04.2024).

References

1. Federal Constitutional Law of 31 December 1996 No. 1-FKZ "On the Judicial System of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1997, no. 1, art. 1. (In Russ.)

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30 December 2001 No. 195-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 1, art. 1. (In Russ.)

3. Federal Law of 2 October 2007 No. 229-FZ "On Enforcement Proceedings". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2007, no. 41, art. 4849. (In Russ.)

4. Federal Law of 5 April 2013 No. 44-FZ "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013, no. 14, art. 1652. (In Russ.)

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30 July 2001 No. 13-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of the Provisions of Subparagraph 7 of Paragraph 1 of Article 7, Paragraph 1 of Article 77 and Paragraph 1 of Article 81 of the Federal Law 'On Enforcement Proceedings' in Connection with the Requests of the Arbitration Court of the Voronezh Region, the Arbitration Court of the Saratov Region and the Complaint of the Open Joint-Stock Company 'Izykhsky Mine'" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17 November 2015 No. 50 "On the Application of Legislation by Courts When Considering Certain Issues Arising During Enforcement Proceedings" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 1 June 2023 No. 29-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of Part 12 of Article 30 of the Federal Law 'On Enforcement Proceedings' in Connection with the Complaint of the Limited Liability Company 'Russo Industrial'" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

8. Civil Procedure Code of the RSFSR. In Code of Laws of the RSFSR. Vol. 8 (expired). (In Russ.)

9. Federal Law of 21 July 1997 No. 119-FZ "On Enforcement Proceedings". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1997, no. 30, art. 3591 (expired). (In Russ.)

10. *Gureev V. A.* Categories of Administrative and Executive Activity: Monograph. Moscow: All-Russian State University of Justice, 2015. (In Russ.)

11. *Parfenchikova A. A.; Iarkov V. V. (ed.).* Measures of Indirect Coercion in Enforcement Proceedings. Moscow: Statut, 2017. (In Russ.)

12. *Svirin Iu. A.* Executive Law: Problems of Theory and Practice: Monograph. Moscow: Iurlitinform, 2016. (In Russ.)

13. *Uletova G. D.* Principles of Enforcement Law of the Russian Federation. St. Petersburg: Legal Center Press, 2006. (In Russ.)

14. Law of the Republic of Belarus of 24 October 2016 No. 439-Z "On Enforcement Proceedings". URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600439 (In Russ.)

Сведения об авторе:
Э. Ф. Шахназарян – аспирант.

Information about the author:
E. F. Shahnazaryan – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 24.06.2024; принята к публикации 26.08.2024.

The article was submitted to the editorial office 23.04.2024; approved after reviewing 24.06.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Обзорная статья
УДК 340
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-272-289

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»: ОБЗОР ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ (ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ), 18 ЯНВАРЯ 2024 Г.). ЧАСТЬ 1

Александр Валентинович Аверин[1]
Владислав Валерьевич Денисенко[2]
Алексей Викторович Зырянов[3]
Александр Валерьевич Краснов[4]
Александр Валерьевич Логинов[5]
Галина Алексеевна Прокопович[6,7]
Георгий Борисович Романовский[8]
Владимир Юрьевич Самородов[9]
Андрей Валерьевич Скоробогатов[10]
Василий Владиславович Трофимов[11]
Татьяна Викторовна Худойкина[12]

[1] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 600017, Россия, г. Владимир, ул. Горького, д. 59а

[2] Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76

[3] Южно-Уральский государственный университет, 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 76

[4] Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 420088, Россия, г. Казань, 2-я Азинская ул., д. 7А

[5] Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

[6] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1

[7] Московский психолого-социальный университет, 115191, Россия, г. Москва, 4-й Рощинский проезд, д. 9а

[8] Пензенский государственный университет, 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

[9,11] Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 392000, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

[10] Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова, 420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, д. 42

[12] Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68

[1] avaverin@mail.ru

[2] v.denisenko@odin.mgimo.ru

[3] zav-nauka@mail.ru

[4] field08@mail.ru

[5] Loginov77@rambler.ru

[6,7] galina-prokopovich@yandex.ru

[8] vlad93@sura.ru

[9] Vova.Samorodov@yandex.ru

[10] av.skorobogatov@mail.ru

[11] iptgutv@mail.ru

[12] thudoykina@mail.ru

Аннотация

18 января 2024 г. во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) состоялся Всероссийский научно-практический круглый стол «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы». В пленарном заседании выступили ведущие российские ученые-юристы, которые сформулировали выводы о юридическом конфликте как феномене правовой реальности, юридической конфликтологии как научном направлении, алеаторных процедурах как средстве разрешения юридических конфликтов, конфликтологическом значении Карибского кризиса, стратегии и тактике ведения переговоров, конфликте интересов государственных и муниципальных служащих, сотворчестве публичной власти и общества в области правотворческой деятельности как способе минимизации конфликтов в социально-правовой жизни.

Ключевые слова: юридическая конфликтология; юридический конфликт; правовая коллизия; принцип делиберативности; алеаторная демократия; легитим-

ность права; Карибский кризис; переговоры; реестровая ошибка; конфликт интересов; государственная и муниципальная служба; правотворчество; сотворчество.

Для цитирования: *Аверин А. В., Денисенко В. В., Зырянов А. В., Краснов А. В., Логинов А. В., Прокопович Г. А., Романовский Г. Б., Самородов В. Ю., Скоробогатов А. В., Трофимов В. В., Худойкина Т. В.* Всероссийский научно-практический круглый стол «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы»: обзор пленарного заседания (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 18 января 2024 г.). Часть 1 // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 272–289. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-272-289

Review article

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL ROUND TABLE "LEGAL CONFLICTOLOGY: PROBLEMS AND PROSPECTS": REVIEW OF THE PLENARY SESSION (ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE, 18 JANUARY 2024). PART 1

Alexander V. Averin[1]
Vladislav V. Denisenko[2]
Alexey V. Zyryanov[3]
Alexander V. Krasnov[4]
Alexander V. Loginov[5]
Galina A. Prokopovich[6,7]
Georgy B. Romanovsky[8]
Vladimir Yu. Samorodov[9]
Andrey V. Skorobogatov[10]
Vasily V. Trofimov[11]
Tatyana V. Khudoikina[12]

[1] Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 59a Gorkii St., Vladimir, 600017, Russia

[2] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 76 Vernadskii Ave., Moscow, 119454, Russia

[3] South Ural State University, 76 Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russia

[4] Kazan Branch of Russian State University of Justice, 7A 2nd Azinskaia St., Kazan, 420088, Russia

[5] Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia

[6] Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 82, Bldg. 1 Vernadskii Ave., Moscow, 119571, Russia

[7] Moscow Psychological and Social University, 9a 4th Roshchinskii Aly., Moscow, 115191, Russia

[8] Penza State University, 40 Red St., Penza, 440026, Russia

[9,11] Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 33 Internatsionalnaia St., Tambov, 392000, Russia

[10] Kazan Innovation University named after V. G. Timiriasov, 42 Moskovskaia St., Kazan, 420111, Russia

[12] National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev, 68 Bolshevistskaia St., Saransk, 430005, Russia

[1] avaverin@mail.ru

[2] v.denisenko@odin.mgimo.ru

[3] zav-nauka@mail.ru

[4] field08@mail.ru

[5] Loginov77@rambler.ru

[6,7] galina-prokopovich@yandex.ru

[8] vlad93@sura.ru

[9] Vova.Samorodov@yandex.ru

[10] av.skorobogatov@mail.ru

[11] iptgutv@mail.ru

[12] thudoykina@mail.ru

Abstract

On 18 January 2024, the All-Russian scientific and practical round table "Legal Conflictology: Problems and Prospects" was held at the All-Russian State University of Justice. Leading Russian legal scholars spoke at the plenary session and formulated conclusions about legal conflict as a phenomenon of legal reality, legal conflictology as a scientific direction, aleatory procedures as a means of resolving legal conflicts, the conflictological significance of the Caribbean crisis, negotiation strategies and tactics, conflicts of interests of state and municipal employees, co-creation of public authorities and society in the field of lawmaking as a way to minimize conflicts in social and legal life, social reflection as a way to resolve conflicts.

Keywords: legal conflictology; legal conflict; legal conflict; deliberative principle; aleatory democracy; legitimacy of law; Caribbean crisis; negotiations; registry error; conflict of interest; state and municipal service; lawmaking; co-creation.

For citation: *Averin A. V., Denisenko V. V., Zyryanov A. V., Krasnov A. V., Loginov A. V., Prokopovich G. A., Romanovsky G. B., Samorodov V. Yu., Skorobogatov A. V., Trofimov V. V., Khudoikina T. V.* All-Russian Scientific and Practical Round Table "Legal Conflictology: Problems and Prospects": Review of the Plenary Session (All-Russian State University of Justice, 18 January 2024). Part 1. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 3, pp. 272–289. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-272-289

Открывая пленарное заседание Всероссийского научно-практического круглого стола «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы», **А. В. Аверин** отметил, что главная цель юридической конфликтологии заключается в поиске наилучшего решения для всех сторон конфликта, юридическая конфликтология занимается разработкой стратегий улучшения коммуникации между сторонами, помогает студентам и профессионалам в области права развивать навыки эффективного взаимодействия.

Юридическая конфликтология является междисциплинарным научным направлением (наукой, дисциплиной), которое, невзирая на всю свою важность, в настоящее время сопряжено с рядом серьезных проблем. В основном, они вызваны тем, что долгое время в СССР главенствовала теория «бесконфликтности», по замыслу которой в социалистическом обществе не было каких-либо конфликтов. И хотя совершенно очевидно, что противоречия и столкновения всегда были и будут во всех сферах общественной жизни, в том числе и в правовой, но их научного осмысления, равно как и фиксации их проявлений, до недавнего времени фактически не было. В особенности пробелы существования данной теории проявились после развала СССР, когда Россию как новое государство буквально захлестнула волна межнациональных, региональных, государственно-правовых и иных конфликтов. В связи с тем, что долгое время данной науке не уделялось должного внимания, сегодня в области конфликтологии приходится иметь дело с довольно-таки противоречивой теоретической и эмпирической базой, что существенно усложняет как преподавание конфликтологии, так и самостоятельное изучение материала, посвященного этой сфере [1]. В частности, в настоящее время юридическая конфликтология характеризуется определенной степенью сумбурности, неразработанностью понятийного аппарата и отсутствием учебной литературы. Объяснить подобное положение дел можно несколькими факторами, в том числе и общими для всей этой науки («молодость» конфликтологии в России), и частными, касающимися исключительно юридической конфликтологии. К последним можно отнести то, что подавляющая часть современных российских конфликтологов являются социологами, среди которых также попадаются экономисты. Количество юристов (и практиков, и теоретиков, и даже просто людей, имеющих юридическое образование) среди них ничтожно мало. Следовательно, и интерес к вопросам юридической конфликтологии также невелик. В связи с этим достаточно лишь сказать, что с начала 1990-х гг. в России вышло всего несколько учебников по юридической конфликтологии. Последствия такого положения противоречивы. С одной стороны, неимение четких канонических, определений дает возможность студентам формулировать и обосновывать

собственные дефиниции, что помогает в развитии аналитических навыков, внимательном отношении к формулировкам, что крайне полезно. С другой стороны, размытость большинства имеющихся понятий, использование различными авторами одних и тех же терминов в разных, зачастую даже не взаимозаменяемых значениях приводит к путанице и плохому усвоению положений данной науки.

Дополнительную трудность создает и масштаб изучения юридической конфликтологии. Имеется в виду, что сегодня юридическая конфликтология – это чаще всего спецкурс. Иными словами, объем часов, отводимых на эту дисциплину, редко превышает 28–30 аудиторных часов. По факту это означает, что при огромных объемах информации преподаватель располагает всего семью-восемью лекционными занятиями. А это, безусловно, значительно усложняет реализацию практического и воспитательного потенциала данной дисциплины.

В. В. Денисенко посвятил свое выступление теме «Алеаторные процедуры как средство разрешения юридических конфликтов». Он отметил, что для разрешения юридических конфликтов в современном информационном государстве ключевым инструментом является принцип делиберативности. Важнейшими процедурами в рамках реализации указанного принципа являются алеаторные процедуры, основанные на участии случайно выбранных граждан путем жребия.

В современный период информационного общества актуализируются вопросы разрешения ценностных конфликтов в сфере правового регулирования. Закрепление в законе новых сфер правового регулирования приводит к необходимости закрепления новых процедур разрешения конфликтов в праве. Так, современное право активно развивает проблемы биоправа, включающие регламентацию соматических прав человека. Такие вопросы, как биоэтика, право на генетическое редактирование генома человека, право человека на смерть и др., приводят к необходимости использования отечественной наукой сравнительно-правового метода для эффективного разрешения юридических конфликтов. В отечественном и зарубежном праве последних 200 лет наблюдается устойчивая тенденция к расширению предмета правового регулирования. Наибольшее увеличение сферы действия правовых норм произошло с формированием социального государства. В связи с формированием новых отраслей права важнейшим вопросом юридической науки становится проблема легитимации конституционных принципов в процессе реформ. В настоящее время происходит не просто формирование новых массивов законодательства, но и конфликт старых и новых принципов права, сложившихся в различные эпохи. Классическая теория естественного права исходила из неизменного набора прав и свобод человека, так как рассматривала природу человека как неизменное явление. В современный период возникло значительное количество новых прав и свобод, которые затрагивают базовые ценности общества. В связи с этим существенное распространение получили процедуры, связанные с процедурой дискурса, обсуждения гражданами. Законодательство на современном этапе развития государства особенно нуждается в процедуре легитимации, т.е. социальном одобрении. Легитимация закона через случайно отобранных граждан является наиболее эффективным инструментом, так как сочетает лучшие элементы как представительной, так и прямой демократии. Демократический режим, при котором используют мнение случайно отобранных граждан, на-

зывается «демархия». Парламент как способ легитимации правовых актов считается менее эффективной процедурой по причине искажения мнений избирателя депутатами, на что указывал еще Ж.-Ж. Руссо. И хотя устройство публичной власти во многих демократических странах предусматривает наличие институтов непосредственной демократии (референдума, гражданской законодательной инициативы, отзыва выборных должностных лиц и пр.), «на практике данные институты реализуются настолько редко, что они не способны изменить устоявшийся фактически элитарный стиль правления, именуемый демократией». В условиях расширения предмета правового регулирования различные формы обсуждения гражданами законопроектов используются во многих странах при проведении конституционных реформ. В качестве примера можно привести использование «ассамблеи граждан» в Ирландии или Жюри граждан в Австралии. Принцип принятия решения данными органами схож с работой суда присяжных. В Австралии в состав *Citizens' Jury* отбираются 12–14 человек случайным образом (*random selection* – рассылка приглашений по базе данных) из типичных представителей разных слоев местного населения. В Австралии обычной практикой на этой стадии является обращение государственного органа-заказчика к специализированной некоммерческой организации/структуре для привлечения в качестве модератора делиберативного процесса, дизайн и планирование которого может занимать несколько месяцев (селективный отбор присяжных, круг ведения, справочные материалы, наблюдатели, авторитет рекомендаций жюри, смета и мониторинг). Затем выбранным «присяжным» предоставляется возможность в течение нескольких дней (обычно 2–4 дня) проводить дебаты и слушания по какому-либо сложному и важному вопросу местной политики, чтобы таким образом повлиять на принятие обоснованного решения государственными властями. На совместных слушаниях члены жюри опрашивают вызванных «свидетелей» – независимых экспертов и контент-консультантов, которые квалифицированно разбираются в проблеме. Также жюри может разбиваться на малые группы для закрытого обсуждения полученной информации, и каждый выдвигает свои доводы и убеждает остальных в своей позиции. На обсуждениях могут присутствовать наблюдатели при условии, что они придерживаются кодекса поведения [2, с. 100]. В конце процедуры проводится финальный день слушаний, по итогам которого «жюри граждан» совместно с модератором готовит отчет о своем решении проблемы и рекомендации местному правительству. К отчету может быть приложен обособленный «отчет меньшинства» жюри. Таким образом, опыт применения алеаторных процедур показывает, что эта форма делиберативной демократии может быть вполне успешной моделью для конституционных реформ в целом ряде государств, так как процесс обсуждения гражданами сложных вопросов позволяет прийти к консенсусу с органами власти, сделать управление более инклюзивным и легитимным, эффективно преодолевать проблемы, которые не может решить исполнительная власть в течение длительного времени. Важней составляющей делиберативной демократии остается расширяющийся авторитет гражданского общества и его институтов, оказывающих реальное воздействие на представительную и исполнительную власть при помощи процедур обсуждения, слушаний, дебатов. Таким образом, в условиях цифрового государства использование алеаторных процедур является важнейшим инструментом разрешения юридических конфликтов.

А. В. Зырянов посвятил свое выступление теме «Карибский кризис: понимание силы», указав, что действительной причиной размещения ядерного вооружения в Кубинской республике в 1962 г., безусловно, можно считать обоснованное желание СССР ответить на размещение американских ядерных ракет «Юпитер» в Турции и по всей Европе. Карибский кризис был типичным порождением холодной войны с ее жестким противоборством сторон и стремлением СССР и США занять господствующее положение в мире. В свете этого борьба за «третий мир» была борьбой за ограничение сферы влияния противника и тем самым ограничение его возможностей в глобальном противоборстве. В связи с этим любой локальный и тем более региональный конфликт быстро перерастал в глобальный. В соответствии с реальностями тех лет последний приобретал характер вооруженного противостояния. Итогами Карибского кризиса стало появление у стран понимания о необходимости урегулирования создания и поставок ядерного вооружения. Кризис стал пиковой точкой в истории противостояния США и СССР. Сверхдержавы осознали хрупкость сохранения мира и жизни всего человечества. Это стало толчком для принятия и подписания (ныне не действующих) как договоров об ограничении стратегического вооружения (ОСВ-1), так и договоров о необходимом снижении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1 и СНВ-2). В конечном счете попытка запугивания странами угрозой ядерной войны на определенный период перестала рассматриваться странами как первый этап в конфронтации между странами.

Стремление к созданию системы противоракетной обороны, которое с 1980-х гг. приобрело в США характер почти религиозного убеждения, также отчасти является отзвуком Карибского кризиса. В октябре 1962 г. Соединенные Штаты со всей отчетливостью почувствовали опасность ракетного удара по своей территории. Однако те дети, которых в 1960-е–1970-е гг. в школе учили прятаться под партами в случае советской атаки, сегодня составляют основу американской внешнеполитической элиты, фанатично продвигают идею расширения НАТО на восток… а новое поколение вновь учится прятаться под партами…

А. В. Логинов посвятил свое выступление теме «Стратегия и тактика ведения переговоров между сторонами в гражданском процессе (на примере разрешения земельного спора об исправлении реестровой ошибки)». В процессе реформы земельного законодательства и законодательства о регистрации недвижимости обозначился тренд на унификацию и слияние существовавших ранее отдельно реестров в единый информационный ресурс в форме Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН). В процессе совершенствования правовой регламентации кадастровой деятельности и методик осуществления землеустройства в текущей деятельности кадастровых инженеров нередко возникали ошибки, связанные с определением координат характерных точек границ земельных участков и пр.

Законодатель выделяет два вида ошибок, возникающих в процессе учета объектов недвижимого имущества: техническая ошибка и реестровая ошибка (ст. 61 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»). В случае, когда «исправление технической ошибки в записях и реестровой ошибки может причинить вред или нарушить законные интересы правообладателей или третьих лиц, которые полагались на соответствующие

записи, содержащиеся в ЕГРН, такое исправление производится только по решению суда» (ч. 4 ст. 61 Закона о регистрации).

Истцом по иску об исправлении реестровой ошибки может выступать собственник объекта недвижимости или иной правообладатель, а также орган регистрации прав либо заинтересованное лицо, имеющее охраняемый законом интерес. Ответчиками по данному иску могут выступать правообладатели смежных земельных участков, в сведениях ЕГРН которых допущена ошибка [3, с. 46].

А. О. Гусев справедливо отмечает, что «иск об исправлении реестровой ошибки в своем предмете и основании должен предусматривать (а) описание ошибки с обоснованием квалификации соответствующих внесенных в ЕГРН сведений как ошибочных, а также (б) указание, в чем состоит исправление такой ошибки (внесение каких именно корректных и достоверных сведений в ЕГРН потребуется по результатам судебного разбирательства)» [4, с. 100].

В целях быстрого и благоприятного разрешения спорной ситуации на данной стадии гражданского процесса очень важно поддержание конструктивного диалога между всеми участниками процесса. Учитывая зачастую имеющийся «накал страстей» между истцами и ответчиками по спору об исправлении реестровой ошибки, судье и сторонам следует придерживаться следующей стратегии и тактики ведения переговоров.

Во-первых, нужно четко обозначить тезис о том, что в большинстве подобных ситуаций ни истец, ни ответчики не виноваты в возникновении имеющейся в ЕГРН реестровой ошибки. Скорее здесь имеет место целый комплекс объективных и субъективных причин, способствующих возникновению реестровых ошибок. Так, к субъективным причинам следует отнести некачественное проведение землеустроительных работ вследствие халатного отношения к своим обязанностям кадастрового инженера. Например, чтобы ускорить процесс межевания земельных участков в границах СНТ, кадастровые инженеры, не выезжая на местность, нередко делают снимок с кадастровой карты и по нему начинают определять поворотные точки и границы отдельно взятых участков. Как следствие – нарушения процедуры межевания, границы отдельно взятых земельных участков по всему СНТ нередко смещаются в ту или иную сторону от фактически сложившихся на местности границ. В результате такого межевания мы получаем «эффект домино», когда все участки в границах СНТ одинаково смещаются в сторону от фактически закрепленных на местности границ. После передачи землеустроительной документации в Росреестр происходит фиксация ошибочных сведений в ЕГРН, и, как следствие, возникает реестровая ошибка.

Сам по себе «эффект домино» в СНТ свидетельствует о более сложной ситуации, которая говорит о потенциале предъявления множественных исков к соседям-смежникам со схожими исковыми требованиями. Как один из вариантов рассматривается проведение нового межевания участков всего СНТ. Следует признать, что последний вариант малореализуем в силу того, что, во-первых, не все члены СНТ будут согласны оплатить такие работы и, во-вторых, трудно представить себе ситуацию, что все члены СНТ будут согласны с новым проектом плана установления границ принадлежащих им земельных участков.

Объективной причиной возникновения таких ошибок, на наш взгляд, является недостаточно динамичное совершенствование методик проведения кадастровых

работ в условиях научно-технического процесса, т.е. в процессе применения новых знаний. Постоянное изменение вектора реформирования земельного законодательства приводит к возникновению технических и смысловых нестыковок между старыми и новыми нормами.

Во-вторых, следует убедить стороны в том, что поскольку реестровая ошибка не является результатом действий сторон, то нужно планомерно и спокойно искать конструктивный выход из сложившейся ситуации. Как вариант, до сторон следует донести позицию о том, что доведение дела до назначения судебной землеустроительной экспертизы контрпродуктивно как для ответчиков, так и для истцов, так как это ведет к затягиванию дела. Аргументом на этом этапе может явиться и то обстоятельство, что помимо затягивания рассмотрения искового заявления истец понесет расходы на проведение такой экспертизы, которые, в случае удовлетворения иска, перейдут на ответчиков. Поскольку исковые требования должны отвечать критерию исполнимости, «целесообразно, как один из вариантов, требовать исключения из ЕГРН сведений о границах земельных участков, в которых допущена ошибка, а также установления границ земельных участков по фактическому землепользованию исходя из местоположения границ такого земельного участка, существующих на местности пятнадцать лет и более. Последний факт, в частности, должен найти отражение в заключении кадастрового инженера (если экспертиза не проводилась) или заключении экспертов, сформированного по результатам судебной земельной экспертизы» [3, с. 47]. На этом этапе у ответчиков нередко возникают возражения, связанные с тем, что в результате удовлетворения иска и последующего исполнения Росреестром исковых требований об исключении из ЕГРН сведений о границах земельных участков, в которых допущена ошибка, данные сведения из ЕГРН будут исключены в отношении земельных участков как истцов, так и ответчиков. Причем если истцы, исключая сведения с ошибкой, могут в самом исковом заявлении заявить требование об установлении границ своих участков с координатами по фактическому землепользованию, то сведения о границах земельных участках ответчиков, смежных с земельными участками истцов, будут просто исключены из ЕГРН. Данное обстоятельство зачастую служит одним из аргументов, препятствующих признанию иска ответчиками. Возникает вопрос: как можно преодолеть такие вполне резонные возражения и убедить ответчиков признать иск? Как один из вариантов, можно предложить ответчикам, которые признают иск, после исключения координат их участков из ЕГРН, провести новое межевание за счет истцов. Однако такое будет возможно, если у ответчиков не будет спора по их границам с другими смежниками. В заключение следует отметить, что стратегия и тактика ведения переговоров между сторонами в процессе рассмотрения земельного спора об исправлении реестровой ошибки должны отвечать критериям гибкости и вариативности. Основная цель – не допустить эмоциональной эскалации сторон и затягивания спора.

Г. А. Прокопович обратилась к теме «Проблемы, возникающие при правоприменении в сфере конфликта интересов государственных и муниципальных служащих». Конфликт интересов – это юридический конфликт, поскольку он нормативно определен и имеет нормативно предусмотренный механизм разрешения. Это та ситуация, с которой может столкнуться и частный предприниматель, и сотрудник государственных (муниципальных) органов.

Предупреждать возникновение конфликта интересов необходимо еще на ранних стадиях его возникновения для того, чтобы не допустить появления негативных последствий в дальнейшем. Предусмотреть каждую из жизненных ситуаций представляется невозможным по причине их огромного количества. Поэтому вариант их детального регламентирования и регламентирования действий, необходимых для их решения, является нежизнеспособным. В особенности это касается сельской местности, поскольку, как правило, значительная часть ее жителей имеет родственные связи, общих друзей и знакомых, которые могут оказать влияние на объективное отношение к исполнению своих должностных обязанностей. Полагаем, что среди проблем предупреждения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе выделяются такие, как отсутствие процедуры, по которой было бы возможным ограничить государственного или муниципального служащего от способных привести к возникновению конфликта личных интересов; отсутствие ясности того, как должна проходить процедура отказа от личной выгоды при возникновении конфликта интересов; отсутствие полного информирования о деятельности органов государственной власти, наличие которого позволило бы своевременно выявлять все случаи возможного возникновения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе и др.

А. В. Скоробогатов и **А. В. Краснов** посвятили свое совместное выступление теме «Юридический конфликт как феномен правовой реальности». Они отметили, что социальная конфликтность, наряду с компромиссностью, составляет онтологическую основу возникновения и существования права и правовой реальности. Интересы участников общественных отношений достаточно разновекторны, что становится основой проявления конфликтов во всех сферах жизни общества. В этом плане право можно рассматривать как важнейший инструмент гармонизации общественной жизни.

Особенно остро конфликтогенность проявляется в транзитивных обществах. Транзитивность во многом подтачивает основания для гармоничного правового регулирования по той причине, что нормативы становятся размытыми, либо слишком часто претерпевают изменения, либо, наоборот, правила вовремя не совершенствуются, что приводит к потере в определенности, дезориентации субъектов в плане ожиданий, которые они связывают со вступлением в правовые отношения. Возникающие при этом противоречия могут касаться не только норм права, но и правовых ценностей [5, p. 26].

Юридический конфликт – это противоречие между субъектами в связи с реализацией, применением, нарушением или толкованием норм позитивного права, вызванное противоположностью социально-правовых интересов субъектов или их разным отношением к нормам права и ценностям общественной жизни. Эти различия, составляющие предмет юридического конфликта, могут возникать на гносеологическом уровне в связи с различным пониманием сущности нормы или ее применения; на онтологическом уровне из-за противоречий в реализации нормы, правовым поведением субъекта и правовым взаимодействием между несколькими субъектами; на аксиологическом уровне при различных ценностных ориентациях субъектов.

Для возникновения юридического конфликта необходимо, во-первых, наличие конфликтной ситуации, характеризующейся нарушением или препятствием в реализации субъектом своих законных интересов, во-вторых, осознание субъектами противоположности своих интересов и целей; в-третьих, вступление субъектов в активное противодействие друг другу. Разрешение юридического конфликта должно привести к достижению социального компромисса в правовом взаимодействии и способствовать гармонизации правовой реальности.

В. В. Трофимов и **В. Ю. Самородов** посвятили свое выступление теме «Сотворчество публичной власти и общества в области правотворческой деятельности как способ минимизации конфликтов в социально-правовой жизни»[1]. Они отметили, что сотворчество общества и публичной власти в области правотворческой деятельности – это важный ресурс правовой деятельности, обеспечивающий принятие согласованных правотворческих решений, и, следовательно, открывающий путь к стабильному, упорядоченному, прогрессивному развитию социально-правовой жизни. Такая правотворческая практика соответствует, на взгляд докладчиков, высокому уровню правовой и правотворческой культуры. Сам по себе ресурс сотворчества в области создания позитивного права выступает как средство минимизации конфликтов и исключения предпосылок формирования конфликтогенной социально-правовой среды. Сотворчество является проявлением конструктивной коммуникации общества и публичной власти, нацеленной на сотрудничество в области принятия совместных правотворческих решений. В правотворческой деятельности данные процессы солидаризации социально-властных усилий особенно важны, так как от них во многом зависит последующая правоприменительная и правореализационная практика. Коммуникационные процессы между обществом и властью (в том числе посредством использования новых прогрессивных подходов и технологий (например, онлайн-формы)) обеспечивают правотворчество действенной общественно-правовой энергией (актуальные идеи, мнения, оперативные реакции на социальные и правовые изменения и т.д.). Именно общество дает ту обратную связь, с помощью которой можно судить о положительном или отрицательном эффекте той или иной государственно-правовой деятельности. Напротив, отсутствие связи с обществом и общественными институтами могут породить создание норм права, не имеющих социального основания, не базирующихся на общественной социальной среде, а значит, не способных предупредить или минимизировать возможные конфликты, которые возникают тогда, когда сталкиваются интересы разных социальных субъектов, а надлежащих моделей разрешения конфликтов не создано, или они не учитывают принципы паритетности и баланса интересов сторон коммуникации. Некачественное с этой точки зрения позитивное право в некоторых случаях может увеличивать юридические конфликтогенные настроения в обществе (усиление нигилистических правовых настроений и др.), порождать дополнительные конфликты. Многочисленные формы (референдум, публичные слушания, краудсорсинг (привлечение к решению проблем широкого круга лиц с использованием современных телекоммуникационных технологий), общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов и др.) коммуникативного право-сотворчества, предполагающие активное участие об-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271.

щества в правотворческом процессе, являются действенным инструментом выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития и в то же время способом минимизации конфликтов в социально-правовой жизни.

Т. В. Худойкина посвятила свое выступление теме «Юридическая конфликтология как научное направление». Она отметила, что выделение и формирование юридической конфликтологии как специального направления в науке является важным для подготовки нового поколения юристов, способных ориентироваться на компромиссное, оперативное разрешение конфликтов в правовой сфере. В целом сделаны значительные шаги в развитии юридической конфликтологии в нашей стране. Учеными разрабатывается понятийный аппарат, определяются причины, структура, функции, типы, динамика юридического конфликта, способы его предупреждения и разрешения. Но можно констатировать, что данное самостоятельное научное направление пока остается на стадии концептуального оформления, нет единого подхода к его определению.

В первой отечественной монографии, вышедшей под редакцией академика В. Н. Кудрявцева, юридическая конфликтология рассматривается в качестве раздела общей конфликтологии [6, с. 4]. Общая конфликтология в современный период, как показывает обзор зарубежных и отечественных научных источников, в большей степени формируется по трем основным направлениям: 1) общая конфликтология (разрабатывает концептуальные подходы к конфликтной проблематике); 2) отраслевая конфликтология (исследует конфликты, возникающие в различных сферах); 3) прикладная конфликтология (разрабатывает различные программы, технологии и др.). Конфликтологию называют, например, комплексной межотраслевой наукой [7, с. 16] либо говорят о ее междисциплинарности [8, с. 138] и др. Мы считаем, что правильнее относить юридическую конфликтологию не к разделу общей конфликтологии, а к системе правовых наук.

Пока остается нерешенным вопрос о характере и месте юридической конфликтологии в системе правовых дисциплин. Она не является чисто прикладным направлением, ибо вырабатывает общетеоретические исходные положения. Профессор Р. А. Ромашов предлагает ее рассматривать в единстве историко-теоретического, отраслевого и прикладного аспектов [7, с. 212]. Юридический конфликт исследуется в качестве сложной структуры, как в статике, так и в динамике, во взаимосвязи с другими социальными явлениями, с выявлением различных способов и средств, целесообразных для управления конфликтом, его разрешения, предупреждения и прогнозирования. Можно констатировать, что юридическая конфликтология обладает комплексным характером. Она по своей природе имеет также междисциплинарный характер, формируется на базе общеконфликтологических, правовых, психологических, социологических знаний. В итоге следует определить, что юридическую конфликтологию по своей форме необходимо рассматривать в качестве комплексного междисциплинарного научного направления.

Юридическую конфликтологию по своему содержанию правильнее определять как теоретико-прикладное научное направление, включающее в свою структуру минимум два уровня знаний. Первый уровень – это теоретические знания (сюда входят научные концепции, теоретические объяснения сущности и природы юридического конфликта, его специфических свойств и характеристик, функ-

ционального назначения, типологизации, структурного построения, динамики, закономерностей развития, взаимосвязи с другими явлениями и процессами и т.п.). Теоретические знания, полученные научными методами, должны способствовать серьезному развитию прикладного уровня. Второй уровень – прикладной (технологическо-практический), состоящий из двух подуровней: технологического и практического. Технологический уровень представляют технологии управления конфликтами, их урегулирования, разрешения, предупреждения и т.д. На практическом уровне осуществляется применение разработанных технологий в ходе реального воздействия на конфликтные ситуации.

Научное направление, претендующее на самостоятельность, имеет свой объект и собственный предмет. Если объект может изучаться многими науками, то предмет их всегда различен. Именно предмет определяет право на существование науки, ее самостоятельность.

Объект науки – это то, на что направлено исследование (изучение). В целом объектом юридической конфликтологии является юридический конфликт, но в разногласиях и противоборствах, могут переплетаться иные (неправовые) отношения, например, межнациональные, политические, корпоративные, религиозные и др. (смешанный характер). Также в конфликте наряду с правовыми структурными элементами могут быть и неправовые элементы (квазиюридический характер противоборства). Поэтому объектом юридической конфликтологии помимо собственно юридического конфликта могут быть его смешанные и переходные (юридизированные) формы.

Предмет науки (научного направления) представляет собой круг основных вопросов, которые она изучает, те свойства, стороны объекта, которые исследуются, познаются. Любая наука имеет дело прежде всего с закономерностями. Под предметом юридической конфликтологии как научного направления следует понимать закономерности возникновения, развития, завершения юридического конфликта, способы его конструктивного разрешения и предупреждения.

Итак, хотя и проводятся в российской юридической науке отдельные исследования по юридико-конфликтологической проблематике, тем не менее единого подхода к определению юридической конфликтологии в качестве самостоятельного научного направления не существует. Данная проблематика должна исследоваться как с общеконфликтологических, так и с правовых, психологических, социологических позиций. Юридическая конфликтология как научное направление, по нашему мнению, обладает комплексным и междисциплинарным характером, она является теоретико-прикладной научной дисциплиной, включающей два уровня знаний: теоретический и прикладной (технологическо-практический). Усилия современных ученых должны быть направлены как на осмысление объекта и предмета юридической конфликтологии, определение ее места в системе правовых наук, выявление сущности юридического конфликта, его содержательных признаков, роли в системе юридически значимых отношений, так и на разработку различных технологий управления конфликтами, их разрешения и предупреждения.

Г. Б. Романовский в своем выступлении обратился к проблемам, возникающим в результате широкого распространения репродуктивных технологий. Все они касаются весьма чувствительной сферы – сексуальности человека и воспроизводства.

В этой части медицинские инновации достигли такого уровня, когда участие человека в появлении на свет (в его естественном понимании) может минимизироваться. Процесс от зарождения до отделения плода от чрева матери подменяется специальными манипуляциями. Научный прогресс сопровождался появлением новой категории – репродуктивные права человека, активно продвигаемой на международном уровне. Этому способствуют такие документы, как Программа действий, принятая на Международной конференции по проблемам народонаселения и развития в Каире в 1994 г. В этом же русле – Платформа действий, принятая в Пекине в 1995 г. Именно от них отталкиваются многие национальные документы, легализуя репродуктивные технологии. Необходимо отметить, что в них указывается на репродуктивное здоровье как ценность, нуждающееся в особой защите. Репродуктивные права человека прямо не провозглашаются. С учетом того, что указанные документы приняты на международных конференциях, конвенциями не являются, их влияние на национальные правовые системы во многом переоценено. Каждое государство самостоятельно выбирает формы и методы защиты репродуктивного здоровья.

В Российской Федерации правовое регулирование репродуктивных технологий осуществляется ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Особо отметим, что данным Законом не предусматриваются репродуктивные права. Законодатель не пошел по пути закрепления отраслевых субъективных прав человека. В то же время в российской юридической науке высказывались мнения о появлении новой категории. Так, О. А. Хазова проводила даже определенную дифференциацию, выделяя различный круг правомочий [9, с. 16].

Авторское видение строится на недопущении спекуляций вокруг такого базового понятия, как «права человека», к которым репродуктивные права относить пока не оснований. Российская модель, при которой законодательство регулирует вспомогательные репродуктивные технологии (а не обеспечивает базовые права человека «четвертого» или «пятого» поколения, к которым пытаются отнести репродуктивные права), наиболее удачна. К тому же она соответствует общему вектору развития права в большинстве стран мира. Отметим дополнительно, что принятие специальных федеральных законов характерно для стран постсоветского мира (как, например, Закон Республики Армения от 26 декабря 2002 г. № ЗР-474 «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека»). При регулировании вспомогательных репродуктивных технологий основной акцент переносится на права и обязанности медицинских организаций и медицинских работников, а уже опосредованно тем самым обеспечиваются основные права человека (которые носят традиционный характер, имеют свое закрепление в Конституции России). Часть регуляторной нагрузки переносится на подзаконные акты, где основным выступает приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».

Анализ нормативного материала показывает, что даже при таком подходе возникает определенный потенциал для возникновения юридических конфликтов. Ярким примером может служить ситуация с суррогатным материнством. Сама репродуктивная программа изначально отмечалась как имеющая потенциальные риски из-

за наличия общих черт с торговлей людьми, уголовная ответственность за которую предусмотрена ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ. Апофеоз проблематики проявился в период карантинных ограничений, введенных в 2020 г. из-за распространения коронавирусной инфекции. Запрет на пересечение государственной границы выявил зарубежные «заказы» на суррогатное материнство, в которых лидерство принадлежало гражданам Китайской Народной Республики. Обратим внимание, что в российской научной литературе неоднократно предлагалось введение ограничений для иностранных граждан в вопросах доступа к репродуктивным технологиям. К тому же излишняя коммерциализация суррогатного материнства нивелировала первоначальный запрос на преодоление бесплодия (где первопричина носила личностный характер, а сама программа рассматривалась как альтруистическая помощь при поддержке медицинских работников). Масштаб оказания услуг показал, что основная задача медицинской организации заключалась в получении максимальной прибыли. Это нельзя отрицать для коммерческой деятельности. Более того, репродуктивные технологии стали существенным элементом современной биоэкономики [10, с. 321]. Но это не должно быть основным предназначением для осуществления медицинской деятельности, связанной с репродукцией.

Коллизии в законодательстве привели к уголовному преследованию значительного числа врачей из ООО «Европейский центр суррогатного материнства». В ноябре 2023 г. был оглашен обвинительный приговор, подсудимые получили максимальные сроки лишения свободы. В настоящее время рассматриваются апелляционные жалобы. Кроме того, благодаря медийному освещению всего происходящего произошло внесение изменений в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: были введены ограничения на участие в суррогатном материнстве для иностранных граждан, а также мужчины и женщины, не состоящих в браке. Кстати, подобные законодательные запреты характерны для подавляющего большинства стран.

Следует подчеркнуть, что при общем отстаивании традиционных ценностей (что получило также и конституционное закрепление в соответствии с реформой 2020 г.) законодательство, определяющее правовой режим вспомогательных репродуктивных технологий, отличается максимальным либерализмом. В 2008 г. приняты Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, в которых сформулировано общее отношение ко многим медицинским инновациям. В то же время следует согласиться с О. В. Романовской, что по многим актуальным вопросам необходимо вырабатывать оперативный отклик, который мог бы определяться постоянно действующим органом по вопросам биоэтики, созданным при Русской Православной Церкви [11, с. 16]. Эта практика соответствует традициям, принятым во многих странах мира.

Для минимизации конфликтного потенциала вспомогательных репродуктивных технологий в законодательство в сфере здравоохранения необходимо внести соответствующие дополнения и изменения, а именно определить правовой режим преимплантационной генодиагностики; ограничить временными рамками возможность посмертной инсеминации; исключить понятие договора о суррогатном материнстве (установив судебный порядок разрешения на проведение программы); закрепить ограничения на передачу эмбрионов.

Пристатейный библиографический список

1. Юридическая конфликтология: ее место в системе юридического образования, проблемы и перспективы преподавания // Электронный журнал «Мудрый Юрист» : сайт. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/26650-yuridicheskaya-konfliktologiya (дата обращения: 15.01.2024).

2. *Денисенко В. В., Трикоз Е. Н.* Делиберативность и алеаторные процедуры как легитимация соматических прав человека: опыт Республики Ирландия и Австралийского Союза // Государство и право. 2023. № 1.

3. *Логинов А. В.* Институт исправления реестровых ошибок в российском земельном праве // Актуальные проблемы российского частного права : материалы VI науч.-практ. конф. Саранск : ЮрЭксПрактик, 2021.

4. *Гусев А. О.* О некоторых особенностях судебных споров об исправлении реестровых ошибок // Арбитражные споры. 2020. № 1.

5. *Shah P.* Legal Pluralism in Conflict: Coping with Cultural Diversity in Law. London : Cavendish, Glasshouse, 2005.

6. Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М. : Центр конфликтологических исследований РАН, 1995.

7. *Ромашов Р. А.* Юридическая конфликтология : учебник. М. : КНОРУС, 2021.

8. *Алейников А. В., Стребков А. И.* Междисциплинарность как методологический базис анализа феномена конфликта и образовательной программы «Конфликтология» // Интеграция образования. 2017. Т. 21. № 1.

9. *Хазова О. А.* Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 4.

10. Экономическое право : учебник / под науч. ред. Н. С. Бондаря. М. : Проспект, 2021.

11. *Романовская О. В.* Светское государство и Русская Православная Церковь // Гражданин и право. 2013. № 5.

References

1. Legal Conflictology: Its Place in the System of Legal Education, Problems and Prospects for Teaching. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/26650-yuridicheskaya-konfliktologiya (date of the application: 15.01.2024). (In Russ.)

2. *Denisenko V. V., Trikoz E. N.* Deliberativeness and Aleatory Procedures as Legitimation of Somatic Human Rights: The Experience of the Republic of Ireland and the Commonwealth of Australia. *State and Law*, 2023, no. 1. (In Russ.)

3. *Loginov A. V.* Institute for Correcting Registry Errors in Russian Land Law. In Current Problems of Russian Private Law: Materials of the VI Scientific and Practical Conference. Saransk: IurEksPraktik, 2021. (In Russ.)

4. *Gusev A. O.* On Some Features of Litigation Regarding the Correction of Registry Errors. *Arbitration Disputes*, 2020, no. 1. (In Russ.)

5. *Shah P.* Legal Pluralism in Conflict: Coping with Cultural Diversity in Law. London: Cavendish; Glasshouse, 2005.

6. *Kudriavtsev V. N. (ed.)*. Legal Conflictology. Moscow: Center for Conflict Studies of the Russian Academy of Sciences, 1995. (In Russ.)
7. *Romashov R. A.* Legal Conflictology: Textbook. Moscow: KNORUS, 2021. (In Russ.)
8. *Aleinikov A. V., Strebkov A. I.* Interdisciplinarity as a Methodological Basis for Analyzing the Phenomenon of Conflict and the Educational Program "Conflictology". *Integration of Education*, 2017, vol. 21, no. 1. (In Russ.)
9. *Khazova O. A.* Reproductive Rights in Russia: The Limits of Legislative Regulation. *Constitutional Law: Eastern European Review*, 2000, no. 4. (In Russ.)
10. *Bondar N. S. (ed.)*. Economic Law: Textbook. Moscow: Prospekt, 2021. (In Russ.)
11. *Romanovskaia O. V.* The Secular State and the Russian Orthodox Church. *Citizen and Law*, 2013, no. 5. (In Russ.)

Сведения об авторах:
А. В. Аверин – доктор юридических наук, профессор.
В. В. Денисенко – доктор юридических наук.
А. В. Зырянов – доктор юридических наук.
А. В. Краснов – кандидат юридических наук.
А. В. Логинов – доктор политических наук.
Г. А. Прокопович – доктор юридических наук, профессор.
Г. Б. Романовский – доктор юридических наук, профессор.
В. Ю. Самородов – кандидат юридических наук.
А. В. Скоробогатов – доктор юридических наук.
В. В. Трофимов – доктор юридических наук, доцент.
Т. В. Худойкина – доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:
A. V. Averin – Doctor of Law, Professor.
V. V. Denisenko – Doctor of Law.
A. V. Zyryanov – Doctor of Law.
A. V. Krasnov – PhD in Law.
A. V. Loginov – Doctor of Political Sciences.
G. A. Prokopovich – Doctor of Law, Professor.
G. B. Romanovsky – Doctor of Law, Professor.
V. Yu. Samorodov – PhD in Law.
A. V. Skorobogatov – Doctor of Law.
V. V. Trofimov – Doctor of Law, Associate Professor.
T. V. Khudoikina – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 03.07.2024; принята к публикации 26.08.2024.
The article was submitted to the editorial office 03.06.2024; approved after reviewing 03.07.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Научная статья
УДК 321.01
https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-290-295

МЕНАХЕМ ЭЛОН «ЕВРЕЙСКОЕ ПРАВО» (ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО ПРАВА)

Алексей Павлович Альбов[1]

Иван Юрьевич Макарчук[2]

Владислав Юрьевич Панченко[3]

[1,3] Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

[1] Российская таможенная академия, 140015, Россия, г. Люберцы, Комсомольский пр-т, д. 4

[2,3] Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, д. 79

[1] aap62@yandex.ru

[2] faler2007@yandex.ru

[3] panchenkovlad@mail.ru

Аннотация

Данная статья является обзором книги Менахема Элона «Еврейское право» (СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 611 с.). Книга представляет собой исследование и анализ еврейского правового наследия. Издание посвящено истории и развитию еврейского права, его влиянию на современные юридические системы. Автор описывает основы еврейского права, рассматривает различные аспекты законодательства (семейное, наследственное, уголовное, гражданское право), анализирует взаимодействие еврейского права с другими правовыми системами и его влияние на европейские правовые системы. В современном контексте изучение еврейской правовой системы может быть полезным для юристов, особенно тех, кто занимается международным правом, правом меньшинств, а также правами человека.

Ключевые слова: еврейское право; история права; Галаха; Тора; источники права; мидраш.

Для цитирования: *Альбов А. П., Макарчук И. Ю., Панченко В. Ю.* Менахем Элон «Еврейское право» (обзор исследования по истории еврейского права) // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 290–295. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-290-295

Research Article

MENACHEM ELON "JEWISH LAW" (REVIEW OF RESEARCH ON THE HISTORY OF JEWISH LAW)

Alexey P. Albov[1]

Ivan Yu. Makarchuk[2]

Vladislav Yu. Panchenko[3]

[1,3] All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

[2] Russian Customs Academy, 4 Komsomolskii Ave., Lyubertsy, 140015, Russia

[2,3] Siberian Federal University, 79 Svobodnyi Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia

[1] aap62@yandex.ru

[2] faler2007@yandex.ru

[3] panchenkovlad@mail.ru

Abstract

The article is a review of the book by Menachem Elon "Jewish Law" (St. Petersburg: Law Center Press, 2002. 611 p). The book is devoted to the study and analysis of the Jewish legal heritage. The publication is devoted to the history and development of Jewish law, its influence on modern legal systems. The author describes the basics of Jewish law, examines various aspects of legislation (family, inheritance, criminal, civil law), analyzes the interaction of Jewish law with other legal systems and its impact on European legal systems. In the modern context, the study of the Jewish legal system can be useful for lawyers, especially those who deal with international law, minority law, as well as human rights.

Keywords: Jewish law; history of law; Halakha; Torah; sources of law; Midrash.

For citation: *Albov A. P., Makarchuk I. Yu., Panchenko V. Yu.* Menachem Elon "Jewish Law" (Review of Research on the History of Jewish Law). *Herald of the Russian Law Academy,* 2024, no. 3, pp. 290–295. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-290-295

Введение

Изучение истории развития еврейского права остается актуальным, поскольку открывает множество возможностей для соответствующего правового анализа. Еврейское право имеет древнюю и богатую историю, в темпоральном плане охватывающую более 3000 лет. Оно включает законы, правила и нормы, регулирующие различные аспекты жизни еврейского народа, включая религиозные обряды, семейные отношения, коммерческие договоры и уголовную ответственность. Изучение развития еврейского права позволяет получить углубленное понимание исторического и культурного контекста, в котором эти законы были разработаны, что помогает оценить влияние еврейского права на другие системы права и его роль в формировании юридической мысли. Кроме того, изучение еврейского права имеет практическую значимость. В настоящее время существует множество вопросов, связанных с религиозной и национальной идентичностью, равноправием и правами меньшинств, которые можно проанализировать через призму еврейского права. Отечественные современные теоретики права в своих научных работах уделяют значимое внимание истории становления и системы еврейского права [1, с. 200–201; 2, с. 51–54; 3, с. 15–19; 4, с. 538–544; 5, с. 314–342].

Книга «Еврейское право», написанная одним из ведущих знатоков еврейского права Менахемом Элоном, впервые вышла в свет в Израиле в двух томах в 1989 и 1998 гг. В России обе части были изданы в 2002 г. Книга представляет собой исследование истории, развития и влияния еврейского права на современные юридические системы. Автор начинает повествование с описания основ еврейского права, затем переходит к рассмотрению различных аспектов закона, включая семейное, наследственное, уголовное и гражданское право, а также моральные и религиозные нормы. Автор анализирует эти темы, сравнивая еврейское право с современным законодательством, обсуждая его актуальность и роль в современном обществе.

Обсуждение

Менахем Элон придерживался научного подхода в своем исследовании, предоставляя читателям обширные исследовательские материалы и аргументацию. Книга «Еврейское право» представляет собой уникальное исследование, посвященное юридическим аспектам еврейской культуры и традиций. Автор сумел объединить глубокие знания в области права с богатым историческим материалом, предоставляя читателям всестороннее представление о еврейской правовой системе.

Одним из наиболее примечательных аспектов книги является ее междисциплинарный подход. Автор охватывает широкий спектр областей: от древних религиозных законов (Тора, Мишна, Талмуд) до современного гражданского права, анализирует историю и развитие еврейских правовых институтов в различных странах и временных периодах.

Одна из сильных сторон книги – непредвзятый подход к изучению еврейского права. Автор фиксирует, что основой правовой системы служат религиозные и культурные традиции, однако наряду с этим он демонстрирует, как они адаптировались и изменились под влиянием социальных, политических и экономических факторов. Проведя значимую работу по сбору и анализу большого количества информации, автор изложил материал подробно, логичным и доступным языком для широкой аудитории.

Несомненным достоинством издания является анализ взаимодействия еврейского права с другими правовыми системами, особенно с римским правом. Автор показывает, как еврейское право адаптировалось к новым условиям и как оно влияло на развитие европейских юридических систем.

Еврейское право можно рассматривать как нормативную часть Устного Учения (Талмуда), которое включает в себя также Агаду – древние сказания и легенды, нравоучительные истории, притчи, мудрые изречения. Более того, понятие «еврейское право» включает в себя основные законодательные положения, определяющие отношения между индивидами и государством. Важную его часть составляет гражданское право, трудовое законодательство, семейные отношения, договоры дарения, договоры поручения, договоры купли-продажи, возмещение ущерба и др. В современном еврейском праве также есть все разделы уголовного права (имущественные преступления, преступления против личности, преступления против нравственности, государственные преступления и др.). Автор отмечает, что еврейский закон стоит на страже демократии, четко определяет отношения властей и граждан, налоговую политику, весь комплекс вопросов, связанных с обучением и воспитанием молодежи [6, с. 32].

Книга состоит из двух частей и 22 глав. Первая часть книги посвящена истории еврейского права (до конца XVIII в. и от конца XVIII в.), сущности и определению еврейского права, правилам Устного Учения, а также фундаментальным нормам и источникам еврейского права. Автор начинает с рассмотрения древнееврейского права, описывая его основные источники – Тору и Талмуд. Обсуждается также развитие еврейского права в различные периоды истории, анализируется, как право менялось и приспосабливалось к изменяющимся условиям исторических событий, таких как Вавилонское и Римское владычество.

Автор выделает два основных этапа развития еврейского права. Истоки первого этапа – в Письменном Учении, а завершается данный этап с окончанием составления Талмуда. Второй этап начинается с завершения Талмуда до наших дней [6, с. 76].

Исследуя сущность еврейского права, автор обращается к значению фундаментальных терминов, таких как «Галаха», «Агада», «мишпат», «дин», «иври» и др. Так, термин «Галаха» в самом широком и наиболее распространенном смысле – это нормативная часть Устного Учения, т.е. Талмуда [6, с. 142]. Автор исследует зависимость «религиозных» указаний от указаний «светских» (юридических), взаимодействие между различными частями Галахи.

Термин «Устное Учение» включает в себя всю еврейскую Галаху, которая не растолкована в Письменном Учении. Таким образом, в понятие «Устное Учение» включаются все постановления и законы, вытекающие из правовых галахических источников [6, с. 198]. Автор отмечает, что в еврейской правовой системе три вида источников права – официальные, исторические и юридические [6, с. 228].

Вторая часть книги «Еврейское право» посвящена современному еврейскому праву. Автор рассматривает его с различных точек зрения – религиозной, гражданской и конституционной. Менахем Элон анализирует взаимодействие между еврейским правом и государственным законодательством, а также последствия этого взаимодействия для современного израильского общества. Автор рассматривает первый

юридический источник, которым является мидраш или, как он стал называться позднее, паршанут. Автор фиксирует, что существуют два вида мидраша. Первый разъясняет сказанное в Торе и посредством ее толкования создает новые законы. Второй вид мидраша не создает новую галаху, а подкрепляет уже существующую, связывая ее со стихом Торы [6, с. 271]. Но не всегда при помощи только толкования возможно восполнить недостающее и исправить то, что нуждается в исправлении. Ведь возможности мидраша ограничены рамками и содержанием толкуемой темы, независимо от того, является ли источник толкования стихом Торы или законом Галахи. Большинство этих проблем были решены при помощи второго юридического источника – постановлений и указов, посредством направленной правотворческой деятельности мудрецов Галахи и других авторитетных инстанций [6, с. 349].

Основываясь на исследованиях и анализе источников, автор обсуждает различные отрасли права, включая семейное право, наследственное право, уголовное право и коммерческое право. Особый интерес вызывает исследование тенденции законодательной деятельности, касающейся области еврейского права, которая развивалась отлично от остальных областей, – семейного права и законов наследования. С одной стороны, в том, что касалось финансовых взаимоотношений между членами семьи и финансовых аспектов законов о наследовании, право издавать законы активно использовать, даже в случаях, когда постановление прямо противоречили существовавшим ранее законам. С другой стороны, постановления, которые давали возможность аннулировать браки, постепенно стали исчезать [6, с. 546]. В данном разделе книги автор подробно анализирует эти два типа законодательной деятельности и внимательно изучает некоторые аспекты этой деятельности.

Заключение

Издание «Еврейское право» Менахема Элона – это глубокий и всесторонний обзор истории и развития еврейского права, а также его влияния на современные юридические системы. Книга написана доступным языком, что делает ее интересной для широкого круга читателей. В целом книга представляет собой ценный источник для тех, кто интересуется историей, культурой и правом еврейского народа. Знание еврейского права и его истории помогает понять специфические юридические принципы и традиции, которые влияют на права и обязанности еврейского народа, а также на их взаимодействие с другими народами и правовыми системами.

Книга будет интересна преподавателям и студентам, специалистам в области теории и истории государства и права, сравнительного правоведения, а также всем интересующимся проблемами права и религии.

Пристатейный библиографический список

1. *Аванесян Г. А., Мирошниченко И. А., Шаногин К. Д.* Влияние национальной еврейской религии на конституционное право Израиля // Colloquium-Journal. 2020. № 2-13 (54).

2. *Короткова П. Е.* К вопросу об источниках права и судебной защите в древнееврейском государстве // Адвокатская практика. 2016. № 5.

3. *Лукин А. Д.* Правовой обычай как источник права (на примере еврейского и израильского права) // Альманах молодого исследователя. 2021. № 11.

4. *Соловьева В. В.* Еврейская правовая система и ее основные признаки // Цифровые трансформации в развитии экономики и общества : материалы XV Международ. науч.-практич. конф., Липецк, 21 апреля 2021 года. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021.

5. *Тариканов Д. В.* Квалификация в европейских правопорядках исключительной компетенции суда раввинов по бракоразводным делам по еврейскому праву // Правоведение. 2023. Т. 67. № 3. С. 314–342.

6. *Элон М.* Еврейское право / под общ. ред. И. Ю. Козлихина ; науч. ред. И. Менделевич, М. Левинов. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.

References

1. *Avanesian G. A., Miroshnichenko I. A., Shanogin K. D.* The Influence of the National Jewish Religion on the Constitutional Law of Israel. *Colloquium-Journal*, 2020, no. 2-13 (54). (In Russ.)

2. *Korotkova P. E.* On Sources of Law and Judicial Protection in the Ancient Jewish State. *Law Practice*, 2016, no. 5. (In Russ.)

3. *Lukin A. D.* Legal Custom as a Source of Law (on the Example of Jewish and Israeli Law). *Almanac of a Young Researcher*, 2021, no. 11. (In Russ.)

4. *Solovieva V. V.* The Jewish Legal System and Its Main Features. In Digital Transformations in the Development of Economy and Society: Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference, Lipetsk, 21 April 2021. Voronezh, 2021. (In Russ.)

5. *Tarikanov D. V.* Qualification in the European Legal Order of the Exclusive Competence of the Court of Rabbis in Divorce Cases Under Jewish Law. *Jurisprudence*, 2023, vol. 67, no. 3. (In Russ.)

6. *Jelon M.; Kozlikhin I. Iu., Mendelevich I., Levinov M. (eds.).* Jewish Law. St. Petersburg, 2002. (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. П. Альбов – доктор юридических наук, профессор.

И. Ю. Макарчук – кандидат юридических наук, доцент.

В. Ю. Панченко – доктор юридических наук.

Information about authors:

A. P. Albov – Doctor of Law, Professor.

I. Yu. Makarchuk – PhD in Law, Associate Professor.

V. Yu. Panchenko – Doctor of Law.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 05.08.2024; принята к публикации 23.09.2024.

The article was submitted to the editorial office 28.06.2024; approved after reviewing 05.08.2024; accepted for publication 23.09.2024.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

– актуальность,

– цель работы,

– методологию проведенного исследования,

– основное содержание и новизну статьи,

– самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случаи получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статьи снимаются с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 3 / 2024

Выпускающий редактор: *Е.В. Кирсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 09.12.2024. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Печ. л. 18,63.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.

Адрес редакции:
117638, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISSN 2072-9936
9 772072 993603